Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

№ 10

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2015

Учредитель БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
В.П. Иванов, доктор исторических наук,
Ю.Н. Исаев, кандидат филологических наук (главный редактор),
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
А.В. Кузнецов, кандидат филологических наук,
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, кандидат филологических наук,
А.К. Салмин, доктор исторических наук,
А.А. Трофимов, доктор искусствоведения, профессор (художественный редактор)

Ответственный редактор
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник
Чебоксары, 2015. № 10

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2015
© Редколлегия журнала «Чувашский гуманитарный вестник» (составитель), 2015

О МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В НЕОЛИТЕ – ЭНЕОЛИТЕ ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. (на примере токского керамического комплекса стоянки Мукшумская V Чувашского Заволжья)

ЧГВ, 2015 г., № 10
© Н.С. Березина

В статье впервые описывается комплекс керамики токского типа, обнаруженный на стоянке Мукшумская V в Чувашском Заволжье, что отражает миграционные процессы, происходившие в Поволжье в последней трети IV тысячелетия до н.э. Данный тип керамики характерен в основном для бассейнов р. Сок Самарской области и р. Ток Оренбургской области.

Ключевые слова: энеолит, Чувашское Поволжье, токский тип керамики, миграционные процессы.

Вопрос миграций – один из ключевых в истории, социологии и других гуманитарных науках. Археологи имеют дело с материальными свидетельствами этих процессов. Однако о миграционных процессах исторического (письменного) и современного периодов мы имеем множество фактов и наблюдений. Но можем ли их переносить на древние (первобытные) сообщества, когда население было столь малочисленным и об их мировоззрении (религии, мифологии, философии, табуированности тех или иных поведенческих стратегий) можно лишь догадываться? Теоретическое осмысление накопленных археологических знаний привело археологов к дискуссии о соотношении миграционных и автохтонных процессов, механизмах распространения идей и технологий и т.д. Анализу и классификации миграционных процессов в первобытности посвящены работы зарубежных и отечественных археологов (А.Я. Брюсов, Л.С. Клейн, Н.Я. Мерперт и др.).

Данная статья посвящена одному яркому историческому эпизоду, зафиксированному археологическими методами. На многослойном поселении стоянка Мукшумская V, расположенном в Чувашском Заволжье, обнаружен

Наталия Степановна Березина – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: terra3@inbox.ru.

керамический комплекс (материалы одного памятника, объединенные сходством технологических, морфологических, технических и орнаментальных признаков), имеющий сходство с керамикой токского типа, распространенной в Оренбургской и Самарской областях. Нашей задачей было выявить степень сходства и сделать попытку исторической оценки этого явления.

В конце 1990-х гг. на левобережье Чебоксарского водохранилища было открыто около 30 стоянок Мукшумского археологического комплекса. Большая их часть разрушалась водохранилищем, размыты культурные слои, что позволило нам собрать представительные археологические коллекции с этих памятников.

Стоянка Мукшумская V – памятник, открытый нами в полностью затопленном состоянии, и все находки были собраны из-под воды (рис. 1). Коллекция содержит фрагменты керамики разных археологических комплексов. Сохранность их имеет определенные особенности. Так, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики льяловской культуры – преимущественно небольших размеров и окатанные. Керамика токского типа представлена крупными фрагментами стенок, часто подклеивающимися, в одном случае собран целый развал сосуда. Во время сбора подъемного материала мы отметили, что он концентрировался округлыми скоплениями, возможно, повторяющими контуры жилищ, а развалы уходили в песок, так что нам приходилось погружать пальцы в песок на глубину 10–15 см, чтобы извлекать таким образом находки. В результате было собрано более 1000 фрагментов керамики, которые мы смогли выделить в единый керамический комплекс энеолита токского типа, объединенный следующими признаками: примесь раковины в исходном пластическом сырье, наличие у большинства сосудов расчесов на поверхностях, характерный орнамент из разреженных горизонтальных рядов оттисков небольшого зубчатого штампа. Чаще орнаментировались верхняя и нижняя части сосуда, хотя встречаются сосуды с украшенными стенками, но в этом случае венчик и дно выделялись более плотным узором. Сочетание этих признаков легко позволило нам отделить данный керамический комплекс от неолитической керамики.

Состав исходного пластического сырья этой керамики состоял из глины, иногда плохо промешенной, комковатой, часто с включениями мелких (1–3 мм) красных оолитов и органических примесей, которые визуально можно определить как толченую раковину. Следует отметить, что примесь раковины присутствует в разной степени интенсивности. Сохранность керамики такова, что раковина в теле черепка растворилась и на сломе видны многочисленные щелевидные полости, а на внутренней и внешней поверхностях – плоские, остроугольные выщербинки. Толщина стенок сосудов от 5 до 12 мм (в основном 7–8 мм). Внутренняя поверхность, а иногда и внешняя имеют следы расчесов от заглаживания штампом, иногда щепкой или каким-то другим предметом.

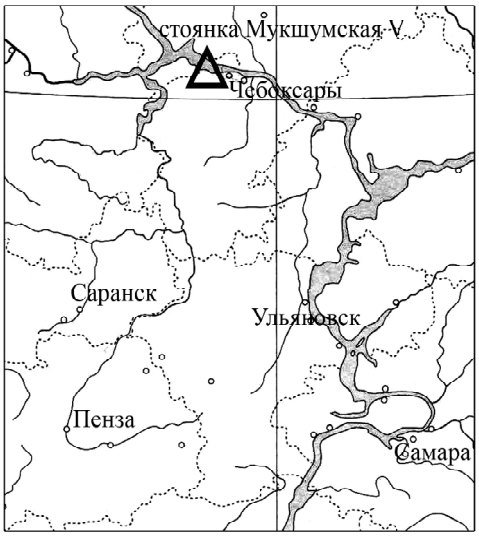


Рис. 1. **Карта расположения стоянки Мукшумская V**

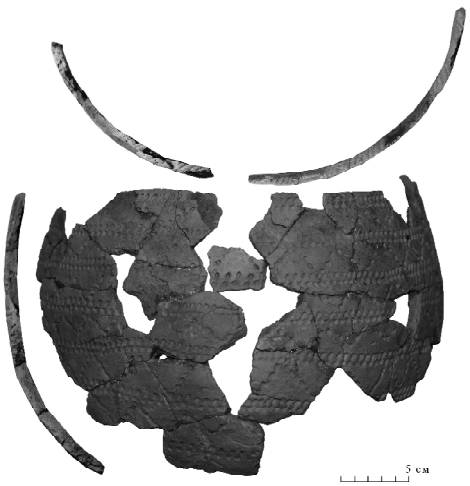


Рис. 2. **Стоянка Мукшумская V Развал керамического сосуда**

Выделяется несколько типов штампа, которыми наносился узор. Первый – зубчатый, преимущественно короткий, часто двузубый. Вероятно, использовались штампы из костей птицы. Второй – гладкий, им наносились так называемые ногтевидные насечки. Распространен прием нанесения вдавлений углом зубчатого штампа, образующий ямки различной формы (округлой, треугольной и др.). Также встречаются оттиски штампов небольшого размера, нанесенные неопределенными орнаментирами, возможно зубами или костями животных, так как их форма устойчива и похожие повторяются на разных сосудах.

Орнаментальные композиции достаточно просты – горизонтальные зоны из вертикально или наклонно плотно поставленного штампа, чередующиеся с широкими неорнаментированными горизонтальными полями, редко заполненными горизонтальным зигзагом или наклонными линиями из оттисков того же или другого штампа. Имеется множество фрагментов стенок сосудов, иногда достаточно крупных, без орнамента, но по всем признакам принадлежащих к этому керамическому комплексу. Верхняя часть сосудов часто выделяется более плотно расположенными горизонтальными рядами (от 2 до 5) оттисков штампа. На верхний срез венчиков сосудов часто наносился орнамент вдавлениями различной формы, что делает верхний край сосуда волнистым. «Воротничков» на сосудах не отмечено. Как правило, орнамент на одном сосуде наносился одним штампом, иногда изменялся угол наклона, что меняло сам оттиск. Мы отметили, что расчесы, оставленные при заглаживании поверхности сосудов, вероятно, делались другим штампом (многозубым) или предметом.

По венчикам и крупным фрагментам стенок мы установили, что на стоянке представлено примерно 30 сосудов. По имеющемуся развалу и большим фрагментам стенок, венчиков и донцев форма сосудов реконструируется достаточно хорошо. В основном это крупные сосуды с прямым венчиком, прямым, прикрытым или слегка открытым горлом и округлым донцем. Плоских или уплощенных форм донцев не обнаружено.

Целый сосуд (рис. 2) имеет прикрытую форму с прямым венчиком, с округлыми боками и дном, диаметр по венчику около 30 см, по наиболее широкой части сосуда в центре – 37 см, высота 22 см. Орнаментирован по всей поверхности композицией из ритмично чередующихся горизонтальных зон из одного ряда плотно и косо поставленного штампа, разделенного горизонтальным зигзагом. Орнамент нанесен одним двузубым асимметричным штампом, вероятно эпифизом метакарпальной кости крыла водоплавающей птицы, так называемой «пряжковой» костью. Этот костяной штамп является самым распространенным в данном комплексе. Срез венчика прямой, с уклоном внутрь, украшен оттисками гладкого штампа. На внутренней поверхности сосуда имеются следы от заглаживания каким-то предметом (щепкой?). Толщина стенок от 6,5 до 8 мм.

По имеющимся фрагментам верхней части реконструируется второй сосуд (рис. 3:*1*) с прямым венчиком с уплощенным срезом, диаметром по срезу около 40 см. Толщина стенок 10,5–11 мм. Внешняя и внутренняя поверхности со следами расчесов пятизубым штампом. Верхняя часть сосуда выделена орнаментом из 5 горизонтальных рядов наклонно и плотно поставленного небольшого двузубого штампа. Ниже располагается широкое поле, заполненное крупным горизонтальным зигзагом и наклонными отрезками. Форма сосуда, вероятно, открытая, дно округлое.

Третий сосуд (рис. 3:*2,4*) напоминает второй. Венчик прямой, с уплощенным срезом, орнаментированным овальными вдавлениями. Верхняя часть сосуда украшена шестью горизонтальными рядами наклонно и плотно поставленного небольшого штампа, ниже – широкое неорнаментированное поле. В средней и нижней частях сосуда имеются горизонтальные пояса из 5 и 4 таких же рядов штампа. Снизу и сверху этих рядов широкие неорнаментированные поля. Внутренняя и внешняя поверхности с расчесами многозубым штампом. Диаметр по венчику 32 см, в средней части более широкий – до 36 см. Толщина стенок 8,5–12 мм. Дно округлое.

Четвертый сосуд (рис. 3:*5*) имел прикрытую форму с прямым венчиком, по округлому срезу которого нанесены вдавления. Несложный орнамент, покрывающий всю поверхность, состоит из одного горизонтального ряда наклонно и плотно поставленного небольшого штампа, который чередуется с неорнаментированным полем. Внутренняя и внешняя поверхности заглажены, вероятно щепкой. Диаметр по срезу венчика около 32 см, в центральной части диаметр больше, до 38 см. Высота сосуда более 30 см. Дно округлое. Толщина стенок 8–11,5 мм.

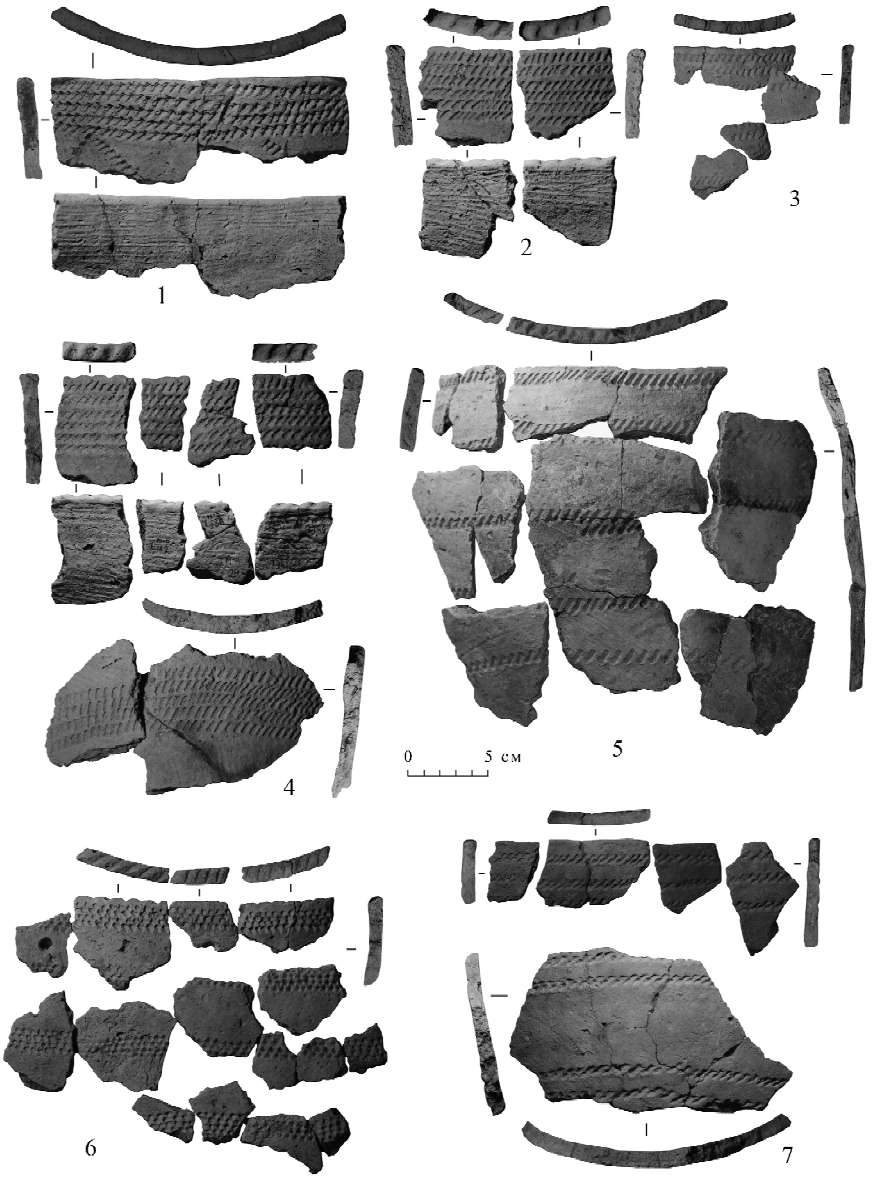


Рис. 3. **Стоянка Мукшумская V**
Фрагменты керамических сосудов

Пятый реконструируемый сосуд (рис. 3:*б*) имеет слегка прикрытую форму. Венчик прямой, округлый срез украшен прямыми, косо поставленными вдавлениями. Орнамент, как и на предыдущих сосудах, простой, покрывает весь сосуд и состоит из ритмично чередующихся горизонтальных зон из 4 рядов плотных оттисков вдавлений треугольной формы и неорнаментированных полос. Поверхности заглажены ровным предметом. Этот сосуд

имеет просверленные отверстия, вероятно, служившие для ремонта. Диаметр по венчику около 36 см, в средней части более широкий. Толщина стенок 7–10,5 мм. Дно округлое.

Шестой сосуд небольшого размера (рис. 3:*3*), имеет слегка прикрытую форму. Венчик прямой, плоский срез украшен прямыми ногтевидными насечками. Орнамент традиционный для этого комплекса, простой, состоит из чередования горизонтальных полос нескольких рядов штампа и неорнаментированных зон. Диаметр по венчику 20 см. Толщина стенок 5–6,5 мм. Интересно, что штамп, использовавшийся здесь, меньшего размера, но по форме и отдельным деталям повторяет штамп второго и третьего сосудов. Это подтверждает наше предположение о естественном происхождении орнаментиров.

Седьмой сосуд, который можно восстановить, имеет слегка прикрытую форму (рис. 3:*7*). Венчик прямой, с плоским неорнаментированным срезом, скошенным внутрь. Орнамент состоит из горизонтальных зон и оттисков двузубого штампа, похожего на 2, 3 и 4-й сосуды, но имеющий свои особенности. Верхняя часть украшена тремя горизонтальными рядами оттисков косо поставленного штампа, между которыми небольшие неорнаментированные зоны. Ниже расположена широкая неорнаментированная полоса. Имеющийся крупный фрагмент нижней части сосуда украшен сдвоенными рядами оттисков штампа, чередующихся с широкими неорнаментированными зонами. Диаметр по венчику около 36 см, по широкой нижней части сосуда более 40 см. Толщина стенок 8–9,5 мм.

Отметим восьмой сосуд, украшенный оттисками короткого четырехзубого штампа (рис. 4:*1*). Орнамент традиционный для этого комплекса и состоит из горизонтальных рядов плотно и косо поставленного штампа, но имеющееся широкое поле между ними заполнено небольшими, редко поставленными ромбами. Вероятно, к данному же сосуду относится фрагмент прямого венчика от слегка прикрытого сосуда, с прямым срезом, скошенным внутрь, орнаментированным косо поставленным этим же штампом. Верхняя часть сосуда украшена горизонтальными рядами оттисков штампа, разделенными небольшим неорнаментированным полем. Внешняя и внутренняя поверхности несут неровные следы заглаживания щепкой (?). Толщина стенок 8–9,5 мм.

Девятый сосуд имеет слегка прикрытую форму, прямой венчик с округлым неорнаментированным срезом (рис. 4:*7*). Орнамент состоит также из чередования горизонтальных неорнаментированных зон с оттисками штампа. В данном случае штамп поставлен под углом, образуя закругленные вдавления, похожие на ногтевидные насечки. Верхняя часть украшена двумя рядами плотно нанесенных вдавлений, ниже – неорнаментированная зона. Имеются 6 фрагментов округлого донца, украшенного как минимум семью ритмичными горизонтальными рядами вдавлений. Поверхности несут следы заглаживания неровным предметом (щепкой?). Диаметр сосуда по венчику около 34 см, в средней части больше. Толщина стенок в верхней части 9,5–10 мм, в донной части – до 13 мм.

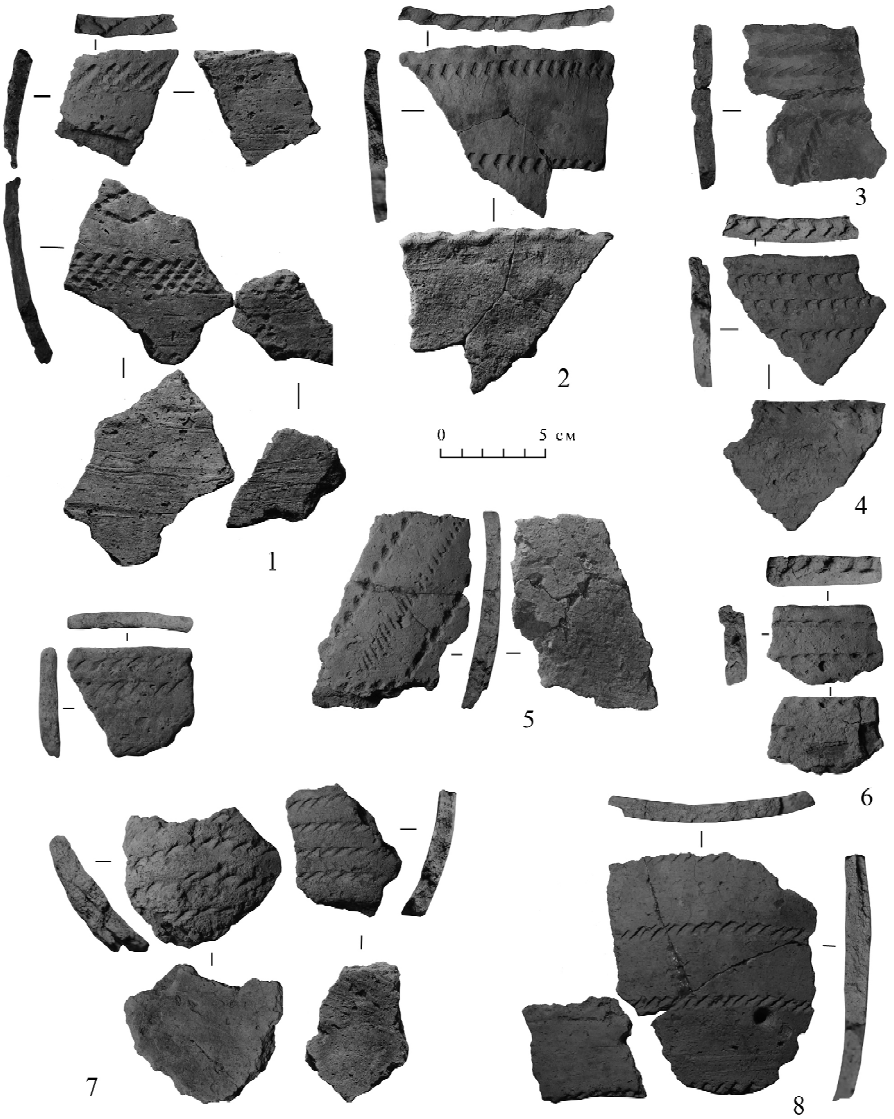


Рис. 4. **Стоянка Мукшумская V**
Фрагменты керамических сосудов

Имеется фрагмент стенки десятого сосуда с орнаментом, выполненным вдавлениями, похожими на предыдущий сосуд, но с некоторыми отличиями. Орнаментальный мотив здесь усложняется пятью горизонтальными рядами плотно поставленных вдавлений, отделенных широким полем, орнаментированным редкими сдвоенными наклонными линиями из оттисков этих вдавлений. Внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены. Толщина стенки 7,5–9 мм.

Еще один, одиннадцатый сосуд (рис. 4:*8*), украшенный вдавлениями, похожими на ногтевидные, представлен крупным фрагментом стенки нижней части. Орнамент состоит из горизонтального одного ряда косо и плотно поставленных оттисков вдавлений, разделенных широкими неорнаментированными полосами. На этом фрагменте имеются два отверстия, просверленные по обожженному сосуду. Поверхности несут следы заглаживания (щепкой). Толщина стенки 8,5–10 мм.

Двенадцатый сосуд представлен фрагментами венчика (рис. 4:*2*). Сосуд открытой формы, с прямым венчиком, по плоскому срезу которого нанесены овальные вдавления, придающие волнистый край и небольшую Т-образность профилю венчика. Толщина стенок 6–8,5 мм, но, несмотря на тонкостенность, диаметр по венчику 44 см, видимо, в средней части меньше. Особенность этого сосуда – отсутствие видимой примеси раковины в исходном пластическом сырье. Однако особенности штампа, характерного для данного комплекса (вероятно, зуб животного), и орнаментальный мотив из широких горизонтальных неорнаментированных полос, разделенных одним рядом плотно и косо поставленного штампа, а также видимые следы расчесов на внутренней и внешней поверхностях, безусловно, объединяют этот сосуд с описанными выше.

Интересен венчик сосуда, вероятно, слегка прикрытой формы (рис. 5: *4*). Срез венчика сильно скошен внутрь и украшен оттисками штампа, что формирует заостренный верхний край. Диаметр по срезу венчика около 42 см. Толщина стенки 7,5–8,5 мм. Верхняя часть сосуда выделена и украшена тремя рядами косо и плотно поставленного штампа, ниже – неорнаментированное поле. Штамп, по всей вероятности, использовался такой же, как и на сосудах 2, 3, 4 и 7 (зуб животного?), но поставлен под большим углом, что сформировало треугольной формы вдавления. Внешняя поверхность хорошо заглажена, на внутренней заметны следы расчесов каким-то предметом.

Венчик еще одного сосуда прямой формы, плоский срез его по внутреннему краю украшен овальными вдавлениями (рис. 4: *6*). Орнамент состоит из горизонтальных линий плотно поставленных овальных вдавлений. Один из рядов нанесен под край венчика, так что сформировался Г-образный профиль венчика.

Отметим один фрагмент стенки сосуда, на котором – редкий случай – сочетаются два типа оттисков (рис. 4: *5*). Фрагмент орнаментальной композиции представляет широкую горизонтальную полосу, отделенную снизу и сверху рядами вдавлений, сделанных углом штампа, заполненную наклонными отрезками, сделанными поочередно таким же углом штампа и поставленными также под углом узкого мелкозубого штампа. Внешняя и внутренняя поверхности несут следы заглаживания многозубым штампом.

Остальные сосуды представлены небольшими фрагментами венчиков и стенок сосудов, орнаментальные композиции и типы штампов на которых в общем повторяют описанные выше (рис. 4, 5).

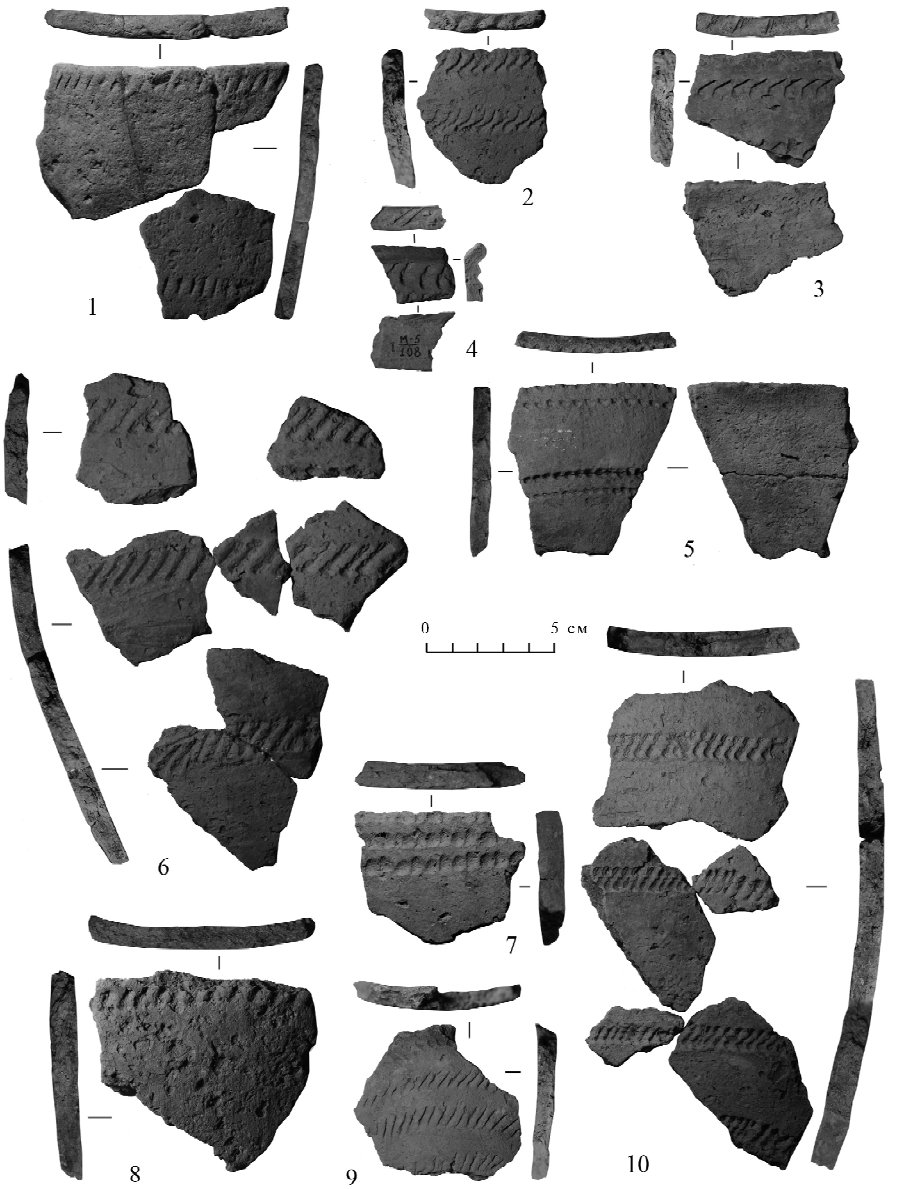


Рис. 5. **Стоянка Мукшумская V**
Фрагменты керамических сосудов

Таким образом, можем отметить гомогенность этого керамического комплекса. Ближайшие аналогии мы находим в позднеэнеолитических материалах самарской археологической культуры. Характеризуя II группу керамики Ивановской стоянки на р. Ток Оренбургской области так называемого «токского типа», Н.Л. Моргунова указывает на сосуды баночной формы, с прямым или профилированным венчиком, с плоским или заострен-

ным Г-образным краем, «воротнички» отсутствуют. Сосуды значительных размеров, диаметр по венчику – от 25 до 50 см. В глине обильная примесь толченой раковины, стенки сосудов тонкие, слоятся. Композиции разрежены, довольно просты. Как правило, состоят из рядов наклонных или вертикальных отрезков штампа, горизонтальных линий, зигзагов, в одном случае – шагающей гребенки. Край венчика, а иногда и его внутренняя поверхность орнаментировались. Токская группа керамики, по ее мнению, является одновременной «воротничковой» ивановского типа и продолжает линию развития керамики Съезжинского могильника[1]. Изучая особенности этой керамики, ее исследователи отмечают, что гончарные традиции изготовления керамики токского типа развиваются в рамках технологий, присущих уральскому региону[2]. Описанный нами первый развал по форме и орнаментальной композиции напоминает сосуд с Ивановской стоянки, украшенный по всей поверхности рядами ямок, чередующихся горизонтальным зигзагом[3].

Близкие аналогии имеются в энеолитических материалах III группы керамики стоянки Чекалино IV бассейна р. Сок Самарской области. Это прямостенные, баночной или котловидной формы сосуды с примесью крупнотолченой раковины, хорошо визуально определимой. Внешняя сторона, как правило, заглажена, на внутренней видны следы расчесов. Сосуды слегка профилированные и прямостенные, венчики прямые, есть утолщенные, орнамент преимущественно гребенчатый, реже ямочный, есть оттиски аммонита или веревочки в виде зигзага, рядов наклонных или прямо поставленных оттисков[4]. Некоторые сосуды со стоянки Чекалино IV[5] очень близки по типу штампа и орнаментальной композиции к сосудам со стоянки Мукшумская V. Сходство в общих характеристиках и отдельных элементах отмечается с посудой с других стоянок позднего энеолита токского типа Волго-Уралья, таких как Турганикская, Елшанская, Виловатовская и др. Так, наблюдается схожесть с материалами стоянки Чесноковка на р. Сок, где выделяются несколько керамических комплексов позднего энеолита, в том числе третья группа с прямым горлом и округло-уплощенными днищами, с обильной раковинной примесью, с округлыми и уплощенными венчиками и разреженным зональным орнаментом. Отмечая схожесть с материалами самарской энеолитической культуры, этот тип сравнивают с волосовскими материалами[6].

К сожалению, все токские материалы получены с многослойных памятников, и чистых комплексов пока нет. Исследователи этих памятников отмечают синкретический характер комплекса токского типа[7]. В гончарстве самарской археологической культуры, в том числе токского населения, прослежена неоднородность и смешанность культурных традиций[8]. Но следует отметить, что штампы и орнаментальные композиции в токских комплексах более разнообразны, когда как на стоянке Мукшумская V мы отмечаем однотипность орнаментиров, приемов и композиций. Возможно, это указывает лишь на периферийный характер данного памятника по отношению к основной территории распространения этого культурного типа. Оп-

ределенное сходство наблюдается и в материалах широкого круга гаринско-борско-волосовских памятников, а также в материалах Марийского Поволжья, это территориально близкие памятники.

Таким образом, мы предполагаем, что керамический комплекс токского типа стоянки Мукшумская V отражает развитие одной линии (или группы населения) южного направления, вероятнее всего бассейна р. Сок в северной части Среднего Поволжья. Даты, имеющиеся по токским комплексам Ивановской стоянки и Чекалино IV, указывают на последнюю треть IV тысячелетия до н.э.[9] Вероятно, мукшумские материалы можно также датировать этим временем.

Исторические процессы первобытной эпохи доходят до нас в виде обрывочных следов материальной культуры. Вопросы возникновения, развития и исчезновения археологических культур напрямую связаны с миграциями (инфильтрациями) человеческих коллективов (больших и маленьких). Описанное нами выше явление – присутствие в лесной полосе на границе с южной тайгой населения из южных лесостепных районов – свидетельство перемещения в последней трети IV тысячелетия до н.э. непосредственно носителей гончарных традиций. На примере широкого круга памятников данного периода Волго-Уралья мы видим, что это население оказало непосредственное влияние на формирование энеолитических культур региона. Однако вопросов остается очень много (насколько массовым было это движение коллективов, одномоментным или растянутым во времени процессом, что было причиной и т.д.), к решению которых мы можем приближаться с накоплением новых материалов, привлечением естественнонаучных методов.

Литература

[1] *Моргунова Н.Л.* Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 121–122.

[2] *Васильева И.Н.* Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник по истории формирования ямной культуры // Неолит: проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006. С. 23; *Моргунова Н.Л.* Энеолит Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. С. 70.

[3] *Моргунова Н.Л.* Энеолитические комплексы Ивановской стоянки. С. 122. Рис. 4: *3*.

[4] *Королев А.И.* Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 4. С. 1257–1258; *Королев А.И., Шалапинин А.А.* Керамика третьей группы стоянки Чекалино IV и проблемы взаимодействия населения лесостепи и леса в позднем энеолите // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11, № 6. 2009. С. 286.

[5] *Васильев И.Б., Овчинникова Н.В.* Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. С. 264. Рис. 24: *3–5*.

[6] *Бахарев С.С., Овчинникова Н.В.* Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности восточноевропейской лесостепи. Самара, 1991. С. 77–80. Рис. 5: *6*.

[7] *Королев А.И.* Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья. С. 1257.

[8] *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара, 2010. С. 139.

[9] *Королев А.И.* Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья. С. 1261–1262.

N.S. Berezina

REGARDING MIGRATION PROCESSES OF THE VOLGA REGION NEOLITHIC-ENEOLITHIC AGES IN THE SECOND HALF OF THE 4TH MILLENNIUM B.C.E. (IN TERMS OF THE TOK CERAMIC COMPLEX IN THE MUKSHUMSKAYA V ENCAMPMENT OF THE VOLGA LEFT BANK IN CHUVASHIA)

For the first time the article describes the Tok-type ceramic complex discovered in the Mukshumskaya V encampment on the Volga left bank of Chuvashia, it reflecting the migration processes that had taken place in the Volga region during the last third of the 4th millennium B.C.E. This type of ceramics is characteristic mainly for the basin of the river Sok in Samara region and that of the river Tok in Orenburg region.

Keywords: Eneolothic period, the Volga region of Chuvashia, Tok-type of ceramics, migration processes.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© П.Б. Голден

ЭТИМОЛОГИЯ ЭТНОНИМА *SABIR*

Рассматриваются вопросы, касающиеся отождествления народа сяньби прото- или «прамонгольского» происхождения с сабирами. Реконструкции позднеханьско-китайского и среднекитайского произношения сяньбэй (*Xianbei*) 鮮卑 **sian-pie* = **Särbi*, с метатезой > *Säbir* (?). К середине II в.н.э. сяньби после распада империи сюнну стали гегемонами номадов Монголии (130–180 гг.). В это время, если не ранее, начались миграции прежде подвластных сюнну огурских племен. Под натиском империй табгачей и жоужаней, возникших в IV в.н.э., огурские племена, вытесненные сабирами и другими народами, двинулись на запад. К концу V – началу VI в. появились сабиры в поволжских и северокавказских степях. Те немногие сабирские слова (имена), которые сохраняют источники, можно объяснить на базе тюркских языков, но этого недостаточно, чтобы определить, говорили ли они на огурском или общетюркском языках.

Ключевые слова: народ сяньби, формирование народа сабиров/савиров, предложенные тюркологами этимологии племенного названия «сабир/савир», миграции огурских народов на западные степи Евразии.

Сабиры впервые упомянуты в 463 г. Приском (ум. после 472 г.) в его сообщении о вступлении в Понтийскую степную зону; таким образом, в ареал стратегических интересов Константинополя, в степи, номады пришли с востока[1]. Это были Σαρ́αγουροι: **Шара огуры*[2] («белые» или «желтые» огуры), *Οὔρωγοι*: **Oğurs* и *Ονόγουροι*: *On Oğurs* (обычно пишется *Onoğurs*, «десять огуров»). Эти огурские племена были частью населения, которое во II в. н.э. в китайских сообщениях обозначалось термином Ding ling 丁靈 (старокитайское *rêŋ têŋ*, среднекитайское *tieŋ lieŋ*[4]), жили к северу от сюнну, возможно в соседстве с киргизами[5] в верховье Енисея. Земли, занимаемые динлинами, простирались на запад в сторону реки

Питер Голден – американский историк, тюрколог, исламовед, почётный профессор Ратгерского университета (Rutgers University) и бывший научный руководитель университетского Центра ближневосточных исследований; e-mail: pbgolden@verizon.net.

Иртыш[6]. Затем, начиная с IV в. до н.э., динлины появляются в китайских источниках под разными именами, например *dili* 狄歷 (в позднеханьское время *dek lek*, среднеханьское время *diek liek*[7]), *tele* 特 勒(старокитайское *dǝ̌k rǝ̌k*, позднеханьское и среднеханьское время *dǝ̌k lǝ̌k*[8]), *chile* 敕 勒[9] (позднеханьское *ṭʰik lǝk* , среднекитайское *ṭʰjǝk lǝk*), затем 鐵勒 *tiele* (позднеханьское *tʰet lǝk*, среднекитайское *tʰiet lǝk*, раннесреднекитайское **tʰet-lǝk*), что можно представить в виде **tägräg* *«повозка»[10]. Теле сформировало большое, важное, но все еще смутно определяемое соединение племен, которые в конце концов разделились в географическом плане на восточные (Северная Монголия и граничащие области), южные (около Великой стены) и западные (понто-прикаспийские степи) части, охватившие евразийские степи. У нас нет никаких доказательств того, что названные три группы имели общую центральную власть. Эти огуры принадлежали к западным группам теле и находились среди тех, кого разбросала по разным местам китайско-сюннуская война. Они взяли курс к казахским степям[11].

К середине II в. н.э. сяньби, ранее концентрировавшиеся в Восточной Монголии – Западной Маньчжурии, заняли место сюнну как гегемона среди номадов Монголии (130–180 гг.)[12]. Они были одним из компонентов дунху 東胡 («восточные ху»), от которых отделились табгачи и роураны / авары 柔然[13]. Табгачи (кит. 拓拔*тоуба*[14]), говорившие на монгольском, или на «парамонгольском», языке[15], стали родоначальниками в Северном Китае, например, династия Северный Вей (386–534 гг.) и просуществовавшие недолгое время Восточный Вей (534–550 гг.) и Западный Вей (535–556 гг.), авары/жоужане/жужане [жуаньжуане] были их главными противниками[16]. Согласно сообщению Приска, они позже были вытеснены «племенами, жившими вдоль побережья океана», которые исчезли в тумане океана и (с ссылкой на Геродота) в стае пожирающих людей грифонов. Несмотря на литературные приукрашивания Приска и использование древних этнографических деталей, его сообщение, по мере того, как действия приближаются к Константинополю, показывает реальное переселение, которое было кульминацией серий передвижений кочевых племен, приведших к прекращению конфликтов на рубежах Китая и кочевого мира. Племена, смещенные этой суматохой, подвинулись в Западную Сибирь и Казахстан. Как следствие, западные огурские племена теле были вытеснены сабирами, занимавшими ключевое положение в каскаде переселений, инициированных азиатскими аварами/жоужанями, располагавшимися к востоку от них.

Воссоздание более ранней истории сабиров остается проблематичным. Они, очевидно, некоторое время пробыли в Сибири, оставив топонимические следы. Имеются предположения, что название региона *Siberia*/*Сибирь* произошло от этнонима *сабир*[17]. Это предположение остается спекулятивным, поскольку название *Sibir*/*Šibir* впервые зафиксировано только во времена Чингисхана[18]. В 505–515 гг. сабиры были зафиксированы в низовьях волго-каспийско-понтийских степей[19], возможно, они прибыли туда недавно. В середине VI в. они были зафиксированы в серии источников о «гуннских»

народах, в частности Иорданом (в его труде «Getica», написанном почти через сто лет после событий, в 551 г., возможно, получили отражение данные из нескольких более ранних работ)[20]. Савиры, вероятно, обитали в восточной части каспийско-понтийских степей или несколько восточнее[21]. Хорошо информированный Прокопий, писавший приблизительно в то же время, располагает «хуннов, которых называют сабирами», вблизи Кавказа[22]. Сабиры (*Saḇer*) описаны в сирийской компиляции, известной под названием «Псевдо-Захарий Ритор», составленной в 568–569 гг. и содержащей перечисление «гуннских» племен, обитающих за «Каспийскими воротами», то есть в прикаспийско-понтийских степях. Сообщение можно датировать 555 г. или немного поздним временем[23]. Включение в этот перечень аваров (*Âḇâr*), которые достигли этих мест после 550-х гг., убегая от тюрков, произошло в 558 г., когда авары сокрушили оногуров (*Onoğur*), сабиров (*Säβir*) и другие племена, установили контакт с Константинополем[24]. В «Армянской географии» Анания Ширакаци сказано о племени Սավիրք/Սաւիրք *Savirk'*/*Sawirk'* (мн. ч.), а размещены они к востоку от кавказских гуннов, простираясь в сторону Волги[25]. К этому времени они были союзниками/военными наемниками то Византии, то сасанидского Ирана, часто переключаясь из стороны в сторону; их многочисленные правители поддавались на подарки и подкупы[26].

Этноним *Sabir* до сих пор не объяснен удовлетворительно, а он может хранить основную тайну происхождения этноса. Название племени имело следующие формы: византийско-греческое: Σάβιροι, Σάβεροι[27], латинское: *Saviri*, армянское (Ананий Ширакаци): Սավիրք/Սաւիրք *Savirk'*/*Sawirk'*[28], сирийское *sḇr* и арабское سوَاز [s.wâz, рукопись: سوَان[29]], سوَار [s.wâr], سُوار [sᵘwâr] سُوَر [sᵘwâr[30]], на языке иврит: (ירסאו sâvîr)[31]. Аль-Масуди в своем Танбихе (составлен в год его смерти в 956 г.) пишет: «хазары, которых называют *sᵃbîr* (سبير) по-тюркски и *xazarân* по-персидски»[32]. Если это чтение правильно, то оно усиливает аргумент присутствия сабиров в пределах хазарского союза и делает его достоверным[33]. Сабиры (Sawâr) вместе с другими народами находились под управлением хазар на Северном Кавказе, а позже были зафиксированы как одно из основных племен или объединение племен Волжской Булгарии[34]. Между прочим, они сохранили свой, отличающийся от других племен статус и имели своего предводителя *vuyrığ* (общетюрк. *buyruq* – чин офицера, действующего под командованием правителя)[35]. Некоторые имена сабиров (предводителей и официальных лиц) были сохранены в источниках на тюркском языке, но этого недостаточно для того, чтобы определить, говорили они на огурском или общетюркском языках. Артамонов верил, что они, так же как шара огуры и оногуры, являлись тюркизированными уграми[36]. Но это не служит основанием для таких выводов. Сохранено ли это название в этнониме Σάβαρτοι ἄσφαλοι венгерским союзом племен, локализованным в Леведии, и бывшим союзником хазаров[37], и племенем под названием *Sevordik'* в Армении и *Sâwardiyya* в арабских источниках – остается проблематичным[38]. Помимо **Sᵃbîr* у Масуди (если оно действительно

относится к сабирам), то возможными вариантами являются следующие: *Sabır*/*Savır*, **Säβir*/*Sävir*, *Säwär*/*Säwār* или *Ṣavar* (видимо, и арабское صوَار Ṣ[a]wâr). Вокализация звука (*u*) является редакционным предположением[39]. Действительно, мы находим *Ṣawâr* в имени хазара-гуляма, состоящего на службе у халифов: *Waṣṣif b. Ṣawâr at-Turkî al-Xazarî* (908 г.)[40].

Если общетюркская форма этого имени есть *Säbir* (приняв чтение де Гуе текста аль-Масуди), то варианты *Sävir*/*Sävār*/*Säwār* или *Sawâr* могут быть рассмотрены как огурская форма наименования[41]. Прицак выводил *Sävir* и его варианты из этнонима *Xianbei* 鮮卑. **sian pie* = **Särbi* > *Säbir* посредством перестановки звуков[42]. Хотя миграция сяньби в западном направлении не была замечена, но весьма правдоподобно, что для сяньбийских элементов, как и для сюнну и динлинов до них, была открыта дорога к более западным степям. Перестановка звуков, предложенная для **Särbi* > *Säbir*, встречается в этнониме огурских племен, ср. **Quturoğur* (Κουτούργουροι и варианты[43]) < **Toquroğur* («9 огуров» и их восточный «родственник» *Toquzoğuz*[44], один из заметных племенных союзов у восточных теле). Двигавшихся в западном направлении сяньбийцев необязательно считать представителями племен, входивших в ядро сяньбийского племенного союза, они могли представлять собой племена, связанные с сяньбийским союзом, сохранившие это престижное имя. Мы не знаем лингвистическую принадлежность этих «сяньби». Некоторые из них, возможно, говорили на огуро-тюркском наречии. Нельзя исключать восточноиранские элементы. Возможно, находясь в такой лингвистической среде, название *Xianbei*/*Särbi* превратилось впоследствии в *Säbir*/*Säβir* /*Säwār*. Первоначальный смысл имени остается неясным. Хунг Тейк Тох сравнивает *Särbi* с монголоязычным *serbe* (ср. *serbei-*/*sirbei* «торчать, топорщить, стоять дыбом» и аналогичные термины из «алтайского» типа **sirp'a* «толстые волосы, щетинки»)[45]. Все это, можно сказать, относится к их лошадям. Такие этнонимы известны в евразийском кочевническом мире; ср. люди *Yabaqu*/*Yapağu*, зафиксированные Махмудом Кашгарским[46]. Другим возможным прочтением является монгольское *sirbe-* «ударить плетью, хлестать, сметать»[47]. Харматта утверждал, что *Sabir* идентично названию западнотюркского племени нушиби 弩失畢 (среднекитайское *nuo śi pjiet*[48]), он реконструирует его как *nu śi piЛ*, **nu śipir* = **Nu Śäbir* < иран. **nu* < староиранское *naiba*, среднеперсидское *nêvak* «выдающийся, герой» + **śäβir* ~ **śäβir* < староиранское *aśśaβâra* (*aśva-bâra* или **aśśaβârya*, ср. сакское *aśśa* «лошадь», староиндийское *bhârya*, «слуга, воин»[49]). Нушиби совместно с дулу сформировали две (часто соперничающие) группировки западнотюркских племенных конфедераций *on oq*[50]. Это не является прямым доказательством того, что *Xianbei*/*Särbi* происходит от восточноиранской формы их имени (как бы соответствующей семантически), но нельзя и исключать такую возможность. Имена ранних тюркских каганов были в большинстве иранскими[51], как и имя их правящей династии – Ашина (кит. 阿史那 раннесреднекитайское **ʔa şi' na'*, позднесреднекитайское = сакское *āṣṣeiṇa* «синий»[52]). Названия составных племен западных тюрков сформированы как

On Oq, они в большей части остаются неясными и не могут быть этимологизированы на базе тюркских языков[53]. Немет прочитал *Σάβιροι*, *Σάβεροι* и т.д. как *Sabır* (выведено им из формы тюркского глагола прошедшего времени *sap-* «сбиться с дороги, потерять дорогу, бродяжничать»), как этноним, относящийся к категории имен, обозначающих «номад»[54]. Хотя с семантической точки зрения объяснение Немета и привлекательно, но неубедительно. За исключением, возможно, византийско-греческих вариантов этого этнонима (в том числе *sabîr* у аль-Масуди, если это слово подлинно), все формы показывают *sav-* или *säv-*. Византийское *β*, ныне произносимое как *v*, могло быть использовано для того, чтобы представить классическое *b*, и, следовательно, допускает двоякое толкование. *Sap-* обычно отражает прошедшее время в *-ar – sapar*. Клаусон заметил, что в старотюркском языке была «большая запутанность» в глаголах *sap-*, *sep-* с разными значениями. Понятия «сбиться с пути, менять направление» и т.д. появились в позднесредневековый период как новые слова[55]. Самая ранняя фиксация этого значения сохранилась в среднекыпчакском языке: *Codex Cumanicus* (не раньше XIII – не позже XIV в.) «отделиться от кого-либо», *Kitâb al-Idrâk li-Lisân al-Atrâk* (1312) «ходить с важным видом» и *Kitâb fi'l-Fiqh bi'l-Lisân at-Turk* (написано до 1421 г.)[56] «свернуть в сторону, менять направление». Это подтверждается на материале некоторых современных тюркских языков. Аналогичные значения содержит тюркское *sav-* «уезжать, отбить, избегать, спастись»[57], относящееся, по Немету, прежде всего к категории этнонимов для обозначения номадов. Кроме того, не следует отбрасывать тюркское *sipir-* «подмести, выбить, отправить прочь»[58]. В западном старотюркском было *šipir-*[59]. Оно проявляется в велярных формах также в современных тюркских языках (например, кирг., казах. *sıpır-* «подмести, уходить, убирать», алтайск. «возбуждаться, быть в истерике»)[60] > монг. *sigür* «метла», *sigüre-* «схватить что-либо с земли, захватить, схватить, унести», ср. также *sirbe* «подмести, запылить» < алтайск. *šĭpV-* «подмести»[61]. Название может означать «те, кто отбрасывает (своих врагов)». Хотя и привлекательно, что поддерживается тот же смысл в тюркских и монгольских языках, но вокализация *a*/*ä* не зафиксирована (чаще всего встречается *sipir-* > *süpür-*).

Таким образом, немногочисленные названия *Sabir*, зафиксированные в наших источниках, можно объяснить на базе тюркских языков, но этого недостаточно, чтобы определить, говорили ли они на огурском или общетюркском языках[62].

Литература, источники и примечания

[1] *Priscus*. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / Ed. trans. R.C. Blockley. Liverpool, 1981–1983. In 2 vols. I, P. 48–70, II, P. 344–345. Различные варианты прочтения этих этнонимов см.: *Moravcsik J.* Byzantinoturcica, II, P. 219–220, 227–228, 230, 267–268. Должны ли быть идентифицированы они с Σαυάροι, замеченным Клавдием Птолемеем (ум. после 168 г.) в его «Географии» среди племен «европейской Сарматии», занимавшей земли до Рифейских гор (Уральских гор?), – остается невыясненным, см.: *Salmin Anton*. Savirs – Bulgars – Chuvash. Saarbrücken, 2014. P. 29, 45–46, где устанавливается эта связь.

[2] Огурское/западностаротюркское (WOT) *šar(ı)ğ/šaruğ «белый», ср. чувашское *шурă*, восточное старотюркское (EOT) **sarığ* «желтый». Своеобразный огурский ротацизм (*oğuz* > *oğur*) имел место еще до их прибытия в понтийские степи (*Róna-Tas A., Berta Á.* West Old Turkic. Wiesbaden, 2011. II. P. 691–695,1112–1115). Старотюркский западный/огурский *oğur* ~ старотюркский восточный *oğuz* были, вероятно, первоначально формальными, родственными терминами, обозначавшими сходные племена, которые позже приняли социально-политический и этнонимический статус (см.: *Golden P.B. Oq* and *Oğur ~ Oğuz* // Turkic Languages. 2012. Vol. 16. P. 155–199).

[3] Искаженные формы *Ωγουροι*, *Ουγωροι*, *Ογωρ* (ср. *Moravcsik J.* Byzantinoturcica, 2nd ed. Berlin, 1958. II. S. 227): *Oğurs*.

[4] *Schuessler A.* Minimal Old Chinese and Later Ham Chinese. Honolulu, 2009. P. 137, 140 [9–11a, 9–18i].

[5] *Schuessler A.* Minimal Old Chinese ... P. 130 [8–2f], 333 [34–1a]]

[6] *Czeglédy K.* From East to West: The Age of Nomadic Migrations in Eurasia // AEMAe. 1983. Bd. 3. P. 62–64,113; *Yü Ying-shih*. The Hsiung-nu // The Cambridge History of Early Inner Asia / Ed. by D. Sinor, Cambridge, 1990. P. 120, локализует их в районе озера Байкал «недалеко за рекой Енисей». *Di Cosmo N.* Ancient China and Its Enemies. Cambridge, 2002. P. 189, располагает их в «Северной Монголии и Западной Сибири». *Боровкова Л.А.* Царства «Западного края» во II–I веках до н.э. // Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2001. С. 47–48. Л.А. Боровкова не уверена в их точном местоположении на это время.

[7] *Schuessler A.* Minimal Old Chinese ... P. 131 [8–10a, 8–13c].

[8] *Schuessler A.* Minimal Old Chinese ... P. 98 [4–26h'], 110 [5–21f].

[9] *Schuessler A.* Minimal Old Chinese ... P. 109 [5–15ka], 110 [5–21f].

[10] *Schuessler A.* Minimal Old Chinese ... P. 227 [20–09b], 110 [5–21f], *Pulleyblank E.G.* Some Remarks on the Toquzoghuz Problem // UAJb. 1956. Vol. 28/1–2. P. 35–36; *Pulleyblank E.G.* The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic Times // The Origins of Chinese Civilization. Ed. D.N. Keightley. Berkeley–Los Angeles. P. 448, 455. Pulleyblank, following: *Boodberg P.A.* Three Notes on the T'u-chüeh Turks // University of California Publications in Semitic Philology XI. 1951. P. 1–11, reprinted in: *Boodberg P.A.* Selected Works of Peter A. Boodberg. comp. A.P. Cohen. Berkeley–Los Angeles–London. 1979. P. 354, 356, предлагается прочтение как **tägräg*, ср. монгольское *telegen, terge, tergen* «повозка». Однако монгольское *terge*(*n*) < алтайское **t'i̯árko* > протомонгольское **terge* «средство передвижения» не полностью совпадает со значением в тюркском языке, см.: *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden–Boston. 2003. 3 vols. II, P. 1433–1434. В старотюркском *tägräk* «ободок чего-нибудь, кольцо, круг» (*Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 485), ср. среднекыпчакское (*Toparlı R., Vural H., Karaatlı R.* Kıpçak Türçesi Sözlûğü. Ankara, 2003. P. 275, 282) *tigrek* «пряжка» и *tögerik* «круглое, циркулярное», «колесо», турецкое *teker* «колесо», *tekerlek* «колесо повозки» (*Redhouse J.W.* A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1890, reprint: Beirut, 1974. P. 581). Ср. венг. *teker* «что-то круглое, приводимое в движение ветром; вращать» < западностаротюркское **täkir-*, восточностаротюркское **tägir-* (*Róna-Tas A., Berta Á.* West Old Turkic. II, P. 877–882).

[11] *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 142–147; *Czeglédy K.* From East to West: The Age of Nomadic Migrations in Eurasia //Archivum Eurasie Medii Aevi 3 (1983). P. 97–103.

[12] *Maenchen-Helfen O.* The Ting-ling // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1939. Vol. 4, no. 1. P. 80; Ранняя династия Хань: Материалы по истории сюнну по китайским источникам /ред. и пер. В.С. Таскин. М., 1973. Т. 2. С. 81–96; *Yü Ying-shih*. The Hsiung-nu // The Cambridge History of Early Inner Asia / Ed. by D. Sinor, Cambridge, 1990. P. 148–149; *Ögel B.* Büyük Hun İmparatorluğu Tarihi. Ankara, 1981. 2 vols. II, P. 357ff.; *Golden P.B.* Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992. P. 69–71; *Janhunen J.* Manchuria. An Ethnic History. Helsinki, 1996. P. 184, 194.

[13] Позднеханьская *ńu ńan*, среднекитайская *ńźi̯ə̆u ńźi̯ən* (*Schuessler A.* Minimal Old Chinese. P. 180 [13–48a], 258 [24–36ab]) или раннесреднекитайская *ɲiuw ɲian*, позднесреднекитайская *riw rian* (*Pulleyblank E.G.* Lexicon. P. 264, 267). Аварские/роуранские лингвистические

связи, обычно рассматриваемые как протомонгольские, остаются невыясненными: *Vovin A.* Once Again on the Ruan-ruan Language // Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1200 yılı (720–2010) Sempozyumu, 3–5 Aralık 2010, İstanbul. Bildiriler / ed. by M. Ölmez, E. Aydın, P. Zieme, M.S. Kaçalın. İstanbul, 2011. P. 27–36.

[14] *Тоуба* в среднекитайских источниках: **tʰâk băt (Schuessler A.* Minimal Old Chinese. P. 69 [2–17m], 237 [21–31h]), возможно, представляли *Taġbaç > Tabġaç*, означавшее «правители Востока» (*Beckwith C.I.* The Chinese Names of the Tibetans, Tabghatch, and Turks // AEMAe. 2005. Vol. 14. P. 9–12).

[15] *Vovin A.* Once Again Tabgaç Language // Monlian Studies. 2007. XXIX. P. 191–207. Парамонгольские языки были «побочно родственны к протомонгольским» (*Janhunen J.* Para-Mongolic // The Mongolic Languages / ed. by J. Janhunen. London; New York, 2003. P. 391–393) и отводились от комплекса дунху ~ сянбеи, обитавших в Монголии и Западной Маньчжурии и говоривших на препротомонгольском (их разделили на протомонгольские и парамонгольские), и других лингвистических групп, некоторые из которых имели сюннуское происхождение (*Janhunen J.* Manchuria. P. 184, 187, 190–193; *Schönig C.* Turko-Mongolic Relations // The Mongolic Languages / ed. by J. Janhunen. London–New York, 2003. P. 405; *Таскин В.С.* Материалы по истории кочевых народов в Китае III–IV вв. Вып. 3. М., 1992. С. 10).

[16] О войне между аварами/жоужанями и Северным Веем в 430–458 гг. повествуется в Вейшу, см.: *Таскин В.С.* Материалы ... С. 273–276.

[17] *Patkanoff S.* Über das Volk der Sabiren // Keleti Szemle. 1900. Vol. 1. P. 258–277; *Németh Gy.* A honfoglaló magyarság kialakulása, 2nd edition. Budapest, 1991. P. 149–150; *Harmatta J.* Az onogur vándorlás // Magyar Nyelv. Vol. 87/3. 1992. P. 257–258, 266.

[18] The Secret History of the Mongols, In 2 vols. / Trans. by I. de Rachewiltz. Leiden–Boston, 2004, I. P. 164 (№ 239) «Джочи завоевал лесные народы, проживающие в Шибири, Кесдиме, Тукасе, Тенлеке, Тё`елесе, Тасе и Баджите…». Один из внуков Бату носит имя [Sâbîr] = *Sābir* (?), см.: *Rašīd al-Dîn.* Jâmi` al-Tawârîx. In 4 vols. / ed. M. Rowšan and M. Mûsawî. Tehran. 1994. I. P. 723; *Golden P.B.* Sibīr // Encyclopaedia of Islam. Leiden. 1960–2007 P. 531–533. Среди киргизов имеются имена *Sabar*, *Sabır*/*Sabur* (*Лежина И.И., Суперанская А.В.* Ономастика: словарь-справочник тюркских родоплеменных названий: в 2 т. М., 1994. II. С. 329–330), но эти имена могут иметь другое происхождение.

[19] *Czeglédy K.* From East to West. P. 37; *Hamilton J.* Toquz Oγuz et On-Uyγur // JA. 1962. Vol. CCL/1. P. 35; *Golden P.B.* Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992. P. 105.

[20] Работа Иордана очень близка по содержанию к «Истории готов» Кассиодора, написанной 20 лет раньше; *Teillet S.* Des Goths à la nation gothique. 2nd ed. Paris, 2011. P. 280ff., 305–306; *Goffart W.* Barbarian Tides. The Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006. P. 56 ff.

[21] *Иордан*. Getica. / ред. и пер. Е.Ч. Скржинской. С. 72 (рус. пер.), 136 (латинский текст) не дает точное расположение савиров.

[22] *Procopius*. History of the Wars / trans. by H.B. Dewing; ed. K. Loeb. Cambridge–London, 1928. Reprint: 1978. Vol. V. P. 74–75.

[23] *Pseudo-Zachariah Rhetor*. The Chronicle of Pseudo-Zachariah Rhetor. Church and War in Late Antiquity / ed. G. Greatrex; trans. R.R. Phenix and C.B. Horn with contributions by S.P. Brock and W. Witakowski. Liverpool, 2011. P. 65 (о датировке работы), 447–450; *Dickens M.* 2008. Turkāyē: Turkic Peoples in Syriac Literature Prior to the Seljüks. PhD dissertation, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge. P.19–30; Marquart Streifzüge. P. 355–356; *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. СПб., 2000. С. 283–286; *Kmoskó M.* Szír írók asteppenépeiről / ed. Sz. Felföldi. Budapest, 2004. P. 48, 99, *Pseudo-Zachariah Rhetor.* Chronicle. P. 447–450.

[24] *Menander*. The History of Menander the Guardsman / ed. trans. R.C. Blockley. Liverpool, 1985. P. 50–51; *Hamilton J.* Toquz. P. 35. On the origins of the European Avars, см. *Pohl W.* Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr. München, 1988, P. 18ff. См. также: *Golden P.B.* An Introduction. P. 108–111, *Róna-Tas A.* Hungarians. P. 213–214; *Beckwith C.I.* Empires of the Silk Road. Princeton, 2009, P. 390–391, n.18. Приводят доводы, что европейское

авары, несмотря на то, что по мере продвижения через Центральную Евразию вобрали в свою среду другие элементы, сохранили управляющую элиту, которая вышла от азиатских аварожоужанских каганов.

[25] The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhac'oyc') / trans. R.H. Hewsen. Wiesbaden, 1992. P. 15, 33–34 (датировано 591–636 гг., с более поздними интерполяциями), 57, 124 n.111.

[26] *Procopius*. History. Vol. V. P.154–161. Agathiae Myrinaei Historiarum Libri Quinque / ed.R. Keydall. Berlin. 1967. P.139; *Golden P.B.* Khazar Studies. Bibliotheca Orientalis Hungarica, XXV/1–2, in 2 vols. Budapest, 1980. I. P. 34–35, 256–258.

[27] *Moravcsik J.* Byzantinoturcica. II. P. 262–263. Византийско-греческое α могло передаваться и *a*, и *e*/*ä*, ср. Πατζινακοι = Pečeneg/Pečenäg, рус. печенѣг, араб. بجناك (b^{a}j^{a}n$\bar{a}$k).

[28] The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhac'oyc') / trans. R.H.Hewsen. P. 57,124. Примеч. 111, размещает их восточнее кавказских гуннов и протянувшихся в сторону Волги.

[29] *Zimonyi I.* The Origins of the Volga Bulghars. Szeged, 1990. P. 42.

[30] Ibn Khordâdbeh, Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik / ed. by M.J. De Goeje. Leiden. 1889. P. 124. Вариант чтения «просторечный» [s.wâr, вокализация дается по конъектуре де Гуе] фиксирует «короля Swr» среди правителей политий на трассе между Джурджан и столицей хазаров Хамли», см. Hudûd al-'Âlam. The Regions of the World / ed., trans. by V. Minorsky. 2nd edition. London, 1970. P. 454–455. То ли это актуальная полития сабиров или еще что-то другое.

[31] See: *Golden P.B.* Khazar Studies. I. P. 256.

[32] *Al-Mas`ûdî.* Kitâb al-Tạnbîh wa'l-Išrâf / ed. by M.J. De Goeje. Leiden, 1894. P. 83, но ср. рукописные формы بشر, يسير (bšr, ysîr).

[33] *Golden P.B.* Khazar Studies: Achievements and Perspectives // The World of the Khazars / ed. by P.B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden–Boston, 2007. P. 52–53.

[34] Государство Волжская Булгария формировалось в период со второй половины VIII в. до второй половины IX – начала X в. (*Zimonyi I.* Volga Bulghars, P. 82,156–157,179–183).

[35] *Clauson G.* Etymological Dictionary. P. 387; *Ibn Faḍlân*: Ibn Faḍlān's Reisebericht / ed. and trans. by A.Z.V. Togan. Leipzig, 1939. P. 33 (на араб. яз.), 74–75 (на нем. яз.); *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai az Árpádkorban. Budapest, 1986. P. 375.

[36] *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2002. С. 92–99; *Golden P.B.* Khazar Studies. I. P. 34–36; *Golden P.B.* Introduction. P. 105–106. *Ligeti L.* A magyar nyelv. P. 345–346. Проводится обзор различных теорий относительно связей и судьбы сабиров.

[37] *Porphyrogenitus Constantine*. De Administrando Imperio / ed. R.J.H. Jenkins, trans. J. Moravcsik. Washington, D.C. 1967. P. 170–171.

[38] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. Reprint Hildesheim, 1961. P. 35–40; *Czeglédy K.* A szavárd-kérdés József Thury és után" MNy LV (1959). P. 373–385; *Németh G.* A honfoglaló magyarság kialakulása. 2nd edition. Budapest, 1991. P. 153, 301–305; *Golden P.B.* Khazar Studies. I. P. 256–257. *Ligeti A* magyar nyelv. P. 346–347. Указывает на проблемы. Zimonyi. Volga Bulghars. P. 45. Исключает их из своей дискуссии.

[39] Ср. аналогичные формы: *Golden*. Khazar Studies. II. P. 129, 219, 220; *Zimonyi*. Volga Bulghars. P. 42–44. *Karatay O.* Suvarlar: Doğu Avrupa'nın: Esrarengiz Kavmi // TDID. 2010. Vol. 10, P. 99–100. Предпочтение *Suvar* базируется на чтении Махмудом Кашгарским, плохо осведомленным о западной части известного ему тюркского мира. Позже про этот нюанс произношения забыли в тюркском мире и стали говорить без вокализации (например, *Khuzâr* вместо *Khazar*); *Maḥmûd al-Kâšγarî* Divanü Lûgat-it-Türk / facs. ed. Türk Dil Kurumu. Ankaram, 1941, P. 25,26 (S^{u}wâr(în), 27, 207 (X^{u}zâr); *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, NY, 1982. P. 35, 37–38. Читал: *Säbär* ~ *Säβir* и видел его как форму последней половины IX в. Более того, он предлагал, что *säwär* «был местной формой, пока *säβir* ~ sävir был тюркским произношением», а после того как стали присоединять к нему название ירסאו [Swrṯh], в киевском письме хазарских евреев (*Golb, Pritsak*. Khazarian Hebrew Documents. P. 14–15, 38) стали писать с огурским суффиксом *-ta*, чтобы «указать принадлежность к племени».

[40] *Golden P.B.* Khazar Turkic Ghulâmsin Caliphal Service // Journal Asiatique. 2004. Vol. 292. P. 25.

[41] Общетюрк. *-b* > огур. *-v* (Róna-Tas A. Bevezetés a csuvas nyelv ismeretébe. Budapest, 1978. P. 83). Тюркские формы *eltäbär*, *eltäbir* или *elitbēr*/*ilitbēr* (титул, указывающий на субординацию правителя), как полагает *Erdal M.* The Khazar Language // The World of the Khazars / ed. by Golden, Ben-Shammai, Róna-Tas. P. 81–82, давно принятое чтение является неприемлемым. На языке северокавказских гуннов *ilutuer*, хазарском *[i]litber*, волжскобулгарском يلطوَر **yılṭavâr* или *yel ṭävār* (Golden. Khazar Studies. I. P. 147–150,197–198; *Zimonyi.* Volga Bulghars. P. 127), бактрийском υιλιτοβηρο [*hilitbēr*], согдийском *ryttpyr*/ *yttpyr* ([*ɤtebir*], *Lurje P.* Personal Names in Sogdian Texts // Iranisches Personennamenbuch. Iranische Onomastik. Nr. 8, Bd. II, Fasz. 8. Wien, 2010. P. 336), китайском 頡利發 , на раннесреднекитайском *li*^{h} *puat* (*Pulleyblank*, Lexicon, P. 341, 188, 89), арабском *rutbîl* رُتبيل , см.: *Sims-Williams N.* Ancient Afghanistan and its Invaders // Indo-Iranian Languages and Peoples / ed. by. N. Sims-Williams, Oxford, 2003. P. 235. *Eltäbär*/*eltäbir*/*ilitbēr* является одним из тюркских титулов нетюркского происхождения.

[42] *Pritsak O.* From the Säbirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh / ed. by Gy. Káldy-Nagy. Budapest, 1976, P. 22, 30. Он спекулировал тем, что сяньби смешались с уграми «в Обь-Иртышском бассейне» и сформировали ядро будущего венгерского соединения. *Clauson G.* Studies in Turkic and Mongolian Linguistics. London, 1962. Reprinted London, 2002. P. 20, считал сяньби огуроговорящим племенем и был готов видеть в этнониме *сяньби* вариант этнонима *савир*. *Karatay O.* Suvarlar // TDID. 2010. Vol. 10. P. 101–102. Исключает миграцию сяньби в западном направлении.

[43] *Moravcsik J.* Byzantinoturcica, II, P. 171–172. О кутургурах см.: *Ziemann D.* Vom Wandervolk zur Grossmacht. Die Entstehung Bulgariens im frühen Mittelalter (7.–9. Jh. Köln-Weimar-Wien, 207. P. 95–103.

[44] *Németh Gy*. Honfoglaló. P. 132. N. 155.

[45] *Hoong Teik Toh*. The -yu Ending // Sino-Platonic Papers. 2005. Vol. 146. P. 10; *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological Dictionary. P. 1260; *Lessing F.* Mongolian-English Dictionary. Bloomington, Ind. 1995. P. 689,715.

[46] *Maḥmūd al-Kāšγarî.* Compendium of Turkic Dialects (Dīwān Luγāt at-Turk) / ed. trans. R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, MA., 1982, 1984, 1985). I. P. 24, II. P. 166; *Clauson G.* Etymological Dictionary. P. 874–875. «Спутанные волосы или шерсть… животное, чьи волосы длинны и спутанны».

[47] *Лувсандендеба А., Церендамба С.* Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2002, IV: 361. Возможно, является старым заимствованным тюркским словом *sipir-* «подмести». Róna-Tas, Berta. West Old Turkic. 2011. II. P. 707–709. Венгерское *seper* «подмести, мести», см. ниже.

[48] *Schuessler A.* Minimal Old Chinese. P. 58 [1–56z], 279 [26–19a], 304 [29–42a].

[49] *Harmatta J.* Az Onogur Vándorlás *MNy.* 1992. Vol. LXXXVII. P. 257–258, но см. *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979. P. 11, 278 *aśśa-bārai* «всадник», *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. I. P. 243–244: **aśu̯a* «конь, лошадь», авест. *aspa*, староперсид. *asa*, *asa-bāra* «всадник» (<**aśu̯a-bāra* «всадник на лошади», староперсид. *asāraba*, среднеперсид. *asvār*, бактрийск. *asbaro*, классич. персид. *savār*, новоперсид. *sävår*.

[50] *Beckwith C.I.* The Tibetan Empire in Central Asia. Princeton, 1987. P. 210, выводит *Nushibi* от *Nu (?) Šadpıt*, позже ставшего тюркским титулом (*šadapıt*, см. *Clauson G.* Etymological Dictionary. P. 867) с неясной функцией.

[51] *Golden P.B.* Introduction. P. 121–122; *Rybatzki V.* The Titles of the Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions // CAJ. 2000. Vol. 44/2. P. 206–221.

[52] *Pulleyblank E.G.,* Lexicon, P. 23, 283, 221; *Klyashtorny S.G.* The Royal Clan of the Turks and the Problem of Early Turkic-Iranian Contacts //Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1994. Vol. XLVII. P. 445–447; *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979. P. 26–27. *Ašina* не встречается в тюркских текстах, больше всего используется термин *köktürk* («голубые [восточные] тюрки»).

[53] *Ligeti L.* A magyar nyelv. P. 329–330, выдвигаются предположения, что они могли произойти от неизвестного языка или, возможно, даже имели связи с жужанями или иранцами.

[54] *Németh G.* Honfoglaló, P. 93–94,153; *Clauson G.* Etymological Dictionary. P. 788–789 (**sav*-); *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological Dictionary. II. P. 1193–1194 (оба склонны относить его к старотюркской незафиксированной форме). *Sap*- зафиксирован в новоогузском (турецком, гагаузском, азербайджанском, туркменском (в значении «свернуть повернуть, заблуждать, изменять», в староанатолийско-тюркском («избегать» *kaçmak*). *Kanar M.* Eski Anadolu Türkçesi Sözlüğü. Ankara, 2011. P. 584 и кыпчакском (куман., татар. *sab*-, *sap*- «повернуть от дороги/курса, уступить дорогу, идти в другом направлении, помешаться» и т.д.), чуваш. «свернуть с дороги». Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы Л, М, Н, П, С / Л.С. Левитская [и др.]. М., 2003. С. 197–198; ср. чуваш. *sup*- «измучиться, утомиться; повернуть назад», см.: *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Ч. 2. Чебоксары, 1996. Киргизские примеры взяты из: *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV/1. СПб., 1893–1911. С. 402.

[55] *Clauson G.* Etymological Dictionary. P. 784.

[56] *Toparlı R., Vural H., Karaatlı R.* Kıpçak Türkçesi Sözlüğü. Ankara, 2003. P. 226.

[57] *Clauson G.* Etymological Dictionary. P. 788–789; *Kanar M.* Eski Anadolu Türkçesi Sözlüğü, P. 587.

[58] *Clauson G.* Etymological Dictionary. P. 791.

[59] *Róna-Tas, Berta.* West Old Turkic. II. P. 707–710.

[60] См., например: *Róna-Tas, Berta.* West Old Turkic. II. P. 708.

[61] *Róna-Tas, Berta*. West Old Turkic. II. P. 709; *Starostin, Dybo, Mudrak*. Etymological Dictionary. II. P. 1329–1330.

[62] Слова взяты из: *Németh*. Honfoglaló. P. 152–156; *Golden*. Khazar Studies. I. P. 257–259.

Перевод с английского А.К. Салмина

Питер Бенджамин Голден (Peter Benjamin Golden) – американский историк, тюрколог, исламовед, почётный профессор Ратгерского университета (Rutgers University) и бывший научный руководитель университетского Центра ближневосточных исследований. Его широкие научные интересы прежде всего сосредоточиваются на истории тюркских кочевников средневековой Евразии и их отношений с соседними государствами и цивилизациями, на этногенетических мифах и политических традициях кочевых народов и на вопросах тюркской филологии. В 2011 г. вышла его научно-популярная книга «Central Asia in World History», отражающая растущий в англоязычном мире интерес к Центральной Азии и ее народам.

Родился 17 июля 1941 г. в Нью-Йорке (США), внук выходцев из Белоруссии, эмигрировавших еще до революции 1917 г. Как вспоминает сам Питер Голден, в детстве разговаривал с дедушкой и бабушкой на русско-белорусском суржике. В 1963 г. окончил колледж округа Куинс (Queen's College) – один из колледжей Городского университета Нью-Йорка (City University of New York), где занимался историей и классическими языками (древнегреческим и латинским). Осенью того же года поступил в аспирантуру в Колумбийский университет (Columbia University, 1963–1970). Занимался древнерусской и византийской историей, славистикой и кавказоведением. Учился у известного византиста И.И. Шевченко, изучал грузинский язык у князя Георгия Накашидзе. Постепенно стал интересоваться проблемами взаимоотношений Древней Руси и Кавказа со степью, в частности с Хазарской империей и половцами. В этой связи стал изучать турецкий язык. В 1967 г., став учеником венгерско-американского ученогоТибора Халаши-Куна, стажировался в Турции на факультете языка, истории и географии в Анкаре (Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Ankara University, с января 1967 по январь 1968), занимался тюркскими языками, в частности кипчакскими, у Саадета Чагатая (Saadet Cağatay) – дочери известного татарского поэта Гаяза Исхаки (Ğayaz İsxaqıy), турецкими диалектами Анатолии и древнетюркским языком у Зейнепа Коркмаза (Zeynep Korkmaz) и вопросами общей тюркологии у Хасана Эрена (Hasan Eren), впоследствии заведующего Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu). По приезде домой в 1968 г. принялся за работу над докторской диссертацией «Khazar Studies: An historico-philological Inquiry into the Origin of the Khazars», ко-

торую защитил весной 1970 г. Двухтомная, расширенная с дополнениями версия вышла в 1980 г. В 2012 г. появился турецкий перевод этого труда.

Педагогическая деятельность началась в 1969 г. в Ратгерском университете (Rutgers University) с чтения лекций по истории Средней Азии, Османской империи, Византии, славянского мира, исламского мира и Ближнего Востока. В 1975 г. совместно с Тибором Халаши-Куном основал журнал «Archivum Eurasiae Medii Aevi». Заведовал историческим отделением в Ратгерском университете – Ньюарк (Rutgers University – Newark, 1974–1980, 1983–1985), в 2008–2011 гг. руководил программой ближневосточных исследований (Program in Middle Eastern Studies) в Ратгерском университете (Rutgers University – New Brunswick). В июне 2012 г. ушел на пенсию.

Член редакционных коллегий научных периодических изданий «Journal of Turkish Studies» (Harvard University), «Papers on Inner Asia» (Indiana University), «Karadeniz Araştırmaları», «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», «Turkic Languages», «The Ukrainian Quarterly», «Khazar Journal of Humanities and Social Sciences». Член ряда научных обществ и ассоциаций: American Historical Association, American Oriental Society, Asian Studies Association, Association for the Advancement of Central Asian Studies, Association for the Study of Persianate Societies, Byzantine Studies Conference, Central Eurasian Studies Society, Early Slavic Studies Association, Eurasian Linguistic Association, Middle Eastern Studies Association, Middle East Medievalists Association, Mongolia Society, Society for Iranian Studies, Society for the Study of Caucasia, Turkish Studies Association, Ukrainian Academy of Arts and Sciences in USA, World History Association, World Turkology Association, Türk Dil Kurumu, Kőrösi Csoma Társaság/Csoma de Kőrös Society of Hungarian Orientalists.

Питер Голден является признанным специалистом по проблемам этногенеза, истории и культуры тюркских народов Евразии и Ближнего Востока Средневековья и ранних веков Нового времени. В своих работах он исследует парадигмы политической организации, восходящие к сюнну и иным политиям ранних кочевников до образования первого Тюркского каганата в середине VI в. н.э. и зачастую выражаемые у кочевников языком родства (нередко фиктивного). Его перу принадлежат многочисленные исследования по различным аспектам военно-политической и этнической истории, филологии, материальной и духовной культуры, в частности хозяйственно-культурная адаптация кочевников в условиях аридной зоны и религиозные верования хазар и кипчакских насельников, кипчакская этнонимия, идеология, социальная и политическая организация кипчакских государственных образований. Он автор трех глав о «народах русской лесной зоны», «народах южнорусских степей» и «Караханидах и раннем исламе» в *«The Cambridge History of Early Inner Asia»* (1990) и соредактор *«The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisidid Age»* (2009), а также автор двух глав: «Центральная Азия ок. 1200» и «Миграции и этногенез». В фундаментальном исследовании *«An Introduction to the History of the Turkic Peoples»* (1992), одной из первых работ на английском языке, дающей широкий обзор формирования тюркских народов, им была предпринята серьезная попытка освещения вопросов этногенеза и образования государств у тюркоязычных народов. В нем затрагиваются вопросы форм этнической идентификации и этничности (или этнического сознания), сыгравшие роль в создании и дальнейшем развитии кочевых политий. Третье издание перевода *«An Introduction»* на турецком языке появилось в 2012 г. Проблема определения таких концептов, как «этничность» и «этническое сознание», вызывает у современных западных медиевистов оживленную дискуссию до сих пор, но она редко касается степных народов.

В книге *«An Introduction»* имеются главы, посвященные истории кимеков и кипчаков. Ученый придерживается мнения о безгосударственном характере образований кипчаков. По мнению Питера Голдена, кимеки смогли создать собственное государство с центром в долине Иртыша. Им были высказаны идеи о монгольском происхождении элитного кипчакского рода олберли (*өльбөрли*). Питер Голден считает, что древнерусско-половецкие отношения накануне монгольского нашествия характеризуются, до известной степени, симбиозом, основанным на военном равновесии обеих сторон. В противоположность печенегам и огузам, их предшественникам в приволжских, северокавказских и причерноморских степях, половцы, не подвергаясь опасности со стороны раздробляющейся Киевской Руси, интегрировались в древнерус-

скую межкняжескую систему. Они установили дружеские отношения с соседними государствами Хорезмом и Грузией, а также с правящими домами, с которыми были брачные союзы. Переход половцев в начале XIII в. к более централизованным, раннегосударственным формам управления был прерван монгольским нашествием.

А.К. Салмин.

P.B. Golden

NOTES ON THE ETYMOLOGY OF SABIR

The problems, concerning the identification of the Xsianbei people of proto- and «para-Mongolian» origin with Sabirs, are scrutinized. The reconstructions of the Late-Khan-Chinese and Mid-Chinese pronunciation of Xsianbei ??() () are as follows: *sian-pie = *Sarbi, with the metathesis > Sabir (?). By the middle of the 2nd century A.D. the Xsianbei, after the disintegration of the empire of the Hsiung-nus, became the hegemons of the nomads of Mongolia (130–180). At that time, if not earlier, the migrations of the Ogur tribes, dependent on the Hsiung-nu aforetime, have begun. Under the onslaught of the empires of the Tabgachs and Zhouzhans, emerged in the 4th century A.D., the Ogur tribes, forced out by the Sabirs and other peoples, turned steps to the west. By the end of the 5th – the beginning of the 6th centuries the Sabirs revealed themselves in the steppes along the Volga and those of the North Caucasus. Those several Sabir words (names), which preserve the sources, can be explained on the basis of Turkic languages, but this is not sufficient to determine, whether they spoke the Ogur or Common-Turkic languages.

Keywords: the Xsianbei people, the formation of the Sabir/Savir people, the etymologies of the tribal names «Sabir/Savir», offered by turcologists, migrations of the Ogur peoples to the western steppes of Eurasia.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© А.Р. Мухамадеев

ОСОБЕННОСТИ НАКАЗАНИЙ ЗА УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ ДОИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА

На основе источников сделана попытка выявить виды и особенности уголовных наказаний в Волжской Болгарии доисламского периода (IX – начало X в.). Наказания этого периода были основаны на древнетюркских традициях. Вместе с тем у волжских болгар имелись свои особенности при приведении наказаний в исполнение.

Ключевые слова: Волжская Болгария, арабские источники, обычное право, преступление, наказание, смертная казнь, заключение, штраф.

Состоянию и развитию права в Волжской Болгарии, как, впрочем, и в других древних и средневековых тюркских государствах, уделяется незаслуженно мало внимания. Если общественно-правовые взаимоотношения на основе мусульманских норм еще находят отражение в научно-исторической литературе, то тема правовых отношений языческого периода в настоящее время практически не разрабатывается. Между тем волжские болгары, как обособленная конфедерация племен, создали на Средней Волге не только свое государство, но и собственную правовую систему на основе древнетюркских традиций. Уголовно-правовые отношения волжских болгар доисламского периода также были основаны на языческих, древнетюркских традициях. Настоящая статья – попытка на основе источников выявить существовавшие в обществе волжских болгар особенности и виды уголовных наказаний.

При применении наказаний за преступления в Волжской Болгарии языческого периода еще сохраняются элементы древнего обычая кровной мести. Принцип талиона при наказании мы можем наблюдать в сообщениях арабского автора Ибн Фадлана, который пишет, как в Волжской Болгарии (начало X в.) казнили убийцу. «И если один человек из них убьет другого

Алмаз Раисович Мухамадеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: almazrm42@mail.ru.

человека намеренно, они казнят его (в возмездие) за него»[1], – отмечает арабский путешественник.

Главной целью наказания еще не стало возмещение ущерба (материального и морального), что характерно для более развитых обществ. Смертной казни подвергались не только убийцы, но и воры, другие преступники.

Способы наказаний у волжских болгар, особенно приведение в исполнение смертной казни, были весьма эффектными. Наряду с простыми казнями (повешение, обезглавливание) применялись и квалифицированные, зачастую необычные меры расправы (рассечение человека пополам, помещение в заколоченный ящик, подвешиваемый на дерево, и другие виды смертной казни). В целях устрашения и предупреждения преступлений, как правило, смертная казнь приводилась в исполнение публично, а тела казненных преступников подолгу оставались на месте казни. Подобные казни среди волжских болгар довольно подробно описаны Ибн Фадланом. Трудно не согласиться с мнением Э.Р. Тагирова, который, упоминая о том, что тела отдельных преступников, великанов-богатырей и людей с необыкновенными умственными способностями не предавались земле, говорит, что некоторые доисламские языческие обряды и ритуалы были весьма необычными и не имели аналогов в других культурах[2].

Известный ученый-юрист Н. Рулан подчеркнул, что вообще право отмечено печатью тайны: обычаи соседей, как правило, неизвестны, это неведение стараются сохранять как можно дольше, каждая группа стремится сохранить свою правовую сферу, которая должна выражать в своем партикуляризме суть группы, где оно родилось. Самое существенное во взглядах Н. Рулана на общую теорию движения права – это процессы, направленные главным образом на освоение, учреждение плюральной структуры общества. Право, по его мнению, должно выражать социологический плюрализм[3].

Можно ли считать наличие особых видов казни попыткой создания волжскими болгарами собственной общественно-правовой сферы? Не исключено. Но необходимо помнить, что государственное образование волжских болгар X в. не было монолитным в этническом плане, а составляло конфедерацию родственных племен с примесью финно-угорского элемента. Несмотря на усиливающийся болгарский этноцентризм, болгарское сообщество, кроме собственно болгар, состояло из родственных племенных групп баранджар, барсил, искилей, сувар и проч. Ибн Фадлан не уточняет, видел ли он лично или слышал об этих казнях и конкретно у какого из названных племен.

Б.Н. Заходер, отметивший случаи смешения отдельных фактов в сочинении Ибн Фадлана в отношении болгар с фактами из жизнедеятельности славян и русов, заметил это и в отношении уголовных наказаний. Так, исследователь приводит пример, что при описании обычаев болгар Ибн Фадлан, как позже и Гардизи, соединяет способы наказания за прелюбодеяние со способом наказания за воровство. В частности, Б.Н. Заходер приводит

пример казни у болгар из сочинения Ибн Фадлана: «А кто из них совершит прелюбодеяние, кто бы он ни был, то заколотят для него четыре сошника, привяжут к ним обе его руки и обе ноги и рассекут (его) топором от затылка до обоих его бедер. И таким же образом они поступают с женщиной. Потом каждый кусок его и ее вешается на дерево… И они убивают вора так же, как убивают прелюбодея»[4]. В другом случае Ибн Фадлан описывает наказание за воровство у русов так: «Если они поймают вора или грабителя, то они поведут его к длинному толстому дереву, привяжут ему на шею крепкую веревку и подвесят его на нем навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей»[5]. Достойным внимания во втором приведенном отрывке Ибн Фадлана исследователь находит совпадение со сведениями Ибн Руста не только в наименовании вора, но и в методе наказания за преступление (удушение)[6]. Несмотря на некоторую путаницу в источниках, отмеченную Б.Н. Заходером, в данном случае важен сам факт прилюдного, публичного привлечения к ответственности преступника и неминуемого наказания за содеянное.

Как было сказано выше, смертная казнь у волжских болгар применялась за самые разные преступления (убийство, прелюбодеяние, воровство и т.д.). Такие же строгие наказания за подобные преступления предусматривались у языческих монголов. Путешественник, монах-францисканец Плано Карпини свидетельствует об их порядках так: «…у них есть закон, или обычай, убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии; также, если и девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину. Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без сожаления»[7].

В целом, подобные уголовные преследования, основанные на принципах талиона, были присущи всем языческим племенам и народам. Для них наказание виновного являлось не показной жестокой казнью, а способом восстановления справедливости и предупреждения преступлений. В обществе, где от преступления могли зависеть жизнь и безопасность других его членов, племени в целом, подобные наказания были в порядке вещей.

В том, что у волжских болгар не встречаем ни одного свидетельства о приведении в исполнение смертной казни более привычным способом, нет ничего удивительного. Вероятней всего, они не настолько впечатляли иностранных путешественников, оставивших поколениям свои наблюдения. О применении смертной казни за совершение тяжких преступлений китайские источники говорили еще во времена азиатских хуннов[8]. У гуннов же мы видим примеры казней преступников через повешение и отсечение головы[9]. Очевидно, были и другие способы наказания, которые для нас остаются неизвестными. М.И. Артамонов по свидетельствам ал-Истахри и Ибн Хаукаля заметил, что хазары настолько повиновались царю, что даже наиболее уважаемые хазарские старейшины лишали себя жизни в том случае, если царь почему-либо признает это нужным, но не желает их открытой казни[10]. Об этом же явлении сообщал и Ш. Марджани[11].

Относительно указанного нами обычая хазар Ибн Хаукаль писал следующее: «А их повиновение своему царю доходит до того, что иногда должно убить кого-то, а он из самых уважаемых, достойных и почитаемых и из занимающих у них высокое положение, и царь не хочет убивать его открыто, и приказывает царь убить себя, и он уходит в свое жилище и убивает себя»[12]. Это, конечно, нельзя объяснить гуманностью хазарского общества, но сама возможность выбрать себе время и способ смерти, покончить с жизнью не перед многочисленной толпой, на глазах ликующих врагов, а за стенами собственного дома давала шанс человеку уйти из жизни достойно. Может быть, в этом скрывалась некая сакральная милость кагана по отношению к осужденным на смерть.

Намек на еще один вид смертной казни, применяемый волжскими болгарами, мы можем найти в татарском народном фольклоре. В предании «Алпамша» хан Кылтап повелевает дочери и старухе, сопровождающей ее, посыпать на героя, находящегося в зиндане, особый яд. Это вещество было способно не только убить, но и уничтожить останки человека[13]. Учитывая то обстоятельство, что в древних и средневековых обществах казнь посредством предоставления яда (отравления) приговоренным к смерти было не таким редким явлением, мы можем предположить, что болгары могли использовать и этот способ наказания виновного.

Н. Баженов писал об отсутствии данных о дате усвоения волжскими болгарами гражданской организации, гражданского общества и о том, что уголовные законы Волжской Болгарии были настолько жестоки, что грозили смертной казнью практически за каждое преступление[14]. Однако это далеко не так. Очевидно, Ибн Фадлан описал наказания за преступления, которые наиболее впечатлили его, не обращая внимания на другие, более обыденные и мягкие формы наказания. Не представляется логичным, что за любой факт кражи болгары приговаривали виновного к смерти.

В целом, надо полагать, что смертная казнь предусматривалась за самые опасные и значимые для общества преступления, такие как убийство, преступление против порядка управления или общественного порядка и др. Позже смертная казнь за кражу или прелюбодеяние могла применяться в особых случаях, а именно, когда вор был застигнут на месте преступления или была украдена особо ценная вещь (например, конь).

Среди тюрков широко применялись и телесные наказания, пытки. Д.И. Иловайский вслед за Ю. Венелиным среди обычаев дунайских болгар назвал «биение пойманного вора дубиной по голове и бодание железными кривыми крюками в ребра»[15]. В «Ответах Николая I на вопросы болгар» римский папа говорит: «Вы пишете, что один грек, выдав себя за священника, окрестил много народа. Когда был обнаружен обман, вы обрезали ему нос и уши и изгнали его… За жестокий поступок виновный подлежит церковному покаянию; крещение же не теряет силы, если оно совершено во имя Троицы»[16]. По сведениям из китайских источников, у хуннов карой за мелкие преступления было уродование (клеймение) лиц преступников[17].

Конкретных сведений о телесных наказаниях непосредственно у волжских болгар мы не имеем. Однако нечто подобное наблюдаем у буртас, входивших в зону влияния болгар, а затем и ассимилировавшихся среди последних. Примером могут стать сообщения о буртасах арабского автора Ибн Руста. Относительно причинения телесных повреждений и ответственности за них у буртас источник у Д.А. Хвольсона переведен так: «Если один из них обидит другого или оскорбит, или поранит ударом или уколом, соглашения и примирения между ними не бывает, прежде чем понесший вред не отомстит обидчику»[18].

Некоторым подтверждением наличию таковых могут служить этнографические материалы о чувашах. О применении телесных наказаний у чувашей в начале XX в. упоминал Н.В. Никольский. Он писал, что телесные наказания применяются в редких случаях, по поводу нарушения имущественных прав. Наказания, по преданию, практиковались очень часто и особенно во время сбора податей[19]. В.Ф. Каховский говорит, что телесным наказаниям подвергались в основном злостные нарушители общественных порядков. Общественному суду и телесному наказанию также подвергались лица, виновные в грабеже и поджоге[20].

Вопрос о наличии у волжских болгар такой формы наказания, как штрафы, на сегодняшний день остается открытым. Констатируя то обстоятельство, что вся система наказаний за те или иные преступления этого периода была основана на обычном праве, а также факт отсутствия в источниках каких-либо упоминаний о штрафах, современные исследователи (Ф.Ш. Хузин, А.З. Нигамаев) отрицают их применение в булгарском обществе[21]. Однако сведения из источников об общественно-правовых взаимоотношениях родственных и современных болгарам народов в полной мере дают основания полагать, что у болгар за определенные правонарушения также налагались штрафы. В целом нельзя отрицать того, что обычное право многих народов предполагало систему штрафов. Показателем тому являются и штрафы, предусмотренные «Русской правдой», несмотря на отсутствие четкой дифференциации штрафов в зависимости от социальной принадлежности в ее первой части («Краткая правда»), в приведенных нами примерах в разделе о видах преступлений.

Ибн Фадлан говорит о гузах, что никто из купцов или кто-нибудь другой не мог совершать омовение в их присутствии, кроме как ночью, когда его не видят. «И это потому, что они гневаются и говорят: “Этот хочет околдовать, так как он уставился в воду”, – и штрафуют его деньгами»[22]. Как было указано выше, штраф как мера наказания был применен у гузов и в отношении преступника, совратившего юношу.

Штрафы как мера наказания издревле применялись среди тюркских народов. В комментариях к главе 110 «Ши цзи» В.С. Таскин привел обоснованные параллели права средневековых киданей и монголов. Определенные аналогии зафиксированы исследователями в традиционном праве ухуаней, тюрков, кыргызов, отчасти монголов-кочевников более позднего времени.

Вместе с тем отмечается в целом более мягкий характер карательных норм позднемонгольского права и отсутствие по непонятным причинам в «Ши цзи» упоминания о самом распространенном наказании у кочевников – имущественном штрафе (главным образом скотом)[23].

В сведениях «Истории албан» о тюркютах, от которых были зависимы хазары и болгары, имеется прямое указание на наличие штрафных санкций как ответственности за преступления. «Тогда князь севера, – говорится в этом источнике, – обратил лицо свое против сыновей своих. Он стал неистовствовать, и страшный гнев его падал на птенцов его. За одно (преступление) он брал пеню – тысячи, за два – десятки тысяч. Он все говорил о страшном возмездии, которое воздано неприятелем нашим…»[24] Как показывают примеры, нет никаких оснований полагать, что штрафы у волжских болгар не имели места. Относительно чувашей Н.В. Никольский отмечал, как у них при взыскании штрафов их размеры определялись состоятельностью виновного, его семьи, положением и семейными повинностями[25]. Штрафы могли налагаться и как основное, и как дополнительное наказание.

Н.Н. Крадин приводит интересное упоминание Сымя Цяня о «тюрьмах» у хунну. Несмотря на то, что заключение под стражу как способ наказания противоречит подвижному образу жизни кочевников, отдельные ученые все же склоняются к мнению о действительном существовании у хунну некоего учреждения наподобие тюрем. Они могли функционировать, например, при ставке шаньюя для содержания преступников до вынесения приговора. Так, еще в начале XX в. у монголов в отдельной юрте содержались преступники, закованные в цепи неимоверной толщины и тяжести. Арестованных во избежание бегства длинными цепями приковывали к юртам так, чтобы они могли передвигаться и вне юрты. Иногда их не приковывали вовсе, а обматывали тяжелыми цепями вокруг шеи, плеч и груди, что являлось достаточным ручательством невозможности побега[26].

Трудно сомневаться в том, что болгары также имели причины для заключения подозреваемых под стражу или ареста виновных. Отзвуки этого мы можем найти в татарском народном фольклоре. Так, в татарском дастане «Алпамыш» Кылтап-патша, захватив Алпамыша в плен, бросает его в глубокую яму специального назначения – зиндан, где тот проводит несколько лет[27]. В некоторых случаях описываются детали устройства зиндана, куда заключили Алпамшу: яма не выступала над земной поверхностью, стены были покрыты отлитым чугуном, сверху зиндан закрывался чугунной решеткой[28]. В сюжетах татарских преданий и сказок главный герой нередко оказывается брошенным в зиндан. Наказание за отдельные тяжкие преступления как бы совмещало смертную казнь с пожизненным заключением, например, описанное Ибн Фадланом заколачивание убийцы в деревянный ящик.

Нет сомнений, что власть правителей, высших военачальников и племенных вождей на местах поддерживалась у древних тюрков строгими, но

привычными, устоявшимися законами. Емкое сообщение дает представление о разнообразной системе наказаний, применявшихся у хунну. Она сконцентрирована в нескольких фразах китайской хроники «Ши цзи» Сыма Цяня: «По существующим среди них законам извлекший (из ножен) меч на один фут подлежит смерти; у виновного в краже конфискуется семья; совершивший легкое преступление наказывается ударами палкой; совершивший тяжелое преступление предается смерти. Самый продолжительный срок заключения в тюрьме – не более десяти дней, и во всем государстве число заключенных не превышает несколько человек»[29].

Из китайских источников С. Максуди определил, что в гуннских и тюркских государствах правовая система наказаний была сосредоточена в руках правящей династии. В частности, он приводит следующую выдержку: «Согласно их (тюрков) уголовным законам мятеж, измена родине, убийство, незаконная связь с чужой женой, кража коня на привязи караются смертной казнью»[30]. Как говорит С. Максуди, невозможно такое положение, при котором право наказания за такие преступления, как мятеж или измена, было бы привилегией частных лиц. Впрочем, наряду с преступлениями, направленными непосредственно против общества или государства, и преступления против личности, такие как кража коня на привязи, вступление в незаконные отношения с чужой женой, также карались государством. Таким образом, заключает исследователь, факт сосредоточения права наказания у тюрков в руках государства несомненен[31].

Впрочем, не следует считать, что каждая казнь застигнутого вора или прелюбодея у болгар производилась при непосредственном участии или с разрешения государственного представителя. Думается, для этого было достаточно общей санкции государства, кару же могли совершать сами общинники или потерпевшие. Не было специальных судей и палачей, справедливость восстанавливалась с одобрения уважаемых в обществе лиц, в той или иной мере причастных к правосудию.

Вместе с тем это не означает, что государством не контролировалась система наказаний. В некоторых случаях (при преступлениях против верховной власти или других тяжких преступлениях, затрагивающих интересы и безопасность общества) причастность представителя власти не вызывает сомнений. С развитием государственности и укреплением центральной власти на местах возможно появление и специальных чиновников. Исследователи Дунайской Болгарии, например, отмечают наличие в государстве специальных чиновников (гражданских или военных лиц), преимущественно из болгарской знати, выполняющих функции различного характера, в том числе и наложение наказаний[32]. Несмотря на то, что в данном случае не говорится, о каких преступлениях идет речь, такое положение дел в определенной мере соответствует предположениям С. Максуди.

Завершая тему о наказаниях, мы можем констатировать, что система наказаний по обычному праву в Волжской Болгарии была достаточно суровой. Мы видим сохранение в болгарском обществе элементов принципа

талиона. Высшей мерой наказания за преступления была смертная казнь, приведение в исполнение которой имело ряд внешних особенностей. Среди других видов наказаний можно назвать телесные наказания, заключение под стражу, штраф. Наряду с простотой система наказаний волжских болгар была довольно эффективна и позволяла соблюдать закон на разных уровнях иерархической лестницы. Общее санкционирование наказания в основном было прерогативой верховной власти.

Литература и источники

[1] *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. С. 137.

[2] *Тагиров Э.Р.* На перекрестке цивилизаций: История татар в контексте культуры мира. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 183.

[3] *Яхтанигов З.* Обычное право на Кавказе: вопросы источников, компиляции и рецепции // История государства и права. 2008. № 24. С. 23.

[4] *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. С. 124.

[5] Там же. С. 125.

[6] Там же.

[7] *Карпини Плано.* История монголов // Из глубины столетий / сост. Б.Л. Хамидуллин. Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. С. 181.

[8] *Максуди Садри.* Тюркская история и право / пер. с турецкого Р. Мухамметдинова. Казань: Фэн, 2002. С. 177.

[9] *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Т. 1. М.: Университетская типография, 1829. С. 155.

[10] *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 411.

[11] *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. 1. Казань: Фэн, 2005. С. 42.

[12] *Ибн Хаукаль*. Книга путей и государств / пер. и коммент. О.Г. Большакова // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 750.

[13] Алпамша / Борынгы татар эдэбияте. Казан: Тат. кит. нэшр., 1963. С. 41.

[14] *Баженов Н.* Казанская история. Ч. 1. Казанское царство. Казань: Тип. Казан. Императ. ун-та, 1847. С. 5.

[15] *Иловайский Д.И.* О славянском происхождении дунайских болгар // Русский архив. 1874. № 7. С. 97.

[16] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867–1057). М.: Астрель; АСТ, 2002. С. 114.

[17] *Максуди Садри.* Указ. соч. С. 177.

[18] *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн Даста. СПб.: Тип. Императ. академии наук, 1869. С. 20.

[19] *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Типографический класс О.Г. Люстрицкой, 1908. С. 77.

[20] *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965. С. 440.

[21] История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. С. 140.

[22] *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана … С. 126.

[23] *Крадин Н.Н.* Империя хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2002. С. 215.

[24] *Артамонов М.И.* История хазар … С. 154.

[25] *Никольский Н.В.* Краткий конспект … С. 77.

[26] *Крадин Н.Н.* Империя хунну … С. 216.

[27] *Урманчеев Ф.И.* Эпические сказания татарского народа: сравнительно-исторические очерки. Казань: Изд-во КГУ, 1980. С. 48; *Его же.* Героический эпос татарского народа … С. 122, 125–126.

[28] Алпамша // Борынгы татар эдэбияте … С. 39–40.

[29] *Крадин Н.Н.* Империя хунну … С. 215.

[30] *Максуди Садри.* Тюркская история и право … С. 230.

[31] Там же. С. 230, 231.

[32] *Ангелов Д.* Проблемы предгосударственного периода на территории будущего Болгарского государства // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: Наука, 1987. С. 14.

A.R. Mukhamadeev

THE SPECIFICS OF PUNISHMENTS FOR CRIMINAL OFFENSES IN THE VOLGA BULGARIA OF THE PRE-ISLAMIC PERIOD

Based on the sources, there was an attempt to reveal the forms and specifics of criminal sanctions in the Volga Bulgaria of the pre-Islamic period (the 9th – beginning of the 10th centuries). The punishments of this period were based on the Old Turkic traditions. In the meantime, the Volga Bulgars had their own specifics in execution of punishments.

Keywords: the Volga Bulgaria, Arabic sources, common law, crime, punishment, death penalty, imprisonment, financial penalty.

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОЙ ЧУВАШИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (НОЯБРЬ 1917–1920 Г.)

ЧГВ, 2015 г., № 10
© В.Н. Клементьев

В центре внимания – становление национально-языковой политики в Чувашии в первые годы советской власти. Дан анализ особенностей языковой политики и языкового строительства, показана деятельность чувашских учреждений, освещены проводимые основные мероприятия.

Ключевые слова: национально-языковая политика, языковое строительство, чувашский язык, переводческо-издательские комиссии, Чувашский отдел при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР.

Вопросы языковой политики первых лет советской власти в Чувашии остаются фактически неизученными в местной историографии. В имеющейся литературе получил освещение главным образом период 1920-х гг., когда в республике проводился целый комплекс системных и целенаправленных государственных мероприятий по созданию условий для употребления чувашского языка в официальной сфере, расширения общественных функций и повышения его социальной роли, получивший название политики реализации чувашского языка[1]. Цель настоящей статьи – восполнить существующий пробел. Предметом исследования являются национально-языковые аспекты в деятельности чувашских учреждений в хронологических рамках ноября 1917–1920 г., то есть до создания Чувашской автономии.

В самодержавной России официальная политика была неприкрыто направлена на поддержание и развитие господствующего положения русского этноса и языка. После Февральской революции 1917 г. на волне демократических свобод и национального подъема проблематика развития национального образования и культуры, книгоиздания и языка стала активно обсуждаться на общенациональных форумах народов Среднего Поволжья и

Владимир Николаевич Клементьев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: ds26263@yandex.ru.

Приуралья, общечувашских съездах. Так, на Первом съезде мелких народностей Поволжья (15–22 мая 1917 г.) были приняты следующие решения: признать весьма полезным и нужным издание учебников и учебных пособий на языках народностей Поволжья; языком преподавания в низших и средних национальных учебных заведениях региона должен быть язык материнский; в существующих русских средних общеобразовательных учебных заведениях, где обучаются дети «инородцев», ввести для них преподавание родного языка, истории, географии и этнографии этих народов; в основе всей организации внешкольного образования нерусских народов лежит родной язык; в целях развития родного языка каждая народность образует особое «Общество ревнителей родной литературы и языка»[2]. В решениях съезда также говорилось о необходимости вести судопроизводство на местном (материнском) языке, а «журналы заседаний, протоколы, резолюции, приговоры, заключение экспертов и решения – на государственном языке»[3]. В резолюциях I Общечувашского национального съезда (20–28 июня 1917 г.) указывалось: съезд принципиально высказывается за преподавание на родном языке на всех ступенях обучения; языком преподавания в чувашской национальной школе во все годы обучения является материнский, чувашский язык; в программу чувашских учительских семинарий необходимо ввести преподавание родного языка, истории, этнографии и географии чувашей; желательно учреждение при Казанском университете кафедры по языку, истории, этнографии и географии чувашей; следует развивать сеть библиотек-читален, пропагандирующих литературу на чувашском языке; немедленно приступить к изданию учебников для начальных школ на чувашском языке; добиваться, чтобы чувашская интеллигенция всемерно содействовала издательской деятельности; составить и издать каталог книг на чувашском языке[4]. Общечувашским съездом было особо подчеркнуто, что в целях «теснейшего объединения чуваш всех местностей по языку в издательской деятельности необходимо пользоваться языком, употребляющимся в переводах уже в течение 45 лет»[5].

Воплощаться в жизнь декларации и положения о равноправии и широком использовании чувашского и других национальных языков, выдвинутые на общечувашских и региональных съездах народов Поволжья, начали в послеоктябрьский период на основе законов, принятых советским правительством и в связи с созданием официальных органов по работе среди чувашского населения – Казанского комиссариата по чувашским делам, Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР, чувашских отделов, подотделов и секций при губернских, уездных советских и партийных органах. Образованный в марте 1918 г. Казанский комиссариат по чувашским делам 13 апреля в газете «Канаш» опубликовал извещение, что каждый чуваш «может говорить всюду на родном языке и писать бумаги на нём во все учреждения». В этом же номере было размещено объявление о том, что в различные учреждения нужны будут знающие чувашский и русский языки и «потому комиссариат приглашает быть переводчиками и подать соответ-

ствующие заявления»[6]. 13 апреля 1918 г. Комиссариат по чувашским делам направил обращение комиссару юстиции Казанской советской рабоче-крестьянской республики, в котором просил об издании приказа и инструкции, обеспечивающих право неограниченного пользования родным языком для нерусских народов в местных судах, «кои непосредственно функционируют среди инородческого населения»; об обеспечении возможности перевода, издания и распространения декретов и распоряжений центральной власти; «касательно суда на инородческих языках»[7]. Казанским комиссариатом по чувашским делам был подготовлен проект декрета о равноправии татарского и чувашского языков. В его первом пункте говорилось: «Отныне татарский и чувашский языки в пределах Казанской республики вводятся во все правительственные и общественные учреждения как равноправные со считавшимся до сего времени государственным русским языком»[8].

29 апреля 1918 г. общее собрание Казанского Совета рабочих и крестьянских депутатов утвердило постановление «Об объявлении языков народов Поволжья официальными на территории губернии». Докладчик на собрании комиссар по национальным делам Казанской советской рабоче-крестьянской республики С.Г. Саид-Галиев в своем выступлении отметил, что «признание языков поволжских народов официальными необходимо – это желание и стремление народов к самоопределению»[9]. Было принято решение, что разработкой мероприятий по проведению данного постановления в жизнь займется специальное совещание при Комиссариате по национальным делам Казанской республики; в него войдут представители различных общественных и государственных учреждений и организаций[10].

С учетом этих решений 5 июня 1918 г. Казанский комиссариат по чувашским делам разослал письма в адрес Лаишевского, Тетюшского, Цивильского, Свияжского, Козьмодемьянского, Чебоксарского, Симбирского, Буинского, Уфимского, Белебеевского, Стерлитамакского, Бугурусланского уездных Советов, доводя «до сведения всего чувашского народа», что во всех правительственных и общественных учреждениях можно говорить и писать заявление на родном языке, что при комиссариате функционирует отдел печати и переводческий, где могут быть переведены прошения и заявления и даны «нужные советы». Комиссариат обязал уездные Советы направить копии данного письма в волостные Советы, «а последние по разъяснению населению» его содержания должны сообщить об этом комиссариату[11].

Разгоревшаяся летом в Поволжье Гражданская война приостановила активно начатые мероприятия в области национально-языковой политики среди чувашей. Лишь с конца 1918 г., когда стабилизировалась военно-политическая обстановка, проблематика языкового строительства вновь встала на повестку дня. Состоявшееся 15 ноября 1918 г. при Коллегии по делам национальностей Казанского губернского Совета депутатов совещание представителей народностей Поволжья с участием В.А. Мухина (от мари), Н.В. Никольского (от чувашей), М.Е. Евсевьева (от мордвы) и др. за-

слушало доклад П.Н. Эсливанова о преподавании местных языков, истории и этнографии в учительских семинариях Казанской губернии. По результатам обсуждения приняли решение создать комиссию для разработки программы по изучению родного языка, истории и этнографии мелких народностей, предоставив ей право «приглашать специалистов из научного мира». В её состав включили от народа мари – В.А. Мухина, от чувашей – Н.В. Никольского, от мордвы – Евстигнеева, от вотяков (удмуртов) – И.С. Михеева, от кряшен – Г.А. Филиппова, а также Емельянова, П.Н. Эсливанова и М.Н. Подьячева[12].

18 ноября 1918 г. Чувашским отделом при Наркомнаце РСФСР был рассмотрен Устав о научной коллегии, организуемой при подотделе культуры и просвещения Чувашского отдела, в функции которой входили и вопросы разработки языка чувашского народа. Членами научной коллегии были намечены: по вопросам истории и этнографии – Н.В. Никольский, «как языковед» – Н.И. Ашмарин, «как природовед» – А.В. Васильев, «по медицине» – С.М. Вишневский[13]. На организационном заседании научной коллегии 20 ноября 1918 г. были обсуждены предложения Чувашского отдела о принятии списка политических терминов, перешедших в чувашский язык с русского языка и переработанных для употребления в газете «Канаш», а также просьба Акулевского волостного учительского союза о напечатании двух пьес, переведенных на чувашский язык: «Пăсăлнăскер» (Порченый; автор Т.Т. Семенов) и «Сӳткеленчĕк» (Идиот; автор Ф.М. Достоевский). Обсудив предложения, коллегия поручила: 1) редактору газеты «Канаш» произвести сводку всех слов и терминов политического характера, вошедших в чувашский язык со дня революции; 2) заведующему подотделом культуры и просвещения А.В. Васильеву и редактору сельскохозяйственного журнала «Ана» (Нива) осуществить сводку научных терминов; 3) собранный материал представить «для надлежащей разработки в научную коллегию»[14]. Касательно просьбы Акулевского волостного учительского союза коллегия дала указание Н.И. Ашмарину предварительно рассмотреть «со стороны чистоты языка» и исправить рукописи пьес[15].

Одна из важнейших проблем, которая встала в процессе осуществления мероприятий в области национально-языковой политики, – кадровая. Нужно было вовлечь в эту работу и активно использовать весь научно-педагогический потенциал. В этих целях, в частности, подотдел культуры и просвещения Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР в ноябре 1918 г. обратился в коллегию своего отдела «спешно войти в Наркомпрос с ходатайством» об утверждении «имеющих священнический сан, но специалистов-знатоков чувашского языка М.П. Петрова, И.Д. Никитина и И.А. Афанасьева» преподавателями чувашского языка в семинариях. (Казанский губернский отдел народного образования, строго придерживаясь декретов советской власти, не допускал указанных лиц к преподавательской работе[16].) В своем обращении подотдел культуры и просвещения информировал Чувашский отдел, что «названные лица нигде не состоят священно- и церков-

нослужителями и не исполняют ролей таковых»: И.Д. Никитин «уже снял рясу и остриг волосы», М.П. Петров «не намерен служить священнослужителем», готовит учебники по чувашскому языку и «продолжает свои работы по истории чуваш»; И.А. Афанасьев «давно работает в области просвещения и имеет труды, преследующие цели просвещения чувашского пролетариата»[17]. По ходатайству Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР коллегия научного отдела Наркомпроса РСФСР в июне 1919 г. распорядилась в целях поощрения авторитетному чувашскому языковеду Н.И. Ашмарину выдать премию в размере 10 000 руб. «за научные заслуги перед чувашской нацией», а также предложила ученому представить общий план научных работ по чувашскому языку и «сообщить научному отделу, какие работы производятся им в настоящее время»[18].

Для решения задач в сфере национально-языковой политики стал создаваться соответствующий организационный механизм, прежде всего в виде переводческо-издательских комиссий в уездах с чувашским населением. Одной из первых возникла переводческая комиссия при Цивильском уездном отделе народного образования. 6 февраля 1919 г. состоялось её организационное собрание с участием преподавателя Цивильской первой советской школы II ступени Г.И. Комиссарова, председателя Цивильского уездного исполкома Совета депутатов Л.А. Архипова, заведующего отделом управления Цивильского уисполкома Советов Ф.С. Степанова, а также Н.К. Сверчкова, В.П. Назаровой, А.И. Меркурьевой, Г.Ф. Липатова, И.Ф. Афанасьева, Н.И. Иванова, членов президиума Союза учащихся-чувашей: Н. Павлова, К. Осипова и др. На совещании были решены организационные вопросы: определены задачи и функции переводческой комиссии и ее взаимоотношения с уездным отделом народного образования. Организуемая переводческая комиссия должна была обслуживать «все инородческое население уезда» – чувашей, татар-мусульман, кряшен – «переводными и оригинальными произведениями школьного, внешкольного и общего характера»; функционировать как подотдел отдела народного образования и называться «Переводческая комиссия при Цивильском уездном отделе по народному образованию». Был избран президиум переводческой комиссии: членами – Г.И. Комиссаров, В.П. Назарова, Н.К. Сверчков, кандидатами в члены – А. Меркурьева, Г.Ф. Липатов[19]. 7 февраля 1919 г. состоялось первое рабочее заседание переводческой комиссии при Цивильском уездном отделе по народному образованию, на котором были распределены обязанности между членами президиума: Г.И. Комиссарова избрали его председателем, В.П. Назарову – секретарем, Н.К. Сверчкова – свободным членом и заместителем председателя[20]. На этом же заседании рассмотрели и одобрили перевод на чувашский язык рукописи ветеринарного врача Д.Н. Талызина «Чесотка у домашних животных», сделанный Г.И. Комиссаровым[21]. На заседании Цивильской переводческой комиссии 4 марта 1919 г. были приняты решения: о разработке директив для уездных переводческих ячеек и «лиц занимающихся переводом», представлении проекта Устава пе-

реводческой комиссии на утверждение коллегии отдела народного образования, выработке текста обращения к учительству Цивильского уезда с призывом «собирать материалы народного словесного творчества»[22].

Очень важным для определения перспектив и содержания деятельности Цивильской переводческой комиссии стало заседание от 5 марта 1919 г. В ходе обсуждения ее работы были затронуты «болевые точки». Г.И. Комиссаров обратил внимание на нехватку средств, перегруженность типографии, отсутствие списка литературы для переводов, широкой инициативы в переводческом деле на местах, и необходимость координации переводческих работ в других местах (Ядрин, Казань, Чебоксары). Он отметил, что комиссия намеревается разослать программы для собирания сведений о чувашах, составленные им самим, Н.В. Никольским и Н.И. Ашмариным; указал на потребность в букваре и грамматике чувашского языка[23].

Член Казанского губернского отдела управления Т. Шалыто в своем выступлении отметил отсутствие «среди чуваш сборников народного творчества» и признал целесообразным перевод в «мелких переводческих ячейках учебников и брошюр по профессионально-техническим вопросам», а переводы произведений изящной литературы предоставить крупным центральным переводческим организациям в Казани; предложил переименовать комиссию и провести «принцип централизации в целях координации работ»[24]. С этим предложением согласились Г.И. Комиссаров и заведующий Цивильским отделом народного образования И.А. Андреев. Последний заявил, что не будет возражать против названия «переводческо-издательская комиссия», высказался за необходимость централизации переводческого дела «во избежание параллельности работ и никчемной траты энергии»[25]. Сотрудник Цивильской переводческой комиссии Д.М. Туймедов указал на острую нужду в «инородческой» литературе, отсутствие опыта у работников и директив руководящих органов, дублирование работы, выступил за то, чтобы комиссия действовала через волостные ячейки, объединив их работу[26]. А. Меценатов рассказал о деятельности созданной в Чуратчинской волости при культурно-просветительном кружке переводческой комиссии, которая перевела на чувашский язык пьесы «От ней все качества», «Власть тьмы» (автор Л.Н. Толстой), «Порченый» (автор Т.Т. Семенов). Н.М. Туймедов в свою очередь проинформировал о начале работы переводческой комиссии, организованной при правлении Союза учащихся в Арабосинской волости. Представитель Кокшакасинской переводческой ячейки Степанов указал, что ячейка «страдает от недостатка директив», ею составлен и переведен ряд пьес. Он подчеркнул, что учителя работают в секции активно, не требуя за это вознаграждения[28]. В.П. Назарова высказала о необходимости собирать фольклорные материалы, переводить учебники, пьесы, брошюры по сельскому хозяйству, ветеринарии и медицине[29].

На заседании 5 марта 1919 г. были приняты обращение «К учительству Цивильского уезда» и Положение о переводческо-издательском подотделе Цивильского уездного отдела народного образования. В обращении

к учителям говорилось о задачах подотдела: распространение среди нерусского населения уезда оригинальной и переводной литературы на «родном ему языке» чувашском, татарском и крещено-татарском; звучал призыв образовать переводческие секции при учительских организациях, собирать и направлять в подотдел произведения народно-словесного творчества; отмечалась необходимость осознать «важность переводческого дела в текущий момент», нести в свет знания в доступной нерусскому трудящемуся форме – «на родном ему наречии»[30].

В Положении о переводческо-издательском подотделе говорилось, что преобразование переводческой комиссии в подотдел вызвано необходимостью «придать этой организации конструкцию существующих советских учреждений и стремлением поставить её в тесную связь с уездным отделом народного образования»[31]. Формулировались цели и задачи подотдела: оживление и объединение переводческо-писательского дела в Цивильском уезде; подготовка к печати литературных материалов школьного, внешкольного и общего характера «на наречиях нерусского населения Цивильского уезда»; наблюдение за печатанием этих материалов. Структурно подотдел разбивался на секции – чувашскую, татаро-мусульманскую и кряшенскую – во главе с заведующими (организация двух последних секций зависела «от желания и инициативы самих мусульман и кряшен Цивильского уезда»). На подотдел возлагались руководство и координация деятельности всех переводческих комиссий или секций, организованных при волостных органах или культурно-просветительных организациях Цивильского уезда. Сотрудниками подотдела считались «все лица, занимающиеся переводом книг и брошюр и составлением оригинальных произведений на языках нерусского населения Цивильского уезда и представляющие свои работы в подотдел»[32].

До 20 августа 1919 г. работой подотдела руководил Г.И. Комиссаров, с 20 августа – А.В. Васильев. Секретарями подотдела были В.П. Назарова (до 1 ноября 1919 г.), Алексеев, членами коллегии подотдела являлись Н.К. Сверчков и В.Г. Алексеев, делопроизводителем Н.И. Иванов. Летом 1919 г. в составе подотдела были созданы кряшенская (заведующий Романов, учитель Молькеевской школы I ступени) и мусульманская секции (заведующий Баширов).

Переводческо-издательским подотделом были организованы переводческие комиссии в волостях Цивильского уезда: Староарабосинской, Новоковалинской, Цивильской, Янтиковской, Яниково-Шоркисринской, Чуратчинской, Старотябердинской, Шибылгинской, Шихазановской, Тобурдановской, Новомамеевской[33].

Центральное место в деятельности Цивильского переводческо-издательского подотдела занял подбор литературы, предназначенной для перевода, оценка переводов, сделанных местными комиссиями, руководство волостными переводческими ячейками, привлечение к работам всех лиц, «интересующихся вопросами просвещения иноязычных народностей По-

волжья»[34]. Так, на заседании подотдела 2 апреля 1919 г. была отмечена необходимость составить список книг, «предназначаемых для перевода в первую очередь», известить переводческие ячейки о немедленной присылке в подотдел имеющихся рукописей переводов и оригиналов; информировать ячейки «о желательности с точки зрения подотдела переводов в первую очередь учебников, брошюр по естествознанию, сельскому хозяйству и пьес». На этом же заседании был заслушан доклад Г.И. Комиссарова о переводах по сельскохозяйственным вопросам кружка учащихся-чувашей «Пёрлешӳ» (Союз). Приняли решение: «эти первые опыты по переводу могут быть признаны годными по достаточном исправлении их»[36].

1–7 июля 1919 г. переводческо-издательский подотдел Цивильского уездного отдела народного образования провел весьма представительное совещание с участием уездных и волостных советских работников, представителей местных переводческих комиссий, специалистов в области чувашского языка (Н.И. Ашмарин, Ф.Т. Тимофеев, П.И. Иванов, И. Афанасьев, А. Меценатов). Примечательна повестка дня: доклад подотдела; об орфографии иностранных слов на чувашском языке; доклады с мест; организация мусульманской и кряшенской секций подотдела; отзывы о просмотренных рукописях; о форме контакта с другими культурно-просветительными учреждениями; об организации переводческого дела во время курсов и др.[37] С докладом о работе переводческо-издательского подотдела выступил Г.И. Комиссаров. В ходе его обсуждения было высказано мнение, что в подотделе необходимо иметь специального инструктора, а волостные ячейки следует организовать по единому принципу при волостных отделах народного образования. Оживленная дискуссия развернулась по вопросу об орфографии иностранных слов на чувашском языке. Туймедов заявил «о неосновательности переделки интернациональных слов», Г.И. Комиссаров, поставив вопрос, «оставлять ли интернациональные слова в их в первоначальной транскрипции или искажать», привел мнение профессора Н.Ф. Катанова, что «надо считаться с законами своего языка», и заявил, что нужны орфографический словарь и словарь неологизмов[38]. В.П. Назарова попросила высказаться по этому вопросу Н.И. Ашмарина («с точки зрения ученого-специалиста») и А. Васильева (как сотрудника редакции газеты «Канаш»). А. Васильев отметил, что идея изменения слов принадлежит заведующему Чувашским отделом при Наркомнаце РСФСР Д.С. Эльменю и вызвана в том числе отсутствием некоторых звуков в чувашском языке (например, «ф» и «ц»), а также требованиями языка. Н.И. Ашмарин выступил с пространной речью, подытожив её следующим образом: «Вопрос возможно решить пока так: возможно меньше иностранных слов, храбро вводить неологизмы, стараться переводить сущность слов»[39].

Бóльшую часть совещания заняло обсуждение докладов местных переводческих ячеек. Туймедов из Староарабосинской волости отметил слабость переводческой работы из-за недостатка переводческих сил, отсутствие библиотек. Представитель Новоковалинской волости Михайлов

рассказал о трудностях организации переводческой ячейки, перечислил переведенные книги: «Чужое добро впрок не идет» и «Суд людской, не Божий» Потёхина, «Власть тьмы», «Первый винокур» Толстого. Докладчик из Цивильской волости Степанов говорил о том, что переводческо-издательская секция действует при волостном учительском союзе, сделан перевод оригинальной детской пьесы, драмы и брошюры «Сибирская язва». Ф. Тимофеев из Янтиковской волости рассказал, что переводческая ячейка организована, но работает мало, долго не знала, какую литературу переводить; нет словарей и подготовленных переводчиков; необходим список книг для переводов, также нужно проводить совещания представителей волостных переводческих ячеек. Несмотря на трудности, как подчеркнул докладчик, ячейкой сделаны переводы пьес «Хирургия» и «Злоумышленник» (автор А.П. Чехов), «Волк и кукушка» (автор И.А. Крылов) и др.[40]

Докладчик из Чуратчинской волости Н. Липатов обратил внимание на то, что хотя переводческая комиссия организована давно, «но долго блуждала в поисках путей работы»; учительство «инертно в переводческом деле». Переводческой комиссией сделаны переводы: «Крестьянский огород» (автор И.С. Гетнер), «От сохи к ружью» (автор П.В. Засодимский), «Семья и коммунистическое государство» (А.М. Коллонтай и др.), выполнен ряд заказов 5-й армии. Докладчик из Старотябердинской волости, кряшен Б. Романов подчеркнул, что «дело перевода среди кряшен только начинается», но уже переведены несколько политических брошюр, намечены переводы детских книг и сельскохозяйственной литературы. И.Е. Ефимов из Шихазановской волости сказал, что переводческая комиссия действует при Шихранской семинарии и работает главным образом по «заказам 5-й армии»[41].

Подвел итоги обсуждения Г.И. Комиссаров. Он констатировал: в некоторых волостях нет переводческих ячеек, имеющиеся слабо контактируют с подотделом, с их стороны не проявляется необходимых усилий, не хватает справочной литературы для переводов. Оценку Комиссарова поддержали Ф. Тимофеев, Н. Липатов, П.И. Иванов, которые говорили о необходимости словарей. Липатов предложил организовать «центр для составления словаря». П.И. Иванов напомнил о словаре Н.В. Никольского и указал на актуальность разработки вопроса терминологии[42].

По результатам обсуждения совещание приняло предложение о необходимости издания словаря, о широком информировании и популяризации переводческо-издательского дела[43].

Последними вопросами, рассмотренными на совещании, стали организация татарской переводческой секции и работа по переводам во время курсов. Представитель татар А. Ахметов подчеркнул, что «вопрос о желательности татарской секции ясен, в области перевода татарами и мусульманами по уезду ещё ничего не сделано»; нужна секция с особым заведующим и инструктором по переводческому делу[44]. Г.И. Комиссаров также подчеркнул «необходимость оформить секцию», причем ее заведующий должен быть «только на месте, в Молькееве (кряшенское село. – *В.К.*)»[45].

Учитель А. Табаков в своей речи заявил, что совместным мусульманокряшенским заседанием решено пока иметь общего заведующего для татарской и кряшенской секций. Это соглашение счел приемлемым и А. Ахметов, предложивший в перспективе организовать переводческую мусульманскую ячейку или в с. Акзегитово Новоковалинской волости, или в д. Чутеево Старотябердинской волости, или же в с. Урмаево Кошелеевской волости[46].

По вопросу об организации переводческого дела во время курсов участники совещания приняли решение о необходимости составления словаря и учебников, исправления и дополнения существующего словаря Н.В. Никольского, обсуждения вопросов издательско-переводческого дела в национальных собраниях учащих (учителей)[47].

Переводческие комиссии функционировали и в других уездах с чувашским населением (Чебоксарский, Ядринский, Козьмодемьянский и др.)[48]. Однако их деятельность не была столь активной и содержательной, как переводческо-издательского подотдела в Цивильском уезде, что прежде всего объясняется субъективным фактором: Цивильскую организацию возглавлял Г.И. Комиссаров – инициативный и авторитетный общественный деятель, просветитель, литератор и педагог, имеющий большой опыт научной, литературной и издательской деятельности.

Наряду с уездными переводческо-издательскими органами, с весны 1919 г. стала функционировать созданная 27 марта по решению подотдела культуры и просвещения Чувашского отдела при НКН РСФСР, «временно заменяющая научную коллегию» комиссия по организации издательско-переводческого дела. В нее вошли Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, А.И. Ярлыкин, Н.М. Туймедов, М.А. Алексеев, В.П. Назарова и А.Т. Быков. Комиссии поручалась проверка старых учебников, перевод учебной литературы, одобренной Наркомпросом, издание учебников для школ I и II ступени. По предложению Н.В. Никольского приняли решение издать в первую очередь «Синтаксис» Н.И. Ашмарина, а затем – конспект по грамматике Н.В. Никольского[49].

На заседании 28 марта 1919 г. временная издательско-переводческая комиссия при подотделе культуры и просвещения Чувашского отдела НКН РСФСР утвердила порядок издания книг на чувашском языке: в первую очередь это учебники, детская литература, пьесы, национальные песни, научно-популярная литература. Она рассмотрела вопрос о «распределении работ по издательству между членами комиссии»: Н.В. Никольскому поручались история и этнография; Н.И. Ашмарину – природоведение, география и выяснение принципиальных вопросов по материалам для хрестоматии; В.П. Назаровой – ознакомление с учебниками арифметики, геометрии и составление отзывов о них; Адрианову – просмотр материалов по музыке, пению, пьес и отзывы о них; Н.М. Туймедову – ознакомление с книгами для чтения для школ I ступени; А.И. Ярлыкину – техническая сторона издательского дела[50]. Комиссия обсудила вопрос об оборудовании собст-

венной чувашской типографии и приняла решение в качестве таковой «приспособить одну из имеющихся типографий». На ее заседании также было решено выделить в журнале «Шурӑм пуç» (Заря) разделы «Народное образование» и «Язык и словесность»[51]. (Между прочим, в июле 1919 г. на пост редактора журнала «Шурӑм пуç» рекомендовался специалист в области чувашского языка Ф.Т. Тимофеев. Предлагая его кандидатуру, ответственный работник Чувашского отдела при НКН РСФСР Архип Лукин руководствовался следующим: «нам необходимо выработать литературный язык, а мы это пока можем через этот журнал. По указанной части как раз был [бы] подходящим т. Тимофеев»[52]).

31 марта 1919 г. на основании запроса временной комиссии по издательско-переводческому делу подотдел культуры и просвещения Чувашского отдела разослал под грифом «срочно» в Самару, Бузулук, Бугульму, Мелекесс, Белебей, Буинск, Курмыш, Симбирск, Ядрин, Спасск, Чебоксары, Козьмодемьянск, Чистополь, Цивильск, Тетюши и другие города телеграммы, в которых предлагал поставить в известность все имеющиеся в уездах переводческие комиссии, что «приступлено к издательству на чувашском языке» и потому готовые переводы и список намеченной к переводу литературы следует представить подотделу, в первую очередь выслать перевод учебников, детской литературы и научно-популярных брошюр[53].

В задачи временной издательско-переводческой комиссии входили не только учет переводной литературы, но и координация работы по переводам. К примеру, на заседании 1 апреля 1919 г. по докладу Н.И. Ашмарина об издании чувашской хрестоматии, учебников по географии, истории она постановила: учебник географии Иванова направить для перевода в Шихранскую учительскую семинарию; книги по географии России А.П. Нечаева, «Среднее Поволжье» А.В. Трупчинского, «Волгу» М. Черняева отослать для перевода в Тетюшскую учительскую семинарию; перевод учебников по географии России А.Е. Спиридонова, А.А. Ивановского и К.М. Курдова поручить Большечурашевской семинарии. По докладам Н.В. Никольского об издании на русском языке труда Н.И. Ашмарина «Болгары и чуваши» и об издании брошюр и трудов по этнографии чувашей временной комиссией решение было такое: перевод работы Н.И. Ашмарина «Болгары и чуваши» и «Конспекта по этнографии чуваш» Н.В Никольского поручить Г.И. Комиссарову; перевод учебников истории М.М. Ковалевского и Р.Ю. Виппера – Ф.Т. Тимофееву; «Краткий курс русской истории» Е.А. Звягинцева, «Века и люди» (составители А. Бернашевский, Е.А. Звягинцев) для перевода направить в Большечурашевскую учительскую семинарию[54].

Помимо дела организации переводов, в непосредственные функции временной комиссии входила и организация издательской деятельности. В целях решения кадровых проблем она поручила А.И. Ярлыкину подобрать для типографии наборщиков «с образованием не ниже 2-классного училища»; обратилась к военному комиссару с. Аликово Волкову с запросом «о наборщиках-чувашах, служивших раньше в типографиях». Для бóльшей резуль-

тативности в деле издания чувашской литературы комиссией было рекомендовано сосредоточить издание чувашской литературы в типографии Казанского университета[55].

Организационный механизм по реализации национально-языковой политики среди чувашского населения в период Гражданской войны не был неизменным и подвергался постоянной корректировке. I Всероссийским съездом работников культуры и просвещения среди чувашей (28 июля – 6 августа 1919 г.) решено было учредить при Центральном чувашском издательстве переводческо-издательскую комиссию[56]. Ее организационное собрание состоялось в отделе печати Чувашского отдела Наркомнаца РСФСР 7 августа 1919 г. под председательством Д.С. Эльменя. На заседании избрали президиум переводческо-издательской комиссии: председателем стал Г.И. Комиссаров, секретарем – А.Г. Григорьева, членом – А. Зайцев; президиуму поручили составить план работы комиссии. На этом собрании обсудили вопрос об организации на местах отделений и подкомиссий переводческо-издательской комиссии. Постановили: центральной переводческо-издательской комиссии «в самом ближайшем времени» составить подробную инструкцию для руководства местными переводческими органами, называемыми «переводческими комиссиями»[57].

Однако уже в марте 1920 г. на заседании коллегии Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР было решено ликвидировать «ныне существующие переводческие подкомиссии»; поручить центральной комиссии «в дальнейшем переводы направлять не в подкомиссии, а отдельным специалистам»; все переводы и другие литературные произведения должны редактироваться в центральной переводческо-издательской комиссии[58].

Такое решение можно объяснить, с одной стороны, стремлением улучшить качество переводов и централизовать их, с другой стороны – усилением партийно-советского контроля над издательско-литературной деятельностью. Об этом свидетельствуют обращение Чувашского отдела при НКН РСФСР в президиум Симбирского губернского Совета депутатов от 10 октября 1919 г. и постановление коллегии подотделов Чувашского отдела от 24 декабря 1919 г. «О словаре Никольского, изданного Казанским губотнаробом (губернским отделом народного образования. – *В.К.*) в 1919 году». В обращении в Симбирск Чувашский отдел указывал, что, несмотря на неоднократные предложения с его стороны «о предоставлении изданных на чувашском языке книг», чувашский подотдел Отдела национальностей Симбирского губернского исполкома Совета «таковые в Чувашский отдел» не предоставляет. Между тем, как подчеркивалось в обращении, «Чувашский отдел Народного комиссариата по национальным делам несет ответственность перед центральным правительством за все издания на чувашском языке и одной из задач Отдела является и контроль изданий на чувашском языке»[59].

В постановлении коллегии подотделов Чувашского отдела о словаре Н.В. Никольского доводилось до сведения Казанского губернского отдела

народного образования, что «ни одно печатное произведение на чувашском языке помимо Чувашского отдела не может быть издано». Коллегией словарь Никольского был признан «не подлежащим распространению» «как неправильно передающий значение русских слов на чувашском»[60].

Вместе с тем руководящее чувашское учреждение поддержало издание трудов Н.И. Ашмарина по чувашскому языку. На заседании коллегии Чувашского отдела 26 января 1920 г. было принято решение «приступить к немедленному изданию научных трудов Н.И. Ашмарина» и в первую очередь опубликовать «Материалы для исследования чувашского языка», «Опыт исследования чувашского синтаксиса» в двух частях, «Этимологию чувашского языка», «Сказки»[61].

После Октябрьской революции 1917 г. впервые стали воплощаться в жизнь чаяния национальной интеллигенции о равноправии чувашского языка, придании ему статуса официального, широком использовании в сфере образования и культуры. Главные акценты в реализации национально-языковой политики в первые годы советской власти были сделаны на переводческо-издательской деятельности (была продолжена традиция дореволюционных переводческо-издательских комиссий, руководимых Н.В. Никольским, Д.Ф. Филимоновым). Продолжилась работа в области кодификации и нормализации чувашского языка с привлечением выдающихся исследователей Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, а также Ф.Т. Тимофеева и др. В то же время проявились и ограничения свободы их научной деятельности по мотивам «классовой политики» Советского государства и правящей партии.

В рассматриваемый период меры в области национально-языковой политики не были системными; отсутствовал постоянный и устойчивый организационный механизм, осуществляющий их разработку и координацию. Этому способствовали обстановка Гражданской войны, напряженная социально-политическая и экономическая ситуация, а самое главное, чувашский народ не был еще выделен в отдельную административно-территориальную единицу. Поэтому наиболее активная и содержательная фаза национально-языковой политики пришлась на 1920-е гг.: после создания Чувашской автономии, период новой экономической политики и связанной с ней демократизации общественно-политической и национальной жизни.

Литература, примечания и источники

[1] *Клементьев В.Н.* Из практики реализации национально-языковой политики в Чувашской автономной области (1920–1925 гг.) // Российская тюркология. 2012. № 2 (7). С. 82–91; *Петров Н.П.* Чувашский язык в советскую эпоху: развитие социальных функций и литературных норм. Чебоксары, 1980.

[2] I общее собрание представителей мелких народностей Поволжья (Съезд мелких народностей), г. Казань, 15–22 мая 1917 г. // Съезды народа мари: документы и материалы 1917–2004 гг. Йошкар-Ола, 2008. С. 29, 36, 37, 41, 42.

[3] Там же. С. 16.

[4] Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 года. Симбирск, 1917. С. 16, 21, 23, 24, 28.

[5] Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 года. Симбирск, 1917. С. 30.

[6] Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 56.

[7] Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2 об.

[8] Там же. Л. 119.

[9] Образование Татарской АССР: сб. документов и материалов. Казань, 1963. С. 52.

[10] Признание языков Поволжья официальными // Знамя революции. 1918. 10 мая (27 апреля). С. 3.

[11] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 39. Л. 24–24 об.

[12] Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. II. Ед. хр. 431. Инв. № 1112. Л. 247–248.

[13] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 60. Л. 214.

[14] Там же. Л. 215–215 об.

[15] Там же. Л. 215 об.

[16] Там же. Д. 72. Л. 47.

[17] Там же. Л. 47 об.

[18] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 95. Л. 99.

[19] Там же. Д. 108. Л. 1–2.

[20] Там же. Л. 3–3 об.

[21] Там же. Л. 3 об.

[22] Там же. Л. 4–4 об.

[23] Там же. Л. 6–8.

[24] Там же. Л. 6–6 об.

[25] Там же. Л. 6 об.

[26] Там же.

[27] Там же. Л. 7.

[28] Там же. Л. 8.

[29] Там же.

[30] Там же. Л. 37.

[31] Там же. Л. 38.

[32] Там же. Л. 38–39.

[33] Там же. Д.138. Л. 2 об. – 3.

[34] Там же. Л. 2 об.

[35] Там же. Д. 111. Л. 33.

[36] Там же. Л. 33 об.

[37] Там же. Д. 95. Л. 109.

[38] Там же. Л. 109 об.

[39] Там же. Л. 109 об. – 110.

[40] Там же. Л. 110–111 об.

[41] Там же. Л. 111 об. – 112.

[42] Там же. Л. 112.

[43] Там же.

[44] Там же. Л. 112 об.

[45] Там же. Л. 112 об.–113.

[46] Там же. Л. 113.

[47] Там же. Л. 113–113 об.

[48] Там же. Д. 30. Л. 475 об.; Д. 138. Л. 32–32 об.

[49] Там же. Д. 111. Л. 2–2 об.

[50] Там же. Л. 4–4 об.

[51] Там же Л. 4 об.–5.

[52] Там же. Д. 100. Л. 108.

[53] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 111. Л. 8.
[54] Там же. Л. 10–11.
[55] Там же. Л. 10–10 об.
[56] Там же. Д. 105. Л. 22.
[57] Там же. Д. 95. Л. 133–134.
[58] Там же. Д. 126. Л. 18.
[59] Там же. Д. 103. Л. 89–89 об.
[60] Там же. Д. 15. Л. 1.
[61] Там же. Д. 124. Л. 3.

V.N. Klementyev

THE NATIONAL-LANGUAGE POLICY IN SOVIET CHUVASHIA: FORMATION AND CHARACTERISTIC TENDENCIES (NOVEMBER 1917–1920)

The formation of the national-language policy in Chuvashia during the first years of Soviet power is in the centre of attention. The peculiarities of language policy and those of language construction is analysed, the activity of the Chuvash institutions is shown, and the main activities held are highlighted.

Keywords: the national-language policy, language construction, the Chuvash language, translators'–publishers' commissions, the Chuvash section of the RSFSR People's Commissariat for nationality affairs.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© И.Г. Петров

ПРОВОДЫ В РЕКРУТЫ У ЧУВАШЕЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Обряд проводов в рекруты (солдаты) у чувашей начал складываться с начала XVIII в. с введением в России рекрутской повинности. По развернутости он значительно уступает свадебным и похоронно-поминальным ритуалам и обнаруживает с ними тесную связь. В настоящее время многие обычаи, связанные с проводами в солдаты, почти забылись. В данной работе рассматривается обряд проводов в рекруты, сложившийся у чувашских крестьян к середине XIX – началу XX в.

Ключевые слова: чуваши, народная обрядность, проводы в рекруты, магические ритуалы и представления.

По сравнению с другими обрядами жизненного цикла, ритуал проводов в солдаты в отечественной этнографии, пожалуй, относится к числу наименее изученных тем. Ж.В. Кормина, которая по материалам Русского Севера опубликовала одну из немногих обстоятельных монографий по рекрутской обрядности русских в пореформенной России, отсутствие специальных работ о проводах в армию объясняет двумя причинами: необязательностью, случайностью, окказиональностью данного обряда и его неархаичностью[1]. Действительно, указанный вид обрядности начал формироваться только с начала XVIII в., после введения рекрутской повинности. Однако в ритуальной практике народов России проводы в солдаты закрепились не сразу, а только с 1874 г., когда институт рекрутства был заменен всеобщей воинской повинностью. Эта тема недостаточно изучена и в чувашской этнографии. Начало данному направлению было положено Н.В. Никольским, который в миссионерском издании – журнале «Православный благовестник» за 1905 г. опубликовал небольшую статью о взглядах чувашей на воинскую повинность[2]. Вскоре эта работа была издана в Ка-

Игорь Георгиевич Петров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; e-mail: ipetrov62@yandex.ru.

зани в виде отдельного оттиска[3]. В ней Никольский акцентирует внимание на взглядах народа на военную службу, также вводит в научный оборот этнографический и фольклорный материал: обряд проводов в армию, представления и поверья, предвещающие судьбу солдата, тексты рекрутских песен и т.д. Проводы на военную службу у чувашей показаны Н.В. Никольским и в других работах[4]. Из сочинений начала XX в. необходимо отметить этнографические очерки Г.Т. Тимофеева. В числе прочих чувашских обычаев и обрядов в книге устами очевидца дается описание проводов на военную службу чувашей этнолокальной группы «Тăхăрьял» Буинского уезда Симбирской губернии. Хотя этот оригинальный труд был закончен в 1903 г., из-за различных обстоятельств он так и не был издан. Книга увидела свет в 1972 г. и с некоторыми дополнениями была переиздана в 2002 г.[5]

С точки зрения оценки специфики устно-поэтических традиций рекрутские обряды и песни чувашей получили отражение в монографии М.Я. Сироткина «Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества»[6]. В 1972 г. под редакцией М.Я. Сироткина и М.И. Иванова был издан второй том коллективной монографии «Чуваши: этнографическое исследование», посвященный общественному и семейному быту чувашей, духовной культуре и народному творчеству (авторы М.Я. Сироткин и Л.А. Иванов). Однако в ней рекрутским обрядам отведено лишь незначительное место, они рассматриваются в контексте других календарных и семейных праздников и обычаев[7]. В 70–80-х гг. XX в. обряды чувашей, связанные с проводами на военную службу, в этнографическом аспекте почти не изучались. Только в 1990 г. в обобщенном виде они были проанализированы В.Г. Родионовым в статье «О системе чувашских языческих обрядов». В ней проводы в рекруты рассматриваются в числе переходных обрядов[8]. Начиная с 90-х гг. XX в. системным изучением религиозно-обрядовой культуры чувашей плодотворно занимается этнолог А.К. Салмин, в работах которого получили освещение некоторые этнографические факты и описания, имеющие отношение к рекрутской обрядности[9]. В плане изучения обряда проводов в рекруты, сложившегося в различных этнотерриториальных группах чувашей, интерес представляют работы П.П. Фокина, касающиеся симбирско-саратовских чувашей[10] и чувашей Присвияжья[11]. Небольшой материал в виде тезисов опубликован Е.С. Нагорновой, которая показывает особенности современной рекрутской обрядности чувашей Ульяновской области[12]. Интересные материалы о рекрутской обрядности чувашей Пермского Прикамья содержатся в монографии А.В. Черных и М.С. Каменских «Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии»[13]. В контексте анализа предметной атрибутики, традиционных представлений и магических обрядов тему рекрутской обрядности развивают работы И.Г. Петрова[14]. Оригинальные и аутентичные тексты благословений и молений по случаю проводов в рекруты представлены в сборнике чувашского фольклора «Благословения и молитвословия», изданном в рамках многотомной серии «Чувашское народное творчество»[15]. Немало ценных этнографических описаний и фольклор-

ных текстов об обрядах чувашей, связанных с воинской службой, можно почерпнуть в фольклорно-этнографическом сборнике, подготовленном Э.И. и И.А. Патмарами[16].

Таким образом, даже общий обзор работ по затронутой теме показывает, что рекрутские обряды чувашей по сравнению с другими ритуалами пока изучены поверхностно. Более или менее эта тема разработана фольклористами, так как рекрутские песни традиционно собирались, печатались и продолжают публиковаться почти во всех сборниках по устному народному творчеству. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением П.П. Фокина, который в свое время отмечал, что чувашские «рекрутские обряды не изучены, а в этнографических и фольклорных трудах приводятся лишь краткие обобщенные описания, больше внимания уделялось сбору текстов рекрутских песен»[17].

Цель настоящей статьи – осветить обряды, связанные с проводами на военную службу у чувашей Урало-Поволжья в конце XIX – начале XX в. Выбор данного периода обусловлен тем, что им датируется значительная часть архивных источников, основной костяк которого составляют материалы, извлеченные из фондов Н.В. Никольского, Н.И. Ашмарина, К.В. Элле и др., которые хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Кроме архивных документов, в работе использованы опубликованные источники по теме, а также полевые материалы, собранные автором в районах компактного проживания чувашского населения, главным образом на территории Башкортостана (полевые записи 1994, 2005, 2006, 2014 гг.).

Проводы в рекруты по своей продолжительности могли растянуться от нескольких недель до нескольких месяцев. Структурно они включали в себя несколько этапов: подготовка к призыву, жеребьевка, рекрутские гулянья, посещение родственников и знакомых. Важным и обрядово насыщенным был день отъезда и момент прощания рекрута с семьей и деревней: застолье в доме призываемого, родительское благословение, ритуальные действия, направленные на возвращение рекрута и избавление от тоски, народные приметы и гадания относительно его будущего, выход из дома, прощание на околице и отъезд рекрута. Основные ритуальные действия проводов в солдаты были направлены на защиту новобранца во время службы и благополучное его возвращение в родной дом. В такой же последовательности происходил обряд проводов у других народов Урало-Поволжья[18].

Подготовка к призыву

Молодых парней, коим выпала судьба служить в армии, чуваши повсеместно именовали производными словами от немецкого «рекрут» – *никрут*[19], *некрут*[20]. Такая терминология сохранялась вплоть до начала XX в., а в обрядовом фольклоре и некоторых традициях продолжает бытовать до сих пор. Позже за новобранцами утвердился другой термин – *салтак ачи*[21]. Соответственно, сам обряд проводов на военную службу называется *ник-*

рут / *некрут* / *рекрут ăсатни, салтак ăсатни* (проводы рекрута, проводы солдата).

Процедура набора в рекруты в сельской общине в прошлом включала несколько этапов. Весной, если парню исполнилось 22 года, ему и родителям волостной староста сообщал, что он призывается к отбыванию воинской повинности[22]. Данный возрастной рубеж, означающий наступление призывного возраста, часто упоминается в текстах родительских благословений[23] и в солдатских песнях (*салтак юррисем*):

Ах, поҫăм, ҫамрăк чон,	Ах, моя молодая головушка,
Ах, поҫăм, ҫамрăк чон.	Ах, моя молодая головушка.
Ҫирĕм ик ҫула ҫитсессĕн	Когда исполнилось 22 года,
Хойхă пусса çĕнтерчĕ[24].	Горе навалилось и одолело.
Орам варнчи хорăнне	Березу, что посреди улицы,
Касăр та ярăр каскалăх,	Спилите на чурбан.
Май килмесен милĕклĕх.	Если не получится – на веники.
Ҫирĕм ик ҫолхи ачине	На парня, которому 22,
Корса йолăр ҫич ҫуллăх,	Насмотритесь на семь лет,
Май килмесен ĕмĕрлĕх[25].	Если не получится – навек.
Вун ҫич ҫола ҫитрĕмĕр,	Достигли мы семнадцати лет,
Хĕрсем коҫран каймарĕҫ.	Девушки всё время перед глазами.
Ҫирĕм пĕр ҫола ҫитрĕмĕр,	Достигли мы двадцати одного года,
Судсам коҫран каймарĕҫ[26].	Суды всё время перед глазами.
Вун ик ҫула ҫитрĕмĕр те,	Достигли мы двенадцати лет,
Вун ик ҫула ҫитрĕмĕр,	Достигли мы двенадцати лет,
Ялти хĕрсем куҫ хыврĕҫ те,	Деревенские девушки глаз положили,
Ялти хĕрсем куҫ хыврĕҫ.	Деревенские девушки глаз положили.
Ҫирĕм пĕр ҫула ҫитрĕмĕр те,	Достигли мы двадцати одного года,
Ҫирĕм пĕр ҫула ҫитрĕмĕр,	Достигли мы двадцати одного года,
Кантур тавраш куҫ хыврĕ те,	Конторские глаз положили,
Кантур тавраш куҫ хыврĕ[27].	Конторские глаз положили.
Ҫирĕм ик ҫула ҫитрĕмĕр те,	Достигли мы двадцати двух лет,
Ҫирĕм ик ҫула ҫитрĕмĕр,	Достигли мы двадцати двух лет,
Хула улпут куҫ хыврĕ те	Городские помещики глаз положили,
Хула улпут куҫ хыврĕ[28].	Городские помещики глаз положили.

Обычно к началу мая волостной староста приступал к составлению списков и сбору сведений о семейном положении новобранцев. Для этого в волостное правление он приглашал призываемых, их родителей и сельского старосту. Вероятно, в разных селениях эти сроки варьировались. Однако в любом случае весной призываемый и его родители извещались властями о предстоящем наборе. Предварительные списки потом зачитывались на сельских сходах и направлялись в уездное воинское присутствие[29]. Объявление имен призываемых на сходе называлось у низовых чувашей *ят тухни*, а у верховых, например в Ядринском уезде Казанской губернии, – *ят тохни*[30]. Соответственно, попавших в призывной список парней называли *ят тухни-*

сем[31] или *ят тухнӑ ачасем*[32]. В чувашских селениях Бугурусланского уезда Самарской губернии и Буинского уезда Симбирской губернии призываемых на службу парней именовали *çырӑннӑ ачасем*[33] (букв. «записанные ребята»). После выправления списков в воинском присутствии определялось, кто имеет право на льготы, и в августе – сентябре в волостные правления направлялись списки подлежащих призыву с указанием имеющихся льгот, а также объявлялись сроки жеребьевки. С этого момента, собственно, и начиналась подготовка к призыву, которая сводилась к ежедневным гуляньям новобранцев. Рекруты собирались в группы по пять-шесть человек, покупали вскладчину водку, гуляли и ходили в гости. Гуляя по улицам деревни, они пели рекрутские песни или частушки. В Буинском уезде гулянья начинались в Покров (1 октября по ст.ст.) и продолжались до «Казанской» (22 октября по ст.ст.): «записанные в солдаты парни после Покрова пьют водку, по ночам ходят по улицам и поют песни. Ходят, пока не пройдет Казанская»[34]. Так же в течение трех недель до отправки «на прием» гуляли в с. Шигали (Воскресенское) Цивильского уезда Казанской губернии: «подлежащие призыву парни перед отъездом в с. Шихазаны на прием недели за три раньше начинают днем угощать друг друга пивом, а ночью ходят по улицам и поют своеобразные рекрутские песни»[35]. А в с. Султангулово Стюхинской волости Бугурусланского уезда начало гуляний совпадало с началом сельской ярмарки (1 сентября по ст. ст.), и продолжались они до дня святых Космы и Дамиана (1 ноября по ст.ст.)[36]. В с. Большая Акса Буинского уезда к гуляньям приступали уже в августе, вероятно сразу после оглашения предварительных списков: «Парни, которым в известном году необходимо являться к исполнению воинской повинности, обыкновенно начинают еще в августе месяце собираться группами и ходят по деревне с гармонией за пением песней. <…> В этих гуляниях участвуют обыкновенно все подлежащие исполнению воинской повинности, за исключением тех, которым по семейному положению предоставлена льгота первого разряда»[37]. Г.Т. Тимофеев об этом пишет так: «Записанные в солдаты ребята до отправления на приемный пункт в течение 2–3 недель ходят друг к другу в гости, пьют и поют песни»[38]. Парни ходили в основном группами, обнявшись за плечи. В этот период они полностью освобождались от хозяйственных работ и проводили время в «гуляниях». До отправления на жеребьевку молодые парни разучивали солдатские песни, учились играть на гармошке: «Кто думает уходить в солдаты, учатся песням и мотивам солдатских песен»[39]. Каждого призывающегося на службу от сельского общества снабжали деньгами в сумме трех рублей, угощали водкой, а в день отъезда бесплатно выделяли подводу до сборного пункта[40]. В с. Султангулово Бугурусланского уезда Самарской губернии общественные деньги, собранные для рекрутов, доходили до 40–50 рублей, на них сельский староста периодически покупал водку и угощал рекрутов вплоть до их отправки на приемный пункт. Угощение называлось *халӑх эрехĕ ĕçни*[41] (распитие народной водки). А в селениях Ядринского уезда Казанской губернии начало периода угощения рекрутов на-

зывали *эрехе тохмалла* [42] (пора выходить на водку). Такая праздность рекрутов с некоторыми проявлениями асоциального поведения (пьянство, гульба, разгулы, драки, отрицание общепринятых поведенческих правил и т.д.) сельским обществом не осуждалась, так как этот период носил сезонный характер и все понимали, что рекрут до начала воинской службы имеет право нагуляться и покуражиться. С другой стороны, как верно отмечает А.В. Черных, такое поведение было обусловлено маргинальным социальным статусом рекрута: «при длительной службе возвращение на родину было малореальным, это и позволяло разрушать прежние социальные связи, оказаться вне общины, вне обычных норм поведения»[43]. Не случайно относительно рекрутской обрядности А.К. Байбурин отмечает, что «бесчинства рекрутов – составная часть обряда»[44].

Жеребьевка

В конце октября – начале ноября рекрутов направляли в уездный город на освидетельствование и жеребьевку, где проводился окончательный отбор годных к службе. В Буинском уезде Симбирской губернии в уездное воинское присутствие, которое чуваши называли *приюм* (от русского «прием»), рекрутов вызывали 26–29 октября (по ст.ст.). Их сопровождали представители волостного правления: старшина, писарь, урядник, а также сельские старосты, направляемые из каждой деревни[45]. Поездку на жеребьевку чуваши называли *шăпа илме кайни*[46] (выезд за жребием). Накануне отъезда призываемые мылись в бане. В бане парились вениками и приговаривали: *Лăппи-лаппи лавка айне, сывлăх пирĕн çине. Турăпа патшана юрамалăхне патăр, салтак ачи пулмалăхне патăр!* [47] – «Нечистоты под лавку, а нам – здоровья. Сделай пригодным Господу и царю, а мне стать солдатом». Хотя поездка на жеребьевку еще не означала уход на воинскую службу, родители рекрута на проводы собирали родственников, соседей и устраивали по этому случаю небольшую пирушку. После угощений отец с матерью благословляли сына хлебом с солью и иконой[48]. Перед отъездом предпринимались также различные действия магического характера с тем, чтобы рекрут вытянул дальний жребий и остался дома. Очень действенной считалась молитва с хлебом и солью перед образами. Рекрут сам или вместе с провожающими вслух обращался к Богу с просьбой благословить его на службу. Иногда с такой молитвой к Господу вместо сына обращались родители: *Çӳлте Турă, çĕрте патша, пирĕн ачана çак çăкăр-тăвартан ан уйăр. Инçетри шурă патшана юрăхлă пулсан та çак асатте çуртне каяллах тавăр. Кайма çул пулнă пек килме те çул пултăр.* – «На небе Бог, на земле царь, не обдели нашего ребенка хлебом-солью. Если и оказался он годным белому царю, пусть он вернется в дом, который построил еще мой дед. Как была ему дорога уходить, так и обратная дорога пусть будет». После молитвы рекрут целовал хлеб, прощался с родителями и родственниками и выходил из дома[49]. Впрочем, в таких молитвах или благословениях родителей могли содержаться и другие пожелания, основной мо-

тив которых заключался в избавлении сына от солдатской доли. Например, благословляя сына, родители говорили: *Турă сана, ачам, салтакран хăвартăрах!* [50] – «Пусть Господь оставит тебя, сынок, от солдатской службы!». С целью возвращения домой с хорошей вестью рекрут проводил ритуальное действие на границе деревни, в частности на околице (*укăлча*). После прощания со всеми провожающими рекрут подходил к правому столбу околицы и целовал его. Этим он обращался к столбу, чтобы никогда с ним не расставаться и чтобы он способствовал его скорейшему возвращению[51].

Обязательным элементом рекрутской обрядности были гадания. К примеру, когда после родительского благословения и прощания с родными рекрут выходил из дома, кто-нибудь из членов семьи, поймав таракана, опускал его на пол. Бег таракана в сторону дверей предвещал скорое расставание с рекрутом. Если же таракан направлялся в сторону передней (*тĕпел*), это означало, что рекрут останется дома[52]. Применялся также широко распространенный способ гадания с монетой. На окраине деревни за полевыми воротами рекрут садился на приготовленную для него повозку и бросал назад медную или серебряную монету. Если денежка падала «орлом», считалось, что его на службу не призовут, если же «решкой», то это сулило скорое расставание[53]. В Буинском уезде Симбирской губернии такое действие совершалось трижды. Если монета ложилась «орлом» более одного раза, то это являлось хорошим знаком[54]. Проводилось также гадание со свечой. Как только рекрут выходил за порог дома, тушили свечу и наблюдали за дымом. Если дым от свечи тянулся в сторону двери, то это, как считалось, было к расставанию, если наоборот – к возвращению[55]. Очень распространенным было гадание, в основе которого лежало наблюдение за поведением лошади, на которой рекрута провожали на призывной пункт. Добрым знаком считалось, если лошадь перед дорогой испражнялась и трогалась в путь не с левой, а с правой ноги[56]. В целом таких ритуальных действий и гаданий было чрезвычайно много, но особо активно к ним прибегали в день отъезда рекрута на службу.

В уездном городе в воинском присутствии после освидетельствования и медицинского осмотра окончательно производился отбор и распределение призываемых по различным категориям: кто-то освобождался от службы или получал отсрочку, кто-то попадал в ополчение или призывался на действительную службу[57]. Последних у чувашей принято было называть *кайнă ачасем*[58] «ушедшие ребята». О своем новом статусе, то есть приеме на воинскую службу, рекруты громко оповещали при въезде в родное село. Так, в с. Стюхино Бугурусланского уезда Самарской губернии рекруты кричали: *Кайрăм! Кайрăм!* [59] – «Ушел! Ушел!», а в с. Султангулово того же уезда – *Кайрăм! Кайрăм! Мухтав Турра. Шурă патшана юрăхлă пултăм!* [60] – «Ушел! Ушел! Слава Господу, оказался годным белому царю». Об этом же сообщает в своем сочинении Н.В. Никольский: «При въезде молодцов в деревню воздух оглашается громким: "Кайрăм, кайрăм" – (ушел, ушел). Это дает повод однодеревенцам собраться в дом, где жил призыва-

емый на службу. Начинаются расспросы, а если молодец затужил сильно, утешения и приглашения в гости»[61]. Иногда рекруты оповещали об этом словами из солдатской песни: *Эх, карăм! Манăн матка çамрăк юлать*[62] – «Эх, ушел! Моя зазноба останется молодой». В с. Чурачики Цивильского уезда Казанской губернии вернувшихся после жеребьевки и принятых на военную службу называли *шăпа тухнă ачасем* «ребята, кому выпал жребий». В целях оповещения жителей о выпавшей доле здесь было принято под солдатские песни объехать (обойти) деревню, сделав вокруг нее круг[63]. А в с. Сюндуково Чебоксарского уезда Казанской губернии при въезде в деревню призванные на службу рекруты не только громко пели солдатские песни, но и размахивали заранее приготовленными женскими платками, держа их в руках[64]. В дальнейшем они не расставались с ними до самого отъезда.

Другим внешним признаком вступления молодого человека в статус рекрута было забривание головы. В соответствии с «Генеральным учреждением о сборе в государстве рекрутов» 1757 г., рекрутам в воинском присутствии сразу же забривали лоб, если их принимали на службу, и затылок – если они по какой-нибудь причине не признавались годными к службе[65]. Такой способ отмечать призываемого, очевидно, использовался для того, чтобы новобранцев можно было легко опознать в случае побега. Забривание лба рекрутам, равно как и «сопровождение их в воинские части в особой, похожей на арестантскую одежде»[66], оговаривалось в циркуляре 1862 г. Примечательно, что мотив обязательного пострижения, который практиковался в прошлом, остался и в солдатских песнях:

Приюма кĕнĕ чухне	Когда вошел я в прием,
Малти çӳçĕм вĕçрĕ.	Лишился передних волос.
«Эсĕ приют», – терĕç те,	Когда сказали, что я пригоден,
Çамрăк чĕре шарт сикрĕ[67].	Молодое сердце встрепенулось.

Гулянья рекрутов

Между приемом и окончательной отправкой на воинскую службу проходило от нескольких дней до месяца и более. В этот период главным действующим лицом ритуала становился рекрут – *никрут* / *некрут* / *рекрут*, *салтак ачи*. Если до поездки в приемный пункт в гуляньях участвовали все призываемые, то после жеребьевки – только рекруты со своими ровесниками и родственниками. Рядом с ними присутствовали музыкант (скрипач или гармонист) и один из товарищей, который отличался хорошим знанием солдатских песен и вокальными способностями. Бывали даже случаи, что таких людей рекруты специально нанимали за небольшую плату или угощение[68]. Максим Анисимов из д. Юваново Козьмодемьянского уезда Казанской губернии касательно гуляний рекрутов отмечает: «Когда забреют в солдаты, рекруты спешат повидаться со своими родными: близкими и дальними. Причем они ездят на тройках со свитой – певцами, стоя посередине их. Рекрут поет вместе с ними, размахивая платками»[69]. Как правило, ката-

лись только парни, девушек в состав свиты не принимали. Исключения допускали только в отношении женатых парней, так как в процессии вместе с ними имели право присутствовать и их жены[70]. У низовых чувашей такие гулянья, которые обязательно сопровождались с катаниями на лошадях, назывались *салтак ачи чупни* или *салтак ачи чуптарни*[71] (катание рекрутов)[71]. В Башкирии за такими гуляньями утвердились названия: *салтак çӳретни* (хождение солдата), *салтак ĕçки* (солдатская пирушка)[72]. Во время гуляний рекрут старался навестить всех своих родственников: «обычай требует, чтобы призываемый на службу посетил по возможности всех родных и знакомых»[73]. В это число попадали не только те, кто проживал с ним в одной деревне, но и те, кто жил в окрестных и дальних селениях. Поэтому такие гулянья продолжались достаточно долго. Причем в круг таких лиц могли попасть и не кровные родственники, например крестные родители, соседи, знакомые и т.д. Пригласить рекрута к себе домой считали долгом также родители, чьи сыновья не служили в армии: «Кроме родственников рекрута, берут к себе и угощают и те из односельчан, у которых из семьи ни один член не был на службе. Это делается ими во избежание скандалов и обид, могущих быть причиненными им рекрутами. <…> Поэтому тот чуваш, у которого в доме не было и нет ни одного солдата, считает своей обязанностью пригласить к себе всех рекрутов своего села и щедро одарить их подарками»[74]. Повсеместно тех, кто уходил в армию, в прошлом возили на лошадях. Корреспондент Н.В. Никольского из с. Карамышево Чебоксарского уезда Казанской губернии по этому поводу подчеркивает, что «чуваши-новобранцы любят кататься на лошади»[75]. Ему же вторит информатор из с. Большая Акса Буинского уезда Симбирской губернии: «Принятые на службу ото дня их принятия до самого дня ухода ничего дома не работают, они все время проводят в посещении родственников. При этом рекрут никогда не ходит пешком. Он все время ездит на лошади то одного, то другого из родственников»[76]. На лошадях их катали родственники или освобожденные от военной службы ровесники[77]. В их обязанности входили не только обязанности кучера, но и всяческие угождения прихотям рекрута и щедрые угощения: «как бы то ни было, общее правило среди призывающихся таково: кто забракован, тот должен угостить водкой лиц, призванных на службу, и, сверх сего, на него же возлагается обязанность развозить новобранца по его родным и знакомым»[78]. Об этом же сообщает неизвестный автор в газете «Волжско-камское слово» за 1882 г.: «Время же это каждый новобранец проводит в том, что ходит в сопровождении нескольких своих сверстников, не вынувших жребия, обыкновенно двух или трех, из одной избы деревни в другую, пока не посетит всех, кого считает нужным»[79]. Для престижности в повозку старались запрячь пару или тройку лошадей, потому что «для новобранца кататься на одной лошади постыдно»[80]. Вся процессия могла включать от 7–9 [81] до 20 повозок или саней, которые двигались вереницей[82]. Рекрут, как правило, ехал на повозке стоя, окруженный и поддерживаемый со всех сторон своими друзьями. Под пение солдатских песен он размахивал

из стороны в сторону платками[83]. Лошадей украшали, как на праздник или на свадьбу: на гриву, хвост и ноги завязывали разноцветные полоски ситца или ленточки, а на конскую дугу и оглобли вешали полотенца и платки[84]. Своей парадностью отличались элементы конской сбруи: «запрягают в лучшие сбруи, гривы и хвосты украшают лентами различных цветов»[85]. В числе обязательных атрибутов убранства коня был колокольчик (*хăнкăрав, шăнкăрав*)[86], извещавший о передвижении рекрута по деревне. По звону колокольчиков жители села узнавали, кому выпала доля служить в солдатах, а родственники – о приближении рекрутской процессии для гостевания.

Обход родственников мог длиться несколько дней. По обычаю рекрут со свитой совершал по деревне не менее трех кругов[87]. В своих домах рекрута родственники встречали как жениха на свадьбе: открывали перед его свитой въездные ворота, торжественно встречали с хлебом-солью, угощали пивом, сажали на почетное место поближе к божнице (*Турă кĕтесси*)[88]. Со своей стороны рекрут также считал долгом угостить хозяев принесенной с собой водкой или пивом. После угощений рекрут и члены его свиты плясали и, пропев несколько куплетов солдатских песен, уезжали к другим родственникам. Во время угощений или перед расставанием хозяева благословляли рекрута (*пил параççĕ*) и дарили подарки. Одаривание рекрута подарками со стороны родственников, близких, соседей и жителей деревни в чувашском обряде проводов в армию занимало одно из центральных мест. В качестве подарков рекруту давали отрез холста[89], полотенце[90], рубашку, перчатки, чулки, нитки[91], белье[92], портянки[93], кисет[94], съестное – орехи[95], домашнюю колбасу (*шăрттан*), творожные сырки (*чăкăт*)[96], сушки, сухари[97] и т.д. Кроме этих подношений, рекруту обязательно давали немного денег (от 20 копеек до 1 рубля)[98]. Вручая деньги, обычно говорили: *Ку укçана каялла пар* – «Эти деньги верни»[99]; *Эсĕ кăна каялла илсе кил*[100] – «Эти деньги обратно привези»; *Каялла килсе памалла пултăр ку укçана*[101] – «Пусть тебе будет суждено вернуться и вернуть эти деньги». Этим родственники выражали пожелание, чтобы новобранец благополучно вернулся домой и смог исполнить свое обещание. Крещеные чуваши вместе с подарками вручали также маленькие иконы с ликами святых[102]. Обычай преподносить новобранцу деньги с такими пожеланиями существует и в настоящее время.

Обрядовый костюм рекрута

Костюм рекрута не сильно отличался от повседневной и праздничной одежды. Тем не менее на новобранца старались надеть лучшую одежду, чтобы он выглядел, как «жених». В зависимости от материальных возможностей, родители на местном или городском рынке покупали новобранцу пиджак, суконные брюки, кожаные сапоги, картуз или фуражку. Те, кто состоятельнее, гардероб костюма дополняли верхней одеждой – кафтаном из черного или серого сукна либо полушубком из овчины[103]. Несмотря на то, что одеяние рекрута ничем не отличалось от праздничного или повседнев-

ного костюма, оно содержало некоторые важные детали. С одной стороны, эти детали придавали костюму рекрута своеобразие, а с другой – подчеркивали его переходный статус. Одним из таких важных атрибутов и символов костюма были длинные отрезы холста (*пир*) или полотенца (*ал шăлли*). Отрезы холста и полотенца, как правило, являлись дареными. Их рекруту дарили в домах родственников и близких, в которых он гостевал, а также родители, соседи, знакомые, односельчане и т.д.[104] В некоторых селениях рекруту дарили вышитые полотенца (*сĕлкĕ*) или женские полотенцеобразные головные уборы (*сурпан*)[105]. Полотенца, как правило, перекидывались через оба плеча крест-накрест, а концы завязывались у пояса. Иногда полотенца просто подвешивались либо завязывались на шее или вокруг пояса. Однако «правильным» считалось, если они накидывались на шею, а потом перекрещивались на груди. Своеобразно полотенца завязывают уходящие на военную службу парни в д. Дальние Сормы (*Анат Сурăм*) Канашского района Чувашской Республики. По традиции полотенца также перекидываются через оба плеча и концы завязываются, однако на груди и спине они переплетаются в форме прямого или косого пересечения и образуют своеобразный толстый «панцирь»[106]. К концу проводов таких полотенец на рекруте могло набраться до десятка и более штук.

Предназначение полотенец в рекрутской обрядности было достаточно широким. Они выступали в качестве дара, важного символа или атрибута рекрута, а также оберега. Как и в других семейных ритуалах, полотенце в рекрутской обрядности символизировало предстоящую дорогу, жизненный путь, маркировало важный переходный статус рекрута[107]. Кстати, связь символа дороги с полотенцем часто отмечается в ответах современных информаторов. На вопрос «Почему солдатам дарят полотенце?» одним из самых распространенных является ответ, что полотенце символизирует дорогу и оно новобранцу вручается для того, чтобы дорога к месту службы и обратно была «ровной, спокойной и благополучной»[108]. Не случайно при вручении полотенца солдату родственники и близкие произносили следующее пожелание: *Çулу такăр пултăр, пуçу сывă пултăр*[109] – «Пусть дорога будет ровной, голова – целой»; *Çӳрес çулусем сурпан варри пек вăрăм пулсан та такăр та таса пулччăр! Сурпанăн пĕр вĕçĕ кайма, тепри килме пултăр!* [110] – «Пусть дорога будет долгой и ровной, как середина сурбана! Пусть один его конец будет к твоему уходу, а другой – к возвращению». В ряде чувашских селений, например в Присвияжье, полотенца призывники снимали только на околице, а в последнее время они оставляют их у себя дома. Однако, как и в прошлом, родителями эти платки хранятся самым тщательным образом как память об ушедшем на военную службу сыне вплоть до демобилизации и возвращения домой.

Другой принадлежностью рекрута были женские головные платки и небольшие платочки типа носовых (*тутăр, явлăк*)[111]. Платки, как и полотенца, новобранцу дарили родственники или знакомые, чаще всего – девушки-сверстницы. По мнению П.П. Фокина, традиция подношения головных

платков была свойственна в большей мере низовым и средненизовым чувашам, а платочков – верховым. Тем не менее обычай вручения рекруту женских платков и платочков закрепился не повсеместно. В частности, на проводах башкирские и оренбургские чуваши новобранцам дарят исключительно полотенца[112]. В старину девушки дарили платки из тонкого домотканого полотна, а в XX в. они были заменены покупными. Головные платки девушки-родственницы собирали загодя, обходя всех девушек селения, а после отъезда рекрута возвращали[113]. В XX столетии девушки солдатам дарили шелковые платки. Иногда на таких платках вышивали имя солдата, год призыва или различные пожелания. Платков было несколько, рекрут держал их в руках (низовые и средненизовые), а платочки (от 6 до 12 штук) завязывал на указательном, среднем и безымянном пальцах (верховые)[114]. Во время объезда родственников рекрут, стоя на телеге, размахивал ими в разные стороны в такт прощальной рекрутской песне[115]. Если у рекрута в деревне была суженая, то она вручала ему *кĕрӳ тутри* «платок зятя». Этим девушка выражала согласие дождаться любимого и выйти за него замуж[116]. Неравнодушные к парню девушки иногда дарили ему кисеты, на которых вышивались любовные послания или пожелания, например: *Салтакра хăш чух мана аса ил* [117] – «В солдатах иногда меня вспоминай». В целом для рекрута иметь на руках множество платков было знаком престижа. Этим он как бы демонстрировал окружающим, каким успехом он пользуется у девушек: чем больше платков, тем больше к нему любовь и уважение. Один из платков во время прощания у околицы рекрут отдавал любимой девушке и таким образом заручался ее обещанием дождаться его возвращения[118].

Проводы в доме родителей

Особой торжественностью, соблюдением различного рода ритуальных действий, в том числе магического характера, отличались проводы рекрута в доме родителей. Они проходили в день отправки на службу или накануне и представляли собой развернутый ритуал прощания. В отличие от предыдущего периода, поведенческие стереотипы рекрута в день проводов менялись существенно. Основной линией его поведения становились полная пассивность и абсолютное следование правилам прощального ритуала.

В этот день в доме рекрута собирались родственники, друзья, соседи, односельчане: «съезжаются в дом рекрута все родные, все однодеревенцы, от мала до велика» (д. Сесмеры Ядринского уезда Казанской губернии)[119]. По обычаю в этот день никого специально не приглашали, люди приходили сами[120]. Родственники приносили с собой пиво, вино, хлеб и различные угощения. Те из них, кто по каким-либо причинам не успел вручить подарок, приносили его с собой и с различными пожеланиями вручали новобранцу[121]. В разных селениях ритуал прощания с рекрутом проходил поразному, однако обязательными его элементами были молитва рекрута или всех присутствующих о покровительстве и благополучном возвращении, родительское благословение, проводы рекрута до околицы, отъезд рекрута.

Молитва о покровительстве и благополучном возвращении проводилась в родительском доме при зажженных свечах перед иконами. Основными атрибутами молитвы были хлеб с солью или хлеб с домашним пивом. В д. Сесмеры Ядринского уезда этот хлеб назывался особо, а именно *кĕлĕ çăкăрĕ, асăннă çăкăр* [122] «молитвенный хлеб, намоленный хлеб». Согласно источникам, молитву про себя или вслух произносил либо один рекрут, либо с участием провожающих: «Проводить рекрута собираются все знакомые и все родственники. Родственники приносят гостинцы. Во все время сидения рекрута за столом перед иконой горит свеча. Перед выходом из дома рекрут встает из-за стола и прощается с родителями. Он сначала кланяется им в ноги, а затем троекратно целуется. После этого он прощается с прочими родственниками. Затем молится Богу и выходит из дома» (с. Большая Акса Буинского уезда Симбирской губернии)[123]; «перед уходом из дома новобранец встает в передней в красном углу перед иконами, кладет три земных поклона и молится Господу – Богу о ниспослании ему здоровья, просит у Бога помощи об успешном прохождении солдатской службы, а потом, прощаясь с родителями, получает от них благословение и выходит из избы» (с. Шигали (Воскресенское) Цивильского уезда Казанской губернии)[124]; «когда наступает пора уходить, уходящий в солдаты в последний раз садится за стол поближе к божнице. На стол всегда ставят кашу из петуха или курицы. Когда он выходит из-за стола, все встают перед божницей на молитву» (Цивильский уезд Казанской губернии)[125]; «в с. Камышинке Петровского уезда Саратовской губернии существует обычай провожания и прощания такой. Все родственники, родные и близкие садятся за стол, пьют водку и закусывают. <…> Выпивши немного водки и закусивши, все встают и молятся Богу. Отец и мать встают рядом в переднем углу и благословляют сына хлебом, солью и иконою»[126]; «зажигают свечи перед иконами, на стол кладут каравай хлеба с солью, затем починают бочку с пивом и ставят ведро пива на стол. <…> После этого все встают на молитву к иконам, где жарко горят лампада и свечи, и молятся о здоровье и благополучии провожаемого и остающихся, чтобы Господь даровал ему силу в служении Богу и царю. Молятся, кто как умеет и усерден» (д. Хорн-Кукшум Ядринского уезда Казанской губернии)[127]. В более развернутом виде, с элементами детально регламентированного «сценария» моление о покровительстве солдата проходило в д. Сесмеры Ядринского уезда: «Прощанье проводится следующим образом. На стол кладут непочатый хлеб. На хлеб – соль в солонице. Если родные из чужих деревень приехали с гостинцами (палишки, сырец) и пивом, то ставят на стол несколько ведер с пивом разных хозяев в таком порядке: на правой стороне ведро с хозяйским пивом, рядом хлеб с солью, затем пиво одного родственника и его гостинцы, затем пиво другого гостя и т.д. Этот порядок не всегда и не везде соблюдается. Большей частью бывает в таком порядке: на одном конце стола хлеб и соль и тут же гостинцы, на другом конце – пиво. Затем начинается ряд молений о покровительстве рекрута. Начинается так: рекрут берет непочатый хлеб и со слезами на

глазах молится один, а другие в это время сидят, допивая пиво, или же занимаются разговорами. Рекрут молится про себя недолго, говоря приблизительно так: *Эй, Торă! Халиччен мана лайăх, таса усрарăн, мăн çăккăрпа усрарăн. Малалла та, Торă, чипер, лайăх усра, киле-çорта каялла килме пар. Ырă Мăн Торă, мăн çăккăрпа таса усра, сана мăн çăккăрпа асăнатăп; çулта-йĕрте сыхла мана, Торрăм*. – «О Боже, до сего времени ты хранил меня во здравии, благополучии и с большим хлебом. И в будущем, Господь, сохрани меня во здравии и благополучии, дай вернуться в родной дом. Милостивый Верховный Бог, во здравии с большим хлебом сохрани, тебя с большим хлебом поминаю; в дороге или где сохрани меня, Боженька». – *И.П.*). Помолившись таким образом, он разрезает хлеб на тонкие слои, а краюшку, довольно большую, берет, целует ее и кладет на солоницу. Затем на все ломти кладет соли и раздает находящимся в избе. Все отламывают по кусочку от этих ломтей и держат в руках, дожидаясь конца раздачи. Когда все получат по кусочку, тогда все разом встают на молитву. <…> Во время всеобщей молитвы молитвенные слова произносят все находящиеся в избе мужчины и женщины вслух, каждый по своему разумению. <…> По окончании молитвы съедают кусочки. <…> Затем черпают по ковшику пива и также молятся. По окончании молитвы подходят к сосуду с пивом и крестообразно или как попало, только в три плеска понемногу сливают с ковшей обратно в сосуд. Сливают немного, говоря: *Сăра перекечĕ – кĕрекене, çолăн ырри – каякан ачана*. – «Пива изобилие – столу (переднему углу), дороги добро (благополучие) – уходящему парню»[128]. Оставшееся в ковшике пиво каждый выпивает, но не до дна. Рекрут доливает дважды, так что каждый выпивает в общем три ковша. Затем без молитвы, а иногда и с молитвой пробуют привозного пива гостей. Палишки с сыром раздаются солдатом всем находящимся в избе. При этом особой молитвы не бывает, по крайней мере, в нашей деревне не в обычае»[129]. Примечательно, что в приведенных выше молитвословиях хлеб занимает одно из ведущих мест. В них он выступает, с одной стороны, как обязательный дар и подношение Всевышнему, а с другой – как важнейший атрибут молитвы и оберег, обеспечивающий надежную защиту рекрута и его возвращение. Особенно отчетливо это проявляется в благословениях родителей. Основной мотив этих текстов заключается в том, чтобы солдат благодаря покровительству Всевышнего вернулся домой и отведал еще раз домашний хлеб, чтобы хлеб поспособствовал его благополучному возвращению: *Эй, Туррăм-Пӳлĕхçĕм! Çăкăра çиме тепĕр хут темиçе патша урлă, аслă шывсем урлă çаврăнса килме çимелле ту. Эй, çĕр кăкăри, пилле!* [130] – «О, Боже, Пӳлех! Сделай так, чтобы вернулся поесть этот хлеб еще раз, пройдя через многие реки и царства. Эй, грудь земли, благослови»; *Ачам, çак çăккăр-тăвар епле çыншăн усăллă, эсĕ те çавăн пек патшашăн, пур халăхшăн усăллă-юрăхлă çын пул, çак çăккăр-тăвар тата Турă çавăртăр, ачам, сана* [131]. – «Дитятко, как этот хлеб полезен человеку, так и ты будь полезен царю и всем народам, пусть хлеб-соль и Господь вернут тебя»;

Кайрăн, ачам. Турă кăна каялла çавăртăр сана, çăкăр-тăвар каялла çавăртăр[132]. – «Ушел, дитятко. Пусть Господь вернет тебя, пусть хлеб-соль вернут тебя»; *Пахил сана. Килти тăвар-çăкăра сана çимешкĕн Турă патăр*[133]. – «Благословляем тебя. Пусть Господь даст тебе возможность поесть домашний хлеб-соль».

Благословение родителей

Следующим важным элементом проводов было родительское благословение. Ж.В. Кормина родительское благословение считает «кульминационной точкой проводов», «самым напряженным моментом всего действа», целью которого является «защита уходящего и создание для него "апотропейного фона"»[134]. Создание этого фона, по мнению ученого, достигалось двумя способами: а) обращением к миру сакрального с просьбой о защите и б) сообщением благословляемому поведенческих норм, соблюдение которых должно обеспечить ему успешное возвращение[135]. Все эти моменты присутствуют и в ритуале родительского благословения у чувашей. Источники показывают, что основными участниками благословения у чувашей в середине XIX – начале XX в. являлись мать с отцом. При отсутствии в семье кого-нибудь из родителей, вместо отца или матери проводил старший родственник (дядя, тетя, крестные родители и т.д.). С 30–50-х гг. XX в. главенствующая роль в родительском благословении перешла к матери солдата, и эта особенность сохраняется до настоящего времени. Состав предметов, участвовавших в ритуале благословения, был идентичным тем, которые использовались другими народами Волго-Уралья. Однако есть основания полагать, что их состав варьировал в зависимости от этноконфессиональной принадлежности: некрещеные чуваши благословляли в основном хлебом, а крещеные – хлебом, с добавлением атрибутов православной религии – иконы или креста. Проиллюстрируем сказанное примерами: «в день проводов родственники в честь солдата перед иконами ставят хлеб. Когда он уходит из дома, этот хлеб кладут ему на грудь, а мать с отцом и родные его благословляют»[136]; «потом провожаемый подходит к родителям и просит благословения. Благословляют его иконой, которая потом дается ему на службу, а также хлебом и солью»[137]; «отец и мать встают рядом в переднем углу и благословляют сына хлебом, солью и иконою»[138]; «потом отец и мать благословляют сына. После благословения вручают ему крестик и говорят: *Мĕнле илсе кайнă, çавăн пекех илсе кил*[139]. – «Как у нас забрал его, так и верни». Некоторые благословляют иконой, кому как сподобится».

Церемония получения благословения проходила перед окончательным расставанием и уходом солдата из родительского дома: «перед уходом из дома новобранец встает в передней в красном углу перед иконами, кладет три земных поклона и молится Господу Богу о ниспослании ему здоровья, просит у Бога помощи об успешном прохождении солдатской службы, а потом, прощаясь с родителями, получает от них благословение и выходит из избы. Здесь также делает на все четыре стороны света земные по-

клоны и прощается с теми стариками и старухами, которые не в состоянии пешком провожать его до полевых ворот»[140]; «перед выездом из дома рекрут кладет три земных поклона перед иконами и затем прощается с отцом и матерью»[141]; «перед выходом из дома рекрут встает из-за стола и прощается с родителями. Он сначала кланяется им в ноги, а затем троекратно целуется. После этого он прощается с прочими родственниками. Затем молится Богу и выходит из дома»[142].

Своим содержанием благословения не сильно отличались от молитв рекрута и родителей. И в тех, и в других всегда проходит одна и та же мысль о покровительстве и возвращении рекрута домой живым и невредимым. В то же время в них содержатся некоторые поведенческие нормы, которым рекрут должен следовать. В подтверждение сказанному приведем несколько примеров: *Эй, Туррăм-Пӳлĕхçĕм! Çăкăра çиме тепĕр хут темиçе патша урлă, аслă шывсем урлă çаврăнса килме çимелле ту. Эй, çĕр кăкăрĕ, пилле!*[143] – «О Боже! Сделай так, чтобы вернулся поесть этот хлеб еще раз, пройдя через реки и руки нескольких царей. Эй, грудь земли, благослови!»; *Ну, ачам, сана Турă пиллетĕр, сĕт çулпа кайса çу çулпа килмелле пултăр, аçу-аннӳне ан ман, хут яр пире, салам яр пире*[144]. – «Ну, дитятко, пусть благословит тебя Господь, уходя по молочной дороге, возвращайся по масляной, отца-мать не забывай, весточки нам отсылай, приветы передавай»; *Ну, ĕнтĕ, Турă, çитĕнтерме пĕлтĕн, патшана та юравлă ту, Турă. Турă, каялла çавăр пирĕн çак ачана, лайăх пурăнма пар. Ну, ачам, ĕнтĕ кайрăн, ĕç. Эх, Турă, мĕн тăвас ĕнтĕ, макăр ĕнтĕ, юлтăмăр çав…*[145] – «Ну, вот, Господь, сумел вырастить, теперь сделай его пригодным царю. Господь, возврати нашего дитяти, пусть живет хорошо. Ну, дитятко, уже уходишь, пей. Эх, Господь, что теперь поделать, хоть плачь, остаемся вот…»; *Ачам, Турă сана çавăн пекех тавăрнма пулăштăр. Çынна хирĕç пулсан калпакна ил, чавсавая курсан сăхсăх. Приема кĕриччен чиркĕве кĕрсе çурта лартса тух*[146]. – «Дитятко, пусть Господь поможет тебе вернуться. Повстречаешь человека – сними с головы колпак, увидишь часовню – перекрестись. До приемной комиссии зайди в церковь и поставь свечку»; *Ачам, çак çăккăр-тăвар епле çыншăн усăллă, эсĕ те çавăн пек патшашăн, пур халăхшăн усăллă-юрăхлă çын пул, çак çăккăр-тăвар тата Турă çавăртăр, ачам, сана*[147]. – «Дитятко, как этот хлеб полезен человеку, так и ты будь полезен царю и всем народам, пусть хлеб-соль и Господь вернут тебя»; *Эй, ачам, Турă сана пиллетĕр, сывă хальлĕнех çаврăнса кил. Турăпа патша ирĕкĕнчен ан тух, пирĕн аттесен ятне ан пăс, ырă пурăн*[148]. – «Эй, дитятко, да благословит тебя Господь, возвращайся живым и здоровым. Не нарушай воли Господа и царя, не посрами имя отцов наших, живи здраво»; *Эй, ачам! Çирĕм иккĕпе аçу, апу çăкăрĕнчен уйрăлса патшалăх çăкăрне çиме куçан. Аçу, апу тумтирне хывса патшалăх тумтирне тăхăнан. Аçу çăпатине хывса патшалăх сăран аттине çĕтме тытăнан. Паянтан эсĕ патшалăх ывăль шутланан. Патша хушнине ту, хирĕçле ан пул. Аçу-апуна ан ман, ял-йыша асран ан кăлар, тăван-пĕлĕше умра ус-*

ра. Патшаран ырлăх пултăр, самани лăпкă тăтăр, Турăран сиплĕх пултăр. Кайма çулу ан пултăр, каялла килме çу çул пултăр. Ман пиллĕм çак пултăр. Аçу-апу тăприне таптама килмелле пултăр[149]. – «Эй, дитятко! В двадцать два года, разлучаясь с хлебом отца и матери, начинаешь есть государев хлеб. Отца с матерью одежду снимая, надеваешь государеву одежду. С этого дня ты считаешься сыном государя. Снимая отцовы лапти, начинаешь изнашивать государевы кожаные сапоги. Что прикажет царь, исполняй, не воспротивься. Отца и мать не забывай, помни односельчан, держи в памяти родственников. Пусть от царя тебе будет благо, а мир будет спокоен. От Господа пусть будет исцеление. На уход пусть дороги не будет, на приход пусть будет масляная дорога. Пусть это будет моим благословением. Да будет тебе угодно вернуться и утоптать могилки отца-матери».

Магические ритуалы, направленные на благополучное возвращение рекрута

Чтобы солдат благополучно вернулся домой, в день отъезда, по народным представлениям, необходимо было исполнить целый ряд ритуальных действий, в том числе магического характера. В их числе обязательными были обряды с хлебом, которые у чувашей бытовали и продолжают бытовать в разных вариантах до настоящего времени. Например, новобранцу в руки давали каравай хлеба, от которого он откусывал три кусочка. После этого их обертывали чистой тряпкой и до его возвращения хранили рядом с иконами[150]. В другом варианте обряда мать просила сына не откусывать хлеб, а отрезать от него отдельный кусок, который тут же клала на полку божницы[151]. В следующем варианте отрезанный кусок хлеба рекрут ломал пополам, затем одну половину съедал, а вторую отдавал матери[152]. Отрезанию от каравая ломтя хлеба чуваши придавали определенный смысл. Этим они подчеркивали, чтобы новобранец имел возможность благополучно вернуться домой и еще раз взять в руки хлеб (*çăкăра каялла апат çитерме, çăкăр касма килтĕр тесе кастараççĕ*)[153].

В процессе хранения горбушки или кусочков хлеба мать солдата периодически наблюдала за их сохранностью. То, что они начинали покрываться плесенью (*кăвакарсан*), считалось недобрым знаком – солдат заболел или умер и т.д.[154] Иногда отрезанный рекрутом кусок или горбушку хлеба чуваши относили на хранение в клеть, амбар или в чулан – место, недоступное для маленьких детей, кошек или мышей: «рекрут срезает краюшку хлеба, целует ее, кладет на солоницу. В это время кто-нибудь из родных берет краюшку и уносит ее в клеть»[155]. Горбушку хлеба подвешивали на нитке и наблюдали за его состоянием: «Если хлеб висит и не вертится на веревке, то значит, сыну живется хорошо. Если хлеб вертится, значит, его жизнь неспокойна. <…> Если хлеб обрывается с веревки или нитки, то значит, солдат умер на службе»[156]. В некоторых чувашских селениях отрезанный ломоть хлеба принято было хранить в клети вместе с серебряной

монетой, взятой тайком из кармана одежды солдата[157]. В таком случае наблюдали за состоянием монеты. Если привязанная к хлебу монета начинала менять цвет (темнеть или зеленеть), значит, солдат заболел, если монета оставалась без изменений, то у него все благополучно. Если же хлеб и монета начинали раскачиваться из стороны в сторону, то это означало смерть солдата[158]. В других случаях на хранение брали либо монету и прядь волос солдата[159], либо кусок хлеба и прядь волос[160], либо кусок хлеба, прядь волос и монету[161]. Эти предметы до возвращения рекрута со службы хранились на полке божницы или под крышей клети. Как и в предыдущих приметах, о судьбе рекрута судили по состоянию хлеба и монеты. Есть также сведения, что рядом с горбушкой хлеба в амбаре вешали приготовленную в домашних условиях колбасу (*шӑрттан*), которую не трогали до самого возвращения солдата. Если колбаса по каким-либо причинам начинала портиться или ее потревожили мыши, это считалось дурным предзнаменованием[162]. Все эти предметы в вышеописанных ритуалах, которые хранились в доме или за его пределами, с одной стороны, служили для «притягивания» солдата, а с другой – выступали его метонимическими заместителями: волосы были составной частью телесной субстанции человека, а хлеб и монета – предметами, к которым он прикасался. В соответствии с народными представлениями, благодаря такому контакту между человеком и предметами возникала некая магическая связь. Именно поэтому по их физическому состоянию после ухода солдата родные и близкие гадали о его здоровье. Первенствующее место среди этих вещей, конечно, занимает хлеб. Он выступает как важнейший признак родительского дома и мощный оберег. Как отмечают А.В. Черных, Т.Г. Голева и Р.И. Щукина, «сохранение хлеба связано с идеей того, что солдата ждут пища, хлеб, оставленные на родине, что также должно было способствовать его возвращению»[163]. Не случайно во время обряда с хлебом рекрут обязательно обращался с пожеланием, чтобы ему довелось еще раз отведать домашний хлеб и чтобы он способствовал его возвращению, например: «Пусть меня этот отцовский хлеб приведёт обратно»[164].

Другим важным символом дома в рекрутской обрядности чувашей считалась печь. Прежде чем покинуть дом, рекрут обязательно должен был попрощаться с печью. У чувашей обряд прощания с печью бытовал в двух вариантах: либо рекрут подходил к печи, просто прикладывался к ней[165], либо обнимал и целовал печь, главным образом ее чело (*кӑмака çамки*)[166]. При совершении этой церемонии мать солдата молилась о том, чтобы тепло печи продолжало согревать покидающего отчий дом сына: *Эй, Турӑ, çак кӑмака ӑшши халиччен ачам-пӑчама ӑшӑтса тӑчӗ, малашне те çаплах ӑшӑттӑр, сана та, ачам, çак кӑмака ӑшшипе ӑшӑнса пурӑнма çавӑрса килтӗр*[167]. – «О Боже, тепло этой печи доселе согревало моих детей, пусть и впредь их согревает, и тебе, дитятко, пусть будет суждено возвратиться, чтобы жить и греться теплом печи». В некоторых селениях после проведения этого обряда новобранца снабжали небольшим кусочком глины от пе-

чи, который должен был храниться у него вплоть до возвращения[168]. Комплекс ритуалов с печью в некоторых локальных традициях актуален в настоящее время. Например, в Пермском Прикамье чуваши-новобранцы заглядывают в печь и кричат в трубу: «Жди меня, печка, через два года к тебе живым и здоровым вернусь» или целуют печь и обходят ее, чтобы благополучно отслужить и вернуться домой[169].

Отдельным обрядовым действием у чувашей выступало прощание рекрута с матерью. После печи рекрут целовал груди матери[170], а по другим источникам – обнаженную левую грудь[171]. По свидетельству Т.М. Акимовой, у чувашей Саратовского Поволжья это происходило после выхода из избы: «Когда отъезжающий готов бывает сесть в повозку, мать благословляет его через окно, а он целует ее в грудь»[172]. При прикосновении к грудям матери рекрут произносил следующее пожелание: *Кăкăр сĕчĕ, пилле! Çавăр!*[173] – «Молоко грудное, благослови! Возврати!».

Таким же устойчивым символом дома и родного очага у чувашей являлся столб, расположенный около печи под матицей (*уша юпи, оша юпи, ӳлчепи, олч йопи, виçе юпи, сентĕре (сентре) юпи* и т.д). Согласно источникам, рекрута по солнцу обводили три раза вокруг столба и только после этого он покидал родное жилище[174]. В других источниках сообщается, что рекрут такие обходы делал вокруг обеденного стола: *Чăн юлашкинчен ача сĕтел тавра виççĕ çаврăнса илет те, пурне те чуп туса, Турра пуç çапса тухса каять*[175]. – «Напоследок парень три раза обходит стол, всех целует, делает поклон Господу и уходит»; *Вара салтак ашшĕпе амăшне пуç çапать те, пуç çапнă хыççăн сĕтел хушшинчен виççĕ çаврăнать*[176]. – «Потом солдат кланяется отцу и матери и после этого обходит стол три раза». Очередность указанных выше церемоний в разных селениях, вероятно, варьировалась. Например, по Н.В. Никольскому, «в Цивильском уезде рекруты-язычники при прощании с матерью целуют у нее грудь, далее обходят стол, целуют печку»[177].

В числе других магических действий при проводах на военную службу достаточно распространенным было совершение т.н. «возвратных» действий. Одним из таких был вывод рекрута из дома спиной вперед (*кутăн, çурăмĕпе малалла*)[178]. Это делалось для того, чтобы по окончании службы он совершил то же действие, но в обратной последовательности, т.е. благополучно вернулся домой: *Епле утса тухнă, çапла килсе кĕмелле пултăр киле*[179] – «Как вышел, пускай так и войдет в дом»; *Ку килтен мĕнле тухса каять, каялла та çапла кĕтĕр*[180] – «Как он уходит из этого дома, пусть так и возвратится». При этом рекрута с двух сторон поддерживали его друзья или близкие родственники. В д. Стюхино Бугурусланского уезда Самарской губернии рекрута из избы выводили таким же образом, но при этом следили за тем, чтобы по пути на улицу рекрут не забыл поцеловать все двери и косяки, начиная от избы до больших ворот. Стоит обратить внимание также на то, что рекрута спиной вперед в этой деревне выводили до самой околицы: *Ĕлĕк ăсатнă чухне салтака пӳрт алăкĕнчен, пӳрт умĕнчен, хапхаран ку-*

тӑн уттарса кӑлараччӗҫ тет. Алӑкне, алӑк янахӗсене, хапхине, хапха янахӗсене сӑхсӑхса чуп тутараччӗҫ тет. Çапла ялтан тухичченех кутӑн уттарса каяччӗҫ тет. Укӑлча хапхине чуп тусан тин урапа çине лартнӑ. Çапла кутӑн кӑлармасан салтакран таврӑнмасть тесе калаччӗҫ тет[181]. – «Говорят, что в старину во время проводов солдата через двери дома, сени и ворота выводили спиной. Говорят, что его просили перекреститься и поцеловать дверь, косяки двери, ворота, косяки ворот. Говорят, что задом он шагал, пока не выйдет за пределы деревни. На телегу его сажали только после того, как он поцелует ворота околицы. Если его не выводить в обратном направлении, он из солдат не вернется». Примечательно, что эта традиция устойчива и в настоящее время. Так, в с. Айгулево Стерлитамакского района Республики Башкортостан новобранца и сегодня выводят из дома лицом к матице, а около порога он должен перешагнуть через скалку[182]. Вывод рекрута из дома лицом к дому или спиной вперед имело место в обрядах проводов в солдаты у русских[183], русских староверов-молокан[184], удмуртов[185], марийцев[186] и др.

К этой же категории относятся манипуляции, в соответствии с которыми рекрута под разными предлогами снова приглашали в дом. У русских с целью «притягивания» рекрута под каким-либо предлогом вновь приглашали в дом, чтобы он посмотрел на печь[187] или забрал какую-либо забытую вещь[188]. Нечто похожее автору настоящего исследования удалось зафиксировать в д. Манеево Аургазинского района Республики Башкортостан. Здесь с целью «притягивания» солдата к родному очагу после прощания его снова заводили в дом, где усаживали за стол и еще раз угощали кашей. В некоторых случаях для угощения кашей солдата приглашали не в дом, а в сени (*пӳрт ум*)[189]. Аналогичный обычай повторного входа новобранца в дом соблюдался пермскими чувашами[190].

Семантически идентичным приведенному выше обряду является ритуал, в соответствии с которым при выходе из дома рекрут открывал все двери в доме и оставлял их такими. Цель – они для него должны оставаться открытыми до возвращения. В подтверждение сказанному приведем пример, записанный неизвестным корреспондентом Н.В. Никольского в д. Большое Шигаево Чебоксарского уезда Казанской губернии: *Салтак ачи кил хушши варрине тухать, унта юлташӗсемпе виҫӗ çавра юрӑ юрлать, унтан кил хушшинчи пур çуртсенӗн алӑкӗсене пурне те хӑй уçать.<...> Килтен тухнӑ чух çорт алӑкӗсене уçнине çапла калаççӗ: “Епле тухса кайнӑ, çапла килсе кӗме уçӑ пултӑр санӑн çулу”, – теççӗ*[191]. – «Солдат выходит на середину двора, там с друзьями поет три куплета песни, после этого он открывает все двери в доме. <...> Про открывание дверей говорят так: “Как вышел, так и дорога назад тебе пусть будет открытой”).

После выхода из избы рекрут целовал столбы ворот (*хапха юписем*)[192], петли ворот (*хапха тӑпси*)[193], растущее около дома дерево (*чӗрӗ йӑвӑҫ, чӗрӗ йывӑҫ*)[194]. В с. Атишево-Шихраны Цивильского уезда Казанской губернии при этом рекрут произносил следующие слова: *Эпӗ ырӑпа*

пурнас пулсан – çакă йăвăç чĕрĕ лартăр, эпĕ вилес пулсан – хăрĕ[195]. – «Если со мной все будет благополучно, пусть это дерево живет, а если я умру – засохнет». А в д. Хирлеппоси Ядринского уезда Казанской губернии новобранца три раза обводили вокруг ветлы, которую он когда-то посадил[196]. С целью благополучного возвращения домой, по В.Г. Родионову, рекрута заставляли также три раза по ходу солнца обойти столб овина (*ашăм юпи*) или же старый дуб на окраине деревни[197]. Об этом пишет и С.М. Михайлов: «Когда рекрут из чуваш отправляется в поход, то, распростившись с домашними, обходит кругом какого-нибудь векового дуба йоман, чтобы помнить родину и возвратиться счастливо, отслуживши Богу и великому государю»[198].

В Чебоксарском и Цивильском уездах Казанской, а также в Буинском уезде Симбирской губернии рекрут прощался не только с родственниками, но и с хозяйством: обходил дом, хозяйственные постройки и, где бы ни был, делал земные поклоны. Затем шел во двор, где кланялся животным и благодарил их за службу. Особенно трепетно рекрут прощался с лошадью: «простившись с родными в избе, новобранец выходит во двор и прощается с домашними животными. Особое внимание новобранец при этом оказывает лошади, так как чуваши-новобранцы любят кататься на лошади. Потому он, т.е. новобранец, как будто бы благодарит лошадь, что она так старательно возила его, и потом как бы извиняется перед ней и просит прощения за дерзкие, быть может, обращения или за напрасный удар кнутом, который он допускал во время своих разъездов на ней» (д. Карамышево Чебоксарского уезда)[199]; «в день расставания с родными рекрут прощается со службами отцовского дома: с гумном и животными и особенно с лошадью, с которою он всегда бывал на работе. Он говорит ей: *Эй, савнă лашам, эпир санпа нумай ĕçлерĕмĕр, пĕр шухăшлă пурăнтăмăр. Сыв пулах, тусăм, эпĕ тавръăниччен чипер пурăн*[200]. – «Эй, любимая лошадка, мы с тобой много потрудились, были душа в душу. Прощай, дружок, до моего возвращения живи хорошо» (д. Раково Буинского уезда Симбирской губернии).

Обеспечению скорейшего возвращения рекрута домой, по представлениям чувашей, служил также обычай, согласно которому после выхода его со двора кому-нибудь из младших членов семьи следовало забраться на какое-либо высокое место (забор, ворота и т.д.) и, обратившись к нему по имени, громко прокричать: *Час кил!*[201] – «Возвращайся поскорей!» или *Часрах аçу килне тавръăн!*[202] – «Скорее возвращайся в отцовский дом!».

Прощание

После выхода из дома в сопровождении провожающих рекрут по улице направлялся до околицы (*укăлча, униче, ониче, ӳлӳче* и т.д.), где располагались полевые ворота (*укăлча хапхи, уй хапхи, пус хапхи*). По обычаю до этого места он должен был идти пешком и ни в коем случае не садиться на телегу или сани. Такой запрет А.К. Байбурин объясняет тем, что таким образом родственники рекрута старались не допустить полного сходства с похоронной процессией[203]. До околицы рекрут шел не один, а поддерживае-

мый с двух сторон друзьями и родственниками: «солдаты (новобранцы), простившись с родителями, родными и знакомыми, выходят из дома отца в сопровождении всей деревенской молодежи, причем новобранца с двух сторон ведут его искренние друзья и непременно под руки»[204]. Процессия, провожающая солдата, представляла обычную шеренгу, посередине которой стоял рекрут, а по бокам участники прощальной свиты. Новобранец при этом пел прощальные песни и размахивал из стороны в сторону платками. В с. Большая Акса Буинского уезда Симбирской губернии рекрута с двух сторон поддерживали два ближайших родственника[205], а в д. Шигали (Воскресенское) Цивильского уезда Казанской губернии – два товарища, уволенные в запас[206]. В первом случае корреспондент также уточняет, что «все трое идут без шапок, и это обязательно, несмотря ни на какие морозы»[207]. Такое же правило было принято в д. Сесмеры Ядринского уезда Казанской губернии: «и сам рекрут шел шагом, и все до окончания проводов были с открытыми головами»[208]. Иногда для проводов рекрута местные жители снаряжали целый поезд: «Собирается со всей деревни восемь или десять лошадей – а иногда и поменьше. Все они запрягаются гуськом одна за другой. На переднюю садится подросток. Сани запрягаются самые большие, какие только находятся; в них вваливается человек десять и больше чуваш, желающих проводить рекрута в город. Сам рекрут становится посередине их без шапки. В руках у него всегда большой женский головной шерстяной платок, который он берет от жены или от матери. Платком этим он машет всем встречающимся чувашам»[209].

На околице родственники еще раз угощали рекрута и всех провожающих пивом, после чего последний начинал со всеми целоваться и прощаться. В некоторых источниках подчеркивается, что рекрут «целует всех присутствующих, хотя бы их было человек 100–200»[210]. При прощании провожающие благословляли и напутствовали его добрыми пожеланиями: *Чипер кайса кил. Турă каялла çавăртăр сана*[211]. – «Иди и благополучно возвращайся. Пусть Господь вернет тебя»; *Сĕт çулĕпе кайса çăв çулĕпе киле таврăн*[212] – «Уходя по пути молочному, возвращайся по пути масляному»; *Çолу каялла полтăр. Лайăх кайса çаврăнса кил*[213] – «Дорога в обратную сторону пусть будет. Уходя благополучно, также благополучно возвращайся»; *Каялла çул пултăр*[214] – «Пусть будет дорога обратно» и т.д. В ответ таким благопожеланиям рекрут обычно отвечал: *Çапла пултăр*[215] – «Пусть будет так».

Затем ко всем провожающим он обращался с благопожеланиями и просил у них прощения: *Усал тесе ан асăнăр*[216]. – «Не поминайте лихом»; *Сыв пулăр та пур пулăр. Ман пек телейсĕр ан пулăр*[217]. – «Будьте во здравии и благополучии. Не будьте несчастными, как я»; *Эй, пурăнса ӳснĕ ялăм! Айăплă пурăннă пулсан, каçар*[218]. – «Эй, деревенька, где я родился и вырос! Если жил неправильно, прости»; *Ятласа ан юлăр, кӳрентернине пурне те каçарăр*[219]. – «Не ругайте, за все нанесенные обиды простите». При этом рекрут, повернувшись в сторону кладбища, со словами прощения

обращался и к усопшим предкам: *Асаттесем, асаннесем, пĕртăвансем! Каçарăр мана*[220]. – «Дедушки, бабушки, родственники! Простите меня»; *Асаттесем, асаннесем, пур тăвансем те, каçарăр мана*[221]. – «Дедушки, бабушки, все родственники, простите меня». В некоторых селениях рекруты специально заходили на кладбище и около могилок родственников обращались к ним за покровительством и поддержкой: «Когда проезжают мимо кладбища, солдат вместе с родственниками туда заходит, чтобы попросить благословения у умерших родственников. Обращаясь к ним, он говорит: *Лайăх кайса лайăх таврăнма парăр!*[222] – «Дайте благополучно уйти и также благополучно вернуться».

После этого рекрут брал из кармана одно- или двухкопеечную монету и кидал ее за спину[223]. При этом присутствующие смотрели, как ляжет монета на землю. Если она падала вверх «орлом», это считалось к добру, если она падала «решкой» вверх – не к добру[224]. В с. Большая Акса Буинского уезда Симбирской губернии в последнем случае рекрут такую монету поднимал с земли и бросал от себя в западную сторону, «чтобы дурной признак, указываемый монетой, не смог исполниться»[225]. Иногда монеты бросали к подножию одиноко растущего дерева на границе деревни. Этим, как сообщает автор этнографического сообщения, рекрут заручался покровительством дерева, чтобы вернуться живым и невредимым[226]. В д. Большая Тояба Цивильского уезда Казанской губернии рекрут бросал монету к подножию правого столба околичных ворот, затем целовал его и говорил: *Çак юпаран уйрăлса ан каям, килте ватăлса вилмелле пултăр*[227]. – «Не разлучиться бы мне с этим столбом, да будет мне дозволено жить и умереть от старости в родном доме». В с. Старое Суркино Бугульминского уезда Самарской губернии рекруты тоже бросали монету за полевыми воротами, но не в целях угадывания своей будущей судьбы, а в качестве дара для духа *хаяр пуçлăхĕ* (букв. «глава зла»)[228]. В д. Шутнербоси и Первые Тойси Цивильского уезда Казанской губернии новобранцы за полевыми воротами бросали (букв. «катали») яйцо (*çăмарта кустарса яраççĕ*)[229]. Вероятно, это делалось в целях умилостивления *хаяр пуçлăхĕ* и обеспечения удачной дороги до места службы. В то же время есть свидетельства о том, что в эту сакральную процедуру чуваши вкладывали и элементы гадания. На этот счет тоже существовала примета, в основе которой лежало наблюдение, какой стороной упадет яйцо на землю: *Çăмартин шĕвĕр вĕçĕ малалла пулсан киле таврăнать, апла пулмасан салтакрах вилет тенĕ*[230] – «Если вперед смотрела острая сторона яйца, говорили, что вернется, если же наоборот, говорили, что помрет в солдатах».

В Ядринском уезде Казанской губернии рекрут прощался также с родной землей. Вот как описывается этот эпизод: «Доехав до загона, который принадлежал ему и его родителям, он сильно заплакал. Здесь остановили лошадей. Рекрут слез с саней и стал прощаться с родной землей. <...> Затем обратился к загону и воскликнул: *Ырă, çĕр-шу, мана хунтан ан уйăр. Тепĕр пилĕк çултан каллех сан патна суха пуçпе, урапа тулли ырашпа*

килме пар. – “Родная сторона, не отлучай меня от себя. Сделай так, чтобы через пять лет я пришел к тебе с сохой и телегой, полной ржи”. Затем он обратился к востоку и на коленях помолился: *Торӑ, мана лайӑх осра, çак çоратнӑ çӗр-шуран ан уйӑр мана. Эпӗ киличчен саманана лӑпкӑ усра, пур çакӑнта тӑракан халӑх кӑмӑлӗшӗн мана çак çӗр-шыва çавӑр, Торӑ!* – “Господь, сохрани меня, не разлучай с родиной, где я родился. До моего возвращения мир держи в спокойствии, в угоду желаний всех здесь стоящих возврати меня на родину, Господь”. Затем упал ниц и поцеловал родную землю. Его подняли и усадили на сани. Рекрут при прощании с землей не должен сам подниматься и вставать на ноги, если он встал на землю на колени. Иначе, говорят, земля не возвращает того человека на родину»[231].

После всех этих церемоний новобранец садился на приготовленную для него повозку и уезжал в уездный город. В с. Карамышево Чебоксарского уезда Казанской губернии при этом соблюдался следующий обычай. Новобранец с ямщиком выезжали за полевые ворота, а провожающие оставались в черте поселения: «доходя до полевых ворот, новобранец один только с ямщиком выезжает за ворота, а все остальные остаются в деревне, не выходя за ворота»[232]. Когда рекрут с провожающими его друзьями и родственниками отъезжал на некоторое расстояние, кто-нибудь забирался на вершину столба полевых ворот и вдогонку уезжающему солдату кричал: *Час таврӑн!*[233] – «Скорее возвращайся».

Запреты

С рекрутской обрядностью у чувашей были связаны и определенные запреты. Их соблюдение, по народным представлениям и верованиям, должно было благотворно сказаться на службе солдата и его судьбе в целом. Так, при отъезде из деревни рекрут не должен был оборачиваться: «кто оборачивается и смотрит назад, тот не возвращается»[234]. Во избежание несчастья рекрута запрещалось провожать родителям: «если солдата будут провожать родители, то сын не вернется»[235]; «когда провожают солдата, мать и отец должны остаться дома, сидя на лавке, и не должны выходить из избы, пока он не уйдет. Если родители выйдут за ним на двор провожать, то он не вернется со службы»[236]. В некоторых селениях матерям или женам солдата строго запрещалось даже смотреть в сторону околицы: «Если у рекрута была мать или жена, им не разрешали смотреть в сторону, где проходило прощание. Если они туда посмотрят, говорили, что он не вернется»[237]. Аналогичные представления П.П. Фокиным отмечены у чувашей Присвияжья: «По поверьям, матери после прощания нельзя смотреть в окно, а тем более выходить провожать»[238]. После ухода солдата запрещалось также оставлять пустым обеденный стол. Поэтому за столом оставляли 2–3 стариков, которые охраняли вверенное им место до возвращения домой остальных родственников. После этого было принято вновь садиться за стол, а хозяевам выставить угощение[239]. В других населенных пунктах после ухода солдата из дома нельзя было оставлять столовые принадлежности, прежде все-

го ковши, стаканы, ведра для пива, в их обычном положении. Их обязательно переворачивали вверх дном: *Сĕтел çинчи япаласене, стакансене, витресене ӳпĕнтерсе лартаççĕ. Çапла лартни каякан мĕнле сывлăхпа кайать, килессе çавăн пек сывлăхпа килтĕр тенине пĕлтерет*[240]. – «Вещи на столе, стаканы, ведра переворачивают. Это означает следующее: каким здоровым уходящий уходит, с таким здоровьем должен возвратиться». Чтобы солдат благополучно вернулся, при отъезде из деревни ему запрещалось оборачиваться и смотреть на провожающих[241].

Обереги

Определенное место в рекрутской обрядности занимали обереги. С одной стороны, они были призваны отвратить от рекрута болезни и всякие опасности, с другой – обеспечить его возвращение домой целым и невредимым. Перечень таких предметов был достаточно универсальным. Так, в с. Атишево-Шихраны Цивильского уезда Казанской губернии в котомку солдата в качестве оберегов местные жители клали три куска соли (*виçĕ шăл тăвар*), горбушку хлеба (*çăкăр сăмси*), кусочек домашней печи (*кăмака катăкĕ*), стебли или плоды чертогона (*хаяр курăкĕ, хаяр çырли*)[242]. В селениях, где были сильны православные традиции, вдобавок к перечисленным предметам рекруту вручали икону и нательный крестик[243]. При вручении крестика или иконы, как и в случае с монетой, родители новобранцу давали наказ, чтобы он сохранил и принес их обратно: *Мĕнле илсе кайнă, çавăн пекех каялла илсе кил*[244] – «Как заберешь, так и вернешь». В с. Суккулово Ермекеевского района Республики Башкортостан в качестве охранных талисманов солдату на руки давали взятые из печи золу и угольки (*кĕл, кăмрăк*) и лепешку, приготовленную из муки с добавлением материнского грудного молока (*кăкăр сĕчĕпе çăнăх çăрса тунă юсман*)[245]. В д. Шимкусы Тетюшского уезда Казанской губернии в качестве охранного талисмана рекруты брали с собой на службу землю с могилы отца. В случае болезни эту землю надлежало разбавить водой и выпить[246]. Таким же универсальным оберегом считалась земля, взятая из дома, – *килти çĕр* (домашняя земля)[247] или земля, взятая с могилы одного из близких родственников[248]. При этом рекрут обращался к хозяину могилы по имени и говорил: *Эпĕ сантан тăпра илетĕп, хампа йăтса çӳреп. Хăв патна илсем мана*[249]. – «Я беру у тебя землю, с собой ее буду носить. Забери меня к себе». Последним своим обращением рекрут высказывал желание умереть на родной земле. Все вышеперечисленные предметы-талисманы рекрут должен был тщательно беречь до своего возвращения.

Приметы и гадания

И конечно, с проводами в рекруты у чувашей были связаны различные приметы и гадания. По ним родители и провожающие судили о том, как сложится служба солдата – его жизнь на чужбине. Самым распространенным у чувашей было гадание с горбушкой хлеба. Его проводили, как прави-

ло, в родном доме новобранца. В д. Верхнее Атыково Буинского уезда Симбирской губернии данное ритуальное действие называлось *çăкăр кастарни* (отрезание хлеба)[250]. Сначала солдат перед образами зажигал свечу, осенял себя крестным знамением и, взяв в правую руку каравай хлеба, левой отрезал от него горбушку. Если горбушка падала горбинкой вверх (*çăкăр сăмси çӳлелле вырtсан, çăкăр çемçе енне ӳксен*) – к добру, если падала наоборот (*çăкăр сăмси аялалла вырtсан, ӳпне ӳксен*) – не к добру. Вот как описывается данный обряд в одном из источников: «Рекрут на столе из цельного каравая хлеба отрезает ломтик, который падает на стол. Если ломтик будет лежать вверх лицом, т.е. в таком положении, в каком находился на самом каравае, то рекрут воротится домой целым и невредимым. В противном случае или совсем не воротится, а если воротится, то нездоровым»[251]. При отрезании горбушки рекрут произносил молитву: *Турă пулăшнипе калла тавpăнса атте çăкăpне çимелле пултăp*[252] – «С помощью Господа да будет мне угодно возвратиться и поесть отцовский хлеб». То же мы видим в описании обряда в Буинском уезде Симбирской губернии, данном Ф. Ильичевым: «Встав из-за стола, поблагодарив Бога, берет в руки цельный каравай хлеба, заранее приготовленный на стол ножик и, перекрестившись сам, потом перекрестив три раза каравай ножом, отрезает горбушку от каравая. Горбушка падает на стол. Если горбушечка упала горбом вниз, а отрезанной стороной вверх, то к добру, если наоборот, то к худу»[253].

Другим достаточно популярным способом угадывания рекрутом своей судьбы было гадание с помощью монеты. Его смысловое содержание заключалась в наблюдении над тем, какой стороной ляжет монета после бросания ее в воздух. Хорошим знаком считалось, если монета падала вверх «орлом» (*ăмăpткайăкĕ çиелелле ӳксен, пит ен ӳксен, орёл енĕпе ӳксен*). Если монета падала вверх «решкой», то это предвещало болезнь или смерть[254]. В д. Изамбаево Тетюшского уезда Казанской губернии перед бросанием монеты рекрут должен был ее три раза обвести над своей головой и только после этого бросить в воздух[255]. Как уже отмечалось, монеты рекрутами бросались исключительно на околице. Однако иногда это происходило в избе: «Рекрут становился на восток, брал в руки двухкопеечную монету и бросал ее на стол. Если монета падала вверх “орлом” – к добру, если падала вверх “решкой” – не к добру»[256]. В Буинском уезде Симбирской губернии рекруты бросали монету не один, а три раза: «Рекрут, когда едет на вербовку (здесь, скорее, речь идет о жеребьевке. – *И.П.*), в поле бросает три раза монету (серебряную или медную) на землю. Если монета будет орлом все три раза или, в крайнем случае, два раза вверх, то это хороший признак, а если наоборот – нехороший»[257]. В с. Большая Акса Буинского уезда Симбирской губернии в последнем случае рекрут поднимал монету с земли и кидал от себя подальше в западную сторону, «чтобы дурной признак, указываемый монетой, не смог исполниться»[258].

Такие же представления (какой стороной и как ляжет тот или иной предмет) вкладывались в гадания с яйцом, пивным ковшом, чайной чашкой,

стаканом и фуражкой. Если после катания по земле яйцо останавливалось острым концом вперед, то говорили, что солдат вернется, если же наоборот – умрет[259]. В других селениях на околице рекруты выкидывали яйцо далеко в поле. Если провожающие его находили, это считалось добрым знамением, если же не находили, то наоборот[260]. В приметах с пивным ковшом (*йывăç курка, сăра курки*) также примечали, как он упадет на землю. Если ковш падал на донышко, это предвещало хорошую судьбу, если же он опрокидывался (*ӳпне ӳксен*) – нехорошую. Как и в ритуальном действии с монетой, перед бросанием ковша рекрут делал с ним круговые движения над головой, обычно три раза[261]. В гадание с чайной чашкой (*чей курки*) вкладывался тот же смысл, что и с пивным ковшом. Здесь смотрели, в какую сторону будет обращено ее дно (*курка кучĕ*). Если оно было обращено в сторону деревни, это принималось за худое знамение[262]. В XX в. уходящие на службу за околицей вместо деревянного ковша стали бросать стеклянный стакан[263] или стопку[264]. Бросание посуды с целью предугадывания судьбы П.П. Фокин считает элементом, воспринятым из русской обрядовой культуры[265].

«Правильное» или «неправильное» приземление вкладывалось в суть гадания с фуражкой. Если фуражка падала на землю козырьком вниз (*ӳпне вырtсан*), то это считалось к добру. Если же она падала на землю козырьком вверх (*месерле вырtсан*) – не к добру: солдат умрет либо тяжело заболеет[266]. В поздних вариантах фуражку принято было выкидывать через ворота (*кил карти алăкĕ урлă*), а не на околице[267]. В с. Атишево-Шихраны Цивильского уезда Казанской губернии после выхода солдата из дома еще наблюдали за крюком для подвешивания котла (*хуран çакки*). Если солдату было суждено благополучно вернуться, крюк не должен был сдвинуться с места, то есть качнуться в сторону, и наоборот: *Киле юлсан хăшĕ-пĕри хуран çаккине сăнать салтак килтен тухса кайнă чухне. Салтак ырă курмалла пулсан, силленмест тет. Вилмелле е аманмалла пулсан, силленет тет*[268]. – «Когда солдат выходит из дома, кто-нибудь из остающихся наблюдает за крюком для котла. Если солдату выпадало благо, он не должен был качаться. Если же ему суждено умереть или получить ранения, крюк, говорят, качается».

Достаточно распространенным в рекрутской обрядности чувашей было гадание на лошадях. Если лошадь со двора трогалась с правой ноги, то это считалось к добру, а если с левой – не к добру[269]. Если своя лошадь была «левоножная», бывало, что специально впрягали чужую, «правоножную» лошадь[270]. В с. Большая Тояба Цивильского уезда Казанской губернии добрым знаком считалось, если лошадь перед дорогой не только трогалась с правой ноги, но и испражнялась: *Лавçă лаши тухса кайнă чух сыссан, каймас, сысмасан, каять теççĕ*[271]. – «Если при трогании с места лошадь извозчика испражнялась, говорили, что не уйдет (то есть вернется. – *И.П.*), а если не испражняется – уйдет».

Обряды после ухода рекрута

По народным представлениям, связь семьи с солдатом не обрывалась после расставания с ним. В народе считали, что солдат в течение года сильно тоскует по дому и вспоминает домочадцев. Чтобы избавить его от тоски, в течение года или до самого возвращения каждый раз солдата «символически» звали за обеденный стол. Для этого за столом ему предназначалась отдельная табуретка, на стол клали ложку, кусок хлеба и ставили домашнее кушанье. Потом этот кусок хлеба и еду съедал человек, приготовивший пищу. Кроме этого, перед началом трапезы кого-нибудь из членов семьи (обычно младших братьев или сестер) просили выйти на улицу и позвать брата к столу. Если таковых в доме не было, солдата за стол звала мать или кто-либо ещё[272]. Приглашение заключалось в словесном обращении, адресованном солдату, например: *Ваçка, апат çиме кил!*[273] – «Васька, приходи кушать!»; *Апат çиме кил!*[274] – «Приходи кушать!» и т.д. В некоторых случаях эти слова мать произносила не на улице, а дома, когда на стол клала положенную для него ложку[275]. Такой же обычай был принят в д. Старые Щелканы Цивильского уезда Казанской губернии: «Если в семье чувашина кто-нибудь служит в солдатах, то его в торжественные случаи (в Пасху и т.п.) зовут через сенное окошко обедать, вообще участвовать в семейном торжестве»[276]. В семье полагали, что благодаря таким приглашениям солдат будет сытым и не так сильно будет скучать по родному дому. В чувашских селениях Ядринского уезда Казанской губернии в честь солдата на каждой пирушке было принято починать новую бочку пива. Принимая от хозяев ковш с пивом, гости молились о его благополучии. «На попойках починают пиво на его имя. Пиво починает тот человек, кому он приказывал. Помолившись Богу, все садятся чинно, а когда подадут им пиво, тут каждый старается положить денег, кому не жалко. Деньги, собранные при этом случае, отсылаются к нему… Пиво варится до его возвращения»[277]. В д. Хорн-Кукшум Ядринского уезда Казанской губернии записано: «Во время нахождения сына на службе родители в год 3–4 раза: на Пасху, на Троицу, осенью и на Масленицу – в честь него бочку пива варят. Выпить этот бочонок пива созывают родных и гостей. Здесь опять молятся о здравии и успехах находящегося на службе. В этот день в церкви подают просфору во здравие его и эту просфору кладут тогда перед иконами у зажженных свеч»[278]. Перед тем, как выпить пиво, по обычаю приоткрывали дверь и звали солдата отведать начатое в его честь питье[279]. Обряд починания бочки пива в честь призванного на военную службу солдата (*пичке пуçлани*) соблюдался также некрещеными чувашами с. Клементейкино Альметьевского района Республики Татарстан. Обычно это было принято провести вместе с родственниками на Пасхе[280].

Таким образом, обычаи и обряды проводов в солдаты у чувашей на рубеже XIX – начала XX в. представляли достаточно развитый вид семейной обрядности. Хотя обряд проводов в рекруты возник сравнительно поздно, он органично вписался в народную обрядность. Возникнув в XVIII в. с вве-

дением рекрутской повинности, он претерпел длительную и сложную эволюцию. Как «серединный» обряд[281], он вобрал в себя много мотивов и ритуальных действий, которые сближают его как со свадьбой, так и с похоронами. Все они были призваны подчеркнуть переходный статус рекрута – главного персонажа обряда. Со свадебной обрядностью его сближают такие элементы, как праздничное украшение лошади и сбруи полотенцами, лентами, колокольчиками, наличие у рекрута свиты из числа друзей и родственников, костюмные особенности, объезд рекрутом родственников стоя на телеге, встреча рекрута в домах родственников как жениха, напутствия и благословения рекрута со стороны родителей и родственников, троекратный обход вокруг стола до и после трапезы и т.д. С похоронной обрядностью рекрутская обрядность чувашей находит аналогии в таких акциональных действиях, как вынос или вывод рекрута из дома спиной вперед, поднятие рекрута с земли, когда он прощается с родным загоном, плач и причитания родных и близких при прощании и т.д. Относительно присутствия в рекрутской обрядности похоронной символики А.В. Черных замечает, что «проводы на службу, на войну, на смерть, видимо, и актуализировали элементы проводов-похорон»[282]. Однако, если в похоронной обрядности все ритуальные действия были направлены на исключение возвращения покойника в мир живых, то в рекрутской обрядности идея обеспечения благополучного возвращения провожаемого была и остается доминирующей: рекрута благословляют хлебом, выводят из дома спиной вперед, просят поцеловать грудь матери, печь, двери, столбы ворот, обойти три раза посолонь столб около печи или стол, дерево на улице, овинный столб, дуб на окраине деревни и т.п. Однако справедливо замечание и тех исследователей, которые подчеркивают, что «похоронная» символика в большей мере преобладала в рекрутской обрядности раннего времени, когда срок службы был достаточно долгим – от десяти до двадцати пяти и более лет. При длительном сроке службы шанс благополучного возвращения рекрута сводился почти к минимуму. С сокращением срока воинской службы до нескольких лет в рекрутской обрядности явно стали доминировать действия, связанные с мотивом возвращения, а «похоронная» символика отошла на второй план[283].

Постольку рекрут надолго отлучался от родного дома и его жизнь на чужой стороне подвергалась реальной опасности, особенно в военное время, проводы обставлялись целым комплексом обереговых действий, главной целью которых было создание условий для его благополучного возвращения. Следует также обратить внимание на то, что обряды с целью возвращения солдата проводились практически на каждом этапе его пути от родного дома до околицы. Как пишет Е.В. Попова[284], в проводах в солдаты имеет место «преодоление важных семантических локусов» на пути от «центра» к «периферии», которые сопровождаются теми или иными ритуальными действиями. Изучив рекрутскую обрядность бесермян, такими локусами она считает матицу, порог, ворота, край села. В целом движение по такому пути с преодолением таких же семантически насыщенных локусов

имеет место в рекрутской обрядности чувашей. Как это было характерно для рекрутской обрядности других народов, в чувашском обряде проводов в солдаты имеют место некоторые элементы, свидетельствующие об инициации: пострижение, снабжение солдата полотенцами и платками, благословение и т.д. Благодаря инициации рекрут обретал новый статус – статус солдата. В результате проведения «переходного» обряда он временно исключался не только из своей возрастной среды (неженатых молодых людей), но и сельской общины в целом. Как и любая область этнической культуры, рекрутская обрядность демонстрирует высокую вариативность и наличие в ней множества локальных особенностей. В то же время в ней много элементов, сближающих с обрядом проводов других народов Урало-Поволжья.

Литература и источники

[1] *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России: опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 12.

[2] *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность // Православный благовестник. 1905. Январь. С. 179–188; Февраль. С. 362–370.

[3] *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. Казань: Центр. тип., 1905. 20 с.

[4] *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // ИОАИЭ. 1911. Т. 26, вып. 6. С. 511–624; *Его же*. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1911. 114 с.; *Его же*. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: 3-я тип., 1919. 114 с.

[5] *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял (Сёве тăршшĕнчи чăвашсем): этнографи очеркĕсемпе халăх сăмахлăхĕ [Девятиселье (Свияжские чуваши): Этнографические очерки и фольклорные материалы]. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1972. 491 с.; *Его же*. Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем, халăх сăмахлăхĕ, çырса пынисем, çырусемпе асаилӳсем [Девятиселье: этнографические очерки, фольклорные материалы, дневниковые записи, письма и воспоминания]. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2002. 431 с.

[6] *Сироткин М.Я.* Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 132 с.

[7] *Сироткин М.Я., Иванов Л.А.* Народные и семейные обычаи и праздники // Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. Духовная культура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. С. 78–92.

[8] *Родионов В.Г.* О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия. Чебоксары: ЧНИИ, 1990. С. 3–64.

[9] *Салмин А.К.* Предводители обрядов у чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 28–29; *Его же*. Семантика дома у чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. С. 31; *Его же*. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. С. 277–280.

[10] Симбирско-саратовские чуваши: моногр. исследование / А.П. Долгова, Г.Н. Иванов, М.Г. Кондратьев [и др.] Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 124–128.

[11] *Фокин П.П.* Обряд проводов в армию у чувашей Присвияжья // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: Материалы конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 214–221.

[12] *Нагорнова Е.С.* Рекрутская обрядность чувашей Ульяновской области: традиции и новации // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 142.

[13] *Черных А.В., Каменских М.С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб.: Маматов, 2014. С. 136–141.

[14] *Петров И.Г.* Полотенце, платки и некоторые предметы бытового уклада в рекрутской обрядности чувашей и их семантическое значение // Цивилизации народов Поволжья и При-

уралья: сб. научных статей по материалам Международной научной конференции. Т. 1. Проблемы археологии и этнографии. Чебоксары: ЧГПУ, 2006. С. 169–175; *Его же*. Магические ритуалы с мотивом возвращения в рекрутской обрядности чувашей // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 38–46.

[15] Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем [Чувашское народное творчество: благословения и молитвословия]. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2005. 446 с.

[16] *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Чăваш салтакĕ. Шупашкар, 2012. 228 с. (Халăх сăмахлăхĕ Патмарсен пуххинче (10 томлă пухă); 7-мĕш том: [Чувашский солдат. Народное творчество в собрании Патмаров (в 10 т.). Т. 7.]).

[17] Симбирско-саратовские чуваши. С. 124.

[18] *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России; *Черных А.В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: социальные и профессиональные статусы и роли. М.: Лабиринт, 2001. С. 142–149; *Черных А.В., Суханова М.Е.* Проводы в солдаты в Пермском Прикамье в конце XIX–XX вв. // Русская императорская армия в Великой войне 1914–1918 гг. (к 80-летию окончания Первой мировой войны): материалы научной конференции. Пермь, 1998. С. 49–57; *Христолюбова Л.С.* Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления. Ижевск, 1984. С. 102–110; *Ее же.* Обряды, связанные с воинской службой, у удмуртов // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981. С. 135–140; *Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И.* Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. 2-е изд., испр. и доп. Пермь: От и До, 2013. С. 273–280; *Черных А.В.* Военная служба и проводы в солдаты у тулвинских татар и башкир во второй половине XIX – начале XX в. // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 50-летию ГГПИ. Глазов, 2002. С. 60–62 и др.

[19] *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 9. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1935. С. 35.

[20] *Родионов В.Г.* О системе чувашских языческих обрядов. С. 55.

[21] *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 11. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1936. С. 36; *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем. С. 133, 134; ПМА. 1994. РБ, Ермекеевский р-н, с. Суккулово, Прохорова М.Ф. (1919 г.р.).

[22] Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 211. Инв. № 5636. Л. 167; Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 357; *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Указ. соч. С.15.

[23] *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Указ. соч. С. 20.

[24] Там же. С. 39. Здесь и далее перевод текста с чувашского языка на русский И.Г. Петрова.

[25] Там же. С. 44.

[26] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 13.

[27] Там же. Ед. хр. 251. Л. 294.

[28] Там же. Л. 294.

[29] *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем. С. 133.

[30] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 160.

[31] *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 4. Чебоксары, 1929. С. 244; *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность // Никольский Н.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 356.

[32] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 265. Л. 20; Ед. хр. 268. Л. 395; ПМА. 1994. РБ, Ермекеевский р-н, с. Суккулово, Прохорова М.Ф. (1919 г.р.).

[33] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 173. Л. 27–28; Ед. хр. 233. Л. 373–376; *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем. С. 133.

[34] *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем. С. 133.

[35] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 272. Л. 138–139.

[36] Там же. Ед. хр. 233. Л. 373.

[37] Там же. Ед. хр. 271. Л. 105–106.

[38] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 173. Л. 27.
[39] Там же. Ед. хр. 144. Л. 160.
[40] Там же. Ед. хр. 268. Л. 355.
[41] Там же. Ед. хр. 233. Л. 373.
[42] Там же. Ед. хр. 144. Л. 160.
[43] *Черных А.В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья). С. 144–145.
[44] *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 64.
[45] *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем. С. 133.
[46] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233, 357.
[47] Там же. Ед. хр. 272. Л. 139.
[48] Там же. Ед. хр. 233. Л. 332, 374–375.
[49] Там же. Л. 375.
[50] Там же. Ед. хр. 268. Л. 395–398.
[51] Там же. Ед. хр. 211. Л. 170.
[52] Там же. Ед. хр. 173. Л. 27.
[53] Там же. Л. 28.
[54] Там же. Ед. хр. 156. Л. 100–101.
[55] Там же. Ед. хр. 211. Ед. хр. 625. Л. 3.
[56] Там же. Ед. хр. 211. Л. 169.
[57] *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем. С. 134.
[58] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 272. Л. 139.
[59] Там же. Ед. хр. 235. Л. 61.
[60] Там же. Ед. хр. 233. Л. 376.
[61] *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 356–357.
[62] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 265. Л. 44.
[63] Там же. Ед. хр. 233. Л. 387.
[64] Там же. Ед. хр. 265. Л. 21.
[65] *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России. С. 137–138.
[66] Там же.
[67] *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Указ. соч. С. 75.
[68] Там же. С. 17.
[69] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 13.
[70] Там же. Ед. хр. 211. Л. 168.
[71] *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Указ. соч. С. 16.
[72] ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Ишпарсово, Филиппова Л.К. (1941 г.р.), Филиппов П.А. (1934 г.р.) .
[73] *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 357.
[74] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 271. Л. 106, 108.
[75] Там же. Ед. хр. 233. Л. 347.
[76] Там же. Ед. хр. 271. Л. 106.
[77] Там же. Ед. хр. 274. Л. 219; *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 356.
[78] *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 356.
[79] *С.Я.* Проводы рекрута у чуваш // Волжско-камское слово. 1882. 26 янв. С. 3.
[80] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 274. Л. 219–220.
[81] Там же. Ед. хр. 218. Л. 89.
[82] Там же. Ед. хр. 154. Л. 14.
[83] Там же. Ед. хр. 218. Л. 89.
[84] *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Указ. соч. С. 16, 200.
[85] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 235. Л. 64.
[86]Там же. Ед. хр. 268. Л. 396.
[87] *Матвеев Г.Б.* Рекрутские обряды // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 557–558.

[88] *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Указ. соч. С. 17.

[89] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Л.140; Ед. хр. 184. Л.112; Ед. хр. 207. Л. 85; Ед. хр. 243. Л. 41–42; Ед. хр. 265. Л. 21.

[90] Там же. Ед. хр. 173. Л. 28; Ед. хр. 233. Л. 331; Ед. хр. 243. Л. 41–42; Ед. хр. 274. Л. 95.

[91] Там же. Ед. хр. 207. Л. 85; Ед. хр. 243. Л. 42; Ед. хр. 274. Л. 95.

[92] Там же. Ед. хр. 251. Инв. № 5919. Л. 294; Ед. хр. 173. Л. 28; Ед. хр. 207. Л. 85.

[93] Там же. Ед. хр. 173. Л. 28; Ед. хр. 211. Л. 172.

[94] Там же. Ед. хр. 265. Л. 45.

[95] Там же. Ед. хр. 251. Инв. № 5919. Л. 294.

[96] Там же. Л. 294; Ед. хр. 207. Л. 85.

[97] *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 357.

[98] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Л.140–141; Ед. хр. 173. Л. 28; Ед. хр. 180. Л. 403; Ед. хр. 184. Л.112; Ед. хр. 211. Л. 172; Ед. хр. 243. Л. 42; Ед. хр. 274. Л. 95.

[99] Там же. Ед. хр. 208. Л. 281.

[100] Там же. Ед. хр. 180. Л. 403.

[101] Симбирско-саратовские чуваши. С. 127.

[102] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 265. Л. 45.

[103] Там же. Ед. хр. 235. Л. 62.

[104] Там же. Ед. хр. 274. Л. 219.

[105] ПМА. 2005. РБ, Аургазинский р-н, д. Манеево, Васильева Р.Н. (1930 г.р.), Васильева З.А. (1920 г.р.), Иванова Л.В. (1924 г.р.); *Цветков В.Г.* Салтак юррисем [Солдатские песни] // Урал сасси. 2005. Февраль, – февраль, 6, 23.

[106] Приводится по устной информации и фотографии уроженца этих мест Спиридонова Вячеслава Геннадьевича (1965 г.р.), проживающего в г. Чебоксары.

[107] *Валенцова М.М., Узенёва Е.С.* Полотенце // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 147–150; *Черных А.В.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. С. 138.

[108] ПМА. 2005. РБ, Аургазинский р-н, д. Манеево, Васильева Р.Н. (1930 г.р.), Васильева З.А. (1920 г.р.), Иванова Л.В. (1924 г.р.); ПМА. 2005. РБ, Аургазинский р-н, д. Асавбашево, Цветков В.Г. (1938 г.р.); ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Ишпарсово, Филиппова Л.К. (1941 г.р.), Филиппов П.А. (1934 г.р.) и др.

[109] *Данилова В.В.* Салтака ăсатни [Проводы солдата] // Учитель Башкортостана. 2005. № 9. С. 72–73.

[110] *Цветков В.Г.* Салтак юррисем.

[111] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 268. Инв. № 5977. Л. 7, 396–398; *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем. С. 133.

[112] *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. С. 100.

[113] Симбирско-саратовские чуваши. С. 125.

[114] НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 268. Л. 7; Симбирско-саратовские чуваши. С. 125.

[115] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 237. Л. 147–148.

[116] *Родионов В.Г.* О системе чувашских языческих обрядов. С. 55.

[117] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 265. Л. 45.

[118] Там же. Ед. хр. 237. Л. 150.

[119] Там же. Ед. хр. 144. Л. 161.

[120] Там же. Ед. хр. 211. Л. 172.

[121] Там же. Ед. хр. 184. Инв. № 5211. Л. 111–112.

[122] Там же. Ед. хр. 144. Л. 164.

[123] Там же. Ед. хр. 271. Л. 108.

[124] Там же. Ед. хр. 272. Л. 140.

[125] Там же. Ед. хр. 268. Л. 397.

[126] Там же. Ед. хр. 156. Л. 101–102.

[127] Там же. Ед. хр. 233. Л. 331–332.

[128] У Н.В. Никольского этот фрагмент дается в другой форме: «Обилие пива – столу, счастье путешествия – уходящему молодцу». См.: *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 360.

[129] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 162–169.

[130] Там же. Ед. хр. 5. Л. 57–57 об.; Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем. С. 201.

[131] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 333.

[132] Там же. Ед. хр. 268. Л. 333.

[133] ПМА. 1994. РБ, Ермекеевский р-н, д. Средние Карамалы, Иванова С.П. (1925 г.р.).

[134] *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России. С. 153, 154–155.

[135] Там же. С. 155.

[136] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 5. Л. 57; Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем. С. 201.

[137] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 332–333.

[138] Там же. Ед. хр. 156. Л. 102.

[139] ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Ишпарсово, Филиппова Л.К. (1941 г.р.), Филиппов П.А. (1934 г.р.).

[140] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 272. Л.140.

[141] Там же. Ед. хр. 265. Л. 45–46.

[142] Там же. Ед. хр. 271. Л. 108.

[143] Там же. Ед. хр. 5. Л. 57–57 об.; Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем. С. 201.

[144] Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем. С. 201.

[145] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 163.

[146] Там же. Ед. хр. 265. Л. 19–20.

[147] Там же. Ед. хр. 233. Л. 333.

[148] Там же. Ед. хр. 268. Л. 397.

[149] *Паттмар Э.И., Паттмар И.А.* Указ. соч. С. 20.

[150] ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Айгулево, Евдокимова Х.В. (1936 г.р.).

[151] ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Айгулево, Леонтьева М.Н. (1916 г.р.).

[152] *Салмин А.К.* Система религии чувашей. С. 278.

[153] *Паттмар Э.И., Паттмар И.А.* Указ. соч. С. 19.

[154] ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Айгулево, Леонтьева М.Н. (1916 г.р.).

[155] *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 359.

[156] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 265. Л. 40–41; *Паттмар Э.И., Паттмар И.А.* Указ. соч. С. 19.

[157] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 211. Л. 172.

[158] *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 11. Чебоксары, 1936. С. 35.

[159] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151; *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 357.

[160] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Л. 354.

[161] Там же. Ед. хр. 184. Л. 111–112; Ед. хр. 358. Л. 83; Ед. хр. 625. Л. 2 об.; *Салмин А.К.* Система религии чувашей. С. 278.

[162] *Паттмар Э.И., Паттмар И.А.* Указ.соч. С. 19, 22.

[163] *Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И.* Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. С. 277.

[164] *Салмин А.К.* Система религии чувашей. С. 278.

[165] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 92.

[166] Там же. Ед. хр. 151. Л. 48; Ед. хр. 154. Л. 219; Ед. хр. 177. Л. 133; Ед. хр. 237. Л. 150; Ед. хр. 251. Л. 294; Ед. хр. 276. Л. 171–172.

[167] Там же. Ед. хр. 177. Л. 133; *Салмин А.К.* Семантика дома у чувашей. С. 31.

[168] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 92.

[169] *Черных А.В., Каменских М.С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. С. 139–140.

[170] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. Л. 48; Ед. хр. 211. Л. 172; Ед. хр. 235. Л. 61–62; ПМА. 1994. РБ, Ермекеевский р-н, д. Средние Карамалы, Иванова С.П. (1925 г.р.).

[171] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Л. 41.

[172] *Акимова Т.М.* Чуваши села Казанлы Вольского уезда Саратовской губернии. Старое и новое (духовная культура) // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. Вып. 34, ч. 4. Этнографический сборник. Саратов, 1926. С. 31.

[173] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 5. Л. 57–57 об.; Отд. III. Ед. хр. 149. Л. 102–103.

[174] *Данилова В.В.* Салтака ăсатни. С. 172–173; ПМА. 2006. РБ, Ермекеевский р-н, с. Суккулово, Прохоров Н.Ф. (1951 г.р.).

[175] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 625. Л. 2 об.

[176] Там же. Ед. хр. 242. Л. 249.

[177] *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 360.

[178] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 325, 327; Ед. хр. 233. Л. 389; Ед. хр. 243. Л. 41–42; ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Айгулево, Евдокимова Х.В. (1936 г.р.).

[179] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 327.

[180] *Фокин П.П.* Обряд проводов в армию у чувашей Присвияжья. С. 220.

[181] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 243. Л. 41–42.

[182] ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Айгулево, Леонтьева М.Н. (1916 г.р.), Евдокимова Х.В. (1936 г.р.).

[183] *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России. С. 188–189; *Черных А.В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья). С. 145; *Черных А.В., Суханова М.Е.* Проводы в солдаты в Пермском Прикамье в конце XIX–XX вв. С. 49–57.

[184] *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России. С. 188.

[185] *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // *Верещагин Г.Е.* Собр. соч. в 6 т. Т. 1. Вотяки Сосновского края. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 105–108.

[186] *Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И.* Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. С. 273–280.

[187] Война и песня: Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья / А.М. Белавин, И.А. Подюков, А.В. Черных, К.Э. Шумов. Пермь: ПГПУ, 2005. С. 220.

[188] *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России. С. 188.

[189] ПМА. 2005. РБ, Аургазинский р-н, д. Манеево, Васильева Р.Н. (1930 г.р.), Васильева З.А. (1920 г.р.), Иванова Л.В. (1924 г.р.).

[190] *Черных А.В., Каменских М.С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. С. 140.

[191] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 325, 327.

[192] Там же. Ед. хр. 151. Л. 48; Ед. хр. 233. Л. 372.

[193] Там же. Ед. хр. 247. Л. 248.

[194] Там же. Ед. хр. 251. Л. 294; Ед. хр. 276. Л. 172.

[195] Там же. Ед. хр. 276. Л. 172.

[196] Там же. Ед. хр. 277. Л. 29.

[197] *Родионов В.Г.* О системе чувашских языческих обрядов. С. 55.

[198] *Михайлов С.М.* Краткое этнографическое описание чуваш // *Михайлов С.М.* Собр. соч. / сост., автор предисл., коммент. и приложения В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С.106.

[199] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. Л. 347.

[200] Там же.

[201] Там же. Ед. хр. 242. Л. 249.

[202] Там же. Ед. хр. 211. Л. 173.

[203] *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. С. 65.

[204] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 235. Л. 64.

[205] Там же. Ед. хр. 271. Л. 108–109.

[206] Там же. Ед. хр. 272. Л. 141.

[207] Там же. Ед. хр. 271. Л. 109.

[208] Там же. Ед. хр. 144. Л. 168.

[209] *С.Я.* Проводы рекрута у чуваш. С. 3.

[210] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 272. Л. 249.

[211] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. Л. 28.

[212] Там же. Ед. хр. 207. Л. 37.

[213] Там же. Ед. хр. 274. Л. 214.

[214] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 277. Л. 29.

[215] *Матвеев Г.Б.* Рекрутские обряды. С. 558.

[216] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 265. Л. 46.

[217] Там же. Ед. хр. 272. Л. 249.

[218] Там же. Ед. хр. 5. Л. 57 об.

[219] Там же. Ед. хр. 233. Л. 342.

[220] Там же. Ед. хр. 271. Л. 141.

[221] Там же. Ед. хр. 277. Л. 29.

[222] ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Ишпарсово, Филиппова Л.К. (1941 г.р.), Филиппов П.А. (1934 г.р.); ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Айгулево, Евдокимова Х.В. (1936 г.р.).

[223] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 5. Л. 57–57 об.; Ед. хр. 154. Л. 219; Ед. хр. 167. Л. 470; Ед. хр. 173. Л. 27–28; Ед. хр. 180. Л. 403; Ед. хр. 207. Л. 37; Ед. хр. 211. Л. 174; Ед. хр. 233. Л. 344; Ед. хр. 235. Л. 64; Ед. хр. 265. Л. 157; Ед. хр. 271. Л. 109; Ед. хр. 272. Л. 249; Отд. III. Ед. хр. 149. Л. 102–103.

[224] Там же. Отд. I. Ед. хр. 173. Л. 27–28; Ед. хр. 207. Л. 37; Ед. хр. 211. Л. 174; Ед. хр. 233. Л. 344; Ед. хр. 235. Л. 64; Ед. хр. 271. Л. 109.

[225] Там же. Ед. хр. 271. Л. 109.

[226] Там же. Ед. хр. 237. Л. 150.

[227] Там же. Ед. хр. 211. Л. 170.

[228] Там же. Ед. хр. 154. Л. 219.

[229] Там же. Ед. хр. 156. Л. 100–101; Ед. хр. 207. Л. 37; *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Указ. соч. С. 22–23.

[230] Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем. С. 201.

[231] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 168–169.

[232] Там же. Ед. хр. 233. Л. 349.

[233] Там же.

[234] *Никольский Н.В.* Взгляд чуваш на воинскую повинность. С. 361; ПМА. 2006. РБ, Ермекеевский р-н, с. Суккулово, Прохоров Н.Ф. (1951 г.р.).

[235] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 225.

[236] Там же. Ед. хр. 268. Л. 307.

[237] Там же. Ед. хр. 625. Л. 2 об.

[238] *Фокин П.П.* Обряд проводов в армию у чувашей Присвияжья. С. 220.

[239] ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Айгулево, Евдокимова Х.В. (1936 г.р.).

[240] *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Указ. соч. С. 21.

[241] *Салмин А.К.* Система религии чувашей. С. 280.

[242] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 92; Ед. хр. 251. Л. 294; Ед. хр. 276. Л. 171–172.

[243] Там же. Ед. хр. 156. Л. 102; Ед. хр. 233. Л. 348.

[244] ПМА. 2005. РБ, Стерлитамакский р-н, с. Ишпарсово, Филиппова Л.К. (1941 г.р.), Филиппов П.А. (1934 г.р.).

[245] ПМА. 1994. РБ, Ермекеевский р-н, с. Суккулово, Прохорова М.Ф. (1919 г.р.); ПМА. 2006. РБ, Ермекеевский р-н, с. Суккулово, Прохоров Н.Ф. (1951 г.р.).

[246] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 242. Л. 248–249.

[247] *Патмар Э.И., Патмар И.А.* Указ. соч. С. 22.

[248] Там же. С. 21.

[249] Там же.

[250] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 247. Л. 248.

[251] Там же. Ед. хр. 168. Л. 353.

[252] Там же. Ед. хр. 211. Л. 168.

[253] Там же. Ед. хр. 177. Л. 44.

[254] Там же. Ед. хр. 173. Л. 27–28; Ед. хр. 207. Л. 37; Ед. хр. 211. Л. 174; Ед. хр. 233. Л. 344; Ед. хр. 235. Л. 64; Ед. хр. 271. Л. 109.

[255] Там же. Ед. хр. 180. Л. 403.

[256] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 625. Л. 2 об.

[257] Там же. Ед. хр. 156. Л. 100–101.

[258] Там же. Ед. хр. 271. Л. 109.

[259] Там же. Ед. хр. 156. Л. 100–101; Ед. хр. 207. Л. 37; Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем. С. 201.

[260] *Паттмар Э.И., Паттмар И.А.* Указ. соч. С. 22–23, 200.

[261] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 247. Л. 248; Ед. хр. 276. Л. 58–59.

[262] Там же. Ед. хр. 179. Л. 28.

[263] *Матвеев Г.Б.* Рекрутские обряды.С. 558.

[264] *Черных А.В., Каменских М.С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. С. 140.

[265] Симбирско-саратовские чуваши. С. 127.

[266] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 13; *Паттмар Э.И., Паттмар И.А.* Указ. соч. С. 21.

[267] *Паттмар Э.И., Паттмар И.А.* Указ. соч. С. 21.

[268] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 13.

[269] Там же. Ед. хр. 5. Л. 57–57 об.; Отд. III. Ед. хр. 149. Л. 102–103.

[270] Симбирско-саратовские чуваши. С. 128.

[271] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 211. Л. 169.

[272] Там же. Ед. хр. 625. Л. 2 об.

[273] Там же. Ед. хр. 268. Л. 398.

[274] Там же. Ед. хр. 209. Л. 418.

[275] Там же. Ед. хр. 153. Л. 58.

[276] Там же. Ед. хр. 172. Л. 26 об.

[277] Там же. Ед. хр. 625. Л. 3.

[278] Там же. Ед. хр. 233. Л. 333–334.

[279] *Матвеев Г.Б.* Рекрутские обряды. С. 558.

[280] ПМА. 2014. РТ. Альметьевский р-н, с. Клементейкино, Кучеева Х.Т. (1937 г.р.).

[281] *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 73.

[282] *Черных А.В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья). С. 149.

[283] Там же.

[284] *Попова Е.В.* Культовые памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. С. 146–147.

I.G. Petrov

FAREWELL CEREMONY OF RECRUITS BY THE CHUVASHES (END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES)

The farewell ceremony of recruits (soldiers) by the Chuvashes started forming from the beginning of the 18th century, when a recruit compulsory service had been introduced in Russia. In development, it concedes to the wedding and funeral-commemoration rituals and shows a close tie with them. Now, many traditions, connected with the farewell ceremony, have been almost forgotten. This article scrutinizes the farewell ceremony of recruits formed by the end of the 19th – beginning of the 20th centuries.

Keywords: the Chuvashes, folk ritualism, seeing off recruits, magic rituals and performances.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© А.И. Мордвинова

ПОРТРЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. МИТТОВА

В понимании творчества выдающегося художника Чувашии середины XX в. А.И. Миттова портрет играет очень важную роль. Этот жанр раскрывает всю глубину и сложность его эволюционного пути. Особое внимание уделено в статье автопортретам Мастера, ставшим вершиной психологического портрета в чувашской графике.

Ключевые слова: А.И. Миттов, портреты, автопортреты, эволюция жанра, художественная выразительность.

Являясь одним из главных жанров изобразительного искусства, портрет отражает как характерные черты эпохи, так и яркие индивидуальные качества творца. В нем, с точки зрения современного искусства, важно не столько внешнее сходство изображения с моделью, сколько выражение внутренней, духовной жизни человека. В нем – и отношение художника к герою картины, его собственное мировоззрение, эстетическое кредо. Портрет во многом проявляет именно личностные качества автора. В настоящей статье рассмотрены портреты и автопортреты, составляющие значительную часть творческого наследия Анатолия Ивановича Миттова (1932–1971). Стилистически вписываясь в общий характер эволюционного пути, они, тем не менее, являют наиболее трагическую часть его произведений и во многом откровеннее демонстрируют поиски собственного «Я» в искусстве, осмысление художником своей жизни и творческой судьбы. Этот жанр развивался параллельно с тематическими произведениями художника, причисленными сегодня к золотому фонду искусства Чувашской Республики и ставшими выражением национального духа и эстетических представлений чувашского народа. Серии «Земля наших дедов», «Чувашская старина», «Алран кайми аки-сухи» были созданы

Антонина Ильинична Мордвинова – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: amordvinova@yandex.ru.

в середине творческого пути после первых, достаточно смелых формальных опытов. Вторая половина 1960-х гг. также прошла под знаком напряженных поисков. В это время случились очень важные для А.И. Миттова события: знакомство и дружба с выдающимся поэтом Геннадием Айги, который вывел его за пределы узкого круга чувашских художников в московскую художественную среду, женитьба на О.В. Таллеровой, придавшей ему новые силы в преодолении трудностей. Эти обстоятельства расширили горизонты его творчества, дали ему импульс для дальнейшего развития. Вместе с осознанным поиском нового национального языка искусства у художника идет мучительное искание себя в окружающем мире людей и в мире искусства. Всегда непростые отношения были рождены не только тяжелой болезнью, создававшей сложности в общении с людьми, но и невероятно серьезным, даже жертвенным отношением к своему делу и прямотой характера.

Сопоставляя произведения Миттова разных жанров, с удивлением открываешь, насколько глубок, неординарен и непостижим этот художник. Созданные им портреты никогда не рассматривались в контексте развития его основных линий творчества, заряженного в целом на создание национального языка изобразительного искусства в Чувашии. В то время, когда им гениально воплощались в темперных листах такие темы, как «Земля наших дедов» (1963–1965) и «Алран кайми аки-сухи» (1965), другие произведения этого ряда, создавались и трагические автопортреты, в которых видны и его духовное становление, и мучительное переживание художником своего физического нездоровья, нищеты и бытовой неустроенности. В темперных сериях – высокая эстетика народного искусства. В них сверкало золото и синева небес, орнаменты вышивки тонко оплетали национальные рубахи, плыли в вечерней тишине белые хороводы, таилась в старых ветлах огромная жизненная сила, среди холмов родной земли обитала вечность. В автопортретах – физическая боль искажала лицо, ломалась форма головы, остро выступали скулы, глубоко западали глаза – нечто уродливое появлялось в лице художника, от природы светлого, тонко и изящно прорисованного. Одновременное предельное погружение в переживания разного характера, существование в двух измерениях, реальном и идеальном, очень скоро выкристаллизовалось в цельное, философски обоснованное, выстраданное, высокохудожественное искусство. В последних работах изображение человека появляется все реже. Знакомые тобурдановские пейзажи пустеют, дорога через овраги и холмы становится символом земного пути, заканчивающегося вдали прекрасным, сияющим Небом. Как в начале творческой жизни художником был сделан выбор между методом соцреализма и свободой самовыражения в пользу последней, так в конце на смену земным реалиям в системе ценностей приходит идеальное и вечное.

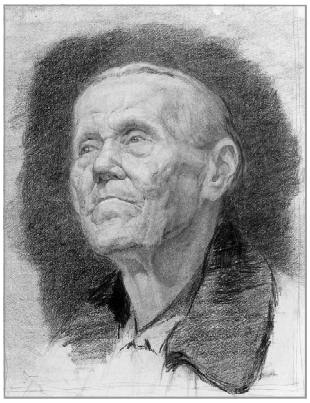
Изучение произведений Миттова усложняется тем, что авторская датировка работ очень редка, так же как и авторские названия. Произведения были систематизированы уже после смерти художника его вдовой О.В. Тал-

леровой. С относительной уверенностью могли быть датированы лишь те, что созданы после 1966 г. – времени их совместной жизни. Н.В. Воронов пишет: «К сожалению, большинство его листов не имеет точной датировки, и мы можем лишь интуитивно догадываться, какой из них был первым и в каком порядке шли его дальнейшие поиски»[1]. Большинство произведений, выполненных пером и тушью или темперными красками, было условно объединено в серии и получило названия также после смерти художника.

Миттов был человеком не публичным, в силу известных обстоятельств скорее закрытым. Круг изображаемых им людей предельно узок. Кроме автопортретов, он рисовал с натуры только близких людей, главным образом жену Олимпиаду Васильевну. Редко работая в технике масляной живописи, Миттов не создавал заказных и парадных портретов, поэтому все натурные портреты имеют камерный характер – это изображение головы, оплечное или полуфигурное изображение человека, часто без внешней атрибутики. Кроме того, для художника характерны сочиненные портреты, выражающие те или иные его цели и искания.

Без сомнения можно выделить портреты времени ученичества. Их сохранилось немало, и они дают нам представление об исполнительском уровне и профессиональном владении разными графическими техниками: карандашом, пером, акварелью, темперой. В академический период художник работал над офортами, но впоследствии не обращался к технике ни офорта, ни другого вида гравюры: не было станка. Редко пользовался гуашью и маслом, хотя, судя по его многочисленным высказываниям, масляными красками ему очень хотелось писать. Конечно, здесь опять сказалось его вечно тяжелое материальное положение: он редко получал заказы из Чувашского книжного издательства, преподавательский стаж его составил всего три года, а творческую мастерскую он так и не получил. Простота работы карандашом, пером и тушью, которые всегда были под рукой, позволяла мгновенно реализовывать творческие замыслы. Кроме того, совершенствуясь в этих техниках, используя богатую тональность и разнообразие в наложении штрихов и линий, Миттов достигал необычайно острой характеристики образов.

Развитие портретного жанра от реалистической манеры и внешнего сходства в ранний период к психологическому или символическому в последний очевидно. Условно можно разделить творчество художника на три этапа. Первые три-четыре года после возвращения из Ленинграда наполнены поисками и экспериментами в области формы и цвета, здесь много работ, по характеру академических. Середина пути отмечена созданием самых знаменитых его произведений на темы чувашской старины, определивших его яркий индивидуальный почерк. Последние годы – глубиной и сложностью творческих поисков и также рождением выдающихся произведений. Именно в середине и второй половине 1960-х гг. были созданы портреты, которые по своей глубине и непохожести на все созданное до Миттова в полной мере стали вершиной психологического портрета в чувашской графике.



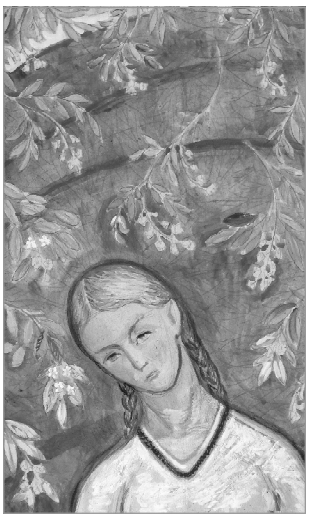
1. Портрет старой женщины. 1947–1951. Б., кар., угольный кар.

2. Портрет девушки 1954. Б., акв.

3. Портрет старика с мундштуком 1954–1961. Б., офорт.

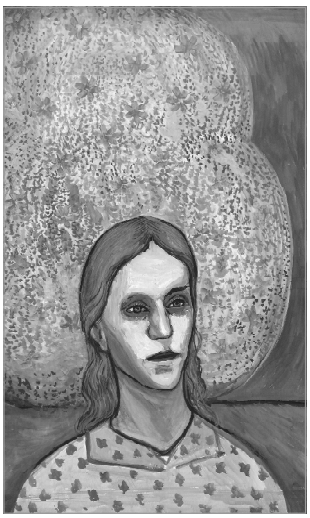
Начало творческого пути было положено в Чебоксарском художественном училище, где среди преподавателей Миттова были и такие сильные портретисты, как П.Г. Григорьев-Савушкин и Р.М. Ермолаева. И, хотя сам художник говорил впоследствии о том, что был плохо подготовлен к поступлению в институт (он не прошел конкурс сразу после окончания училища), замечательная академическая система преподавания в училище заложила в нем основы профессионализма *(ил. 1)*[2]. Два года после окончания училища самой серьезной работы по подготовке к поступлению в академический институт дали хорошие результаты. Две акварельные экзаменационные постановки (судя по печати, сохранившейся в правом нижнем углу листа, выполнены в 1954 г. на вступительных экзаменах в институт) – девичий оплечный портрет и обнаженная фигура – сделаны на необходимом уровне, что позволило наконец, после двух неудачных попыток, преодолеть этот желанный рубеж. Владение техникой многослойной акварельной живописи великолепно. В «Портрете девушки» *(ил. 2)* сквозь красочный слой просвечивает тон и фактура бумаги. Легкие размывы и затеки создают эффект подвижности и трепетности изображения. Фон во многих местах не закрашен, прозрачность красочного слоя как нельзя лучше передает нежность и свежесть образа молодой женщины. Уровень исполнения свидетельствует о получении в Чебоксарском художественном училище серьезных профессиональных навыков.

Сохранились и рисунки периода учебы в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Кроме автопортретов, о которых речь пойдет позднее, это постановочные портреты натурщиков *(ил. 3)*. На первом месте здесь стоит достижение внешнего сходства и тщательность исполнения. Однако это всего лишь ученические штудии, и, естественно, в них нет пока индивидуального почерка художника. Для Анатолия Миттова это был период углубления своих знаний и напряженной работы по обретению мастерства. Поэтому каких-то творческих задач в этих постановках не ста-



4. Девушка на фоне цветущих ветвей Из серии «Весна». 1961–1963. Б., акв., темп., гуашь

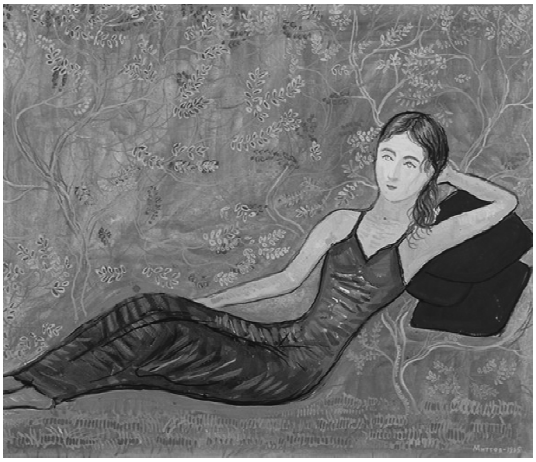
5. Девушка в вечернем платье. Из серии «Весна» 1961–1963. Б., акв., гуашь



6. Девушка. Грусть Из серии «Весна» 1961–1965. Б., темп.

вилось. Выйдя на самостоятельный путь, он уже редко возвращался к подобным рисункам, ища новые выразительные средства для воплощения своих идей. В дневнике художник размышляет: «Рисовать с натуры… Правильно ли это? Ведь жизнь не позирует перед художниками? Что из того, правильно нарисовано или неправильно? Я хотел бы видеть, что это выражает»[3]. На этом пути он достигает со временем потрясающих результатов.

Рассмотрим творческие работы художника и путь обретения им самостоятельности, который был стремителен и короток. Миттов в 1961 г. завершил учебу в институте великолепными иллюстрациями к поэме К.В. Иванова «Нарспи». Выполненные в технике акварели, они явились ярким, неординарным явлением в чувашской графике. Желание воссоздать в иллюстрациях «чувашский мир» К.В. Иванова не позволило Миттову сосредоточиться на портретах, хотя они присутствуют в иллюстрациях. В них он не конкретизирует образы героев, а ищет некое воплощение характера, типа, душевного состояния. Показательным является поиск образа главной героини. Внешний облик Нарспи меняется в разных вариантах иллюстраций, художник как будто стремится найти ее идеальный образ. Об этом пишет А.П. Хузангай: «Мы встречаем в исходном материале самые разные типы лиц героини, что заметно даже по изданию поэмы в оформлении А.И. Миттова 1976 г.: от круглолицых “восточных” до удлиненных, вытянутых. В иллюстрациях разнятся фигуры девушки. Различается даже цвет волос – от жгуче-черных до светло-золотистых. Можно это считать отражением многозначности самого восприятия образа Нарспи разными поколениями читателей и истолкователей. С другой стороны, как идеал, как абсолютное на-

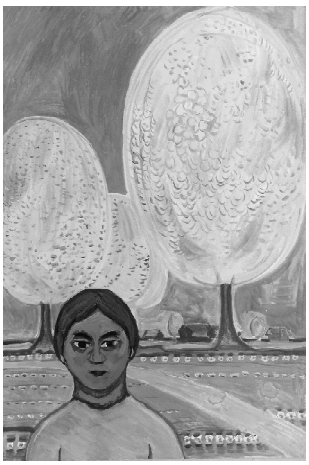


7. Девушка (лежащая). Из серии «Весна»
1965. Б., темп.

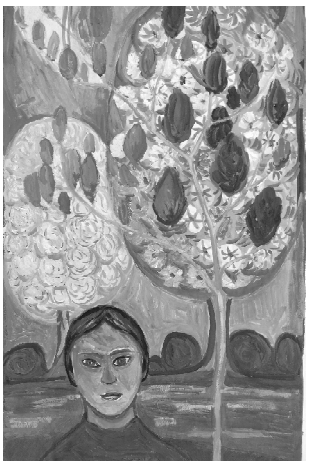
чало, как одно из воплощений вечной женственности…»[4] Работа над иллюстрациями к поэме «Нарспи» дала художнику великий опыт работы в национальном материале. Именно здесь, как нам представляется, начинается работа над поиском целостного образа «чувашского мира». Портрет как исследование человеческой души появляется в его творчестве позднее.

Первые годы после возвращения из Ленинграда были богатыми на эксперименты. Миттов молод, ему 28 лет, после дипломной работы, защищенной с отличием, полон творческой энергии, желания работать. В дневнике появляются первые записи, свидетельствующие о его интересе к человеку: «Часто я сам затесаюсь в толпу, иду по улице, наслаждаюсь дыханием жизни, встречаю столько прекрасных мужчин, женщин, девушек, у меня появляется безумное желание писать, писать всех. Создать бесконечную галерею современных мужчин, женщин, выразить массу противоречивых ассоциаций и чувств… Да, притом разве всех уговоришь позировать? – сетует он. – Мне нужно 50–100 современных портретов. Несколько работ я сделал. Без натуры»[5]. Впоследствии художник совершенно отошел от работы с натурой. «Насколько я помню, – пишет О.В. Таллерова, – все свои картины, все рисунки (животных, лица людей, фигуры и т.д.) делал по памяти»[6].

Поэтическая составляющая целого ряда ранних портретов очевидна. Миттов создает лирические портреты, объединив их в серию под названием «Весна» *(ил. 4–7)*. Это девичьи образы – поэтичные, романтичные, повесеннему нежные, по-блоковски загадочные. Стилистически их можно отнести к символизму с его недосказанностью, подтекстами, неясными желаниями. Мягкие цветовые отношения, плавные линии фигур, наклона голов, полуобороты превалируют в решении композиций. Можно сказать, что в них много мотивов, характерных для символизма. Любовь, страдание, одиночество – его главные темы. Специфические элементы – пастельные цве-



8. Девушка с черными глазами (в желтом платье) 1961–1963. Карт., темп.



9. Девушка с синими глазами (в красном платье). Из серии «Весна». 1961–1963. Б., темп.

та, таинственный холодный свет, вьющиеся прихотливо растения – все служит возвышенному, отрешенному от реальности содержанию. В этих портретах художник как будто продолжает тему «Нарспи». Характерно, что фоном для всех героинь серии «Весна», как и для Нарспи, стала природа: тонкие гибкие ветви, цветущие деревья, синее небо как олицетворение молодости и чистоты. Каждый из портретов несет на себе печать мечты и грусти. «Я ходил и искал тебя, где ты? Среди цветов ли ты, среди зелени? Или среди звезд далеких? Среди скал могучих? Я ходил и искал тебя, где ты?..» – эта дневниковая запись выдает душевное состояние Миттова и созвучность со стихами А. Блока, которые он очень любил[7]. В этой серии для нас неважно, был ли прототип или все героини рождены лишь фантазией художника. Но при всей поэтичности образов ничего самобытного в этих работах пока нет, кроме, может быть, стремления выйти за пределы академической формы. Вероятно, это были первые попытки Миттова обрести творческую независимость.

Однако очень скоро лежащие на поверхности смыслы перестают удовлетворять художника. Содержание его картин меняется. Сопровождающая Миттова с молодых лет болезнь, жизненные неудачи, неумение приспосабливаться в жизни пока еще не так трагичны, но легкость уходит из его творчества. В этот период видим его формальные эксперименты в духе примитива и кубизма. К первым относится несколько портретов девушек, в названии которых акцентируется цвет: «Девушка с черными глазами (в желтом платье)» *(ил. 8)*, «Девушка с синими глазами (в красном платье)» *(ил. 9)*. Интересно, что в Миттове, закончившем графический факультет института, отныне пробуждается живописец. Цвет постепенно становится на несколько лет важнейшим средством выразительности в его творческих поисках. Уже на этом этапе при помощи цвета выстраивается

композиция, ритм, создается настроение. Противопоставление чистых цветовых пятен, простота форм не упрощают, напротив, усложняют содержание. Более энергичные цветовые сопоставления, простые, грубоватые формы и элемент конкретности в изображении второго (пейзажного) плана приглушают лирическую ноту.

Сочиняя эти портреты, Миттов решает задачи, выходящие за пределы жанра. Слияние человека и природы происходит не только ради создания настроения, как это было в серии «Весна». Женские образы в них как часть природы, они наполняются какой-то внутренней силой, несут в себе природное, архаичное начало. Их гармоничное единение с окружающим миром интереснее художнику, чем создание конкретного образа. Возможно, и отсюда, пока не явно, начинается путь к самому себе – к художнику глубоко народному и национальному.

Рассматривая портреты начала 1960-х гг., понимаешь, что молодому художнику интересно многое и еще не ушло желание примерить на себя одежды другого искусства. Однако это не внешнее подражание. Миттов сознательно расширяет свои формальные опыты. По этому поводу он пишет в дневнике очень важные для понимания его поисков слова: «Мне говорят: ваши работы примитивны. Мне говорят: ваши работы напоминают Ван Гога, Пикассо, Рериха, русские и персидские миниатюры. Хорошо, пусть говорят. Это – мои работы. Я их делал. Они – мои мысли… Я не думаю, что Пикассо специально старается удивить мир изображениями новых форм. Нет, он проникает в сущность материи, впитывает в себя жизнь материи и потом выражает идею, которую вынес в общении с материей»[8]. Понимая суть поисков великих художников, Миттов нащупывает для творчества «свою материю», мысли о которой он снова сформулировал в дневнике: «Я стараюсь найти чувашскую форму изобразительного искусства (чтобы можно было говорить о чувашском национальном изобразительном искусстве в такой мере, как существует чувашский язык, чувашская музыка (мелодия), чувашская поэзия, чувашская вышивка…»[9]

Несколько картин с изображением женщин (фигура, полуфигура, оплечное изображение) близки к кубизму, но далеки от Пикассо. В них уже угадывается рука Миттова с его особенностями построения фигуры и цветовыми контрастами (в названии картин снова акцентируется цвет: «Сидящая в красной юбке» *(ил. 10)*, «Портрет чернокожей женщины в белом» *(ил. 11)*. Однако это тоже не портреты в настоящем смысле этого слова. Для художника в них очень важна внешняя сторона. Надо отметить, как усложняется композиция, ее ритмический строй, разнообразны цветовые вариации. В картине «Сидящая в красной юбке» появляется активный желтый цвет, который дальше, в сюжетных композициях на темы из чувашской старины, будет приобретать все более важное значение (в чувашском традиционном искусстве желтый цвет используется как символ красоты). В «Портрете чернокожей женщины в белом» – новый подход к цветовому решению: при необычайном орнаментальном богатстве рисунка второго плана, вся рабо-

10. Сидящая в красной юбке
Карт., темп.

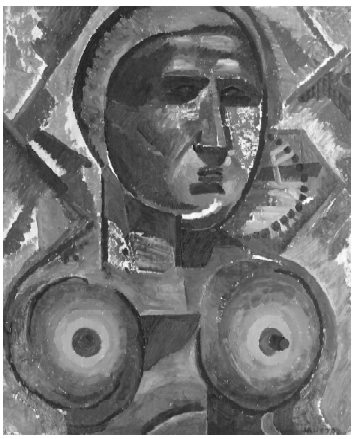
11. Портрет чернокожей женщины в белом
1963–1964. Карт., темп.

та объединена приглушенным, почти монохромным фоном, напоминающим тусклый блеск старого золота и серебра. Для нас же важно заметить, что человек как личность, индивидуальность здесь отсутствует. Черты лица в этих произведениях намечены лишь схематично, а в «Портрете чернокожей женщины в белом» почти не прочитываются. Сюда же можно отнести и женский погрудный, так называемый «Портрет» *(ил. 12)* с изображением обнаженного торса в «горячем», желто-красном колорите, предельно для Миттова геометризированном.

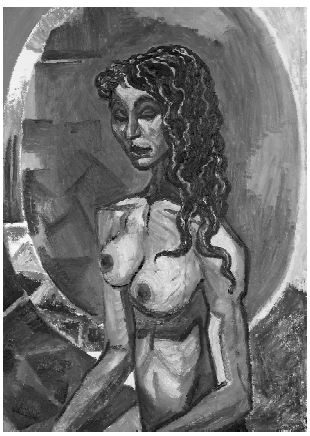
Заметим, что в ранний период творчества почти все формальные поиски художника идут вокруг женского образа. Вероятно, как наиболее пластичный по своим внутренним и внешним качествам, он дает художнику большую возможность для экспериментов. В конце жизни Миттов снова возвращается к нему в трагической серии «Жизнь и смерть», когда, предчувствуя приближающийся конец, рассматривает жизнь под углом зрения вечности и по-новому оценивает всю духовную глубину и силу Матери, Жены как несущих в себе сущностные основы бытия.

Занимая как бы второй ряд среди выдающихся работ А.И. Миттова, сегодня эти женские портреты предстают перед нами как совершенно законченные, сложившиеся произведения. Яркие этнические (не чувашские, скорее восточные, африканские) черты позволяют им быть интересными и в наше время, ибо проблемы самоидентификации каждого народа актуальны, а внимание к традиционным культурам очень высоко. Причем этнографизм у Миттова происходит не из человеческого типа, а из общего строя композиции, упрощенных, но великолепно организованных кубистических форм, колорита – всего художественного порядка, присущего любому традиционному народному искусству.

Во второй половине 1960-х гг. в творчестве Миттова появляются совершенно новые женские образы. Между созданием «Портрета женщины с



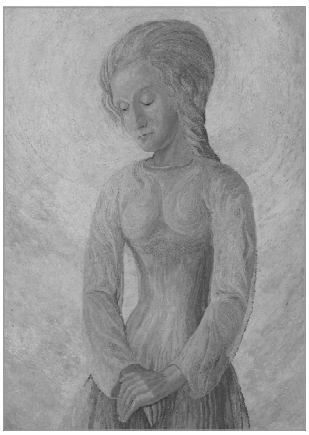
12. Портрет. Вторая половина 1960-х гг. Карт., м.



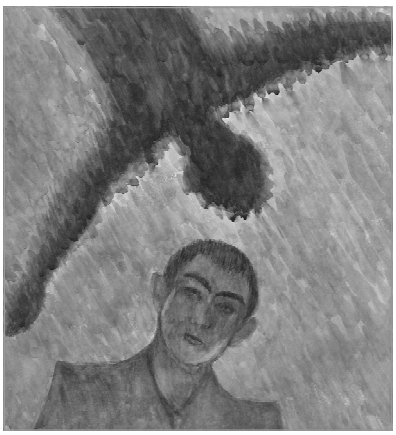
13. Портрет женщины с распущенными волосами 1963–1965. Карт., м.

распущенными волосами» *(ил. 13)*, например, и «Маргаритой» *(ил. 14)* не более пяти лет. Но кажется, что эти портреты созданы разными художниками. В первом слились формальные поиски и поэтические переживания молодого художника. В «Маргарите» сплавлены трагические обстоятельства, связанные со здоровьем, переосмыслением многих творческих установок, мыслями о смерти, одолевающими художника.

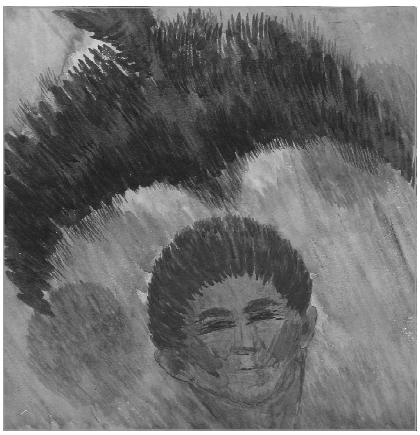
Историю создания «Маргариты» оставила О.В. Таллерова. «Он писал, как обычно, – вспоминает Олимпиада Васильевна, – без натуры, портрет женщины (на $^{3}/_{4}$ туловища) на большом картоне бледно-голубой темперой. Долго он работал над этим портретом. Начал примерно в 1967 г. и продолжал до 1969 г. Пишет-пишет, потом поставит лицом к стене, через некоторое время снова достанет, поставит на мольберт и снова часа 2–3 поработает над ним. И опять на несколько недель, месяцев отставит к стене. Очень мучительно он работал над этим портретом. Как только начал его писать, я ему осторожно, чтобы не рассердить, сказала: “Толя, эта твоя картина мне не нравится”. Он молча продолжал работать… Вокруг головы женщины, наподобие нимба у святых, был нарисован светлый круг… Лицо этой женщины мне казалось холодным, безжизненным, и действительно образ ее в целом очень не нравился мне. Он опять не ответил ни слова и продолжал свою работу. Потом начал замазывать этот светлый круг слоем свежей краски, и этот нимб стал виден еле-еле… Уже поздно я догадалась спросить у него, как же называется эта картина. И он сказал: “Маргарита из «Фауста»”. После этого мне вдруг показалось: все, что есть на этой плоскости, в этом портрете, все – на месте, все – верно, все – как и должно быть…»[10] Портрет-видение, который так не понравился Олимпиаде Васильевне – женщине, как теперь видится, необычайно тонко чувствующей внутренние переживания А.И. Миттова, нес на себе печать предельного опустошения – состояния, в котором Анатолий Иванович пребывал в момент обострения болезни.



14. Маргарита. И.В. Гете «Фауст». 1968–1969
Карт., темп.



15. Мужчина с призраком за спиной
1969. Б., акв.

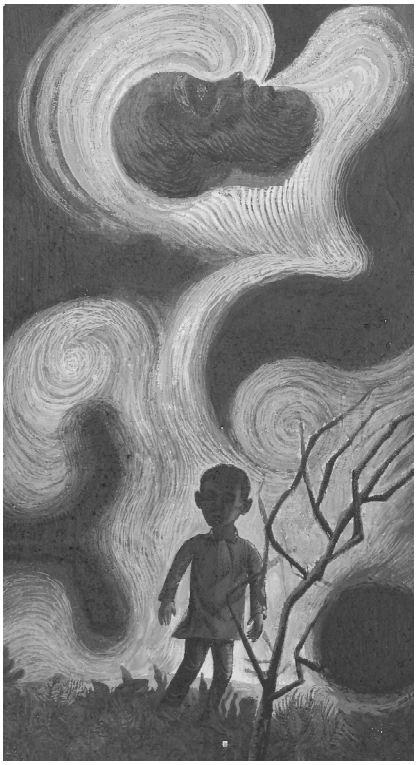


16. Портрет мужчины с призраком над головой
1969. Б., акв., гуашь.

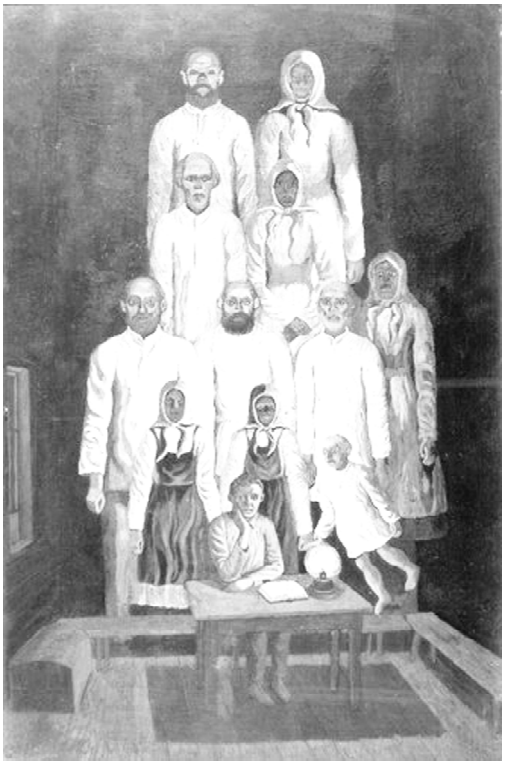
Предчувствие смерти и размышления о смысле жизни становились мучительными, а мистические образы буквально «потусторонними». Великая фаустовская грешница Маргарита в конце жизни, пройдя искушения, не выдержавшая нравственные испытания, получает прощение свыше. Ее образ у Миттова совершенно безжизнен, но воплощает в себе покой.

Близкими по настроению являются «Девушка, расчесывающая волосы» и «Лицо». Мистических по содержанию произведений становится в 1968 –1969 гг. все больше. Рассмотренные нами женские портреты последних лет составляют по манере исполнения один ряд с такими работами, как «Мужчина с призраком за спиной» *(ил. 15)*, «Портрет мужчины с призраком над головой» *(ил. 16)*, «Мальчик и дух предка» *(ил. 17)*, «Меланхолия. Художник и его предки» *(ил. 18)*, выполненными в один год – 1969. Понятно также, что картина «Меланхолия. Художник и его предки», в центре которой изображен сам художник, есть более совершенный результат в решении мучительной для него темы – жизни-смерти. «В этой картине художник изобразил самого себя и умерших представителей своего рода»[11].

Миттов буквально погружается в новую для него тему. В связи с этим интересно, как переосмысливается с течением времени образ Смерти. Так, в нескольких произведениях 1961–1963 гг., условно объединенных в серию «Сон», смерть имеет конкретный облик – это скелет человека, обнаженный или покрытый темным саваном. В более поздних работах такая конкретизация исчезает, Миттов погружается в глубины народных представлений об устройстве мира. Тема реализуется через образы предков, появляющихся в том или ином образе, через воплощение художником в них представлений чувашей о потустороннем мире, о взаимосвязи поколений. Может быть, сначала неосознанно, в пейзажах родного Тобурданова появляется на дальнем плане сельское кладбище с характерными двумя старыми ветлами. В картинах на темы чувашской старины, в некоторых графических пейзажах оно становится почти обязательным фоном.



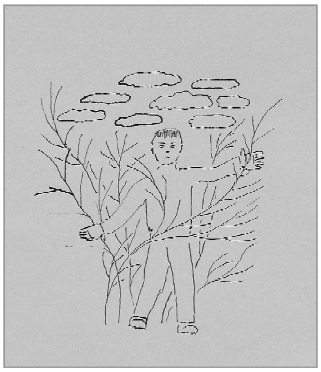
17. Мальчик и дух предка
1969



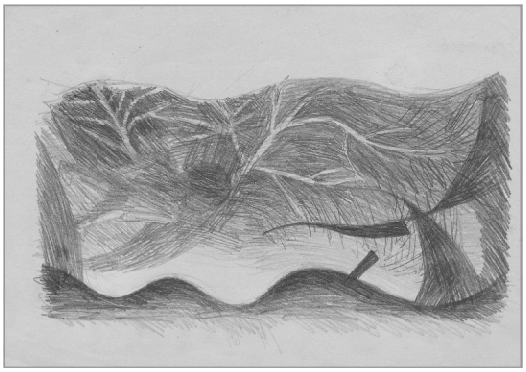
18. Художник и его предки
1969. Фанера, темп.

Эта интуитивная связь с миром ушедших в последний период трансформируется в адекватные фольклорному мышлению художественные образы-видения. Явление покинувших этот мир предков варьируется в различных формах. Они появляются в отдельных портретах и тематических композициях, возникают в причудливых силуэтах облаков, тенью птицы или человеческой фигуры. Они сопровождают живущего на земле чуваша в течение всей жизни: героем картины становится ребенок, юноша, зрелый мужчина и наконец сам художник. Глубокий анализ «мистических» картин сделан Г.Н. Ивановым-Орковым в статье «Три мира Миттова», в главе, посвященной именно тем произведениям художника, в которых показано общение человека с потусторонним миром[12]. Однако не будем забывать, что эта линия творчества в данный период все-таки второстепенна. Одновременно рождаются его графические серии, по определению Г.Н. Айги, «сущностно-реалистического» характера.

Характерной чертой Миттова является столь глубокое вхождение в тему, что почти каждую из них он не прерывает в течение всей жизни. Любая из них не исчерпывается для него одной-двумя работами. К некоторым художник возвращается постоянно. Показательно в этом смысле развитие графической серии «Один», которая, очевидно, является автопортретной.



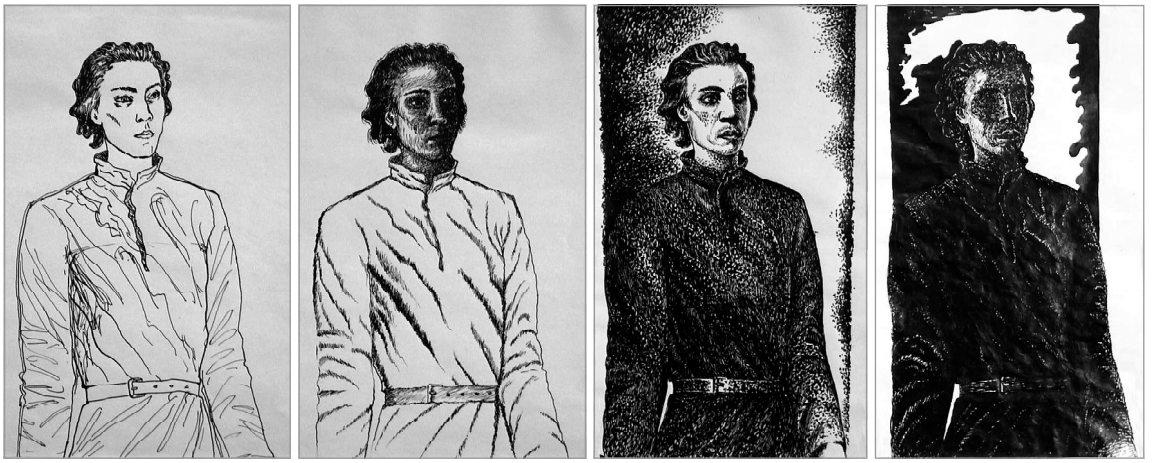
19. Детство. Серия «Один»
1961–1964. Б., тушь, перо



20. Поток. Серия «Один»
1967–1968. Б., кар.

Первые листы, отнесенные к началу 1960-х гг., имеют название «Детство» *(ил. 19)*, «Отрочество», «Юность». В них одинокая фигурка изображена в окружающем пейзаже, хотя и нарисованном графично и скупо: есть небо, облака, солнце, трава под ногами и деревья. В последних, близких по композиции листах конца 1960-х гг. реальный пейзаж исчезает. Появляются символические названия, включающие в себя более сложные понятия – «Водоворот», «Поток» *(ил. 20)*, «Мужчина. Пламя», «Мужчина. В расщелине». Окружающий мир представлен теперь силами, неподвластными человеку. Размышления о собственной судьбе и жизненном пути приводят художника к трагическому пониманию его конечности. Интересно, что, если даже работы этого жанра не обозначены Миттовым как автопортрет, они настолько камерны, что мы понимаем: художник всегда имел в виду собственные переживания и видения.

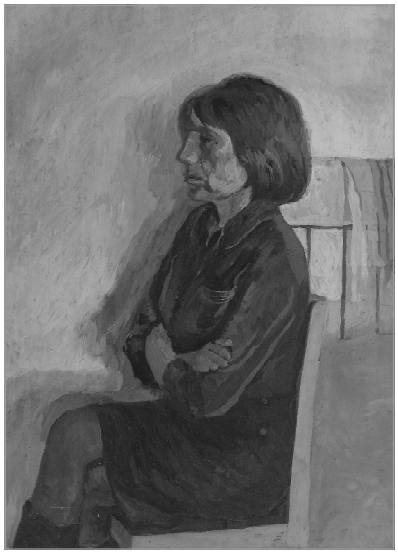
Осмысление жизненного пути Творца, Художника происходит у Анатолия Миттова и через глубокое погружение в чувашскую поэзию. Он вновь и вновь возвращается к ее классическим образцам, то иллюстрируя их, то создавая самостоятельные произведения. Так, им были выполнены композиции по мотивам поэмы Константина Иванова «Нарспи», по мотивам стихов Васлея Митта и Михаила Сеспеля. Возникают и образы поэтов. 1968 годом датируются четыре портрета Сеспеля, которые художник не стал привязывать к стихам. Все четыре имеют одинаковое название – «Сеспель в 1917 году» *(ил. 21–24)*. Возможно, они были нарисованы одновременно для воплощения наиболее емкого образа. Юный поэт (в конце 1917 г. ему исполнится лишь восемнадцать лет) находится в том периоде жизни, когда в нем происходит осознание своей миссии как революционера и поэта. Одержимый идеей преобразования общества, национального возрождения, он неудержим в своей деятельности. «Вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни», – пишет он и скоро (в 1918 г.) становится членом Коммунистической партии. «С тех пор мое сознание ясно. Мои мысли могучи – я коммунист!»[13] К нему еще не пришло время жестоких разочарований. Но художник видит, знает о скорой гибели поэта. Он представлен в одной и той



21–24. Сеспель в 1917 году. 1968. Б., перо, тушь

же композиции, фигура нарисована как будто по кальке. Трудно сказать, в какой последовательности создавались эти рисунки, но, зная судьбу Сеспеля, хочется расположить их по мере тонального усиления и тщательности проработки, а точнее – по мере нарастания трагизма. Первый лист, светлый и прозрачный, нанесен тонкими линиями и штрихами. Образ статичен, и только трепетность линий складок на рубашке, как легкие волны на воде, придает ему некоторую подвижность. В следующем листе тонально выделяется лицо, которое художником проработано штрихами довольно плотно, что добавляет в образ некоторую экспрессию. Фон все еще остается нетронутым. В третьем листе вокруг фигуры сгущается тьма: в левой части плотно заштрихованная, кажущаяся уже черной рубашка сливается с фоном, слева за плечом фон как будто вспыхивает белым заревом. Кажется, что хрупкая юношеская фигура еще противостоит внешнему миру. Последний, четвертый лист наиболее трагичный: на заштрихованных почти до черноты фигуре и лице поэта как будто играют отблески бушующей революции. Его фигура теряет свои контуры и в итоге почти исчезает. Однако даже при таком решении лицо остается бесстрастным. Во всяком случае ни в одном из этих четырех портретов нет энергии и революционного порыва. Печать обреченности уже лежит на лице поэта. Он сгорает в пламени трагических событий. Размышляя о предназначении, о судьбе поэта, художник как будто пытается решить собственные внутренние проблемы.

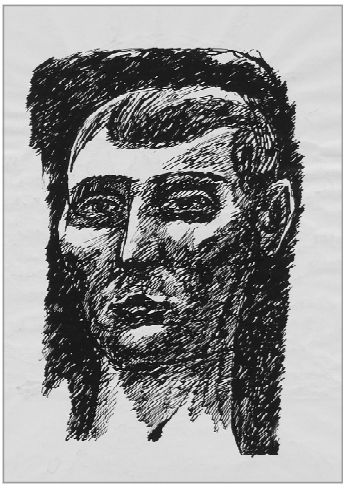
Возвращаясь к женскому портрету, заметим, что во второй половине 1960-х гг. он существенно изменился. Портретируемым лицом становится чаще всего жена – Олимпиада Васильевна Таллерова *(ил. 25)*. Было создано большое число ее натурных зарисовок-портретов, большинство из которых выполнено карандашом, темперой и тушью. Так, в коллекции ее племянницы Т.К. Таллеровой сохранился альбом художника с карандашными портретами жены, где очень быстрые и легкие зарисовки, на первый взгляд однообразные, при внимательном рассмотрении выражают массу чувств.



25. Портрет жены художника. 1969. Карт., темп.

Сегодня можно говорить об Олимпиаде Васильевне как о выдающемся человеке, сделавшем для культуры Чувашии неоценимую работу. Ушедшая из жизни после Анатолия Ивановича, она приложила много сил, чтобы сохранить и систематизировать его бесценное наследие. Трудно представить судьбу художника, гениального и смертельно больного, без ее участия, теплоты и поддержки. В изданной ею в 1990 г. книге «Анатолий Иванович Миттов: воспоминания, стихотворения, очерки, художественно-критические статьи, дневниковые записи, рассказы, стихи художника» опубликованы ее воспоминания, в которых она предстает человеком необычайной внутренней культуры, душевной чуткости и благородства. В ее словах о муже – любовь, уважение и понимание его как человека. В них раскрывается огромный мир Миттова-художника. Но и личность жены художника, гениально исполнившей свою роль. Скупой на слова и сдержанный в поведении, в строчках, написанных о нем Олимпиадой Васильевной, Миттов раскрывается нам с разных сторон. Какую борьбу он вел со своей болезнью! И сколько терпения было в Олимпиаде Васильевне! Сколько благородной сдержанности было в их отношениях! Снова обратимся к воспоминаниям вдовы художника, чтобы оценить все ее человеческие качества и ум: «С самого начала мне понравилось, как он держит себя: в его речи не было пустых, ненужных слов. Нисколько не замечалось, чтобы он старался нравиться. Разговор, манера держать себя – все было естественным и скромным. Наверное, только человек, верующий в свою внутреннюю силу, правоту, держит себя так – спокойно и с достоинством»[14]. Были и другие, очень тяжелые моменты в их жизни, о которых также написала Олимпиада Васильевна: «И опять грусть, опять невыносимая тоска, опять молчание. Живет рядом с тобой человек. Молчит и тебя не замечает. Погружен он в тяжелую думу. Но при этом нет

26. Портрет жены. Из серии «Жизнь и смерть»
1969. Б., тушь, перо



27. Автопортрет (Оборотная сторона «Портрета жены»)
1969. Б., тушь, перо

с его стороны высокомерия или пренебрежения к тебе или к окружающим людям. <…> Опять молчание. Другой раз я попыталась нарушить его молчание чуть порезче. Он стоял посреди комнаты, я встала против него, посмотрев в его глаза, сказала так: “Ходишь молчишь, ходишь молчишь, но я все равно знаю, что в тебе происходит, я вижу тебя насквозь”. Он ответил так: “Знаю, знаю, что ты меня насквозь видишь”. В его ответе прозвучала такая интонация: не желательно бы, конечно, чтобы его насквозь видели, но, что поделаешь, если это так. И опять недоступность, опять молчание. Ну, конечно, никакого дара прозорливости у меня не было. Но стоило мне посмотреть на его лицо – я видела его состояние души, знала, как с ним говорить и что говорить, чтобы потом не было неприятно, плохо и ему, и мне»[15].

Олимпиада Васильевна Таллерова достойна нашей великой благодарности. Личность яркая и сильная, по своему воспитанию, внутренней культуре, образованности она была близка к Анатолию Ивановичу. Ее воспоминания о художнике заканчиваются пронзительным признанием: «Пять лет пролетели как одно мгновение. Но это мгновение растянулось на всю жизнь: словно мы всегда жили вместе, словно мы никогда и не жили отдельно друг от друга, словно и сейчас – мы живем вместе»[16]. В портретах О.В. Таллеровой художник никогда не отходит от натуры, не преображает ее ради эффекта, не ищет оригинальных композиций. Это очень камерные и скромные зарисовки, в которых он познает и разгадывает близкого человека.

Портретом Олимпиады Васильевны, видимо, завершается серия «Жизнь и смерть» (он один в этой серии датирован 1969 г.). «Портрет жены» *(ил. 26)* решен в характере всей этой графической серии – при реалистическом решении образов каждый лист наполнен ощущением трагического конца жизни.

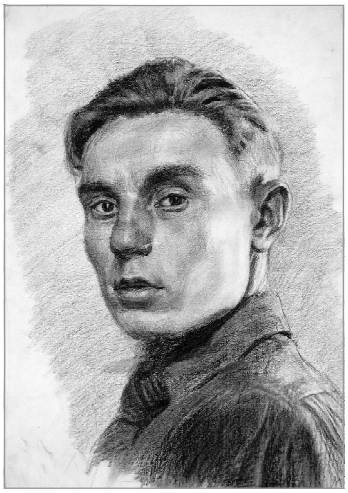
Не случайно, наверное, что на обороте этого листа художник рисует свой портрет *(ил. 27)*. В серии «Жизнь и смерть», после двух автопортретов,

нескольких женских портретов и «Автопортрета с женой» (все 1968 г.), Миттов как будто в последний раз смотрит в глаза Олимпиады Васильевны, вглядывается и в собственное лицо. Неразрывность их судеб осознается художником, и он делает следующий шаг, который назвал своим «последним делом». В сентябре 1971 г., уже перед смертью, он венчается с женой (потрясающие сцены этого венчания описала Е.Н. Лисина)[17]. Как этот автопортрет не похож на те, что были созданы в 1968 г., где светится еще надежда, где есть желание работать! Застывшая маска лица со взглядом, уже не принадлежащим этому миру. В этот период художник завершает работу над гениальными сериями рисунков «Холмы», «Дорога через овраг», «Дорога через холмы в гору», «Дорога в гору», в которых он вышел за пределы как «чувашского мира», так и индивидуальной человеческой судьбы к трансцендентному пониманию сущего.

Автопортреты художника

В истории живописи автопортреты художников многочисленны, редко кто из них не рисовал или не писал себя. Были и такие, что создали в течение жизни очень большое их количество. Это было способом самопознания, исследования человеческой души, наконец, упражнением в рисовании человеческого лица, изучением мимики. Вспомним хотя бы автопортреты Рембрандта, которых известно около семидесяти. Явление, можно сказать, беспрецедентное. Разное эмоциональное состояние, цветовые и световые решения, выражение лица – своеобразные психологические этюды великого голландца. Технику живописи он довел до виртуозности. Однако в позднем творчестве Рембрандта автопортреты уже несут на себе печать трагических переживаний, становятся результатом глубокого постижения жизни и философского ее приятия. Творчество Рембрандта, по воспоминаниям Таллеровой, особенно почиталось Миттовым. «В последний отрезок своей жизни, вплоть до того, как его настигла жестокая болезнь, Миттов особенно пристально, молча и неподвижно, часами рассматривал “Ночной дозор” Рембрандта. При этом он весь погружался в это занятие»[18].

Множество автопортретов создано художниками, которых Миттов любил и почитал. Ван Гог, Сезанн, Пабло Пикассо и Сальвадор Дали – в ярко выраженной, собственной, сложившейся манере выразили в них свое мироощущение, достигли высокой степени мастерства. И среди русских художников были такие, кто писал себя очень много. Среди чувашских живописцев большим количеством автопортретов известен Н.К. Сверчков. Однако почти все они прожили долгую жизнь, прошли огромный путь самореализации как художника. Путь же Миттова был трагически короток. Автопортреты художника не имеют в большинстве своем завершенного, картинного вида, однако и карандашная зарисовка Миттова есть результат его глубоких переживаний. То, что он сделал в этом жанре, не имеет аналогов в истории искусства Чувашии.



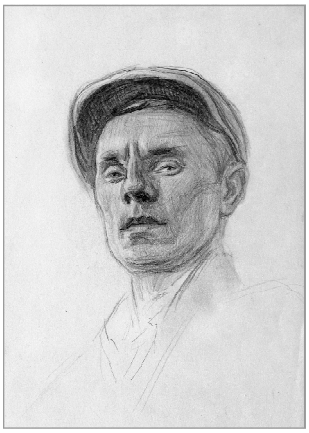
28. Автопортрет
1947–1951. Б., кар.

Начиная со студенческих лет и до последнего периода творчества Миттовым было создано несколько десятков автопортретов, почти все – в графических техниках: карандашом, тушью и пером. Есть несколько автопортретов, написанных темперой и маслом. В них он не стремился к поиску собственного стиля или оригинального языка, как это было с произведениями на темы из чувашской старинной жизни. Напротив, за редким исключением, он работал в традиционной реалистической манере, только иногда выходя за ее пределы, стилизуя форму для достижения остроты образа.

Ранние автопортреты 1940-х и 1950-х гг. являются старательно исполненными натурными штудиями в попытке достичь внешней схожести и отчасти – характера. Сохранились автопортреты периода учебы в Чебоксарском художественном училище *(ил. 28–30)*. Они интересны не только в связи с иконографией Миттова. Спустя более полувека становятся очевидными приметы времени. В ряду студенческих портретов можно выделить карандашный автопортрет в трехчетвертном повороте налево *(ил. 28)*. Он удивительно передает дух времени с его понятными «реалистическими» задачами искусства. Даже едва намеченные детали одежды напоминают нам небогатые послевоенные годы. Тонкая светотеневая моделировка головы, точность в передаче портретного сходства важны, но ясный открытый взгляд молодого человека, весь его «правильный» облик представляют нам «типичного», как это было принято называть, советского юношу, светлого и целеустремленного. И хотя внимательный взгляд выдает в нем творческую личность, но отнюдь не рефлексирующую, что становится характерной чертой его автопортретов более позднего времени. Близки к нему и другие карандашные автопортреты этого периода.

Исключительно редкими являются работы, выполненные маслом. К ученическим, очевидно, училищного периода работам относится незавер-

29. Автопортрет
1947–1951. Б., кар.

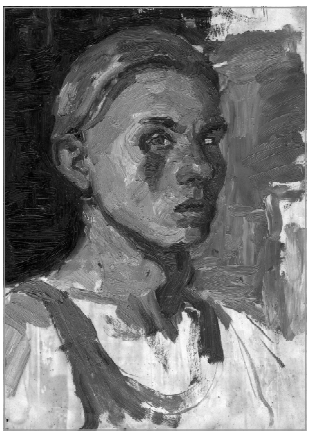


30. Автопортрет
1949. Б., кар. 22,4х18,2.

шенный автопортрет, выполненный маслом, который сохранился в родном доме художника в с. Тобурданово *(ил. 31)*. Недатированный и неподписанный, он несет на себе печать ученичества и заметно отличается от выполненных в институте работ. Хотя заявка на некоторую степень психологичности здесь присутствует. Интересен и заложенный в этюд колорит: плотные, красновато-кирпичного цвета краски лица создают напряженный контраст зеленым и оливковым цветам фона.

Вероятно, после второй операции на ушах в 1962 г., когда болезненное состояние становится постоянным и прогрессирующим, меняется многое в жизни художника. Проблемы со слухом делают его менее общительным. «От последней операции навсегда остался болезненный шум в ухе и голове, который уже 6-й год ни на секунду не замолкает. Нетрудно представить, как натянуты мои нервы, как приходится напрягаться в искусстве и сколько энергии уходит на борьбу с шумом», – пишет он в дневнике, видимо, в 1968 г.[19] Кроме того, Миттов не особенно вписывается в коллектив Союза художников Чувашии. Созданный в 1962 г. и показанный на выставке живописный триптих «Сказ о Волге» получил в художественном обществе негативные отзывы. Новаторские идеи и формальное решение этих картин были далеки от требований искусства соцреализма. Успешный преподаватель художественно-графического факультета, пользующийся уважением студентов, также вызвал у чиновников от искусства реакцию отторжения как «чужого». В 1964 г. с ним уже не был заключен контракт на преподавательскую деятельность.

Мир художника отчасти раскрывается через его дневниковые записи, в которых он предельно честен. Опубликованные О.В. Таллеровой, они, к сожалению, не датированы. Анализируя свои сложные взаимоотношения с окружающими людьми, Миттов и винит, и оправдывает себя: «Искусство, искусство… Я отдаю тебе свой кусок хлеба, вытряхиваю из кармана последние копейки, чтобы содержать тебя, жертвую своим здоровьем, своей

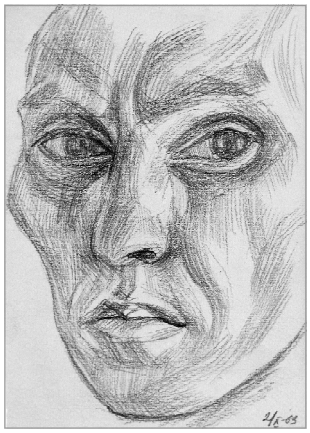


31. Автопортрет
1947–1951. Карт., м.

жизнью, хожу в изношенных ботинках, потертых сапогах, ради мгновения радости, которую получаю время от времени… Не очень милостиво относятся ко мне люди, разве это не расплата за мое отношение к ним? Все верно, ошибки нет. Разве обязательно ходить в изношенном пиджаке и заниматься искусством?»[20] Собственная нищета, видимо, сильно угнетала его – в дневниках это прочитывается. «Проклятые деньги. Неужели художник истинный не отдает больше, чем получает?» – восклицает он. Но жесткий самоанализ внутренне мобилизует его. Эта черта характера отмечалась многими, кто его знал близко. Для себя он определяет цель и на пути ее достижения не поступается жизненными и творческими принципами. Внешне это выглядело иногда как высокомерие, о чем вспоминает, например, В.И. Агеев[21]. Возможно, эта черта проявлялась в Миттове как защитная реакция в вынужденном противостоянии с коллегами-художниками (признанными, материально успешными). Можно себе представить, как непросто ему было в сложившихся условиях оставаться верным избранному пути и определенной для себя цели.

Обратимся теперь к нескольким карандашным автопортретам художника 1963–1964 гг., выдающимся, на наш взгляд, по выразительности и силе передаваемых эмоций. Они так не похожи на предыдущие и являются очередной ступенью в восхождении Миттова к последнему периоду своего творчества. Собственно, это вовсе не натурные работы, хотя и создавались как автопортреты. Главное в них – погружение в самого себя. Впервые он так обостренно внимателен к своим внутренним переживаниям, моральным и физическим. Уже сама композиция необычна: художник предельно приближает свое лицо, часто не вмещая его в формат листа. Один из самых совершенных портретов этого ряда – тот, в который вместилась лишь треть лица, он буквально исторгает напряжение мысли и страдания *(ил. 32)*. Композиционно срезаны часть лба, подбородка и почти вся правая половина лица. Все наше внимание сосредоточено в выражении одного глаза, второго

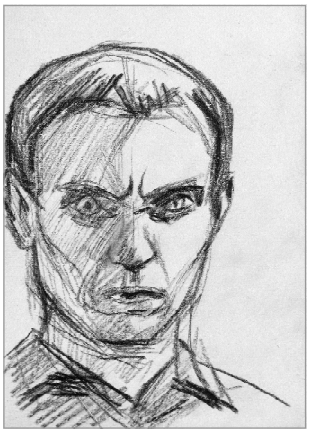
32. Автопортрет
1963–1964. Б., кар.



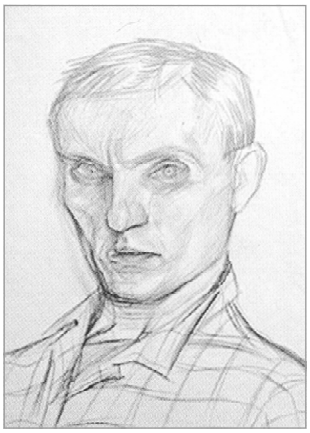
33. Автопортрет
1963. Б., кар.

почти не видно. При отсутствии какой-либо мимики, слабой тональной разработке, довольно вялой манере наложения штрихов – такая эмоциональная наполненность!

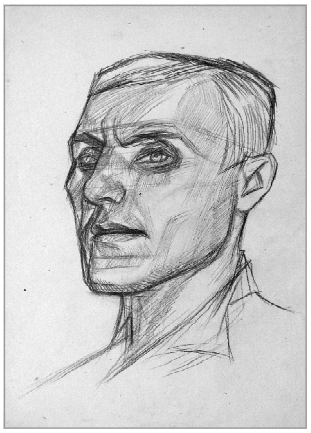
Близок к этому портрету и также фрагментарен еще один – с лицом художника в трехчетвертном развороте *(ил. 33)*. Оно буквально упирается в левый край листа, правым и верхним краем срезана вся затылочная часть. В выражении лица теперь больше экспрессии за счет некоторой асимметрии в том, как изображены глаза. Они нарисованы по-разному и как будто выражают разные чувства. На светлой стороне лица глаз больше, в нем – и строгость, и удивление, в другом, несколько прищуренном, – смертельная тоска и боль. Ради правды и в поисках выразительности Миттов нарушает законы академического рисунка. Новое отношение к общепринятым в реалистическом искусстве правилам дает ему большую свободу. В этих портретах он, кажется, нашел выразительный способ изображения внутреннего напряжения при внешней бесстрастности и использовал его еще в нескольких портретах. Насколько это точно по характеристике, можем судить по словам Е.Н. Лисиной, относившейся к художнику с большой теплотой и сердечностью. Глубоко переживая весь трагизм этой неординарной личности, понимая его мятущуюся душу, она пишет о нем: «В лице Миттова меня всегда поражали лоб и скулы. Казалось, они отлиты из стали. Глаза голубые, смотрят пронзительно. Миттов будто и не смотрит, но вдруг остановит на тебе взгляд, и екнет сердце, будто эти острые глаза спрашивают тебя: “Кто ты? Человек? Или нет?” Говорит мало. Голос – ровный, словно этого человека ничего не воодушевляет, ничего не огорчает. Наверное, так говорят мудрецы, уже познавшие и хорошее, и плохое. Скажи мне тогда, что это человек умеет улыбаться, что он временами как ребенок, скорее всего, я не поверила бы. Внутри него чувствуется какая-то мощь»[22]. Далее она не раз упоминает, что среди близких ему людей он становился невероятно светлым, доверчивым человеком. «Ребенок, да и только!» – восклицает она, опи-



34. Автопортрет
1963. Б., кар.



35. Автопортрет
1963/1964. Б., кар.

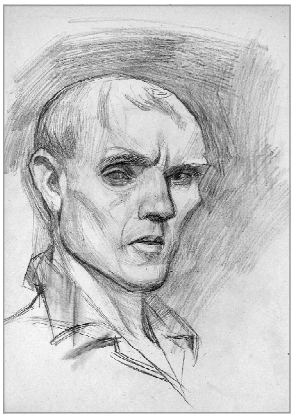


36. Автопортрет
1963–1964. Б., кар.

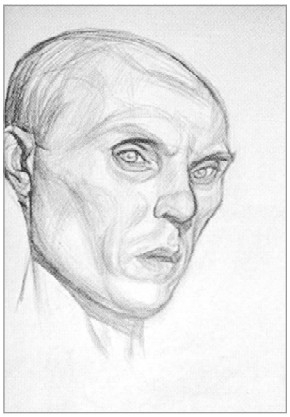
сывая характерные ситуации. Эти воспоминания людей, очень хорошо знавших художника, для нас сегодня очень важны.

В этой же серии видим несколько портретов-набросков, в которых художник пытается передать сильные эмоции, переживание страдания и боли через внешние признаки, прежде всего через мимику лица. Таков автопортрет 1963 г., где голова художника размещена композиционно очень низко и у самого левого края листа *(ил. 34)*. Карандашные линии резко очерчивают лицо, выделяют скулы, складки между бровей и губ. Резкие штрихи хаотично заполняют глубокие глазницы, прорисовывают контуры головы и лица. В глубоко посаженных глазах затаилось безумие. Они снова совершенно разные: зловещий взгляд одного, удлиненного, кажется, пронзает вас, другой, в тени и круглый, пугает своим мертвым выражением.

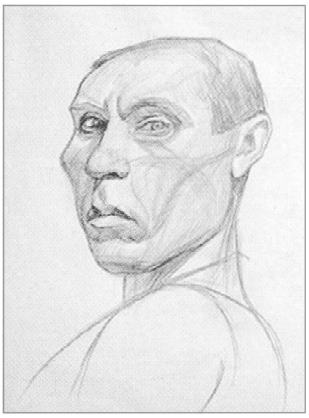
Самое сильное и страшное впечатление производят карандашные автопортреты, которые, видимо, созданы в момент сильной головной боли, которая мучила Миттова со временем все больше *(ил. 35–39)*. Они буквально излучают физическое страдание. Среди них есть такие, в которых едва намечены контуры головы и черты лица, другие – как будто сильно, скульптурно вылеплены или вырезаны. Штрих опять очень резкий, линия динамична, остра, форма объемна. При этом форма ломается: то остро выступает затылок, то скулы. Деформируя голову, черты лица, художник придает ему мучительно-страдальческое выражение и даже уродливость. И опять эти разные глаза, заглядывая в которые видишь смерть. Есть портреты, где глаза не прорисованы совсем, они оставляют не менее тяжелое впечатление. Вспоминая любимых Миттовым художников, можно предположить, что ближе всего к нему ярким и экспрессивным выражением внутреннего напряжения и страдания, своей одержимостью в искусстве был Ван Гог, проживший такую же короткую жизнь. Однако Миттов в своих автопортретах превзошел его в способах достижения экспрессии и выразительности. Подобная трансформация формы встречается очень редко.



37. Автопортрет
1960-е. Б., кар.



38. Автопортрет
1963/1964. Б., кар.

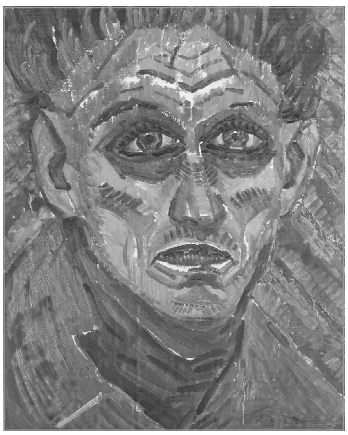


39. Автопортрет
1963/1964. Б., кар.

Еще раз напомним, что в это же время создаются такие темперные листы, как «Ужин в саду», «Хоровод», «Жатва», «Свадебное ожидание», «Застольная» и другие его шедевры. Параллельно рождаются и новые темы. Чувство физического страдания и отчаяния как будто загоняется художником вглубь. Внешне оно еще проявляется в таких работах, как «Автопортрет. Смятение» *(ил. 40)* и «Автопортрет» *(ил. 41)*. В первой, монохромной, но выполненной маслом, изображение босоногой нескладной фигуры на фоне стремительно несущихся облаков и острых, вонзающихся в нее линий и форм. Во второй – голова мужчины (в ней нет портретного сходства) со вздыбленными короткими волосами и голубыми глазами, выражающими предельное беспокойство. Лицо, написанное желтым, голубым и красным цветом, как мозаика – грубые мазки как будто разбегаются во все стороны. Контраст беспокойного красного фона и синего воротника добавляет экспрессии. Душевное смятение еще сквозит в этих живописных работах, но здесь смятение, пришедшее на место отчаяния. Это автопортреты, в которых он ушел от изображения физического страдания, и в предельно острой форме они больше никогда не появятся в его творчестве. В них видится начало нового пути.

Многие, писавшие о творчестве Миттова, упоминали о его особенности в построении человеческой фигуры. За это его часто упрекали, называя абстракционистом, или обвиняли в неумении рисовать. Она есть в «Автопортрете. Смятение», где он изображен в полный рост. Несколько стилизованные угловатые фигуры, однако, были выражением той правды, которую искал художник, вышедший из недр чувашского народа. Об этой особенности писал и Г.Н. Айги: «Миттов долго бился над чувашской “антропологической фигуративностью”. Выстраданность этой “фигуративности” (словно изнутри самого себя, собственным костяком!) **осями** (выделено Г.Н. Айги. – *А.М.*) проходит через большинство его человеческих изображений. “Неуклюжесть” его фигур – это не неуклюжесть, это чувство

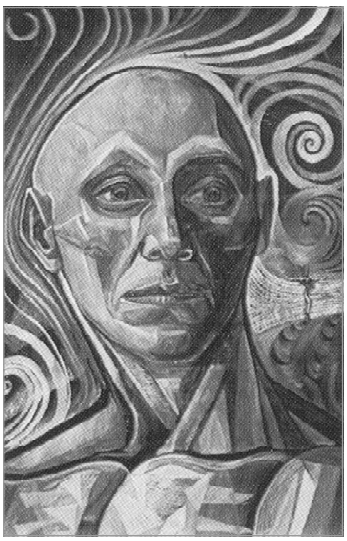
40. Автопортрет. Смятение
1965. Карт., м.



41. Автопортрет
Вторая половина 1960-х гг.

жизненного бремени его персонажей, выявляемого художником “из самого нутра” сопереживаемых им “родных чуваш” (пахарей, старцев, женщин в труде), – будто несколько “замороженно” выражаемого во “внешнем” их появлении, не только в движениях! – особенно это поражает в их “статическом состоянии”…»[23] Конечно, надо уточнить, что для женских фигур характерен и другой тип – высокой, статной и очень мягкой по пластике молодой женщины, по стилистике напоминающей часто Боттичелли. Такой была Олимпиада Васильевна.

Во второй половине 1960-х гг. в творчестве Миттова впервые появляются произведения, где он прикасается к теме христианства. И хотя в его творчестве эта тема не получит развития, факт его сближения с православием и приятия его духовных установок известен. В конце жизни он венчался с О.В. Таллеровой в одном из подмосковных храмов (в Переделкино). Размышления о жертвенном пути Творца, видимо, примиряют его с жизненными обстоятельствами, дают ему силы. Эти размышления нашли воплощение в известном «Автопортрете с Голгофой» *(ил. 42)* – произведении, с которого, возможно, начинается новый этап осмысления Миттовым своего художнического пути. Дух сомнения, конечно, никогда не оставит художника, но такие важные понятия, как примирение, смирение, прощение, видимо, поддерживают его в тяжелые минуты жизни. Крестный путь Христа, взошедшего на Голгофу, переживается им как неизбежность на пути к высокой цели. Лицо художника в этой картине снова далеко от сходства, однако это не имеет никакого значения. Душевное состояние художника, его внутренняя сила передаются через чеканные формы головы, напряжение мышц шеи, взгляд, полный твердости, жестким черно-белым решением композиции. Но внешнее спокойствие не абсолютно. Взгляд, который, кажется, заглядывает в будущее, предвидит его, полон горечи. Крутые спирали, условно обозначившие небо и облака, напоминают вечное, неподвластное человеку движение Космоса. Вспомним, как в последних работах Ван

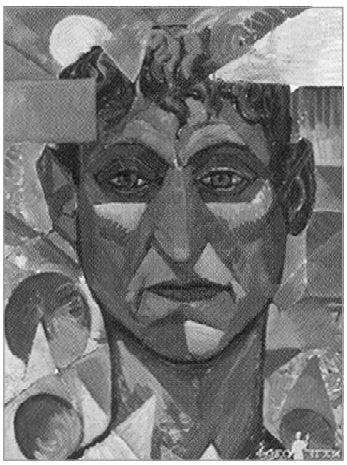


42. Автопортрет с Голгофой
1965. Карт., м., темп.

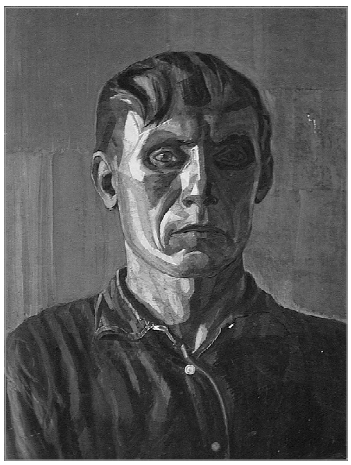
Гога появляется тот же мотив бесконечного водоворота жизни в изображении неба.

Из тяжелого душевного состояния художнику удалось выйти во многом благодаря упоминаемым выше событиям. «То, что в 1966 году Миттов соединил свою жизнь с О. Таллеровой, для нас было радостной вестью, – пишет в своих воспоминаниях сестра Г. Айги Ева Николаевна Лисина. – Рядом появился умный и твердый друг, понимающий жизнь и страдания художника – для Миттова это было и счастьем, и спасением»[24]. В это же время он познакомился с поэтом Геннадием Айги. Живя в Москве, он входил в круг самых ярких и известных сегодня художников и поэтов московского андеграунда. Новая интеллектуальная среда расширила границы познания Миттова в искусстве, показала иной художественный мир, способный противостоять общему, стандартному, стереотипному. В избранный круг входили такие художники, как Анатолий Зверев, Игорь Вулох, Владимир Яковлев и др. Это спасло Миттова от глухой изоляции в чебоксарском художественном сообществе, которая к концу жизни только усиливалась. Мир искусства открывался для него во всем его многообразии. Теперь он погружен не только в национальный чувашский материал. Умом и сердцем он пытается понять новый для него мир искусства, его потрясают бесхитростные рисунки больного и почти слепого, рисующего, как ребенок, В. Яковлева, акварельные феерии А. Зверева, прозрачные рисунки пером украинца Г. Гавриленко.

Попытки Миттова обновить свои технические наработки видим в «Автопортрете с желтыми треугольниками» *(ил. 43)*. Некое возвращение ко времени первых формальных экспериментов начала 1960-х гг. приводит к чисто внешним находкам. Включение в картину геометрических фигур разных цветов, построение головы цветными плоскостями, конечно, дают эф-



43. Автопортрет с желтыми треугольниками
1966–1967. Карт., м.



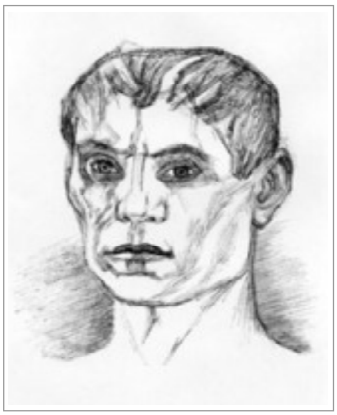
44. Автопортрет
1967 г. Карт., темп.

фект напряжения и красоту четкого композиционного ритма. Но сам Миттов не видит в этом пути развития, и опыт остается единичным. Заметим, что в последних его работах – графической серии «Жизнь и смерть» – Миттов также включает в канву рисунка то треугольник, то крест или квадрат, но в этом случае они работают лишь как дополнение и очень выразительные художественные находки, усиливающие замысел автора.

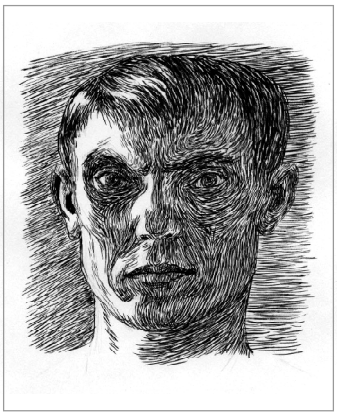
Геннадий Айги во многом способствует продвижению художника по пути к внутренней свободе и освобождению его от внешних изысков. То, что поэт называл «этнографизмом», Миттов считал необходимым компонентом в поисках истины, во всяком случае в своем творчестве. О.В. Таллерова вспоминает, что этот вопрос очень мучал его. Народный художник Чувашии В.И. Агеев также пишет, что именно спор на тему «экзотичности» в искусстве расстроил их дружбу[25]. В жанре автопортрета Миттов также перешагнул этот рубеж и пришел к пониманию того, что внешнее насыщение образа не обязательно есть выражение внутренней сложности и глубины.

После множества экспериментов появляется в 1967 г. автопортрет, выполненный в технике гризайли *(ил. 44)*. Теперь это один из самых известных его автопортретов, который представлен в постоянной экспозиции Чувашского государственного художественного музея. Он как будто демонстрирует слова художника, записанные в дневнике: «Не каждому дается крестный путь. Кому дано, пусть несет свой крест безропотно»[26]. Кажется, он примиряется со своей болезнью, с непризнанием и неустроенностью.

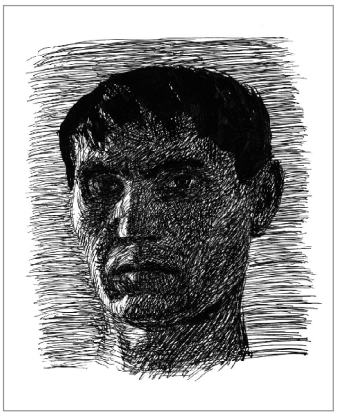
О работе над этим автопортретом вспоминает О.В. Таллерова: «Автопортрет» (темпера на картоне в технике гризайль) он закончил за один день. Это был июнь 1967 года. Начал утром, а к заходу солнца работа была закончена. Целый день не вставал с места, даже к обеду не встал. Этот автопортрет он писал, сидя перед мольбертом, глядя в маленькое мутное зер-



45. Автопортрет
1968. Б., тушь, перо



46. Автопортрет
1968. Б., тушь, перо



47. Автопортрет
1968. Б., тушь, перо

кальце. Уже заканчивая работу, провел несколько белых линий по лицу. Я спросила: “А эти белые штрихи зачем?” Он мне говорит: “А чтобы не было похоже на портреты других художников, пусть отличается от них”». Понятно, что не это стало причиной такой жесткой манеры письма. Миттов был скуп на объяснения своих работ. Рассматривая этот автопортрет, видишь абсолютно завершенную работу, и в ней нет ни одной лишней линии, которая была бы сделана для внешнего эффекта. Вся жизнь и творческий путь Миттова подтверждают невозможность такого решения. Пройдя через разного рода эксперименты, художник достиг того уровня, когда можно говорить об абсолютной внутренней правде, «абсолютном слухе» художника и отсутствии самолюбования. Невероятная строгость по отношению к себе проявлялась и во внешней жизни Миттова.

От этого портрета, возможно, начинается поворот в сторону черно-белого решения своих композиций. Немногочисленные опыты работы в монохромной живописи были и в ранний период творчества. Однако впоследствии их становится больше, хотя работа в цвете, конечно, тоже продолжается. Поздний период творчества, начиная с 1968 г., как раз богат произведениями, созданными в графических материалах – карандашом, но еще больше тушью. 1968 г. О.В. Таллерова называет черно-белым периодом в жизни художника[27]. В его творчестве происходят заметные перемены.

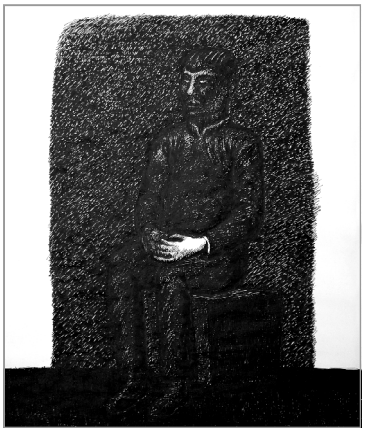
Автопортреты последних лет чаще всего также выполнены пером и тушью. Это очень разные по характеру работы, в которых видно, как периоды болезненного восприятия мира и отчаяния сменяются просветлением и творческой активностью. Мистические видения оставляют его, приходит философское понимание жизни и христианское примирение с ней. В наиболее трагическом периоде, когда надежды на излечение не осталось, Миттов вдруг укрепляется духом и создает графические листы, о которых Г. Айги сказал: «Здесь – перед гибелью – полная Победа Духа, даже – прикосновение его к Вечности и Вечному»[28]. Меняется и почерк художника. Из

сюжетных композиций уходит так называемая этнографичность, из портретов – стилизация. Оставлены формальные эксперименты, и художник как будто возвращается к «реалистическому» рисунку. Но во всем уже узнается уверенная рука мастера.

Новые черты и иное душевное состояние Миттова заметны и в автопортретах 1968 г. Их несколько, и в них просвечивает необычайная внутренняя твердость и просветленность, глубокая внутренняя сила *(ил. 45–47)*. Изображенное почти анфас лицо лишено печати жестокого страдания, хотя известно, что болезнь художника только усиливалась. Для достижения поставленной цели художник снова создает группу однотипных портретов, близких по композиции, но разных по тональности (как в четырех портретах М. Сеспеля). В трех автопортретах из собрания Художественного музея изображение головы Мастера дано в легком трехчетвертном повороте. Рассматривание их по степени насыщения тона не дает впечатления внутреннего разногласия. Наоборот, они объединены жизнеутверждающим настроением. В дневниках художника не раз встречаются высказывания, в которых слышится некоторый пафос, но в этом его сила и желание преодоления трагического расклада судьбы. Ведь в дневниках читаем строки, где отчаяние сменяется вдохновением. В одном месте он пишет: «Читал я, Христос сошел на землю и предался в руки человека, чтобы спасти его. Читал я, что люди схватили его и хохотали ему в лицо. Он все снес безропотно. Но как мне снести свои лишения, свои муки, мне, слабому человеку? Куда двигаться, куда стремиться мне, не имеющему ничего, кроме печали?»[29] В другой раз он как будто уговаривает себя: «Жизнь творца усыпана страданиями… Но эти страдания возвышенны»[30]. Иногда его слова похожи на молитву: «Пусть будет искусство утешением в жизни, компенсацией за трудности в жизни. Пусть будет живопись моей религией, моей верой, моим стремлением. Нужно быть благодарным Богу, что есть искусство, благодарю тебя, искусство, что есть – я» (из неопубликованного)[31]. В рассматриваемых портретах, даже в самом темном по тональности, где плотно заштрихованное лицо темнее фона, сквозит не только внутреннее спокойствие, но и упрямое утверждение себя как творца.

«Жизнь и смерть» – серия, название которой дал сам Миттов и которая стала исповедальной, ибо главным героем снова является он сам. Выполненная в 1968–1969 гг. пером и тушью, это самая трагическая серия в чувашском искусстве. Пятнадцать листов, четырнадцать из которых принадлежат Чувашскому государственному художественному музею, выдают тяжелейшие переживания Миттова. «Она вся черная, все возникает как бы из мрака, из потусторонности…» В этих произведениях мир Миттова словно замкнулся на образах, среди которых «много сидящих, как бы бесконечно уставших. Все это перемежается знаками – треугольниками, ромбами, элементами архитектуры, какими-то неясными провалами. Но основное ощущение – одиночества, покинутости, заброшенности»[32]. Все работы небольшие, примерно с альбомный лист. И все выполнены плотной штри-

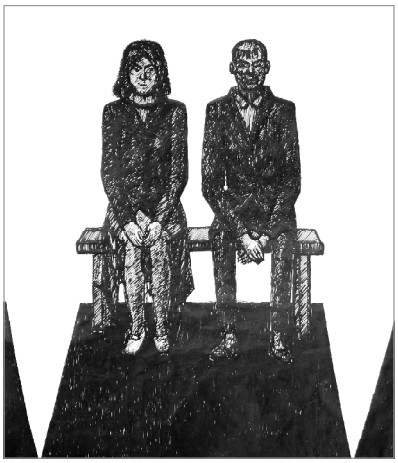
48. Автопортрет. Из серии «Жизнь и смерть» 1968. Б., тушь, перо.



49. Автопортрет (Сидящий мужчина). Из серии «Жизнь и смерть». 1968. Б., тушь, перо.

ховкой пером: лица, фигуры, а иногда и фон сгущены почти до черноты. Серия сразу и в целом производит впечатление безысходности и печали. Две работы этой серии представляют собственный портрет художника: «Автопортрет» и «Автопортрет (Сидящий мужчина)». В первом из них – погрудное изображение мужчины, который внешне лишь отдаленно напоминает Миттова *(ил. 48)*. Характеристика человеческих качеств и внутреннего состояния очень точна: здесь есть то, что отмечалось во многих воспоминаниях о нем современников, – необычайная сила воли и несгибаемость в принципиальных вопросах. Композиция, построенная на борьбе черного и белого, столкновении темных квадратов и треугольников на заднем плане, их соединение в большое, черное, с рваными краями пятно, создает впечатление чего-то бунтарского в герое. Но светлое пространство фона почти вытеснено, а лицо человека постепенно поглощается тьмой. На бледном, выхваченном из темноты лице лежат глубокие тени, и оттуда, из черноты, сверкают белки глаз, во взгляде, устремленном вперед и вверх, – выражение отчаянной внутренней борьбы. «Примирить себя, сдерживать, успокаивать, успокаивать, успокаивать, когда хочется разбить, кричать, пролить. О Боже! Не слишком ли много для одной жизни. Зачем обманываться – жизнь не клеится, работа не идет, надежды обмануты?» (из неопубликованного, не датировано, возможно, 1966 г.). Однако автор как будто смотрит на себя с высоты прошедшего времени, отстраненно оценивая свои прошлые порывы и страсти.

«Автопортрет (Сидящий мужчина)» – почти сливающаяся с черным фоном фигура сидящего человека *(ил. 49)*. Фон плотно покрыт короткими штрихами пером и точками, которые создают впечатление мерцающего бесконечного пространства Космоса. Статичная, неподвижная поза выражает не просто одиночество, а заброшенность и безысходность вселенского масштаба. Из этой космической тьмы светлыми пятнышками прорывают-



50. Автопортрет с женой
Из серии «Жизнь и смерть»
1968. Б., тушь, перо.

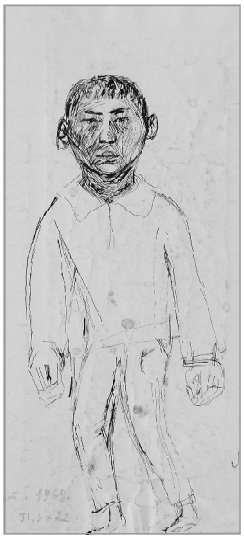
ся лишь кисть руки, лежащей на коленях художника, и белки раскосых глаз, как будто глядящих уже из другого мира и пугающих силой взгляда. Размер листов этой серии чуть более 30 см в высоту, но концентрация мысли и чувства в них – огромна.

Странной на первый взгляд и не случайной – на второй кажется форма темной плоскости, в которую вписана фигура. Это прямоугольник, поставленный на горизонтальную полосу земли и напоминающий каменное надгробие. Точно такое стоит теперь над могилой художника в Тобурданове, на кладбище, которое он много раз изобразил в своих произведениях. Вся серия «Жизнь и смерть» состоит из образов-воспоминаний, образов-предчувствий, провидческий характер которых сейчас очевиден.

Еще одно изображение Миттова появляется в «Автопортрете с женой» *(ил. 50)*. Два страдающих человека, каждый глубоко переживающий свои несчастья (две черные застывшие их фигуры рядом, но разделены белым пространством), связаны судьбой неразрывно, навечно. Эта предопределенность заявлена симметричной композицией, одной длинной линией скамьи, на которой они сидят, черной плоскостью пола под ногами, двумя острыми копьями треугольников, замыкающих симметрично лист внизу. Очень скоро, в начале осени 1971 г., Анатолий Иванович и Олимпиада Васильевна обвенчаются. Их общий путь на земле был очень короток.

Портретная серия «Жизнь и смерть» создавалась одновременно с пейзажными графическими листами «Холмы», «Дорога через овраг», «Дорога через холмы в гору» – самыми драматичными из серии созданных по мотивам чувашских поэтов. Черные фоны портретов сродни глубоким темным провалам оврагов. Художник осмысливает человеческую жизнь как трудную дорогу к вершине, полную страданий, боли и преодолений.

51. Автопортрет
1969. Б., тушь, перо.



52. Оборот
1969 г. Б. Тушь, перо.

В технике рисунка пером и тушью Миттов становится все более разнообразным и уверенным. К следующему, 1969 г. относится лист с изображением на двух сторонах необычных автопортретов *(ил. 51–52)*. На лицевой стороне – мальчик лет шести-семи, идущий по земле босиком. Снова обратимся к дневнику художника: «Чувствовать землю под ступнями, не в этом ли лучшая красота в мире?»[33] И еще: «Я много бегал после дождя, вдыхал запах озона, месил грязь, в этом не отставали мои сверстники. Мы шумно радовались, лепили свой мир, жили свободными птицами. Теперь я "дядя", чуть не старик, печальный образ Чаплина. Что ж, и этому рад»[34]. Огромные глаза мальчишки широко открыты, и сам он открыт и доверчив к людям, а «дядя» ироничен и познал разные стороны жизни. И единственное, что умиляет и восторгает еще его в жизни людей, – это дети. «Мне говорят, что я рисую, как ребенок. Это большая похвала. Нет, этой похвалы я еще не заслуживаю. Я еще недостаточно рисую, как ребенок. "Смотрите на мир глазами ребенка", – говорил Матисс. Он мудрый»[35]. Другой автопортрет на обороте листа не завершен. Большая голова на маленькой, непропорциональной фигурке юноши передает иное состояние: неуверенность, осторожность и даже растерянность в огромном, не познанном еще окружающем мире. Эти маленькие рисунки Миттова как шаг в исследовании человеческой души.

В развитии творчества Миттова очевиден его постепенный отход от внешних элементов «чувашскости». Отказываясь от изображения сцен традиционной жизни и уклада родного народа, он приходит к изображению, казалось бы, обыденных бытовых сцен (серии «Подруги», «Качели», «Холмы», «Стога» и др.). Но в них – не менее глубокое постижение смысла и содержания человеческой жизни – вопроса, который он мучительно решал

в течение всего своего творчества. Поэтому портретный жанр занимает в нем все большее место, но при этом как бы выходит за свои пределы. От внешнего сходства к внутреннему миру человека, а затем от его индивидуальных качеств к общечеловеческим ценностям – вот путь, который прошел Миттов, пытаясь найти себя в окружающем мире. Поэтому весь ряд его портретов зрелого периода можно причислить к жанру «психологического», способного показать глубину внутреннего мира и переживаний человека и отразить его личность.

Невероятная духовная, эмоциональная и художественная полнота произведений Анатолия Ивановича Миттова кажется иногда непостижимой. Прикасаясь к тем или иным его сериям и отдельным работам, понимаешь: это лишь малая часть того, что он переживал и о чем думал в этот период. Рассматривая филигранную отделку темперного листа «Ужин в саду», мы забываем, что тогда же рождался «Автопортрет с Голгофой», нежные девичьи образы серии «Весна» создавались вместе с пугающими стилизованными карандашными автопортретами, а прекрасные «Жених и невеста с вороным конем» – почти одновременно с серией «Жизнь и смерть». Приоткрыли завесу гениальной личности художника сохранившиеся и частично опубликованные О.В. Таллеровой дневники художника. Потрясающие по величию цели и предельной искренности слова заставляют нас снова и снова возвращаться к его произведениям, а затем искать ответы в дневниках художника. В них трагическое соседствует с мудростью, отчаяние – с вдохновением, бессилие – с неодолимым духом. В портретном жанре это получило наиболее яркое воплощение. Одинокая в эпоху искусства соцреализма фигура Миттова представляется нам сегодня в своих устремлениях тем ориентиром, к которому приходим мы, его потомки – молодые и давно перешагнувшие возраст его тридцатидевятилетней жизни.

Литература и примечания

[1] Анатолий Иванович Миттов: воспоминания, стихотворения, очерки, художественно-критические статьи, дневниковые записи, рассказы, стихи художника / сост. прим. и коммент. О.В. Таллеровой-Миттовой. Чебоксары, 1990. 214 с. С. 7.

[2] Там же. С. 80.

[3] Там же. С. 102.

[4] *Хузангай А.П.* Тема «Вечной Женственности» в творчестве Анатолия Миттова // Художник Анатолий Миттов: Дорога в гору. Чебоксары, 2011. С. 117–118.

[5] Анатолий Иванович Миттов ... С. 165.

[6] Там же. С. 36.

[7] Там же. С. 58.

[8] Там же. С. 165.

[9] Там же. С. 170.

[10] Там же. С. 66–67.

[11] Там же. С. 66.

[12] *Иванов-Орков Г.Н.* Три мира Миттова // Художник Анатолий Миттов: Дорога в гору. С. 93–101.

[13] Михаил Сеспель. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 250.

[14] Анатолий Иванович Миттов ... С. 30.
[15] Там же. С. 78.
[16] Там же. С. 97.
[17] Там же. С. 123.
[18] Там же. С. 44.
[19] Там же. С. 167.
[20] Там же. С. 168.
[21] *Агеев А.И.* О художнике и педагоге А.И. Миттове // Художественные традиции и музей. Чебоксары, 2014. Вып. 2. С. 91.
[22] Анатолий Иванович Миттов ... С. 113.
[23] Там же. С. 146–147.
[24] Там же. С. 115.
[25] Там же. С. 100.
[26] Там же. С. 69.
[27] Там же. С. 39.
[28] Там же. С. 157.
[29] Там же. С. 143.
[30] Там же. С. 21.
[31] Дневник художника, переписанный от руки О.В. Таллеровой, был предоставлен автору этих строк ее племянником П.В. Таллеровым в 2005 г. Страницы не пронумерованы, записи почти все не датированы.
[32] Анатолий Иванович Миттов ... С. 15.
[33] Там же. С. 112.
[34] Там же. С. 178.
[35] Там же. С. 76.

A.I. Mordvinova

A PORTRAIT IN THE CREATIVE WORK OF A.I. MITTOV

A portrait plays a very important role in understanding of the creative activity of A.I. Mittov, an outstanding artist of Chuvashia of the mid-20th century. This genre opens the entire depth and complexity of his developmental pathway. The article gives special attention to self-portraits of the Maestro, which have become a peak of the psychological portrait in the Chuvash graphic arts.

Keywords: A.I. Mittov, portraits, self-portraits, development of genre, artistical expressiveness.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© Э.Е. Лебедев

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ЧУВАШСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В статье сделан обзор грамматических форм прошедшего времени глагола в чувашском и турецком языках в сопоставительном плане. Автор предлагает рассматривать подобные формы в ракурсе системы временной ориентации на определенный момент в настоящем или в прошлом. Всего выделяется шесть групп значений, передаваемых этими формами: значение прошедшего категорического времени, прошедшего субъективного, давнопрошедшего, длительного в прошедшем, постоянного в прошедшем, будущего (ближайшего будущего) в прошедшем.

Ключевые слова: категория времени глагола, прошедшее категорическое время, плюсквамперфект, будущее в прошедшем.

Системы временных форм глагола в тюркских языках отличаются множеством и разнообразием их компонентов. Между этими компонентами существует особая структура взаимоотношений, которая и составляет каркас данной словоизменительной категории. В грамматиках тюркских языков описанию категории времени глагола, как правило, уделяется значительное место. Авторам грамматик в большинстве своем удается передать основные значения и особенности функционирования тех или иных временных форм. Так, во второй части «Татарской грамматики» (Казань, 1997), которая посвящена вопросам морфологии, отмечается, что «по отношению к грамматической точке отсчета временные формы татарского глагола образуют трехчленный ряд, выражая предшествование моменту речи, одновременность с моментом речи и следование за моментом речи»[1]. В данной работе выделяются такие формы времен, как настоящее время, прошедшее категорическое время, прошедшее результативное, прошедшее незаконченное, преждепрошедшее, прошедшее многократное и несколько форм будущего времени[2].

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

Как мы можем видеть, значительный объем всех временных форм в татарском языке занимают формы со значением прошедшего времени, образованные как при помощи одного аффикса, так и посредством сочетания аффиксов. Похожая ситуация наблюдается и в якутском языке, где, по мнению авторов «Современного якутского литературного языка», вышедшего в Москве в 1982 г., существуют формы следующих времен глагола: настоящее-будущее, будущее, прошедшее, прошедшее категорическое, преждепрошедшее, прошедшее результативное, прошедшее эпизодическое, прошедшее незаконченное, давнопрошедшее время и др.[3]

Подробное описание временных форм, существующих в чувашском языке, дает Н.И. Ашмарин во второй части труда «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (Симбирск, 1923). Всего им представлено и проанализировано на богатом фактическом материале 12 форм времен глагола. Среди них имеются такие, как настоящее-будущее, будущее 1-е и 2-е, прошедшее действия, предварительное действия, прошедшее многократное, прошедшее состояния, предварительные состояния 1-е и 2-е и др.[4] Справедливости ради отметим, что часть описанных Н.И. Ашмариным временных форм глагола в наши дни является уже архаичными и практически не употребляется в речи чувашей. Но и те формы, которые активно функционируют и в наше время, представляют собой весьма обширную по составу и семантическому разнообразию категорию, нуждающуюся в подробном исследовании с точки зрения их структурных взаимосвязей.

В коллективной работе «Материалы по грамматике современного чувашского языка» (Чебоксары, 1957) автор раздела, посвященного глаголу, В.Г. Егоров дает всего восемь временных форм, что более реалистично отражает ситуацию, сложившуюся в языке. К ним относятся следующие формы времен: настоящее-будущее, будущее неопределенное, будущее сложное, прошедшее категорическое, прошедшее неопределенное, давнопрошедшее категорическое, давнопрошедшее неопределенное, прошедшее несовершенное или многократное[5]. И хотя автором данной главы не дано обобщающего описания категории времени глагола в чувашском языке, тем не менее само изложение материала обладает определенной системностью и полнотой.

Н.А. Андреев во втором томе своей работы «Чăваш чĕлхин стилистики» (Чебоксары, 1962) выделяет следующие формы прошедшего времени: прошедшее очевидное *(курса иртнĕ вăхăт)*, прошедшее неочевидное *(курмасăр иртнĕ вăхăт)*, длительное в прошедшем *(хальхи умĕнхи е темиçе хут иртнĕ вăхăт)* и давнопрошедшее *(иртнĕ умĕнхи вăхăт, малтан пулса иртнĕ вăхăт)*[6].

В своей монографии «Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи» (Чебоксары, 1965) в главе, где исследуются временные формы глагола, И.П. Павлов пишет, что у изъявительного наклонения в чувашском языке имеются формы трех времен: настоящего, будущего и прошедшего. Они передают временное значение, которое определяется в зависимости от мо-

мента говорения (*калаçнă вăхăтпа танлаштарса*), при этом значение прошедшего времени передается разными формами[7]. И.П. Павлов выделяет следующие формы времен глагола в чувашском языке: настоящее время, будущее время, однократное прошедшее время (*пĕр хут пулса иртнĕ вăхăт*), многократное прошедшее время (*темиçе хут пулса иртнĕ вăхăт*), предварительно прошедшее время (*малтан пулса иртнĕ вăхăт*). То есть количество подобных форм по сравнению с работой, рассмотренной нами выше, уменьшилось до пяти. Кроме этого, автором предпринята попытка систематизации форм со значением прошедшего времени по признакам однократности, многократности и давности совершения действия[8].

М.Р. Федотов отмечает следующие формы времен в чувашском языке: настоящее, будущее, прошедшее очевидное, прошедшее неочевидное на *-нă/-нĕ*, прошедшее неочевидное время на *-са/-се* и так называемые сложные формы прошедшего времени[9]. Как мы можем заметить, разделение «сложных» и «простых» форм прошедшего времени у автора проводится по принципу образования при помощи одного или двух аффиксов, а также по семантическому принципу: «сложные формы прошедшего времени обозначают не только прошедшее время, но имеют еще дополнительные значения»[10].

В.И. Сергеев говорит о двух типах спряжения глаголов в прошедшем времени в чувашском языке: аналитическом и синтетическом. К аналитическому типу спряжения относятся временные формы, не принимающие аффиксы лица и требующие, таким образом, участия в их спряжении личных местоимений. К ним относятся: прошедшее неопределенное время на *-нă/-нĕ*, прошедшее неопределенное время на *-са/-се*, плюсквамперфект на *-нă/-нĕ + -ччĕ*. Формами синтетического типа спряжения являются прошедшее категорическое время, прошедшее многократное время, давнопрошедшее время[11].

Что касается турецкого языка, то и здесь мы констатируем наличие большого количества временных форм глагола, число которых, по мнению некоторых авторов, достигает 20[12]. В частности, у А.Н. Кононова все формы времен разделены на две группы: простые и сложные. Данное разделение основано на принципе образования этих форм – либо при помощи одного аффикса (простые), либо при помощи двух аффиксов (сложные). В связи с этим к первой группе относятся такие формы прошедшего времени, как прошедшее категорическое, прошедшее субъективное (или неочевидное), прошедшее-настоящее[13]. Вторую же группу временных форм, по мнению А.Н. Кононова, составляют следующие формы: определенный имперфект, неопределенный имперфект, прошедшее длительное время, давнопрошедшее I время, давнопрошедшее II время, будущее прошедшее время, будущее несовершившееся время[14].

В своей работе «Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола» (Л., 1977) С.Н. Иванов пишет о двух четко выделяемых в турецком языке «фонах времени», которые соответствуют «простым» и

«сложным» временным формам у А.Н. Кононова. Эти «фоны времени» отражают два временных плана – план момента речи и план прошлого[15]. Ученый подробно исследует семантические отношения каждой временной формы с формами одного с ней временного плана и с формами другого временного плана в связи с индикативным и релятивным употреблением данных форм. В соответствии с этим он выделяет следующие формы прошедшего времени в турецком языке: прошедшее время, прошедшее-настоящее время, прошедшее длительное время, плюсквамперфект, будущее в прошедшем, форма со значением обычного действия в прошлом, форма со значением «картинно» развертывающегося в прошлом действия, ближайшее будущее в прошедшем[16].

Как можно видеть из нашего краткого обзора описаний форм глагольных времен в чувашском, турецком и других тюркских языках, к группе форм прошедшего времени относится большое количество форм с соответствующими значениями. К тому же семантика предшествования моменту речи не является единственной в составе значений этих форм. Как правило, они осложнены дополнительными семами, благодаря которым между ними возникают некие оппозитивные отношения.

В научной литературе, посвященной временным формам глагола в чувашском языке, имеется большой разброс как количества этих форм (от 12 у Н.И. Ашмарина до 5 у И.П. Павлова), так и их наименований. И наиболее спорными в этом отношении являются именно формы со значением прошедшего времени. Например, некоторые авторы (В.И. Сергеев, М.Р. Федотов) в группу прошедшего времени включают форму с показателем *-са* / *-се*, которая в качестве финитной (правда, неспособной принимать личные аффиксы) формы используется только в верховом диалекте. То же самое касается и безличной формы, так называемого причастия прошедшего времени с показателем *-нӑ* / *-нĕ*, которая, по мнению И.А. Андреева, полностью разделяемому нами[17], не представляет собой отдельной формы прошедшего времени глагола, являясь лишь одним из вариантов использования соответствующего причастия в предикативной функции. Тем не менее у Н.И. Ашмарина, В.Г. Егорова и В.И. Сергеева она выделена как отдельная форма прошедшего времени.

В отношении разброса наименований форм отметим, что одна и та же форма на *-нӑ*/*-нĕ* называется различными авторами и прошедшим состояния, и прошедшим неопределенным, и прошедшим неочевидным. Добавим, что если рассматривать наименования формы с аналогичным значением в турецком языке, то сюда можно было бы добавить и термин «прошедшее субъективное время».

В вопросе классификации форм прошедшего времени в тюркских языках достаточно перспективным подходом является деление всех временных форм в соответствии с их функционально-семантическими особенностями на три большие группы, характеризуемые с точки зрения их ориентированности на момент речи. Исходя из этого подхода формы времен

глагола в тюркских языках по своему значению распределяются на следующие группы: формы первичной ориентации (ориентированные на настоящий момент), формы вторичной ориентации (ориентированные на прошлый момент) и формы третичной ориентации (ориентированные на будущий момент)[18]. Считаем, что наше сопоставительное исследование форм прошедшего времени в чувашском и турецком языках необходимо провести с учетом фактора ориентации их значений на момент в настоящем, прошлом или будущем.

Состав временных форм со значением прошедшего времени в сопоставляемых языках определим в соответствии с основной семантической составляющей конкретной формы. На наш взгляд, можно выделить следующие основные значения для форм прошедших времен: 1) значение непродолжительного действия в прошлом, которое говорящий либо сам наблюдал, либо уверен в его совершении (прошедшее категорическое время); 2) значение непродолжительного действия в прошлом, которое не наблюдалось говорящим непосредственно, он не вполне уверен в нем и судит о его совершении со слов других лиц либо догадывается и предполагает о его совершении; а также значение перфекта – действия, совершенного в прошлом, результат которого наблюдается в настоящем (прошедшее субъективное время); 3) значение действия, которое произошло до определенного действия в прошлом либо произошло давно безотносительно от времени совершения других действий (давнопрошедшее время или плюсквамперфект); 4) значение длительного действия, которое совершалось на протяжении относительно большого временного отрезка в прошлом (длительное в прошедшем или определенный имперфект); 5) значение постоянного действия, которое совершалось на протяжении большого временного отрезка в прошлом, либо кратного действия, совершавшегося периодически в прошлом (постоянное в прошедшем или неопределенный имперфект); 6) значение действия, которое совершится после определенного момента в прошлом (будущее в прошедшем, ближайшее будущее в прошедшем).

Рассмотрим временные формы, входящие в каждую из этих групп значений.

1. Прошедшее категорическое время

Название для форм с данным временным значением заимствовано в первую очередь из трудов по грамматике турецкого языка. В чувашском языкознании такое название в отношении этой формы употреблено в работе «Материалы по грамматике современного чувашского языка»[19]. В основном же используются другие названия: прошедшее однократное время (*пӗр хут пулса иртнӗ вăхăт, пӗрре иртнӗ вăхăт*), прошедшее время действия, прошедшее очевидное время, перфект. Нетрудно заметить, что в перечисленных названиях отражены две основные семы этой формы – непродолжительность и очевидность. У Н.И. Ашмарина выделена сема активности этой временной формы в противоположность семы неактивности формы с показателем *-нă/-нӗ* (прошедшее состояния).

Для передачи непродолжительного (либо однократного) действия в прошлом используются следующие формы: *-рӑ/-рĕ, -мӑ/-мĕ, -чĕ* в чувашском языке и *-dı/-di/-du/-dü*; *-tı/-ti/-tu/-tü* в турецком языке. Обратим внимание на сходство формальных показателей в обоих языках, что явно указывает на их общее происхождение. Значение отрицательного статуса этих форм передается посредством аффиксов *-ма/-ме* или *-ма/-ме*. Вопросительная форма образуется при помощи специальных вопросительных частиц – *-и*; *mı/mi/mu/mü*. При этом, если в чувашском языке при образовании вопросительной формы в случае с прошедшим временем не существует никаких отличий по сравнению с формами других времен, в турецком языке такое отличие имеется: аффикс лица присоединяется не к вопросительной частице, а непосредственно к аффиксу прошедшего времени: *geldin mi?* «Ты пришел?»

С точки зрения основных значений этих форм мы также можем наблюдать определенное тождество в обоих языках:

Кĕтмен çĕртен пӳлĕме секретарь-машинистка килсе ***кĕчĕ*** *те: «Сире çыру», – тесе, сĕтел çине хулӑн конверт* ***хурса хӑварчĕ*** (Афанасьев). – «Неожиданно в кабинет **вошла** секретарь-машинистка и, сказав: “Вам письмо!”, **положила** на стол толстый конверт»;

Шухӑшсӑр çӳренĕ шухӑ кунӑмсем тавӑнми ***иртсе кайрĕç*** *ĕнтĕ, çӑмӑклӑхӑн хĕвелĕ кĕр еннелле* ***сулӑнчĕ*** (Артемьев). – «Мои беззаботные резвые дни уже безвозвратно **прошли**, солнце молодости **склонилось** к осени»;

Элентей сĕтел патне ***пычĕ****; малтан салатса янӑ укçине пĕррĕн-пĕррĕн пуçтарса çуррине Шерккее* ***тыттарчĕ****, çуррине хӑй кĕсйине* ***чикрĕ*** (Илпек). – «Элендей **подошел** к столу, собрал по одному монеты, которые были разбросаны ранее, половину **вручил** Шеркею, другую половину **засунул** себе в карман».

Konuşanlar yavaş yavaş seslerini ***kestiler****. Herkes bir köşeye* ***yaslandı*** *veya bulabildiği bir iskemleye* ***oturdu****, gözlerini sahnenin ortasında tek başına kalıveren Ali'ye* ***dikti*** (Ali). – «Говорившие потихоньку **смолкли**. Каждый **приткнулся** в свой уголок или **сел** на подвернувшуюся скамейку. Все обратили взгляды на Али, который остался стоять посреди сцены в одиночестве»;

Çocuğunun adını ***sordum****. “Ömer”,* ***dedi*** *Ceyda. Bebeğine gururla baktı* (Pamuk). – «Я спросил, как зовут ребенка. “Омер”, – сказала Джейда и посмотрела с гордостью на младенца».

Из примеров видно, что как в чувашском, так и в турецком языках форма прошедшего категорического времени передает самое общее значение действия, которое произошло в прошлом. Как правило, это действие, которое говорящий либо наблюдал, либо уверен в его совершении. В передаче этой формы действия представляются в виде активно развивающихся событий, в большей части непродолжительных.

Однако бывают случаи, когда эта форма имеет значение относительно длительного действия в прошлом:

Пĕр хушă хапха умĕнчи сак çинче сĕнксе ***ларчĕ****. Çерçисем тусанпа çăвăннине савăнса* ***сăнарĕ*** (Гордеев). – «Некоторое время она **сидела**, опустив голову, на скамейке перед воротами. Радостно **наблюдала**, как воробьи купаются в пыли»;

Пĕр эрне директорсăр ***пурăнчĕ*** *вăрман хуçалăхĕ...* (Емельянов). – «Неделю лесное хозяйство **жило** без директора…»;

Kendi kendime dolaşıyor gibi yaparak, mutfağın arkasından ***dolaştım****, aşçı ile bir iki kelime* ***konuştum****. Sonra ağır ağır dış kapına yürümeye* ***başladım*** (Güntekin). – «Я **бродила** позади кухни, делая вид, будто гуляю сама по себе, **перебросилась** парой слов с поваром. Затем начала медленно двигаться к внешней калитке»;

Yavru karıncalar, baba karıncayla ana karıncaya ***baktılar****. Onlar ne yapıyorlarsa öyle* ***yaptılar****. Yazdan yiyeceklerini toplayıp toprak altına* ***yığdılar****. Kışın* ***uyudular****. Zamanı gelince* ***yumurtladılar*** (Nesin). – «Детеныши муравьев **смотрели** на своих родителей. **Повторяли** то же самое, что делали они. Летом собирали пищу и **прятали** ее в землю. Зимой **спали**. Когда приходил срок, они **откладывали** яйца».

Все примеры демонстрируют, что, помимо собственно семантики прошедшего времени, у этой формы отчетливо прослеживается семантика очевидности, уверенности в совершении действия. Именно поэтому одним из распространенных ее названий в тюркском языкознании является «категорическое время».

По признаку ориентации на определенный момент (или период) данная временная форма относится к группе форм первичной ориентации – ориентации на настоящий момент. Другими словами, прошедшее категорическое время обозначает действие в прошлом, которое является таковым в соотнесенности с настоящим моментом.

Данная форма как в чувашском языке, так и в турецком составляет оппозитивные пары с другими временными формами. По признакам «очевидности и категоричности» она соотносится с причастием на *-нă/-нĕ* в функции предикатива в чувашском языке и с формой прошедшего времени на *-mış/-miş/-muş/-müş* в турецком языке. По признаку непродолжительности (точнее, *непостоянности*) противостоит форме *-аттă/-еттĕ* в чувашском языке и сразу нескольким формам, имеющим значение длительного действия в прошедшем, в турецком языке (см. в соответствующем разделе статьи). Наконец, еще одно противопоставление этой формы можно привести по признаку безразличности к давности совершения действия – с формами на *-саттă/-сеттĕ* и *-нăччĕ/-нĕччĕ* в чувашском языке и с формой на *-mıştı/-mişti/-muştu/ -müştü* в турецком языке[20].

2. Прошедшее субъективное время

Значение субъективности (или неочевидности) действия как в чувашском, так и в турецком языках передают формы, которые соотносимы с причастием прошедшего времени. В турецком языке это форма на *-mış/ -miş/-muş/-müş*, которая в предикативной функции получает способность

принимать аффиксы лица, и вследствие этого признана «полноценной» временной формой, включаемой во все парадигмы категории времени. В чувашском языке ситуация несколько иная. Форма на *-нӑ/-нӗ* не может присоединять личные аффиксы, и, хотя авторов большинства чувашских грамматик это не останавливает и она, как правило, описывается в разделе, посвященном формам времен глагола, все же мы здесь принимаем сторону И.А. Андреева и считаем, что если причастие *кайнӑ* в предикативной функции признавать временной формой, то такие ее варианты, как *кайнӑшӑн* или *кайнине* пришлось бы считать наречием и существительным. На самом деле эта форма является так называемым причастием (хотя ее функциональные возможности более широки, чем у причастий традиционного типа), которое может выполнять функции предикатива, субстантива, адвербума и др. По поводу некорректности употребления в отношении подобных форм термина «причастие» мы писали в предыдущих работах[21]. В настоящей статье мы используем этот термин только по причине отсутствия другого, более адекватно отражающего сущность данной формы.

Отрицательная форма прошедшего субъективного времени в чувашском языке образуется при помощи аффикса *-ман/-мен*, в турецком языке – *-ma/-me*: *кил**мен***, *gel**me**miş* «не пришел».

Приведем примеры функционирования формы на *-нӑ/-нӗ* в чувашском языке в качестве предикатива:

*Çулсеренех **каснӑ**. <...> Санитарлӑ тасату тенине вӑхӑтрах тума **тӑрӑшнӑ*** (Емельянов). – «**Рубили** на протяжении лет. <...> **Старались** вовремя делать то, что называется санитарной очисткой»;

*Çемçе тӳшек çинче пӗр енне **выртнӑ** та çаплах çывӑрнӑ, пӗрре те çаврӑнса **выртман*** (М. Ухсай). – «Как **лег** одним боком на мягкую перину, так и **спал**, ни разу не повернувшись».

Одним из значений формы на *-нӑ/-нӗ*, судя по представленным примерам, является действие, совершенное в прошлом, которое говорящий непосредственно не наблюдал, но предполагает его совершение либо о нём судит со слов других, действие, которое является результатом неожиданного узнавания, выяснения и т.д. Все вышесказанные смыслы передаваемого значения можно объединить под термином «опосредованное действие», или «индиректив»[22].

В турецком языке форма прошедшего субъективного времени передает во многом тождественные с чувашской формой значения и смыслы:

*– Bunu, yanımızdaki kadının yüzlerce sene evvelki cetlerinden biri **yazmış** – dedi* (Ali). – «"Это **написал** сотни лет назад один из предков женщины, которая находится рядом со мной", – сказал он»;

*Bir Türk yazarı masal **dinlememiş** ve **okumamış** da olsa, yine de bu ortamın dolaylı etkileri altında eserlerini meydana getirir* (Nesin). – «Даже если кто-либо из турецких писателей **не слышал** и **не читал** сказки, он все равно создает свои произведения, находясь под косвенным воздействием этой среды».

Однако опосредованность не является единственным значением этих форм. В.И. Сергеев, выражая сомнение в правильности употребления термина «неочевидность» в случае с формой на *-нӑ/-нӗ*, пишет: «Мы сталкиваемся со множеством примеров, когда время на *-нӑ/-нӗ* выражает вполне очевидные для говорящего действия, имевшие место в прошлом»[23]. Считаем, что в подобных случаях реализуется еще одно значение этой формы, которое часть авторов определяет как значение перфекта, то есть значение действия, которое произошло в прошлом, но результат его можно наблюдать в настоящем[24]. Более того, по мнению Б.А. Серебренникова, именно на базе значения перфекта развивается значение неочевидности (или опосредованности) действия[25]. Вот примеры с этим значением в обоих языках:

Акӑ унӑн пӗчӗк пӳрчӗ: çамкасӑр, улӑмпа ***витнӗ*** *те çиелтен сайран кӑна сайхахсемпе* ***пустарнӑ*** (Илпек). – «Вот его домик: без фронтона, **покрыт** соломой и сверху местами **придавлен** настилом из жердей»;

Сулахайра Атӑл тӳремлӗхӗ сарӑлса выртать. Халӗ вӑл хулӑн пӑр айӗнче-ха; пӑрӗ ***йӑшнӑ*** *ӗнтӗ, çапах хускалма* ***ӗлкӗреймен-ха*** (Григорьев). – «Слева простирается река Волга. Сейчас она под толстым льдом. Лед уже **подтаял**, но еще **не успел** тронуться»;

Minibüs tamamen ***dolmuş*** (Şafak). – «Микроавтобус **был заполнен**»;

«“Ekmek eskilerde arslan ağzındaymış, Mavro oğlum, şimdiler de iş-kembesine ***inmiştir****...”derdi* (Tahir). – «“Раньше хлеб был пищей львов, сын Мавро, а сейчас он **опустился** до уровня требухи...”, – говорил он».

Дополнительным показателем перфекта в турецком языке для третьего лица является аффикс утвердительной модальности *-tır/-tir/-tur/-tür*, который присоединяется к аффиксу прошедшего субъективного времени.

В.Г. Гузев выделяет в турецком языке «аналитические формы перфекта в прошлом». Они образуются при помощи вспомогательных глаголов *olmak* «быть, становиться» и *bulunmak* «находиться». По мнению ученого, эти формы «выполняют функцию детализованного выражения тех узуальных смыслов, для выражения которых синтетическая форма перфекта оказывается недостаточной»: *Ağacın yapraklarından biri böylece kopup* ***gitmiş oluyordu*** (Güntekin). – «Вот так окончательно отрывался и **пропадал** один из листьев дерева»[26].

То, что семантика данной формы как в чувашском языке, так и в турецком безразлична к признаку продолжительности действия, то есть может передавать значения не только непродолжительных, но и длительных действий, хорошо демонстрируют следующие примеры:

Яш чух пурсӑмӑр та телейлӗ малашлӑха ***шаннӑ****, паттӑр ӗçшӗн, таса та хӑватлӑ юратушӑн* ***çуннӑ****, кашни пӗр лайӑха çеç* ***ӑмсаннӑ****, чи хӳхӗм хӗре куç* ***хывнӑ*** (Артемьев). – «В молодости все мы **верили** в счастливое будущее, **болели** душой за героический труд, за чистую и сильную любовь, каждый стремился только к хорошему, **заглядывался** на самую красивую девушку»;

Senelerce memleketten memlekete yük ve insan ***taşımış****... Birçok fırtınalar* ***görmüş****, kazalara* ***uğramış*** (Güntekin). – «Он много лет **перевозил** из одной страны в другую грузы и людей… **Видел** много бурь, **попадал** в аварии».

По признаку ориентированности на определенный момент формы прошедшего субъективного времени входят в группу времен первичной ориентации. С прошедшим категорическим временем эти формы составляют оппозицию «индиректив-директив». Многие ученые в значении этих форм отмечают отсутствие «живости» протекания действия по сравнению с формами прошедшего категорического времени. В частности, Н.И. Ашмарин пишет, что в данном случае «не воспроизводится живая картина действия»[27]. Под противопоставлением «живости» и «не живости», на наш взгляд, можно понимать противопоставление директивного действия (либо непосредственно наблюдаемого, либо ярко представляемого говорящим), опосредованному индирективному действию.

Еще одно противопоставление этих форм – по признаку давности совершения действия – существует с формами плюсквамперфекта: *-саттӑ / -сеттĕ* и *-нӑччӑ/ -нĕччĕ* в чувашском языке и *-mıştı / -mişti / -muştu / -müştü* в турецком языке.

3. Давнопрошедшее время (плюсквамперфект)

Наличие перфекта в языке, как отмечает Б.А. Серебренников, «почти всегда предполагает наличие плюсквамперфекта»[28]. Не являются исключениями чувашский и турецкий языки. Как в одном, так и в другом языке имеется по две формы со значением давнопрошедшего времени. В чувашском языке это форма прошедшего времени от причастия на *-нӑ/-нĕ*: *-нӑччӑ/-нĕччĕ* и особая временная форма с показателем *-саттӑ/-сеттĕ -сатчӑ/-сетчĕ*, этимологически восходящая к деепричастию на *-са/-се*, к которой присоединяется аффикс прошедшего времени с личными аффиксами. Значения указанных форм различаются по признаку директивности / индирективности (очевидности / неочевидности). Однако форма с показателем *-нӑччӑ/-нĕччĕ* постепенно вытесняет другую форму из сферы употребления, принимая на себя функцию по передаче также значений директивных действий – действий, которые говорящий совершал либо наблюдал[29].

Н.И. Ашмарин выделяет еще одну форму со значением плюсквамперфекта, названную им «предварительное состояние 2-е». Она образуется аналитическим путем, при помощи вспомогательного глагола *пул-* «быть, становиться»: *Пĕрре Катуç киле тавӑннӑ. Килĕнче никам та пулман: амӑшĕ таçта* ***кайнӑ пулнӑ****.* – «Однажды Катя вернулась домой. Дома никого не было: ее мать куда-то **ушла**»[30].

В турецком языке данное значение передается формами *-mıştı / -mişti / -muştu / -müştü* и *-dıydı/ -diydi / -duydu / -düydü*. Вторая форма менее употребительна в речи. Она имеет дополнительное специфическое значение прошедшего «припоминательного» времени («был такой факт: такой-то делал то-то»)[31].

Рассмотрим примеры с этими формами в обоих языках:

Кĕҫех утă ҫулма тухмалла, ҫавăнпа анне мана ҫава туптама ***хушнăччĕ*** (Артемьев). – «Скоро сенокос, поэтому мать **велела** мне отбить косу»;

Казанбаев Улькка на пуҫ тӳпинчен пуҫласа уринчи кĕлесĕр ҫăмăл пушмакĕ таранах куҫĕпе тĕпчеме ***ĕлкĕрнĕччĕ*** (Вутлан). – «Казанбаев **успел** изучить взглядом Ольгу всю – с головы до туфель без каблуков на ногах»;

Ҫуркуннеччен пураса лартас ***тесеттĕм*** (Гордеев). – «До весны я **хотел** поставить сруб».

Виктор Николайч ҫак пăшала хуҫине тавăрса пама хушрĕ. Ҫавăнпа ***ыйтсаттăм*** (Кипек). – «Виктор Николаевич велел вернуть это ружье хозяину. Потому я и **спросил**»;

Ара, сурăхсем ҫинĕ чухне курăкпа пĕрле ылтăн пĕрчисем тăпăлтарса ***кăларнă пулнă****. Калифорнире те сурăхсемех ылтăн тупма пулăшнă, теҫҫĕ.* (Емельянов). – «Да уж, овцы когда щипали траву, вместе с ней **вырывали** золотой песок. Говорят, что и в Калифорнии овцы помогли найти золото»;

– Ăхă, шеремет... Ав мĕн шыраса ***килнĕ пулнă*** *иккен кунта? – тавҫăрчĕ Ванюк* (Мранькка). – «– Ага, горемычный… Вот за чем, оказывается, он сюда **явился**? – догадался Ваня»;

Fakat birden bire kağıtlar ve sakallarım görünmez oldu. Odam ansızın ***kararı vermişti*** (Ali). – «Но вдруг и листов бумаги, и моей бороды не стало видно. В комнате внезапно **потемнело**»;

Öğle güneşinden sonra gözlerim hala dükkanın karalığına alışmaya çalışıyordu; ama yüreğim, nedense, sahile vurmak üzere olan koskocaman bir dalga gibi ağzımın içinde ***kabarmıştı*** (Pamuk). – «После полуденного солнца мои глаза всё еще привыкали к темноте лавки; а моё сердце почему-то **встрепенулось**, подобно волне, которая вот-вот ударит о берег»;

Ülisde, on yıl denizlerde ***kaybolduydu*** (Karaosmanoğlu). – «И Одиссей тоже десять лет **пропадал** в морях»;

Umudumu yitirmekliğime bir şey ***kalmadıydı*** *ki, bir gün Halep çarşısında, bir derb eder Hindiye dervişine çattım* (Tahir). – «Когда я уже почти потерял надежду (досл. «когда **не осталось** ничего, как потерять надежду»), на рынке Халеп столкнулся с одним бродягой – индийским дервишем».

Собственно, основным значением плюсквамперфекта является действие, которое произошло в относительно далеком прошлом, либо предшествуя при этом другому действию в прошлом, указание на которое присутствует в высказывании или наличие которого осознается из контекста, либо вне связи с другими действиями ощущаемое говорящим как некое действие, неясно представляемое в прошлом (индирективность).

В семантике форм, образованных от причастия прошедшего времени, помимо основного значения давнопрошедшего времени, часто присутствует значение перфекта:

Çирĕм пилĕк çулсене ***çитнĕ ччĕ*** *пуль вăл* (Илпек). – «Ему было лет двадцать пять»;

Юр ларма ***ĕлкĕреймен ччĕ-ха****, çырмасем вара шăнса* ***пăрланнăч-чĕ*** *ĕнтĕ* (Афанасьев). – «Снег ещё **не лёг**, а реки уже **покрылись** льдом»;

Köpeğin kulağı ***düşmüştü*** *ok* ***yorulmuştu*** (Nesin). – «Уши у собаки **обвисли**. Она **была** очень **усталой**»;

Bana gelince, ben bambaşka bir çocuktum. Çok küçük yaşta kaybettiğim annemden aklımda pek fazla bir şey ***kalmamıştı*** (Güntekin). – «Что касается меня, то я была совершенно другим ребенком. У меня **не осталось** почти никаких воспоминаний о маме, которую я потеряла в младенчестве».

Плюсквамперфект, относясь к группе форм вторичной ориентации (ориентированность на момент в прошлом), составляет оппозицию прошедшему субъективному времени по признаку давности совершения действия и его предшествования другому действию.

4. Длительное в прошедшем (определенный имперфект)

Образование форм с данным значением происходит аналогично образованию других форм, относящихся к группе времен вторичной ориентации – посредством присоединения аффикса прошедшего категорического времени. В турецком языке одной из форм со значением длительного действия в прошедшем является форма с показателем *-yordu*, представляющая собой сочетание аффиксов настоящего и прошедшего категорического времени. В чувашском языке аналогичным способом образуется форма на *-аттăр/-еттĕр*. Образованная сочетанием аффиксов настоящего и прошедшего категорического времен, она представляет собой некий сплав с точки зрения взаимодействия с другими словоизменительными категориями глагола. Так, в отрицательном аспекте эта форма сочетается с аффиксами *-мас/-мес*, что характерно для формы настоящего времени. Что же касается аффиксов лица, то здесь наблюдается сочетаемость с аффиксами второй группы: *-м*, *-мăр/-мĕр*; *-н*, *-р*; *-ç*. Чаще всего ее значением является постоянное действие в прошлом (значение неопределенного имперфекта). Его мы будем рассматривать в соответствующем параграфе далее. Однако и значение длительного (непостоянного) действия в прошлом также может передаваться при помощи формы на *-аттăр/-еттĕр*:

Эпĕ тĕлĕкре каллех Тамарăна курсаттăм, çавăнпа ***вăранас килместчĕ*** (Артемьев). – «Во сне я снова видел Тамару, поэтому мне **не хотелось просыпаться**»;

Малтан ура пакăлчак таран кăна ***путатчĕ****. Ĕне патне çитнĕ çĕре чĕркуççи курăнмиех анса кайма тытăнчĕ* (Гордеев). – «Сначала ноги **вязли** (в трясине) только по щиколотку. К корове приближался, проваливаясь по колено»;

Акă тата, ăна анчах ***кĕтсе лараттăмăр-ха*** (Емельянов). – «Вот тебе раз, только его **сидим ждём**».

При реализации данной формой рассматриваемого значения практически всегда присутствует дополнительное контекстное значение другого последующего действия, с наступлением которого обозначаемое действие прекращается. На это, в частности, указывают Н.И. Ашмарин[32] и И.П. Павлов[33].

Кроме этого, значение длительного действия в прошедшем заложено в семантику формы прошедшего категорического времени на *-ӑ/-ӗ*, *-мӑ/-мӗ* и *-чӗ*. Примеры, где эта форма передает данное значение, были представлены в соответствующем параграфе. В связи с тем, что прошедшее категорическое время может передавать значение как непродолжительного, так и длительного действия, во втором случае для подчеркивания длительности используются дополнительные маркеры в виде лексических средств – слов со значением временной протяженности: *пӗр хушӑ* «какой-то промежуток времени», *пӗр эрне* «одна неделя» и др.

Представим несколько примеров из турецкого языка с указанной формой определенного имперфекта:

Yol işaretleri kar tuttuğu için ***okunmuyordu*** (Pamuk). – «Дорожные знаки, из-за того, что были залеплены снегом, **не различались**»;

Odanın kapısında bir gözü kör, başı beyaz paçavra ile sarılmış ihtiyar bir adam, saç bir mangalda kömür ***yakıyor****, bir ayağı kopuk hasır iskemleyi aynı zamanda duvara dayayıp dengesini bulduarak oturmaya* ***çalışıyordu*** (Adıvar). – «У двери комнаты в мангале из листа **жег** уголь одноглазый старик с белой повязкой на голове, не имея одной ноги, он пытался усидеть на плетеной скамейке, опираясь одновременно для равновесия на стену;

Sakallı yüzünü avuçları içine almış, ***düşünüyordu*** (Kemal). – «Бородатый, закрыв лицо ладонями, размышлял».

Еще одной формой, передающей значение длительности протекания действия в прошедшем, является форма на *-maktaydı/-mekteydi*, которая также образуется присоединением аффикса прошедшего категорического времени, но в данном случае он присоединяется к аффиксу настоящего длительного времени *-makta/-mekte*. Эта форма менее употребительна в речи, она характерна более всего для газетного, официально-делового или научного стилей:

Şehir uzaklarda bir çizgi, ışıktan bir çizgi gibi ***gözükmekteydi*** (Kemal). – «Город издалека **казался** полосой, полосой из света»;

Alt tarafını kalın bir taş çember kuşak gibi ***sarmaktaydı*** *ve bütün bina bu haliyle eski bir yağ kandilini andırıyordu* (Ali). – «Нижнюю часть (здания) **окружал**, как обруч, толстый каменный пояс, и все здание таким образом напоминало старую лампаду».

Ve sıska mandaların kalça kemikleri o kadar sivrilmişti ki, yer yer derilerini delmişti. Bu deliklerin üstünde sineklerin yüzlercesi kalkıp yüzlercesi ***konmaktaydı*** (Karaosmanoğlu). – «Бедренные кости тощих буйволов настолько заострились, что местами дырявили шкуру. Мухи сотнями облепили эти отверстия и кружились над ними».

Как показывают примеры, значением представленных выше форм является действие, протекавшее в определенный промежуток времени в прошлом. Данный промежуток времени контекстуально имеет начало и завершение, иными словами, действие ограничено некими временными рамками. Именно эта ограниченность во времени и не позволяет говорить о постоянном протекании действия или о его неоднократном проявлении. На наш взгляд, указанный семантический признак временной ограниченности действия является основным дифференциальным признаком, по которому формы с рассматриваемым значением противопоставлены формам со значением постоянного действия в прошлом. Конечно, и значение постоянного действия также подразумевает временные рамки, но в этом случае они гораздо шире и выражены менее явно. В турецком языке противопоставление по семантическим признакам ограниченности или неограниченности действия составляют формы на *-yordu*, *-maktaydı* / *-mekteydi* – *-ardı* / *-erdi*, а в чувашском языке – форма на *-ӑ* / *-ӗ*, *-ма* / *-ме*, *-чӗ* (при реализации значения длительности) и форма на *-аммӑ* / *-еммӗ* (при реализации значения постоянства).

5. Постоянное в прошедшем (неопределенный имперфект)

В чувашском языке, как было сказано ранее, это значение передается формой на *-аммӑ* / *-еммӗ* (в третьем лице *-атчӗ* / *-етчӗ*).

В турецком языке значение неопределенного имперфекта передается формой на *-ardı* / *-erdi*. Она представляет собой сочетание аффиксов настоящего-будущего времени *-ar* / *-er* (имеются и алломорфы *-ır* / *-ir* / *-ur* / *-ür* / *-r*) и прошедшего категорического времени. Здесь отрицательный статус образуется по правилам, диктуемым формой настоящего-будущего времени, при помощи аффикса *-maz* / *-mez*, а выбор аффиксов лица происходит в соответствии с условиями сочетаемости формы прошедшего категорического времени, которые заставляют в данном случае прибегнуть к помощи личных аффиксов второй группы: *-m*,*-n*,*-k*,*-nız* (*-niz* / *-nuz* / *-nüz*).

Кроме того, в чувашском языке существует еще одна форма, имеющая значение постоянного действия в прошлом. Это форма, образованная присоединением аффикса прошедшего времени *-ччӗ* к аффиксу причастия настоящего времени на *-акан* / *-екен*. Так как образовавшаяся в результате этого сочетания аффиксов форма всегда выполняет функцию сказуемого, возможно, имеет смысл включить ее в систему прошедших времен на полноправной основе.

Несколько примеров с формой неопределенного имперфекта из обоих языков:

Эпир ӗлӗкхи, кивӗ пасар таврашӗнче ***пурӑнаттӑмӑр*** (Ефимов). – «Мы **жили** около старого, прежнего базара».

Чӑн та, уроксене ***хатӗрленеттӗм*** *те тантӑшсем патне* ***чупаттӑм*** (Григорьев). – «Действительно, я **готовился** к урокам и бежал к своим сверстникам»;

Кăнтăрлахи кĕлле пуп яланах Николай патша ятне асăнса ***вĕçлекенччĕ*** (Мранькка). – «Обедню поп всегда **завершал** молитвой о здравии государя Николая II»;

Пирĕн пата лайăх çынсем кăна ***килекенччĕ*** (Илпек). – «К нам (всегда) приходили только хорошие люди»;

Bu özgürlükle ve uyku hapı ve viskiyle ağır ağır icra edeceği kendi intiharının hayallerine her dalışında Ka oradaki sınırsız yalnızlıktan öyle ***korkardı*** *ki, hiçbir zaman intiharı ciddi olarak* ***düşünmezdi*** *bile* (Pamuk). – «При каждом погружении в мысли о самоубийстве, которое при этой свободе медленно произойдет посредством снотворного или виски, Ка (имя героя. – *Э.Л.*) так **боялся** того безграничного одиночества, которое было там, что никогда **не думал** о самоубийстве серьезно».

Çünkü, evin içinde gezip dolaşırken ablam her yanını oraya buraya ***çarpar****, birkaç kere* ***düşerdi*** *durup dururken. Kolunu, ayağını, sanki bavul taşırmış gibi, masaya, sandalyeye* ***çarpardı*** (Nesin). – «Потому что, когда старшая сестра ходила по дому, она (всегда) **шаталась** из стороны в сторону, несколько раз **падала**, как только останавливалась. Она махала руками и откидывала ноги словно чемоданы, и ударялась ими то об стол, то об стулья».

В чувашском языке к форме неопределенного имперфекта часто присоединяется аффикс *-ччĕ*, который, по мнению И.П. Павлова, не меняет основного значения формы: *Эпĕ пĕр хулара, Атăл хĕрринчи хулара,* ***пурăнаттăмччĕ*** (Исаев). – «Я **жил** в одном городе, в городе на берегу Волги»[34].

Как уже говорилось, значение неопределенного имперфекта в отличие от определенного имперфекта не ограничено временными рамками, что позволяет говорить о совершении постоянного действия в прошлом. По семантике и способу образования эти формы относятся к группе форм вторичной ориентации.

6. Будущее в прошедшем и ближайшее будущее в прошедшем

Существует еще одна группа временных форм, относящаяся к плану прошедшего времени. Речь идет о формах со значением так называемого «будущего в прошедшем»[35]. В турецком языке они образуются путем присоединения аффиксов прошедшего категорического времени к аффиксам будущего категорического времени на *-acak*/*-ecek* и ближайшего будущего времени на *-mak*/*-mek üzere*, что также указывает на их принадлежность к группе временных форм вторичной ориентации:

Hastaların asıl muayenesi bundan sonra ***başlayacaktı*** (Nesin). – «Настоящий осмотр больных **должен был начаться** после этого»;

Kerimcan, bey evinde ilk nöbetini tutuyordu. Kendisini Mavro ***değiştirecekti*** (Tahir). – «Керимджан первый стоял на страже в доме господина. Его **должен был сменить** Мавро»;

Annem memnundu, geçim gailesini sahibine ***devredecekti****. Niyazi'yle kızkardeşlerim memnundular, benim tahakkümümden* ***kurtulacaklardı*** (Ke-

mal). – «Моя мать была рада, все заботы по жизнеобеспечению она **должна была переложить** на хозяина. Мои сестры с Ниязи тоже были рады, они **должны были освободиться** из-под моего гнета»;

Bir hastalık bahane ederek gitmemenin imkanını ***bulmak üzere idi*** (Ali). – «Он **вот-вот нашел бы** возможность не идти, сославшись на болезнь»;

Aliyenin derhal yukarı çağırılmamasından cesaret alan erler, ***küstahlaşmak üzere idiler*** (Adıvar). – «Так как Алию никто не позвал наверх, осмелевшие солдаты уже **вот-вот были готовы задираться**».

– Ben de gördüm. Hayvanlarını, yüklerini hep hazır etmişler. Biraz önce…çadırı ***kurulmak üzere idi****, sonra vazgeçip toplamağa başladılar* (Karaosmanoğlu). – «Я тоже видел. Они приготовили всех животных и все грузы. Вот **только** они **собирались поставить** (досл. «как только должен был быть поставлен») шатер … но затем, отказавшись, начали собираться».

В представленных примерах с формой ближайшего будущего времени в прошедшем имеется раздельное написание *-mak*/*-mek üzere* и аффикса прошедшего времени недостаточного глагола *-i*[36]. Однако в наше время чаще встречается слитное написание этой формы: *-mak*/*-mek üzereydi*.

В чувашском языке значение действия, которое могло произойти после определенного момента в прошлом (или непосредственно за ним), присутствует в ряду значений, передаваемых уже рассмотренной нами выше формой с показателем *-аттӑ*/*-еттӗ*:

Кӗҫех ***ӳкссе юлаттӑмччӗ****, аран çилхинчен ярса тытрӑм, ӳкмерӗм* (Уйӑп). – «Я **чуть было не упал**, с трудом ухватился за гриву, удержался»[37];

Эп унта чут çеç акушер ***пулаттӑм****...* (Агаков). – «Я там **чуть было** акушером **не стал**».

Семантика будущего времени в прошедшем здесь, в отличие от турецкого языка, реализуется только в контексте действия, которое не произошло по причине того, что было прервано другим действием. Подобный контекст может существовать и в турецком языке, но лишь в отдельных случаях[38].

По результатам проведенного нами сопоставительного исследования значений форм прошедшего времени в чувашском и турецком языках можно сделать несколько важных выводов.

Прежде всего отметим тот факт, что системы форм прошедших времен в обоих исследуемых языках представляют собой сложные образования с особой структурой взаимотношений. Как в чувашском, так и в турецком языках формы прошедшего времени входят в две группы временной ориентации, одна из которых включает формы со значениями, ориентированными на настоящий момент, другая содержит формы со значениями, ориентированными на прошлый период. Кроме этого, формы каждой из этих групп состоят в определенных оппозитивных отношениях с другими формами как внутри своей группы, так и вне ее.

Отталкиваясь от семантического содержания форм со значением прошедшего времени в чувашском и турецком языках, можно выделить шесть групп значений, передаваемых этими формами. К ним относятся значения прошедшего категорического времени, прошедшего субъективного времени, давнопрошедшего времени, длительного в прошедшем, постоянного в прошедшем, будущего (ближайшего будущего) в прошедшем.

Как правило, перечисленные выше значения передаются более, чем одной формой в обоих языках. Например, значения плюсквамперфекта в чувашском языке выражаются формами с показателями *-нăччĕ/-нĕччĕ* и *-саттă/-сеттĕ* (*-сатчĕ/-сетчĕ*), а в турецком языке при помощи аффиксов – *mıştı/-mişti/-muştu/-müştü* и *-dıydı/-diydi/-duydu/-düydü*.

Прошедшее категорическое время, несмотря на то, что чаще передает непродолжительное действие в прошлом, может иметь и семантику длительного действия. Это характерно и для турецкого, и для чувашского языков. В подобных случаях обычно присутствуют дополнительные лексические указатели на продолжительность действия.

Отсутствует полное соответствие всех значений и форм прошедшего времени в чувашском и турецком языках. К примеру, в чувашском языке отсутствует специальная временная форма со значением прошедшего субъективного времени. Это значение выражается при помощи так называемого причастия прошедшего времени с показателем *-нă/-нĕ*, выступающего в функции предикатива. Указанием на то, что эта форма не может считаться «полноценной» временной формой, является отсутствие у нее личных аффиксов. Для передачи длительного действия в прошедшем в чувашском языке прибегают к помощи формы прошедшего категорического времени с показателями *-рă/-рĕ*, *-тă/-тĕ*, *-чĕ*, формы с показателем *-нă/-нĕ*, либо к помощи формы на *-аттă/-еттĕ* при контекстуальном условии, что действие в последующем было неожиданно прервано другим действием. Контекстуально обусловлено и использование этой формы в значении будущего времени в прошедшем. В этом случае действие не было совершено именно по причине его прерывания другим действием.

Литература и примечания

[1] Татарская грамматика. Т. 2. Морфология / М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина [и др.]. Казань, 1997. С. 100.

[2] Там же. С. 102–126.

[3] Грамматика современного якутского литературного языка / Е.И. Коркина, Е.И. Убрятова, Л.Н. Харитонов [и др.]. М., 1982. С. 305–320.

[4] *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923. С. 171–236.

[5] *Егоров В.Г.* Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Чебоксары, 1957. С.187–202.

[6] *Андреев Н.А.* Чăваш чĕлхи стилистики. 2-мĕш пайĕ. Морфологи. Шупашкар, 1964. С. 95–99.

[7] *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи. Шупашкар, 1965. С. 236.

[8] Там же. С. 236–249.

[9] *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3. Чебоксары, 1986. С. 81–116.

[10] Там же. С. 109.

[11] *Сергеев В.И.* Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары, 2002. С. 251–258.

[12] *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб., 2011. С. 318.

[13] *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 230–234.

[14] Там же. С. 237–243.

[15] *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Грамматические категории глагола. Л., 1977. С. 50–51.

[16] Там же. С. 52–63.

[17] *Андреев И.А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961. С. 103.

[18] *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 318–338.

[19] *Егоров В.Г.* Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч.1. С. 192.

[20] *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. С. 63.

[21] *Лебедев Э.Е.* Функционально-семантические особенности причастия на *-най/-нĕ* в чувашском языке // Чувашский гуманитарный вестник. № 8. Чебоксары, 2013. С. 112–113.

[22] *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 327.

[23] *Сергеев В.И.* Морфологические категориальные и некатегориальные формы ... С. 255.

[24] *Егоров В.Г.* Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. С. 196; *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. С. 53.

[25] *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974. С. 206.

[26] *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 335.

[27] *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. С. 213.

[28] *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. С. 213.

[29] *Егоров В.Г.* Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. С. 198–199.

[30] *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. С. 234.

[31] *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. С. 65.

[32] *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. С. 207–208.

[33] *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи. С. 247.

[34] Там же. С. 246.

[35] *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 241.

[36] Там же. С. 242.

[37] *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи. Шупашкар, 1965. С. 246.

[38] *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 241–242.

E.Ye. Lebedev

THE FORMS OF PAST TENSE IN CHUVASH AND TURKISH LANGUAGES

The article reviews the grammatical forms of past tense of verb in Chuvash and Turkish languages in terms of comparison. The author suggests to scrutinize such forms foreshorten the system of temporary orientation for present and past. Six groups of meanings, imparted by these forms, have been in all separated: the meaning of the past categorical tense, the past subjective, pluperfect, continuous in the past, permanent in the past, future (near future) in the past.

Keywords: tense category of verb, past categorical tense, pluperfect, future in the past.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© Э.Е. Лебедев

СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлена попытка по-новому взглянуть на проблему состава грамматических категорий глагола в чувашском языке. В качестве методической базы исследования автор предлагает использовать функционально-семантический метод, успешно применяемый в настоящее время исследователями различных языков тюркской группы. В результате проведенного исследования автором наряду с традиционно упоминаемыми категориями выделены такие словоизменительные категории глагола в чувашском языке, как залог, аспектуальность, номинализация действия.

Ключевые слова: категория глагола, время, наклонение, залог, аспектуальность, номинализация действия.

Состав грамматических категорий глагола в различных тюркских языках в настоящее время изучен достаточно подробно[1]. Исследователями выделяются как относительно универсальные категории, присущие также языкам других генеалогических семей, обладающих другой грамматической структурой (залог, наклонение, время), так и более специфические категории, характерные для языков именно тюркской семьи (статус, или аспект). В большинстве своем описание этих категорий осуществлено по шаблону грамматик индоевропейских языков, пусть и с добавлением некоторых оригинальных характеристик, относящихся к тому или иному тюркскому языку. Что касается критериев выделения грамматических категорий глагола, то, как правило, в тюркских грамматиках используются те общие критерии, которые также были разработаны в первую очередь на материале европейских языков. К ним относятся, например, тотальность распространения категории на все лексемы языка, наличие не менее двух, противопоставленных друг другу членов категории и др.[2]

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

Если исходить из традиционного подхода к составу глагольных словоизменительных категорий в тюркских языках, то можно выделить следующие категории: залог, статус (более известно наименование *категория аспекта*), наклонение, время и лицо.

Однако методика функционально-семантического анализа фактов языковой действительности в тюркском языкознании, набирающая в последние десятилетия популярность, позволяет несколько иначе взглянуть на некоторые постулаты в отношении грамматических категорий глагола и критически оценить существующие положения. В частности, критерий тотальности грамматических категорий при функционально-семантическом подходе к фактам тюркских языков не может считаться в качестве обязательного[3]. Грамматические формы, относящиеся к такой, например, категории, как залог, в силу их функционально-семантических особенностей всегда обусловлены значением той глагольной лексемы, с которой они сочетаются. Следовательно, здесь говорить о тотальности категории не приходится. К слову сказать, при обращении к материалу тюркских языков не выдерживает критики и положение о том, что количество членов грамматической категории должно быть не менее двух. И хотя здесь прежде всего речь идет не о глагольной, а именной категории числа, которая состоит из одной формы (в чувашском языке это форма на *-сем*), считаем вполне уместным привести в нашей статье этот пример как отражение несоответствия фактов индоевропейских языков фактам языков другой типологической структуры – тюркских языков. Отсутствие здесь какого-либо аффикса не доказывает наличие «функционального нуля», а, скорее, говорит о том, что лексема, не отмеченная аффиксом множественности, полностью индифферентна к выражению числа[4]. Так, в чувашском языке в предложении *Чӳречерен йывӑҫ куратӑп*. – «В окне вижу дерево (деревья)» слово *йывӑҫ* в определенных контекстах может быть как в единственном, так и во множественном числе. Поэтому при описании той или иной грамматической категории в тюркских языках необходимо внимательнее отнестись к существующим критериям выделения грамматических категорий.

С учетом вышесказанного попробуем определить состав грамматических словоизменительных категорий в тюркских языках и рассмотреть их подробнее на материале чувашского языка. Для начала разберем категории, которые традиционно описываются в грамматиках тюркских языков, категории, многие из которых присутствуют и в языках другой типологической структуры.

Категория залога. Эта категория обычно выделяется в качестве глагольной в большинстве тюркских грамматик[5]. Стоит отметить, что категория залога представляет собой как бы пограничную категорию, так как находится на границе словообразования и словоизменения. В этой связи часть исследователей (к ним относится большинство чувашских лингвистов) признает за ней словообразовательный статус. В качестве доказательства приводится тот факт, что аффиксы залога не могут сочетаться со всеми лек-

семами языка, то есть являются лексически обусловленными. О правомерности такого подхода поговорим далее в соответствующем разделе.

Другим поводом для невключения залоговых аффиксов в отдельную словоизменительную категорию является то, что часть залоговых показателей в сочетании с определенными глаголами действительно уже потеряла свое основное грамматическое значение и функционирует в качестве словообразовательных аффиксов. Если говорить точнее, то они полностью слились с первичной основой глагола и не осознаются носителями языка как отдельные формы – в данном случае произошло рождение нового слова. Можно привести много примеров подобных глагольных лексем в различных тюркских языках. Например, в таких глаголах турецкого языка, как *gelişmek* «развиваться», *çalışmak* «работать», *dinlenmek* «отдыхать», *düşünmek* «думать», соответствующие залоговые значения аффиксов *-iş*, *-ış*, *-n*, *-ün* сейчас абсолютно не наблюдаются, и их связь с такими глаголами, как *gelmek* «приходить», *çalmak* «стучать», *dinlemek* «слушать», *düşmek* «падать», может быть выявлена только специалистами путем этимологического анализа. Справедливости ради отметим, что на фоне других лексем, передающих в сочетании с упомянутыми аффиксами залоговые значения, подобные случаи словообразования все же немногочисленны. И считать залоговые показатели словообразовательными, ссылаясь на эти случаи, означает смешивать диахронию с синхронией, так как на современном этапе развития языка говорить о наличии какой-либо залоговой семантики не приходится.

Традиционно в описаниях данной категории авторами выделяется в качестве отдельного залога *основной*, или *действительный*, *залог*[6]. Считаем, что в данном случае играет роль влияние грамматик индоевропейских языков, где на основании языковых фактов можно говорить о существовании нулевой формы *действительного залога*, противопоставленной *страдательному залогу*. В тюркских же языках структурные отношения между залоговыми формами гораздо сложнее, и если лексема не отмечена особым аффиксом, то она с функционально-семантической точки зрения находится как бы вне залоговых отношений и не входит в парадигму соответствующих форм.

Количество значений залогов, имеющихся в тюркских языках, превосходит количество таковых в индоевропейских языках. Помимо страдательного залога, в эту категорию входят понудительный, возвратный и взаимно-совместный залоги, значения которых передаются несколькими формальными показателями, выбор которых в каждом конкретном случае зависит прежде всего от ряда гласных фонем в корне слова, что характерно для языков этой семьи. Имеются случаи сочетания нескольких аффиксов со значением залога, а также «мнимо залоговых форм»[7]. Об этом подробно будет сказано в соответствующем параграфе далее.

Категория статуса (аспекта). Как правило, в состав этой словоизменительной категории включают четыре формы – утверждения, отрица-

ния, возможности и невозможности. При этом в разных тюркских языках форманты, составляющие данную категорию, несколько различаются[8]. В отношении наличия в упомянутых языках утвердительного статуса глагола с точки зрения функционально-семантического анализа имеются некоторые сомнения. Как пишет В.Г. Гузев, «такая единица языковой семантики (утвердительный статус. – *Э.Л.*) в тюркских языках, скорее всего, отсутствует, как отсутствует и языковая потребность в ней»[9]. Что касается остальных формальных показателей этой категории, то, если формы отрицательного статуса относительно однообразны в большинстве тюркских языков, формы возможности и невозможности могут образовываться различными способами – при помощи как синтетических (например, *-(y)ama*/*-(y)eme* и *-(y)abil*/*-(y)ebil* в турецком языке), так и аналитических форм (например, *-а*/*-й алу*, *-а*/*-й алмау* в татарском языке).

Категория наклонения. В большинстве грамматик по тюркским языкам глагольные категории наклонения и времени объединяются (наряду с лицом и числом) в единую, более общую категорию, которую условно можно назвать «категорией сказуемости»[10]. При этом принято считать, что система глагольных времен составляет изъявительное наклонение глагола (или индикатив), которое не имеет своего отдельного формального показателя. Отсюда вытекает, что все показатели времени глагола, наряду со своим основным значением, передают также значение изъявительного наклонения, которое сигнализирует о «полном соответствии содержания высказывания объективной реальности»[11]. Таким образом, подобный взгляд на соотношение категорий времени и наклонения приводит нас к выводу, что все наклонения функционально делятся на две большие группы. Одну из них посредством временных форм глагола составляет изъявительное наклонение, а другую – все остальные, так называемые *косвенные наклонения*, которые в отличие от индикатива имеют формальные показатели, основным значением которых является то или иное модальное значение: повеление, условие, желание, долженствование и т.д.

Состав этой категории в целом совпадает по языкам с незначительными изменениями. К ним относятся такие наклонения, как повелительное, желательное, сослагательное, условное, долженствовательное и т.д.[12] Отметим также, что группу косвенных наклонений по функциональному признаку можно разделить на те, которые имеют способность принимать аффиксы времен (прежде всего прошедшего времени), и те, которые неспособны сочетаться с ними. Например, в турецком языке условное и долженствовательное наклонения способны принимать аффиксы форм прошедшего времени (*gelmeli**ydi*** «он должен был прийти», *gelse**ydi*** «если бы он пришел»), а повелительное наклонение – нет. В функционально-семантическом плане существуют также ограничения в отношении вопросительной формы некоторых наклонений.

Категория времени. Система глагольных времен в тюркских языках представляет собой, как правило, образование с большим количеством ком-

понентов. Так, исследователями турецкого языка выделяется около 20 форм времени, каждая из которых отличается от другой не только семантикой времени, но и другими различными дополнительными значениями – аспектуальными, модальными, таксисными. То же самое можем сказать о таких языках, как татарский, узбекский, азербайджанский и др. Напрашивается вывод, что многокомпонентность системы глагольных времен в тюркских языках является важной особенностью внутренней структуры их грамматических систем.

Естественно предположить, что между отдельными временными формами существуют некие взаимоотношения, которые выстраиваются в особую систему. Эти взаимоотношения вытекают из определенных функционально-семантических характеристик каждой формы. Основным принципом разделения временных форм в большинстве грамматик тюркских языков является их распределение по трем классам в зависимости от отношения их значения к моменту речи: прошедшее, настоящее и будущее время[13]. При этом в класс прошедшего времени попадает наибольшее количество форм в связи с тем, что здесь будут представлены не только формы, образованные при помощи одного аффикса (в турецком языке – *-dı* «прошедшее категорическое время», *-mış* «прошедшее субъективное время»), но и составные формы, образованные путем сочетания двух аффиксов (в турецком языке – *-yordu* «определенный имперфект», *-mıştı* «плюсквамперфект»). Соотношения между формами, входящими в один класс, будут строиться на основе дополнительных семантических факторов, например постоянства и актуальности совершения действия (в турецком языке – между формой на *-yor* «настоящее актуальное время» и формой на *-ar*/*-er* «настоящее-будущее время»), кратковременности и длительности совершения действия (в турецком языке – между формой на *-dı* «прошедшее категорическое время» и формой на *-yordu* «определенный имперфект»), предшествования действия (в турецком языке – между формой на *-dı* «прошедшее категорическое время» и формой на *-mıştı* «плюсквамперфект») и т.д.

Существует и другая точка зрения на классификацию глагольных времен внутри данной категории. Согласно ей, все временные формы распределяются по группам в соответствии с наличием в их семантике ориентации на тот или иной момент во времени: на прошлый момент, на настоящий момент и на будущий момент[14]. Представляется, что подобный подход к вопросу о структурных отношениях внутри системы глагольных времен, основанный на функционально-семантическом анализе, точнее отражает факты внеязыковой реальности.

Категория лица. Данная категория заключает в себе формы, которые наряду с семантикой лица, совершающего действие, содержат также семантику числа. В большинстве тюркских языков аффиксы лица делятся на две группы по принципу их сочетаемости с аффиксами времен и наклонений. К одной группе относятся личные аффиксы, сочетаемые с формами

настоящего и будущего времени, к другой – сочетаемые с формами прошедшего времени.

Далее рассмотрим словоизменительные категории глагола, которые в традиционной тюркологии не выделяются в качестве отдельных категорий.

Категория номинализации действия. Исходя из названия этой категории, которое использует в своих трудах В.Г. Гузев[15], можно сделать вывод, что в нее входят такие глагольные формы, основным категориальным значением которых является представление действия в качестве предмета (имена действия) или признака (причастия, деепричастия). Собственно эти формы обычно представлены в грамматиках тюркских языков. Но они даются без их объединения под категориальным значением «номинализации», и чаще всего не определяется их отношение к другим словоизменительным формам и категориям глагола[16]. Между тем мы придерживаемся той точки зрения, в соответствии с которой упомянутые формы являются словоизменительными глагольными формами, объединяемыми в одну категорию.

При анализе состава этой категории с функционально-семантической точки зрения, на наш взгляд, можно выделить две главные проблемы, которые возникают перед исследователем. Во-первых, это функционирование в языке так называемых причастных форм. Дело в том, что очень часто под термином «причастие» предполагаются формы, которые в соответствии с их функционально-семантическими особенностями обладают гораздо большим потенциалом, нежели причастие в традиционном понимании этого термина. Причастиями фактически является только часть этих форм. Во-вторых, в тюркологической литературе достаточно размыто понимание семантического содержания деепричастных форм, в связи с чем состав этой подкатегории до сих пор полностью не установлен в различных тюркских языках. Авторы часто предлагают свои трактовки того, какие формы считать деепричастными, а какие – нет.

Категория аспектуальности. Категория, которой отказано в праве на существование в большинстве грамматик по тюркским языкам. Для отказа в выделении в тюркских языках отдельной словоизменительной категории аспектуальности, как нам представляется, имеются две основные причины. Во-первых, это нетотальность распространения форм с аспектуальными значениями, то есть их неспособность сочетаться со всеми глагольными лексемами языка. Во-вторых, неоднородность способов образования этих форм. Они могут образоваться как синтетическим путем, так и аналитическим – при помощи так называемых вспомогательных глаголов.

В отношении критерия тотальности распространения форм на все лексемы соответствующей части речи выше было сказано, что для языков агглютинативного типа, к каким относятся тюркские языки, он не может быть признан в качестве необходимого. В особенности для такой категории, как аспектуальность, семантика которой тесно связана с основным вещественным значением глагольной лексемы и зависит от него.

В соответствии с функционально-семантическим подходом к изучению фактов языка, представляется, что во главу угла необходимо ставить функциональное и семантическое содержание форм, а способ их образования – вторичен. Соответственно, одну и ту же словоизменительную категорию могут составлять и синтетические, и аналитические формы, что характерно именно для категории аспектуальности. Так, в турецком языке наряду с формами на *-(y)adur-*, *-(y)ıver-*, *-(y)ayaz*, существуют формы на *-ar ol-*, *-dı git-* и др. Несмотря на синтетичность первых (хотя в диахроническом плане и они произошли от аналитических форм) и аналитичность вторых, они передают однородные акционсартовые значения и должны быть включены в одну категорию глагола.

Кроме этого, в случае с аспектуальными формами очевидным, на наш взгляд, является словоизменительный характер технического преобразования слов, так как в результате не возникает новой лексической единицы с принципиально отличным от исходной лексемы семантическим содержанием. То есть здесь налицо механизм словоизменения, а не словообразования. Потому считаем неправильным включать данные словоформы в словари, так как, во-первых, не имеется никакой возможности описать все их многообразие в словарных статьях, во-вторых, все-таки эти образования являются предметом изучения морфологии, а не лексикологии.

Из-за того, что до настоящего времени категория аспектуальности в грамматиках тюркских языков не была определена как отдельная словоизменительная категория глагола, эти формы, которые весьма многочисленны во многих тюркских языках, всегда находились на периферии исследования и не подвергались (за редкими исключениями) подробному функционально-семантическому анализу в качестве полноценных категориальных форм.

Перейдем к рассмотрению словоизменительных категорий глагола в чувашском языке с учетом тех положений, которые были определены нами выше.

Порядок описания глагольных категорий в чувашском языке должен строиться в соответствии с порядком присоединения аффиксов к основе глагола. В таком случае первой в этом ряду должна быть категория залога, которая из всех категорий наиболее близко по своему функционально-семантическому содержанию стоит к аффиксам словообразования.

1. Категория залога

Указанная близость залоговых форм к словообразовательным аффиксам послужила причиной того, что в чувашских грамматиках залоги никогда не включались авторами в словоизменительные парадигмы и обычно описывались отдельно в качестве словообразовательных аффиксов. Тем не менее сам термин «залог» встречается в работах исследователей чувашского языка. Так, Н.И. Ашмарин пишет о следующих формах залога: действительный, средний, понудительный, возвратный, взаимный, страдательный[17]. У М.Р. Федотова речь идет о действительном, страдательном, воз-

вратном, взаимно-совместном и понудительном залогах[18], а В.Г. Егоров выделяет такие залоги, как возвратный, страдательный, вторая группа возвратно-средних глаголов, взаимный, понудительный[19]. В.И. Сергеев делает вывод об отсутствии морфологической словоизменительной категории в чувашском языке. При этом он делит аффиксы залога на две группы. Аффиксы возвратного и взаимного залогов, по его мнению, не могут считаться словоизменительными по причине отсутствия тотальности их распространения, а аффиксы понудительного залога, ввиду их большей сочетаемости с основами глагола, он признает частично словоизменительными (за исключением тех случаев, когда произошла лексикализация)[20]. То есть за критерий признания словоизменительной природы залоговых форм у В.И. Сергеева взят признак тотальности. На наш взгляд, этот признак не должен быть определяющим при выделении словоизменительной категории. В соответствии с функционально-семантическим подходом к фактам языка, в случае с залогами можно констатировать, что чаще всего они не образуют нового вещественного значения слова, получившегося в результате механизма преобразования исходной основы, привнося в нее лишь дополнительные значения, что должно трактоваться как словоизменительная операция.

1.1. Возвратно-страдательный залог

Эта форма образуется присоединением к основе глагола алломорфов *-ăн*/*-ĕн*, *-ăл*/*-ĕл*, *-н*. Можно говорить о следующих значениях возвратно-страдательного залога:

1) значение действия, направленного на субъект (возвратное значение): *çăвă**н***- «умываться», *асăрха**н***- «остерегаться», *мухта**н***- «хвастаться», *сыхла**н***- «беречься», *тăхă**н***- «одеваться», *пухă**н***- «собираться» и др.

2) собственно страдательное значение: *вула**н***- «быть прочитанным», *илтĕ**н***- «слышаться», *кура**н***- «быть увиденным, виднеться», *çыра**н***- «быть написанным», *хаçат çыра**н*** « подписаться на газету»; *каса**л***- «резаться», *пăса**л***- «портиться» и др. В зависимости от контекста некоторые формы могут передавать и страдательное, и возвратное значение.

1.2. Взаимно-совместный залог

Два семантически однородных значения, передаваемые этой формой, – значение взаимности и значение совместности – указывают на то, что действие производится более чем одним лицом. В качестве формальных показателей этого залога выступают следующие алломорфы: *-ăш*/*-ĕш*, *-ăç*/*-ĕç*, *-аш*/*-еш*, *-ш*.

1) значение взаимности совершения действия. Это значение передают такие глагольные основы, как *вăрçăш-* «ссориться», *кураш-* «видеться», *паллаш-* «знакомиться», *саламлаш-* «приветствовать друг друга», *чуп тăваш-* «целоваться», *çапăç-* «драться», *калаç-* «беседовать» и др.

2) значение совместности совершения действия: *вулаш-* «читать вместе», *кăшкăраш-* «кричать вместе», *пуплеш-* «разговаривать», *шӳтлеш-* «перешучиваться» и др.

1.3. Понудительный залог

Форма понудительного залога в чувашском языке образуется при помощи следующих алломорфов: *-т*, *-ар*/*-ер*, *-тар*/*-тер*. Значением этой формы является побуждение субъекта действия к совершению данного действия со стороны другого лица. Приведем примеры глагольных основ с аффиксами понудительного залога: *васка**т-*** «торопить», *выля**т-*** «двигать, шевелить», *кӗр**т-*** «впускать», *ла**рт-*** «усаживать», *ка**çар-*** «переправлять», *пӗ**çер-*** «варить», *пус**ар-*** «давить», *çи**тер-*** «доводить», *çи**тер-*** «кормить», *ӗҫ**тер-*** «поить», в*ула**ттар-*** «заставлять читать», *ӗҫле**ттер-*** «заставлять работать», *кӗ**ттер-*** «заставлять ждать», *тул**тар-*** «наполнять», *ярӑ**нтар-*** «катать» и др.

Основы глагола могут принимать и второй аффикс понудительного залога, который образует глагол с еще более расширенными объектными связями: *ла**рттар-*** (от *ла**рт-*** «усаживать»), *вӗре**нттер-*** (от *вӗре**нт-*** «учить»), *тӑхӑ**нтарттар-*** (от *тӑхӑ**нтар-*** «одевать») и др.

Аффиксы понудительного залога могут образовывать производные основы не только от аффиксов того же залога, но и, например, от аффиксов возвратно-страдательного залога: *пӑх**ӑнтар-*** «покорять» от *пӑх**ӑн-*** «покоряться».

Отличительной чертой тюркских языков (и чувашский язык здесь не исключение) является то, что залоговые аффиксы имеют способность образовывать новые слова. Этот факт приводится исследователями, чтобы подтвердить словообразовательную природу категории залога. Однако семантика залога в таких случаях уже не прослеживается, то есть в синхронии эти аффиксы нельзя считать залоговыми: *тыт**ӑн-*** «приступать», *çит**ӗн-*** «расти», *пул**ӑш-*** «помогать», *кӗ**реш-*** «бороться», *тӑр**ӑш-*** «стараться», *пул**тар-*** «мочь, быть в состоянии» и др.

Наконец, нельзя не упомянуть здесь о формах от непроизводной основы с семантикой залога, которые, по меткому определению С.Н. Иванова, справедливо называть «мнимо залоговыми» формами[21]. К глаголам с мнимо залоговыми формами относятся: *пӑтра**н-*** «мутиться» – *пӑтра**т-*** «мутить», *сала**н-*** «рассеиваться» – *сала**т-*** «рассеивать», *ва**н-*** «дробиться» – *ва**т-*** «дробить», *вӑра**н-*** «просыпаться» – *вӑра**т-*** «будить» и др.

2. Категория статуса

В эту категорию входят формы отрицания, возможности и невозможности. В чувашском языке наиболее представленной с точки зрения формальных показателей является форма отрицания, которая включает следующие алломорфы: *-ма*/*-ме*, *-м*, *-мас*/*-мес* и частицы *ан* и *мар*. Выбор представленных вариантов отрицательной формы обусловлен семантически и зависит от формы времени или наклонения, с которой они сочетаются.

Значение возможности передает аффикс *-ай*/*-ей*, который свободно сочетается со всеми временными формами: *пулӑш**айрӗ*** «смог помочь», *пулӑш**ая**ть*** «может помогать», *пулӑш**айӗ*** «сможет помочь».

Значение невозможности не имеет специального аффикса и передается сочетанием аффиксов возможности и отрицания: *-ай/-ей* + *-ма/-ме* (*-мас/-мес*, *-м*): *пыр**айма**рăм* «я не смог прийти».

3. Категория аспектуальности

Данная категория объединяет формы, которые передают значения способа действия, или *акционсартовые* значения. К ним мы относим аффиксы *-ала/-еле*, *-кала/-келе* и аналитические формы, образованные при помощи вспомогательных глаголов-модификаторов в сочетании с деепричастными аффиксами *-а/-е* и *-са/-се*. Эти сочетания представляют собой особые форманты, обе части которых фактически потеряли полностью или частично свое основное значение, то есть *десемантизировались*. Вместе они составляют единство, созданное для выражения упомянутых значений[22]. Именно в связанности и взаимозависимости компонентов этих форм заключается их грамматичность, что доказывает необходимость их изучения в разделе морфологии. Однако не все сочетания деепричастия на *-са/-се* и другого глагола следует причислять к аналитическим формам. В тех случаях, когда наблюдается сочетание двух самостоятельных в семантическом отношении глаголов по типу: *кайса кил-* «сходи», *кĕрсе тух-* «зайди», мы говорим о синтаксической конструкции. Собственно внешнее совпадение синтаксических конструкций и аналитических форм обусловлено диахронически, так как вторые, несомненно, произошли от первых. Считаем, что к каждому подобному сочетанию необходимо подходить индивидуально и на основе функционально-семантического анализа определять, произошел ли здесь процесс *десемантизации* или нет. При этом определяющими в большинстве случаев являются семантические факторы компонентов этих сочетаний, такие, как предельность/непредельность, переходность/непереходность и др.

К формам с акционсартовыми значениями мы относим и формант *-акан/-екен* + *пул-* «быть, становиться», передающий значение начала совершения действия.

Все значения форм этой категории делятся на четыре группы: фазовые значения, количественные значения, векторные значения и значения эготива и адрессива.

1) фазовые значения

Формы, передающие начало совершения действия: *-са/-се кай-* (*савăн**са кай-*** «обрадоваться», *янăра**са кай-*** «зазвенеть»), *-са/-се яр-* (*кул**са яр-*** «засмеяться», *юрла**са яр-*** «запеть»), *-акан/-екен пул-* (*кил**екен пул-*** «начинать приходить») и др.

Формы со значением окончания действия: *-са/-се кай-* (*вил**се кай-*** «умереть», *ман**са кай-*** «забыть»), *-са/-се тух-* (*вĕрен**се тух-*** «выучиться», *вула**са тух-*** «прочитать»), *-са/-се яр-* (*çи**се яр-*** «съесть», *тăк**са яр-*** «пролить»), *-са/-се пăрах-* (*хăрат**са пăрах-*** «напугать», *юрат**са пăрах-***) «влюбиться» и др.

2) количественные значения

Значение длительности протекания действия передают такие формы, как: *-са/-се кай-* (*палла**сах кай-*** «быть знакомым», *пĕл**сех кай-*** «знать»), *-са/-се пыр-* (*тип**се пыр-*** «высыхать», *тултар**са пыр-*** «наполнять»), *-са/-се тăр-* (*кала**сах тăр-*** «говорить постоянно», *выля**са тăр-*** «играть долго»), *-кала-* (*вула**кала-*** «постоянно читать», *ĕçле**келе-*** «постоянно работать») и др.

Значение кратковременности действия: *-са/-се ил-* (*кан**са ил-*** «отдохнуть немного», *çиç**се ил-*** «сверкнуть», *кул**са ил-*** «улыбнуться»), *-са/-се пăх-* (*калаç**са пăх-*** «поговорить») и др.

Значение интенсивности действия: *-са/-се тăк-* (*ват**са тăк-*** «перебить», *ятла**са тăк-*** «отругать») и др.

3) векторные значения

Эта группа значений представлена, возможно, наибольшим количеством форм, которые передают различную направленность совершения действия: *-са/-се кай-* (*чуп**са кай-*** «убежать»), *-са/-се кил-* (*çывхар**са кил-*** «приближаться»), *-са/-се пыр-* (*шу**са пыр-*** «подползать»), *-са/-се кĕр-* (*пут**са кĕр-*** «увязнуть»), *-са/-се ан-* (*сик**се ан-*** «спрыгнуть»), *-са/-се ирт-* (*вирхĕн**се ирт-*** «промчаться»), *-са/-се каç-* (*ши**се каç-*** «переплыть»), *-са/-се хăпар-* (*вĕç**се хăпар-*** «взлететь»), *-са/-се кăлар-* (*турт**са кăлар-*** «выдернуть») и др.

4) значения эготива и адрессива

Данные значения сигнализируют о том, что действие производится в интересах его субъекта или другого лица. В семантике форм, входящих в данную группу, частично присутствует и модальная семантика: *-са/-се ил-* (*вула**са ил-*** «прочитать», *ыйт**са ил-*** «спросить», *палла**са ил-*** «узнать»), *-са/-се пар-* (*кала**са пар-*** «рассказать», *çыр**са пар-*** «написать для кого-то», *ту**са пар-*** «сделать для кого-то»), *-са/-се кăтарт-* (*сăнла**са кăтарт-*** «изобразить», *элеклe**се кăтарт-*** «наклеветать», *юрла**са кăтарт-*** «спеть») и др.

4. Категория номинализации действия

Эта категория делится на три подкатегории: имен действия (инфинитивов), причастий и деепричастий. Формы, входящие в состав указанных подкатегорий, всегда рассматривались в качестве глагольных форм исследователями чувашского языка. Часто их объединяют под общим понятием «неличные формы глагола» (*глаголăн сăпатсăр формисем*). Это в целом отвечает положению дел, за исключением некоторых причастных форм (*килессĕм* «мой приход», *килессӳ* «твой приход» и т д.), однако данный термин не отражает функционально-семантической сущности этих форм. Поэтому мы предпочитаем использовать здесь понятие «номинализация действия», которое лучше отражает их природу. В соответствии с этим понятием глагольные формы, входящие в данную категорию, выражают действия, «оперативно представляемые или как предмет, или как признак, или как обстоятельство»[23].

1) имена действия и инфинитивы

В чувашском языке в эту подкатегорию входят следующие формы: *-ма/-ме*, *-машкăн/-мешкĕн*, *-ӳ/-ӳ*: *кай**ма*** «пойти», *кил**ме*** «прийти», *пул**машкăн*** «чтобы быть», *кур**машкăн*** «чтобы увидеть», *су**ту*** «продажа», *ил**ӳ*** «покупка» и др.

Эти формы отличает друг от друга степень субстантивации, а также способность в сочетаниях с глаголами определенной семантической группы (например, с глаголами движения) выражать цель действия, сближаясь в этих случаях по своим функциям с супинами. Так как в случае с формами на *-ма/-ме* и *-машкăн/-мешкĕн* наблюдается явная обусловленность выражаемых ими значений глаголами (или наречиями), в сочетания с которыми они вступают, имеется потребность более подробного изучения факторов, влияющих на данные сочетания, с точки зрения функционально-семантического анализа.

2) причастия

О сомнении в правомерности использования термина «причастие» в отношении форм, входящих в данную подкатегорию, мы уже писали в прошлых работах[24]. Имеются статьи и других авторов, где высказывается подобная позиция[25]. Не совсем подходит в случае с чувашским языком и понятие «субстантивно-адъективная форма», предлагаемое к использованию В.Г. Гузевым и другими авторами[26], так как формы чувашского языка демонстрируют большие функциональные возможности. Наиболее продуктивные, так называемые «причастные формы» в чувашском языке, к которым относятся формы на *-нă/-нĕ* (причастие прошедшего времени), *-ас/-ес* (причастие будущего времени), *-акан/-екен* (причастие настоящего времени), могут выполнять четыре основные функции: адъектива, предикатива, субстантива и адвербума[27]. При этом в функции субстантива эти формы, как правило, присоединяют аффиксы, которые в традиции современного чувашского языкознания принято называть «выделительными» *-и*, *-скер*[28]: *кай**ни*** «уход», *кай**нăскер*** «ушедший», *кил**есси*** «приход», *кал**аканни*** «говорящий» и др. Функцию адвербума выполняют сочетания форм причастий с аффиксами падежей либо с послелогами: *ил**нĕрен*** «так как взял», *хăр**асран*** «из-за того, что испугается», *пул**нипе*** «так как был», *кил**нĕ чух*** «когда пришел», *таврăн**нă хыççăн*** «после того, как вернулся» и др.

Непродуктивными причастными формами являются формы, образуемые при помощи аффиксов *-ан/-ен*, *-анçи/-енçи*, *-малăх/-мелĕх* и др.

3) деепричастия

Формы, входящие в данную подкатегорию, представляют действие как обстоятельство. Специалисты часто расходятся во мнении, какие формы должны быть сюда включены. В частности, зарубежные ученые (в первую очередь турецкие) придерживаются более широкого взгляда на семантическое содержание этих форм: по их мнению, в этот разряд входят формы, имеющие весьма разнообразные обстоятельственные значения[29].

Мы считаем возможным включить в подкатегорию деепричастий следующие формы: *-са/-се* (*кай**са*** «уходя»), *-сан/-сен*, *-сассăн/-сессĕн* (*кил**сен***

«когда пришел (придет); если пришел (придет»), *-иччен* (*ил**иччен*** «до того, как возьмет»), *-а(рах)/-е(рех)* (*кул**арах*** «слегка улыбаясь»), *-нăçем/-нĕçем* (*калаç**нăçем*** «по мере разговора»), *-массерен/-мессерен* (*тĕл пул**массерен*** «каждый раз, когда встречал»), *-уçăн/-ӳçĕн* (*таврӑн**уçăн*** «возвращаясь»), *-нăранпа/-нĕренпе* (*пуçла**нăранпа*** «с тех пор, как начал»), *-аспа/-еспе* (*пул**аспа*** «с наступлением»).

5. Категория наклонения

Изъявительное наклонение (индикатив) мы рассмотрим в разделе, посвященном категории времени: как было сказано выше, это наклонение конституируется только формами времени. В этом разделе разберем косвенные наклонения чувашского языка.

1) повелительное наклонение

В функционально-семантическом плане формы, образующие эту категорию в чувашском языке, не отличаются от соответствующих форм в других тюркских языках. Отличие состоит прежде всего в формальных показателях. В первую очередь это относится к показателям отрицательной формы. Их мы перечисляли в разделе о категории статуса (частицы *ан* и *мар*). Определенный интерес в плане происхождения вызывают формы третьего лица единственного и множественного числа *-тăр/-тĕр*, *-ччăр/-ччĕр* (*кай**тăр*** «пусть идет», *кил**ччĕр*** «пусть приходят»). Формальные же показатели первого и второго лица в целом соответствуют аналогичным показателям других тюркских языков *-ам/-ем*, *-ар/-ер*, *-ăр/-ĕр* (*ил**ем*** «возьму-ка», *ыйт**ар*** «давайте спросим», *вул**ăр*** «читайте»).

2) уступительное наклонение

Значением форм этого наклонения, по мнению В.Г. Егорова, является «безразличное отношение говорящего лица к действию, полная незаинтересованность его данным действием»[30]. Похожее определение значения уступительности встречаем и у И.П. Павлова – «кам та пулин ĕç тунипе е мĕнле те пулин ĕç пулнипе килĕшнине, уншăн çав ĕç кирек мĕнле результатлă пулсан та пур пĕреххине, ĕçпе интересленменнине палăртасси» (выражение согласия говорящего с чьим-либо действием или с исполнением какого-либо действия, а также безразличия к совершаемому действию и его результатам)[31]. Другими словами, уступительное значение представляет собой модальную семантику – особое отношение лица к действию. Образование форм со значением уступительности в чувашском языке представляет собой процесс сочетания нескольких аффиксов. В первом и третьем лице – это сочетание аффиксов будущего времени *-ăп(-ăр)/-ĕп(-ĕр)*, *-ĕ* с аффиксом *-ин*: *çыр**ăпин*** «пусть напишу», *çыр**ин*** «пусть напишет», а во втором лице присоединяется аффикс *-сă/-сĕ* (считается аффиксом условного наклонения)[32] и аффиксы лица единственного и множественного числа *-н* и *-р*: *кил**ĕсĕн*** «пусть придешь», *кил**ĕсĕр*** «пусть придете» и др.

3) сослагательное наклонение

Значение сослагательности является ярким образцом модальной семантики, представляя нереальное действие, совершение которого желаемо

говорящим лицом. И хотя форма сослагательного наклонения не имеет своего отдельного формального показателя, образуясь путем сочетания аффиксов будущего и прошедшего времени (кстати, подобный способ образования форм с сослагательным значением характерен для тюркских языков), тем не менее упомянутая модальная семантика не позволяет включить эту форму в парадигму времен индикатива: *кал**ăттăм*** «я сказал бы», *кил**ĕттĕн*** «ты пришел бы». Часто в высказывании формы сослагательного наклонения сочетаются с деепричастием условия на *-сан*/*-сен* (*-сассăн*/*-сессĕн*): *Вăл килнĕ пул**сан** эп кай**ăттăм*** «Если бы он пришел, я бы ушел» и др.

Следующие два наклонения обычно не указываются в качестве отдельных наклонений в грамматиках чувашского языка. Мы считаем, что на основе функционально-семантического подхода вполне правомерно считать нижеследующие формы образующими особые наклонения.

4) желательное наклонение

Можно выделить как минимум три формы, передающие значение желательного наклонения в чувашском языке. Все они способны сочетаться с любой глагольной лексемой, то есть обладают признаком тотальности. Одна из этих форм представляет собой сочетание аффиксов, другие две – аналитические формы, сочетания аффикса и вспомогательного глагола. Рассмотрим их по отдельности.

Форма на *-асшăн*/*-есшĕн* образована сочетанием аффикса причастия будущего времени и аффикса причинного падежа. Так как она является безличной, субъект действия выражается при помощи личного местоимения: *эпĕ ил**ешшĕн*** «я хочу взять», *эсĕ ил**ешшĕн*** «ты хочешь взять» и т.д.

Форма на *-ас*/*-ес* + *кил-*. Образована сочетанием аффикса причастия будущего времени и вспомогательного глагола *кил-*. Основное лексическое значение этого глагола – «приходить». Однако здесь глагол *кил-* выступает в служебной функции, образуя форму со значением желания совершения действия. Так как категория лица в этой форме не выражается морфологически, при необходимости сообщить информацию о субъекте действия прибегают к помощи личных местоимений в притяжательной форме: *ман çи**ес килет*** «я хочу есть», *сан çи**ес килет*** «ты хочешь есть» и др.

Форма на *-ас*/*-ес* + *те-*. Единственная из форм желательного наклонения, способная изменяться по лицам при помощи аффиксов. Представляет собой аналитическую форму, образованную сочетанием аффикса причастия будущего времени и вспомогательного глагола *те-* «говорить», который подвергся процессу лексической десемантизации: *ка**яс тем**ĕп* «я хочу уйти», *ил**ес терĕ*** «он хотел взять» и др.

Еще одна форма, образованная сочетанием аффикса причастия будущего времени на *-ас*/*-ес* и аффикса прошедшего времени на *-ччĕ*, из-за присутствующей в ней семантики сослагательности, по нашему мнению, не может быть включена в ряд форм, представленных в этом параграфе: *ман кала**счĕ*** «сказать бы мне» и др.

5) долженствовательное наклонение

Значение долженствования могут передавать две формы, объединяемые нами по семантическому признаку в единую подкатегорию.

Форма на *-малла/-мелле*. Сразу оговоримся, что функционально-семантическое содержание этой формы гораздо шире. Не случайно в большинстве грамматик по чувашскому языку она характеризуется как причастие. В частности, И.А. Андреев в работе «Причастие в чувашском языке» (Чебоксары, 1961) выделяет семь синтаксических функций этой формы[33]. По нашему мнению, предикативная функция формы на *-малла/-мелле* является ее основной функцией, с учётом того, что другие функции она выполняет, как правило, в сочетании с аффиксом выделения *-и*, то есть после того, как произошел процесс ее частичной субстантивации. Выражение субъекта действия осуществляется при помощи притяжательных местоимений: *манăн кала**малла*** «мне нужно сказать, я должен сказать», *санăн кил**мелле*** «тебе нужно прийти, ты должен прийти» и т.д.

Форма на *-ас/-ес + пул-*. Образуется сочетанием аффикса причастия будущего времени и вспомогательного глагола *пул-* «быть, становиться». Морфологическая категория выражения лица здесь также отсутствует: *манăн ыйт**ас пулать*** «мне надо спросить, я должен спросить», *санăн ыйт**ас пулать*** «тебе надо спросить, ты должен спросить» и т.д.

Завершая параграф, посвященный категории наклонения в чувашском языке, отметим, что помимо значения настоящего времени формы таких наклонений, как уступительное, желательное и долженствовательное, могут иметь и значение прошедшего времени. В этих случаях к ним присоединяются либо аффиксы прошедшего времени и аффиксы лица (*вулас т**ерĕм*** «я хотел прочитать»), либо аффикс так называемого «недостаточного глагола» *-ччĕ* (*вăл каясшăн**ччĕ*** «он хотел уйти», *санăн каламалла**ччĕ*** «ты должен был сказать»).

6. Категория времени

Следуя идее о разделении временных форм в тюркских языках как минимум на две большие группы, в соответствии с точками их временной ориентации: на прошлый момент и на настоящий момент, мы считаем возможным провести такое разделение форм времен глагола и в чувашском языке.

В соответствии с этим все временные формы будут разделены следующим образом:

1) формы, ориентированные на настоящий момент: настоящее время на *-ат/-ет* (*кур**ат**ăп* «я вижу», *ăнлан**ат**ăн* «ты понимаешь» и др.); прошедшее категорическое время на *-рă/-рĕ, -тă/-тĕ, -чĕ* (*кала**рăм*** «я сказал», *кил**чĕ*** «он пришел» и др.); будущее время на *-ă/-ĕ* (*пул**ăп*** «я буду», *çыр**ăпăр*** «мы напишем» и др.). Что касается еще одной формы, которую часто включают в парадигму форм времен глагола, формы на *-нă/-нĕ*, то мы здесь вслед за И.А. Андреевым считаем, что она является причастием, которое выполняет предикативную функцию[34].

Значения прошедшего и будущего времени, представленных здесь форм, воспринимаются нами в качестве таковых именно потому, что они соотносятся с настоящим моментом в виде предшествования ему или следования за ним. То есть налицо ориентация значений этих форм на настоящий момент, что позволяет их объединить с формой собственно настоящего времени в одну группу.

2) формы, ориентированные на прошлый момент: прошедшее длительное время на *-аттӑ/-еттӗ*, *-атчӗ/-етчӗ* (*вул**аттӑ**м* «я много читал», *чуп**атчӗ*** «он много бегал» и др.); давнопрошедшее время на *-саттӑ/-сеттӗ*, *-сатчӗ/-сетчӗ* (*кай**саттӑ**м* «я было ходил», *туян**саттӑ**м* «я было купил» и др).

В этой группе роль маркировочной формы, на которую направлена ориентированность других форм (наподобие формы настоящего времени в первой группе) играет прошедшее длительное время. Значение же давнопрошедшего времени указывает на предшествование действия другому действию в прошлом, что является значением классического плюсквамперфекта в европейских языках.

Мы сознательно не включаем в эту группу форму на *-нӑччӗ/-нӗччӗ*, значение которой дублирует значение формы на *-саттӑ/-сеттӗ*. Причиной этому является то, что, по нашему мнению, здесь налицо выполнение предикативной функции причастием на *-нӑ/-нӗ* в сочетании с аффиксом прошедшего времени *-ччӗ*, что не позволяет выделить отдельную временную форму.

Состав второй группы времен по сравнению с первой группой выглядит несколько усеченным. Действительно, здесь, если так можно выразиться, «не хватает» формы будущего времени с ориентацией на прошлый момент. Кстати, в турецком языке подобная форма имеется, и в грамматиках она описывается как «будущее-прошедшее время»[35] или «будущее в прошлом»[36]. В чувашском языке такая форма тоже есть, она образуется сочетанием аффиксов будущего и прошедшего времени: *-ӑттӑ/-ӗттӗ*. Но из-за того, что семантика нереальности совершения действия этой формы преобразовалась в модальную семантику желания совершения нереального действия, сейчас она представляет собой типичную форму сослагательного наклонения и включается в разряд косвенных наклонений.

Еще на рубеже XIX–XX вв. состав временных форм, ориентированных на момент в прошлом, был более многочисленным. Так, Н.И. Ашмарин, который выделяет 12 форм глагольных времен в чувашском языке, пишет о таких аналитических формах времен, как предварительное состояния 2-е (*-нӑ/-нӗ пулнӑ*)[37] и прошедшее многократное состояния 1-е (*-ат/-ет пулнӑ*)[38]. По причине их непродуктивности в современной речи чувашей мы не включаем их в общую систему глагольных времен. Кстати, у Н.И. Ашмарина мы обнаружили примеры и с такой временной формой, которая могла бы быть выделена в третью группу времен, ориентированных на будущий момент. Ученый называет ее «будущим вторым», и образуется она анали-

тическим способом – сочетанием причастия на *-нӑ/-нӗ* и глагола *пул-* в форме будущего времени: *кай**нӑ пулӑ**н* «ты уже уйдешь, будешь ушедшим»[39].

7. Категория лица

Данная категория представляет собой совокупность форм, передающих значения лица и числа субъектов действия. Мы не выявили никаких существенных отличий в функционально-семантическом плане категории лица в чувашском языке от соответствующей категории в других тюркских языках. Отличия имеются лишь в плане формальных показателей. По своим функциональным особенностям аффиксы лица делятся на две группы: 1) с формами настоящего и будущего времени сочетаются аффиксы *-ӑп/-ӗп*, *-пӑр/-пӗр*; *-ӑн/-ӗн*, *-ӑр/-ӗр*; *-ççӗ*, *-ç*; 2) с формами прошедшего времени сочетаются аффиксы *-м*, *-мӑр/-мӗр*; *-н*, *-р*; *-ç* и нулевой аффикс 3 лица единственного числа.

Подытоживая проведенное исследование, отметим следующие его основные моменты:

1. Необходим отказ от критерия тотальности при определении той или иной словоизменительной категории глагола в чувашском языке, в связи с тем, что некоторые формы по своим функционально-семантическим признакам тесно связаны с лексическим значением основы глагола, их способность сочетаться с этой основой обусловлена ее семантическим содержанием. Но несмотря на это, значения, передаваемые данными формами, являются типичными словоизменительными значениями и, соответственно, должны быть включены в состав соответствующей категории.

2. В чувашском языке очень часто отсутствие формального показателя глагольной категории не говорит о наличии функционального нуля, а, скорее всего, указывает на индифферентность основы к выражению данных категориальных значений. В связи с этим такие понятия глагольной морфологии, как «действительный залог», «утвердительный аспект (или статус)», вероятно, не отражают реального состояния в языковой системе и не могут быть выделены в качестве особых форм в грамматике чувашского языка.

3. Представляется верной мысль о том, что носителю чувашского языка безразлично, как выразить то или иное служебное грамматическое значение в процессе словоизменения глагольных основ – аналитически, при помощи аналитических форм, или синтетически, при помощи аффиксов. В том и другом случае существенным для выражения необходимого семантического содержания будет наличие служебной функции вспомогательного слова либо аффикса. Следовательно, в состав одной и той же словоизменительной категории глагола могут входить как аффиксальные формы (включая сочетания аффиксов), так и аналитические (сочетания аффиксов и вспомогательных слов).

4. Учитывая вышесказанное, мы выделяем следующие словоизменительные категории глагола в чувашском языке: категория залога, катего-

рия статуса, категория аспектуальности, категория номинализации действия, категория наклонения, категория времени, категория лица.

5. Категория залога по ее функционально-семантическим признакам является типичной словоизменительной категорией, так как при присоединении залоговых аффиксов не происходит образования слова с принципиально новым номинальным лексическим значением, в исходную основу привносится дополнительная информация о субъектно-объектных связях, возникающих при выполнении данного действия. Имеются случаи словообразовательного процесса, но в этих случаях в новообразовавшихся глаголах служебная залоговая семантика уже отсутствует, а наличие в таких глагольных основах залоговых аффиксов можно определить только диахронически.

6. Нет необходимости в чувашском языке отдельно выделять нулевую форму утвердительного статуса. Отсутствие аффикса здесь не несет никакой функциональной нагрузки.

7. Нетотальный характер большинства форм с акционсартовыми значениями не дает право отказывать в существовании словоизменительной категории аспектуальности в чувашском языке, так как способность или неспособность передачи того или иного значения способа совершения действия всегда зависит от конкретного номинального лексического значения глагола. Эта категория конституируется как при помощи синтетических форм – аффиксов, так и при помощи аналитических форм – сочетаний аффиксов деепричастий и причастий с вспомогательным глаголом.

8. Все так называемые неличные формы глагола в чувашском языке имеет смысл объединить в отдельную категорию номинализации действия. Требуется поиск нового термина в отношении форм, традиционно называемых в чувашских грамматиках причастиями, так как их функционально-семантические возможности не ограничиваются атрибутивной функцией. Можно выделить четыре функции этих форм – атрибутивная, субстантивная, предикативная и адвербиальная. Для окончательного определения состава деепричастий в чувашском языке необходимо выработать более четкие критерии на основе функционально-семантического анализа.

9. В чувашском языке все формы наклонений по признаку соответствия значения, передаваемого глагольной формой, объективно существующей реальности делятся на формы изъявительного наклонения и косвенных наклонений. Изъявительное наклонение образуется путем присоединения к основе аффиксов времен. К косвенным наклонениям относятся следующие: повелительное, уступительное, сослагательное, желательное и долженствовательное. Значения последних двух наклонений могут передаваться аффиксами или аналитическими формами.

10. Формы категории времени могут быть разделены на две группы по принципу ориентированности их значения на момент во времени. Это формы ориентации на момент в настоящем и формы ориентации на момент в прошлом. К первой мы относим формы настоящего, прошедшего катего-

рического и будущего времени, а ко второй группе – прошедшего длительного и давнопрошедшего времени.

11. Личные аффиксы в чувашском языке в соответствии с их способностью сочетаться с теми или иными формами времен делятся на две группы.

Литература и примечания

[1] *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956; Татарская грамматика. Т. 2. Морфология / М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина [и др.]. Казань, 1997; Грамматика азербайджанского языка / М.Ш. Ширалиев, Э.В. Севортян [и др.]. Баку, 1971 и т.д.

[2] *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. Баку, 1981. № 3. С. 24–25.

[3] *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. Л., 1990. С. 140.

[4] *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». С. 27.

[5] Татарская грамматика. Т. 2. С. 163–183. *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976. С. 101–103; Грамматика современного якутского литературного языка / Е.А. Коркина, Е.И. Убрятова, Л.Н. Харитонов [и др.]. М., 1982. С. 253–273 и т.д.

[6] Там же.

[7] *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Грамматические категории глагола. Л., 1977. С. 32–33.

[8] *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 363; Татарская грамматика. Т. 2. С. 235 и т.д.

[9] *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения. С. 58.

[10] *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб., 2011. С. 316.

[11] Там же.

[12] *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. С. 83–100; Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982. С. 305–342; Грамматика современного башкирского литературного языка / А.А. Юлдашев [и др.]. М., 1981. С. 271–297 и т.д.

[13] Татарская грамматика. Т. 2. С. 102–125; Грамматика современного якутского литературного языка. С. 305–319 и т.д.

[14] *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 318–338.

[15] Там же. С. 308.

[16] Грамматика современного якутского литературного языка. С. 226–252; *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. С. 110–115 и т.д.

[17] *Ашмарин Н.И.* Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык. Чебоксары, 1976. С. 54–57. (Труды / ЧНИИ; вып. 66.).

[18] *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3. Чебоксары, 1986. С. 67–80.

[19] *Егоров В.Г.* Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Чебоксары, 1957. С. 166–176.

[20] *Сергеев В.И.* Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары, 2002. С. 237.

[21] *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Грамматические категории глагола. Л., 1977. С. 32–33.

[22] *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. С. 28–38.

[23] *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 308.

[24] *Лебедев Э.Е.* Функционально-семантические особенности причастия на *-нӑ*/*-нӗ* в чувашском языке // Чувашский гуманитарный вестник. № 8. Чебоксары, 2013. С. 112–113.

[25] *Матушкина Н.А.* К вопросу о понятии «причастие» в свете данных агглютинативных языков // Российская тюркология. № 1(8). М.; Казань, 2013. С. 13–24.

[26] *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 312–314; *Телицин Н.Н.* Инфинитивные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб., 2011. С. 188–190 и др.

[27] *Лебедев Э.Е.* Функционально-семантические особенности причастия на *-нӑ*/*-нӗ* в чувашском языке. С. 112–125.

[28] *Павлов И.П.* Категория выделения в чувашском языке // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары, 1985. С. 3–15.

[29] *Ersoy F.* Çuvaş Türkçesi Grameri. Ankara, 2010. S. 400–413.

[30] *Егоров В.Г.* Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. С. 208.

[31] *Павлов И.П.* Хальхи чӑваш литература чӗлхи: морфологи. Шупашкар, 1965. С. 259.

[32] *Егоров В.Г.* Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. С. 208; *Павлов И.П.* Хальхи чӑваш литература чӗлхи: морфологи. С. 258.

[33] *Андреев И.А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961. С. 210–221.

[34] Там же. С. 103.

[35] *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 241–242.

[36] *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке. С. 336.

[37] *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923. С. 234–235.

[38] Там же. С. 235.

[39] Там же. С. 184–185.

E.Ye. Lebedev

INFLECTIONAL CATEGORIES OF VERB IN THE CHUVASH LANGUAGE

The article tries to have a look at the problem of the structure of the grammatical categories of verb in the Chuvash language. The author suggests to use the functional-semantic method, successfully used presently by the researchers of various languages of the Turkic group, as a methodical basis for research. As the result of the conducted research, together with the traditionally mentioned categories the author highlights such inflectional categories of verb in the Chuvash language, as voice, aspectuality, and nominalizing transformation of action.

Keywords: category of verb, tense, modality, voice, aspectuality, nominalizing transformation of action.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© Э.В. Фомин

ГЕННАДИЙ АЙГИ В ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЧУВАШСКОЙ КНИГИ

Творческое наследие Г.Н. Айги стало достоянием мировой культуры. И неудивительно, что иностранный пласт чувашской книги прежде всего ассоциируется с его именем. Из 210 книг, составляющих дальнюю чувашскую экстериорику, 126 названий принадлежат перу поэта. На этом основании автор предлагает общечувашскую экстериорику разделить на две самостоятельные подструктуры: собственно чувашскую и Г.Н. Айги.

Ключевые слова: чувашская книга, иностранный пласт чувашской книги, экстериорика, Г.Н. Айги.

Интереснейшим пластом чувашской книги является дальняя экстериорика, представленная к настоящему времени 210 названиями. Данные книги главным образом посвящены чувашской поэзии, языку, фольклору, имеются названия православного и публицистического содержания.

Дальняя чувашская экстериорика, оформившаяся в сложную систему к концу XX в., характеризуется показателями, чуть ли не в два раза превышающими аналогичные характеристики у других народов, например марийцев[1]. Это, безусловно, результат деятельности чувашского поэта Г.Н. Айги. Его именем отмечено 126 единиц, то есть более половины всех иностранных изданий чувашской книги. По сути, в дальней экстериорике объективно сосуществуют две самостоятельные подструктуры, находящиеся между собой в коррелятивных отношениях: собственно чувашская и Г.Н. Айги.

Собственно чувашская экстериорика представлена 84 названиями, изданными в 14 странах. Основные из них – Венгрия (19 книг), Турция (15), Германия (13) и Швеция (11). Ими покрываются 70 % объема зарубежной книжной продукции, соприкасающейся с чувашской культурой. Остальные 30 % изданий приходятся на долю таких стран, как Украина (6 книг),

Эдуард Валентинович Фомин – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного института культуры и искусств; e-mail: yeresen@yandex.ru.

Финляндия и Франция (по 5 книг), Казахстан, Польша и Великобритания (по 2 книги), а также Белоруссия, Болгария, США, Эстония и Норвегия (по 1 книге). Основными языками являются венгерский (16 книг), турецкий (14), немецкий (13), чувашский (12) и английский (9). Изданием чувашских книг отмечены издательства 28 городов. Собственно чувашская экстериорика дифференцируется по следующим отраслям: языкознание (34 книги), художественная литература (17), фольклор и фольклористика (13), литургическая литература (9), публицистика (5), искусство и культура (4), литературоведение и история (по 1 книге). Преобладают монографии, словари, разного рода научные сборники, и в целом экстериорика носит чувашеведческий характер.

Экстериорика Г.Н. Айги. Г.Н. Айги (1934–2006) – народный поэт Чувашии, лауреат премий Французской академии, Б. Пастернака, А. Белого, В. Митта, командор французского Ордена искусств и литературы, номинант Нобелевский премии. Согласно заключению исследователей творчества поэта, «взгляд Айги устремлен в сердцевину мироздания, в глубинную структуру языка. Поэтому его стихи оказались понятными и близкими многим поэтам разных народов и стран. Слово Айги, вобравшее исторический опыт чувашской и русской культур, – это всечеловеческое слово»[2].

Айгиевская экстериорика, безусловно, восходит к собственно чувашской. Отдельно взятые иностранные книги поэта количественно начинают перевешивать библиотеку чувашских зарубежных изданий в 1992 г., и с этого времени экстериорику поэта можно рассматривать как самостоятельный экстерриториальный пласт (к 1993 г. издано всего 39 собственно чувашских экстерриториальных книг и уже 44 названия сборников Г.Н. Айги).

В данной работе экстериорика поэта описывается в географическом и лингвистическом аспектах.

География зарубежных изданий Г.Н. Айги. Признание Г.Н. Айги на родине состоялось лишь в конце 1980 гг., когда он уже являлся известным поэтом на Западе. И неудивительно, что творчество поэта представлено изданиями в 24 странах (табл. 1), что на десять государств больше, нежели насчитывают собственно чувашские зарубежные книги вместе взятые (!).

Наибольшую популярность книги поэта обрели во Франции. Каков итог совместной работы с художником и книгоиздателем Н.Е. Дронниковым, с 1972 г. живущим в Париже? Более 30 французских книг поэта из 47 выпущены издательством художника. И практически все они сразу же обрели статус редких и ценных изданий. Среди них и рукописные книги, выпущенные малыми тиражами, и издания в виде открыток, специально исполненные архаичной техникой высокой печати.

Издатели других стран – Германии, Нидерландов, США, Швеции, Польши, Швейцарии, Британии, Венгрии, Словакии и Японии – также много раз обращались к творчеству Г.Н. Айги, и посему их интерес нельзя назвать случайным. То же можно сказать об опыте Австрии, Сербии и Украины.

Другую часть списка издателей составляют страны, отмеченные одной книгой. Внушительность этого списка вряд ли случайна, скорее, ее сле-

Таблица 1

Распределение книг Г.Н. Айги по странам издания

Страна	Всего	Доля, %	Страна	Всего	Доля, %
Франция	47	37,01	Болгария	1	0,79
Германия	14	11,02	Дания	1	0,79
Нидерланды	9	7,09	Италия	1	0,79
США	7	5,51	Македония	1	0,79
Швеция	6	4,72	Мексика	1	0,79
Польша	5	3,94	Норвегия	1	0,79
Швейцария	5	3,94	Румыния	1	0,79
Британия	4	3,15	Словения	1	0,79
Венгрия	4	3,15	Турция	1	0,79
Словакия	4	3,15	Финляндия	1	0,79
Япония	4	3,15	Чехия	1	0,79
Австрия	2	1,57	Без места	1	0,79
Сербия	2	1,57	Итого	127	100,00
Украина	2	1,57			

дует принять за доказательство живого интереса читателей к творчеству гениального поэта.

Интересно наблюдение за географией городов-издателей. Производством чувашской книги за пределами России отмечены 63 города, и 35 из них вошли в этот список благодаря творчеству Г.Н. Айги.

С точки зрения отечественной издательской практики, необычным представляется соотношение столичных и периферийных издательств – 16 против 27 соответственно. Так, ФРГ представлена издательствами таких городов, как Берлин (7 книг), Франкфурт-на-Майне (3), Денклинген, Лейпциг, Мюнхен, Шторквинкель (по 1); США – Нью-Йорком (4 книги), Сан-Франциско, Саусалито, Эванстоном (по 1); Польша – Варшавой, Познанью (по 2), Сейнами (1).

В библиологическом айгиеведении имеется ценный источник, который нельзя пройти стороной. В ней описывается предыстория многих зарубежных изданий поэта и становление книгопотока в целом. Это книга «Айги» французского литературоведа Л. Робеля[3]. В ней сведения о книгах, облегаемые в лаконичные и строгие библиографические описания, обрастают маленькими историями. Для примера обратимся к эпизоду, приведенному в названной книге: «В 1989[4] и 1990[5] годах Айги приглашают на Международный фестиваль поэзии в Роттердам. Он вернется туда в 1992, став в этом году главным действующим лицом в традиционной программе «Переводческий проект»[6]. Все присутствовавшие на фестивале поэты получили задание перевести на свой родной язык несколько отобранных самим

автором стихотворений, пользуясь подстрочными переводами на французский, немецкий, английский и голландский языки. О творчестве Айги говорил известный голландский славист Карл Тиммер, он прославился не только переводами с русского, но и получил признание как поэт и прозаик, и ему мы обязаны появлением в 1996 г. тома переводов Айги «Degeoonmerktewinter» (Отмеченная зима)[7]. Стихи, выбранные Айги, были переведены на английский, иврит, голландский, чешский, словацкий, китайский, банту, испанский (чилийским поэтом), японский, французский, немецкий языки; среди участвовавших в проекте поэтов были и такие знаменитости, как японец Шунтаро Таникава или француз Эжен Гильвик»[8].

Лингвистический аспект изучения экстериорики Г.Н. Айги. Если собственно чувашская экстериорика реализована на 15 языках, то в экстериорике Г.Н. Айги их уже 30 (табл. 2). Всего же его поэзия, по данным Национальной библиотеки Чувашской Республики, переведена на более чем 50 языков, но еще не на всех изданы книги.

Таблица 2

Языки иностранных изданий Г.Н. Айги

№	Язык	Всего	Доля, в %	№	Язык	Всего	Доля, в %
1.	Русский	44	27,67	17.	Африкаанс	1	0,63
2.	Немецкий	21	13,21	18.	Болгарский	1	0,63
3.	Английский	15	9,44	19.	Валлийский	1	0,63
4.	Французский	15	9,44	20.	Датский	1	0,63
5.	Голландский	9	5,66	21.	Иврит	1	0,63
6.	Шведский	6	3,77	22.	Китайский	1	0,63
7.	Польский	5	3,15	23.	Малави	1	0,63
8.	Японский	5	3,15	24.	Македонский	1	0,63
9.	Бретонский	4	2,52	25.	Румынский	1	0,63
10.	Венгерский	4	2,52	26.	Сербохорватский	1	0,63
11.	Словацкий	4	2,52	27.	Словенский	1	0,63
12.	Сербский	3	1,89	28.	Турецкий	1	0,63
13.	Норвежский	3	1,89	29.	Финский	1	0,63
14.	Чувашский	3	1,89	30.	Чешский	1	0,63
15.	Испанский	2	1,26	Итого		159	100,00
16.	Украинский	2	1,26				

Особенностью экстерриториальных изданий поэта является высокая доля книг на русском языке (как результат сотрудничества Г.Н. Айги с парижским издателем Н.Е. Дронниковым). Остальные две трети – это переводные книги, наиболее востребованные из которых на немецком, французском, английском и голландском языках.

Г.Н. Айги считал себя чувашским поэтом, пишущим на русском языке. Однако сейчас, когда прошло почти десять лет со дня его смерти, он все чаще осмысливается в качестве двуязычного автора, на европейские язы-

ки начинает переводиться его чувашское наследие. Таковы, например, проекты, предпринятые переводчиками П. Франсом (Великобритания), М. Нюдалем (Швеция), Г. Вернэссом (Норвегия)[9].

Мультилингвальный характер книг Г.Н. Айги во многом обеспечивается их изданием с параллельными текстами одновременно на многих языках. В общей сложности у поэта двуязычных книг 16, трех- и четырехъязычных – по три. В его наследии имеется уникальный опыт издания книги на 12 языках «Gedichten» (Стихи), в которой представлены стихи на английском, африкаансе, валлийском, иврите, испанском, китайском, малави, нидерландском, русском, чешском, французском и японском[10].

Поэзия Г.Н. Айги своей выразительностью и неповторимостью нашла живой отклик во всем мире. Она вдохнула в дальнюю чувашскую экстериорику новую жизнь и даже более – заставила ее оформиться в сложное явление с двумя самостоятельными подструктурами: собственно чувашской и Г.Н. Айги. Экстериорика поэта явно перевешивает собственно чувашскую, оказывает на нее значительное влияние через инициированные им или обусловленные его именем иностранные издания чувашской тематики. Естественно, чувашская художественная экстериорика в настоящем и будущем прямо или косвенно будет обусловлена его именем.

Г.Н. Айги не только создал свою экстериорику, примечательную как в содержательном, так и формальном планах, он поднял чувашскую литературу на новый уровень, по-настоящему вывел ее в мировое культурное пространство.

Литература

[1] *Фомин Э.В.* Иностранные пласты чувашской и марийской книги: сравнительный анализ // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2015. С. 295–299.

[2] *Новиков В.* Поэзия 100 %. Мир Геннадия Айги // Геннадий Айги: науч.-вспом. указ. Чебоксары: Нац. б-ка Чуваш. Респ., 2004. Ч. 1. С. 16–17.

[3] *Робель Л.* Айги / пер. О. Северской. М.: Аграф, 2003. 218 с.

[4] *Ajgi G.* Gedichten / Fertal. Miriam Van hee. Rotterdam: Stichting Poetry Intern., 1989. 24 s. (DichtersuitnelewereldnieuweRussischepoezie, Poetry Intern. Rotterdam, 17–19, 24 juni).

[5] *Ajgi G.* Gedichten : Rotterdam Stichtung Poetry International / Vertal. Miriam Van hee. Rotterdam, 1990. – 16 s. – (Dichters uit de hele wereld Poetry on the Road, Poetry Intern. Rotterdam. juni 16–18, 23 ; Enschede – Assen, juni 21–25, 1990).

[6] *Ajgi G.* Gedichten / Vertaalprojekt G. Ajgi. Rotterdam: Stichting Poetry Intern., 1992. 58 s. (Poetry International in het jaar van de aap, Rotterdam, juni 13–20; Enschede, juni 19–22, 1992).

[7] *Ajgi G.* Geoormerkte winter: Gedichten / Keuze, vertal. ennawoord Ch. Timmer. Tweededruk. Amsterdam: Meulenhoff, 1992. 95 s.

[8] *Робель Л.* Указ. соч. С. 97.

[9] *Айхи Г.* Ултă сăвă = Sex dikter = Six poems = Seks dikt / de tjuvasjiska originalen tolkade av Eva Lisina ; vidare till svenska av Mikael Nydahl, till engelska av Peter France, till norska av Gunnar Wærness ; tryckt av Mikael Nydahl and Gunnar Wærness. Knopparp, 2014. 33 s.; *Айхи Г.* 7 сăвă = 7 dikter = 7 poems = 7 dikt / Г. Айхи ; de tjuvasjiska originalen tolkade av Eva Lisina ; vidare till svenska av Mikael Nydahl, till engelska av Peter France, till norska av Gunnar Wærness ; tryckt av Mikael Nydahl and Gunnar Wærness. Knopparp : Ariel, 2014. 38 s.

[10] *Ajgi G.* Gedichten / Vertaalprojekt G. Ajgi. Rotterdam: Stichting Poetry Intern., 1992. 58 s. (Poetry International in het jaar van de aap, Rotterdam, juni 13–20; Enschede, juni 19–22, 1992).

E.V. Fomin

GENNADY AIGI IN THE HISTORY OF THE TRANS-FRONTIER CHUVASH BOOK

The creative heritage of G.N.Aigi came into the world culture domain. And it is no wonder that an outlandish layer of the Chuvash book is first of all associated with his name. Out of 210 books, making the distant Chuvash exteriorics, 126 ones belong to the poet's pen. On this basis, the author suggests to divide the common Chuvash exteriorics into two independent substructures: the properly Chuvash one and that of G.N.Aigi.

Keywords: the Chuvash book, an outlandish layer of the Chuvash book, exteriorics, G.N.Aigi.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДИАЛЕКТОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА (по материалам социолингвистической экспедиции 2004 г.)

ЧГВ, 2015 г., № 10
© А.В. Кузнецов

В 2004 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук совместно с Институтом языкознания РАН провел социолингвистическую экспедицию в шесть районов Чувашской Республики. В основном собирался материал об использовании чувашского языка в разных сферах, передаче чувашского языка из поколения в поколение, предпочтениях в выборе газет, журналов, теле- и радиопередач, книг на том или ином языке и проч. Попутно фиксировались диалектные особенности носителей разных говоров. На основе этих данных была сделана попытка описать явления, происходящие в разных диалектах и говорах чувашского языка.

Ключевые слова: чувашский язык, диалекты, говоры, верховой диалект, средненизовой диалект, низовой диалект.

Языки народов мира нередко имеют диалекты. Случается, что исследователи не могут с точностью определить, диалектом известного языка или отдельным языком является тот или иной вариант языка определенной группы людей. По мнению авторов «Лингвистического энциклопедического словаря», общее число языков мира в настоящее время варьирует от 2500 до 5000 (точную цифру установить невозможно, ибо различия между разными языками и диалектами одного языка условны)[1]. Таким образом, наличие на планете Земля диалектов разных языков ни у кого не вызывает сомнений. Возникает трудность другого плана: чем является отдельно взятый язык – диалектом уже известного языка или языком большой группы людей, отдельного народа.

Более двух веков ведутся разговоры о специфических чертах речи чувашей, проживающих в разных местностях. Еще в 1768 г. А.Л. Шлецер (A.L. Schlözer) писал о том, что в «чувашском языке различаются два различных диалекта»[2]. В середине XIX в. С.М. Михайлов опубликовал пере-

Александр Валерьянович Кузнецов – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: timer1975@mail.ru.

ходящие из поколения в поколение предания чувашей[3], разговор между верховым и низовым чувашами[4]. С конца XIX – начала XX в. (работы Н.И. Ашмарина[5], Г.И. Комиссарова[6] и др.) ведется научное исследование диалектов чувашского языка.

Чувашское языкознание располагает значительным количеством работ по данной проблематике. Имеются труды Г.И. Комиссарова, Н.И. Ашмарина, Т.М. Матвеева, В.Г. Егорова, Л.П. Сергеева, Р.И. Цаплиной, А.С. Канюковой, Г.Е. Корнилова, Н.И. Егорова и др. Исследователи посвятили разным проблемам диалектологии (говоры и наречия, разграничение диалектов и говоров, принципы классификации диалектов, основные особенности диалектов и говоров, ударение в диалектах, особенности гласных и согласных и т.д.) десятки книг и сотни статей. Но языковедческая наука не стоит на месте, и перед диалектологами возникают другие цели и задачи. Несмотря на то, что до сих пор имеется немало спорных моментов, касающихся проблемы разграничения диалектов, исследователи пришли к согласию и в настоящее время выделяют три основных диалекта чувашского языка: **верховой**, **средненизовой (средний)** и **низовой**. Наличие трех основных диалектов чувашского языка мало у кого вызывает сомнение, но продолжаются споры об их названиях. Верховой диалект известен как **тури** или **вирьял**, низовой – **анатри**, средний, средненизовой – **анат енчи** (букв. «нижнесторонний»), **вăта** «средний, срединный», **хутăш** «смешанный», или **хутăш калаçу** (**талккăшĕ**) «(зона) смешанных говоров».

В своей работе попытаемся дать оценку современного состояния диалектов чувашского языка, опираясь на полученные в ходе экспедиции данные, описать характерные ее черты, сохранившиеся до настоящего времени.

Во время социолингвистической экспедиции 2004 г. были опрошены носители всех трех диалектов – жители четырнадцати населенных пунктов шести районов Чувашской Республики:

1) **средненизовой диалект**: д. Карабаши, Сятракасы, Аксарино, Шанары, Верхнее Байгулово Марпосадского района; с. Турмыши и Яншихово-Норваши Янтиковского района;

2) **низовой диалект**: д. Старое Янашево Яльчикского района;

3) **верховой диалект**: д. Яманаки Красноармейского района; д. Алгазино Вурнарского района; д. Видесючи, Азамат, Русская Сорма, Чувашская Сорма Аликовского района.

Расшифровка собранного в перечисленных населенных пунктах материала показала следующее. Несмотря на то, что еще в 50–60-х гг. XX в. диалектологи утверждали, что происходит нивелировка диалектов, отличительные черты всех основных диалектов еще сохраняются, хотя наблюдается влияние литературного языка. Л.П. Сергеев, А.С. Канюкова и др. в свое время писали, что, например, губная гармония гласных (одна из отличительных черт урмарского говора средненизового диалекта) постепенно пропадает. В настоящее время эта особенность ярко выделяется в речи основной массы представителей как старшего, так и молодого поколения

жителей д. Карабаши, Сятракасы, Аксарино, Шанары, Верхнее Байгулово Марпосадского района; с. Турмыши и Яншихово-Норваши Янтиковского района. Например: *тӑᵒмоно* «сова», *вӑᵒрмонолло* «в лес; в сторону леса», *шолдон шоло* «все глубже и глубже», *кӑᵒмого* «печь», *çӑᵒγон* «ворон», *кӑᵒпшонк* «насекомое; жучок; мокрица» и т.д.

Кроме этого, в с. Турмыши и Яншихово-Норваши Янтиковского района нередки случаи слияния двух слов в одно:

1) послелога *çине* (соответствует русскому предлогу «на»; только в значении направления), а также имени существительного *çи* «поверхность» в форме творительного падежа (по В.И. Сергееву) и единиц именных частей речи: *мансне* (*ман* + *çине*) «на меня», *лашасне* (*лаша* + *çине*) «на лошадь», *сӗтелсне* (*сӗтел* + *çине*) «на стол» и т.п.;

2) деепричастий на *-са*/*-се* и форм глагола *яр* (с деепричастиями другого глагола выступает в роли вспомогательного глагола с общим значением завершенности действия): *кассар* (*касса* + *яр*) «отрежь; спили; отстриги и др.», *çизач(ӗ)* (*çисе* + *ячӗ*) «съел», *çӑᵒтсонӑ* (*çӑтса* + *янӑ*) «проглотил» и т.д.;

3) слияние изафетных конструкций в одно целое: *тӑᵒпсоγой* (*тӗп* + *сак* + *ай*) «подпол (главный, основной)», *турумь* (*турӑ* + *умӗ*) «божница, киот» и др.;

Широко распространены лексико-фонетические особенности:

а) фонетические варианты вопросительной частицы ***-и***: *-а, -е(э), -о*: *ларатна* (*ларатӑн* + *-и*) «сидишь (ли)», *килетне* (*килетӗн* + *-и*) «приходишь (ли)», *тӑᵒротно* (*тӑратӑн* + *-и*) «стоишь (ли)» и проч.;

б) термины родства и свойства: *ати* «отец» и *ани* «мать» (в речи представителей старшего поколения), *хӑдо* «сват» и *тӑхлоч* «сваха» (в речи большинства опрошенных);

в) анатомические термины: *амбуççи* «плечо», *хулγа* «ухо» (с данной лексемой под влиянием литературного языка происходит явление, наблюдаемое в речи большого числа молодых людей, при котором литературное *хӑлγа* под воздействием закона губной гармонии трансформируется в *хӑᵒлγо*), *шӑмжок* «тело; кости»;

г) названия животных, насекомых: *чӗᵒбӗᵒн* «комар», *мӑᵒгоç* «заяц», *тӑᵒрно* «журавль»;

д) названия деревьев, кустарников, растений: *умма* «яблоко», *паранк* «картофель», *çӗвӗлч* «лист; листья», *игел* «желудь»;

е) детские слова: *омокко* «чудище; страшилище», *амутти* «чудище; страшилище», *коççи* «живот», *оппа ду* «подними; возьми на руки»;

ё) названия праздников, обрядов, игр: *çӑмӑр чикки* (< *çӑмӑр* + *чӳкӗ*) «моление о дожде; детская игра в поливание друг друга и прохожих водой в засушливую и жаркую погоду, призванная вызвать дождь», *вӑᵒрмон вӑйӑи* «лесные игры; лесной праздник (аналог Акатуя и Сабантуя)», *пӗр алла* «в одну руку (аналог лапты)», *виç алла* «в три руки (аналог игры «лапта», при котором старшие каждой из двух команд имеют право бить по мячу три раза подряд)», *тӑртла* «игра в войну»;

ж) названия продуктов питания: *пӗ^{о}лӗ^{о}м* «блины, оладьи», *паранк тонккоми* «картофельное пюре», *ешник* «яичница (с молоком), приготавливаемая в печи»;

з) названия утвари, внутреннего убранства домов, других находящихся в них предметов, объектов, вещей: *чӳреçе карми* «шторы, занавески», *кӑмого* «печь», *чӳреçе янаххи* «подоконник»;

и) названия предметов, используемых в приусадебном хозяйстве, предметов и объектов, расположенных вне дома: *тараза* «колодец», *паçма* «пазьмо, место для усадьбы», *сӗвре* «борона», *хӳмме* «забор»;

й) глагольные формы: *ух* «подниматься, взбираться», *удала* «обмануть», *тӳбелеш* «драться», *хышла* «грызть», *ӳбелен* «ползти, ползать», *ӳле* «выть; громко плакать», *кап* «я пойду», *кан* «ты пойдешь, ты идешь», *кать* «он идет, он пойдет» и др.

В фонетике носителей янтиковского говора наблюдается явление, при котором сочетание ауслаутного «к» и анлаутного «ç» дает звук «ч»: *ак + çак > ачак* «вот этот». Данный факт зафиксирован в селах Турмыши и Яншихово-Норваши, наблюдается, в частности, в д. Нижарово Янтиковского района.

В речи многих носителей данного говора в слове *хӑвар* «оставь» начальные три фонемы трансформируются в звук «ф»: *ман валли де фар-ха* (< *Ман валли те хӑвар-ха*) «И для меня оставь»; *Мана валли çырла фартна?* (< *Мана валли çырла хӑвартӑн-и?*) «Ты оставил ли для меня ягоды?» и др.

В с. Турмыши утверждение/согласие и отрицание/несогласие передаются усеченными формами лексем или же одним звуком. Этому способствует ситуация, при которой возможны только три варианта ответа: 1) утверждение/согласие, 2) отрицание/несогласие или же 3) невозможность утверждения/согласия и отрицания/несогласия из-за незнания. Почти всегда вербальные ответы сопровождаются невербальными средствами коммуникации, такими как движение головой вверх-вниз и вправо-влево, пожимание плечами, приоткрытыми или плотно сжатыми губами и т.д., что практически исключает необходимость произношения полных вариантов ответов: *аγа*, *çук*, *пӗлместӗп* и др.

Утверждение/согласие в основном передается одним «х» или двумя звуками «хх» (< аγа) «да, согласен»:

1) – Эс паян стадиона пыратна? «Ты придешь сегодня на стадион?»

– Х. «Да» (сопровождается движением головы вверх-вниз);

2) – Ӑžу килдеγ-и? «Твой отец дома?»

– Хх. «Да» (сопровождается движением головы вверх-вниз).

Отрицание/несогласие в основном передается одним долгим гласным звуком «*ӑ*» (произносится с восходяще-нисходящей интонацией: *ӑ-ӑ* «нет, не согласен)»:

1) Сан пӑчӑк пур-и? «У тебя есть пила?»

– Ӑ-ӑ. «Нет» (сопровождается движением головы вправо-влево);

2) Эс кантӑк лартса курни? «Ты ставил окна?»

– Ӑ-ӑ. «Нет» (сопровождается движением головы вправо-влево).

Невозможность утверждения/согласия или отрицания/несогласия обычно передается словами *пĕлмес* «не знаю», иногда *курман* «не видел», *илтмен* «не слышал», но в коммуникации представителей молодежи незнание передается в основном невербальными, экстралингвистическими средствами общения. Среди них следует выделить следующие:

1) плотно сжатые губы + движение головой вправо-влево;

2) плотно сжатые губы + наклон головы вправо или влево;

3) плотно сжатые губы + пожимание плечами;

4) плотно сжатые губы + наклон головы вправо или влево + пожимание плечами.

Говор янтиковских чувашей разные исследователи включают в состав различных диалектов, сам говор называют по-разному:

1) Н.И. Ашмарин[7] (верховое наречие), Г.И. Комиссаров[8], Л.П. Сергеев (ибресинско-янтиковский говор)[9], А.С. Канюкова (урмарско-янтиковско-канашский говор северо-восточной группы)[10] включают в состав низового диалекта;

2) Т.М. Матвеев включил в состав среднего (переходного) говора (южноцивильский подговор)[11].

Материалы экспедиции 2004 г. отчетливо показывают, что изоглоссы не совпадают с границами административно-территориальных единиц и даже при близком расположении населенных пунктов наблюдаются различия как фонетического, так и лексического плана.

Села Турмыши и Яншихово-Норваши Янтиковского района Чувашской Республики расположены в пяти километрах друг от друга. В фонетике говоров данных населенных пунктов существенных различий обнаружить не удалось, но в лексике встречаются некоторые отличия. Например, ян.-норв. *куматте* «крестный отец», турм. *хреснатте* «id.», коров в Турмышах гоняют словом *хас*, а в Яншихово-Норвашах – *хоç*, сковорода в Турмышах *çатма*, в Яншихово-Норвашах – *тупа* и др.

Кроме того, основная часть жителей с. Турмыши названия соседних населенных пунктов произносит искаженно, тут наблюдается явление метатезы (*Нăвраш* вместо *Нăрваш* «Яншихово-Норваши») и переход длинного согласного «сс» в «шш» (*Лачкашши* вместо *Лачкасси* «Латышево»).

В д. Старое Янашево Яльчикского района Чувашской Республики фонетические особенности, отличия от норм литературного языка в системе гласных зафиксированы не были. Особенностью говора является постановка ударения на конечный гласный независимо от редуцированности/нередуцированности гласных (*кайрăм* «я пошел»; *килдĕм* «я пришел», *ташла* «танцуй», *пĕлĕт* «небо» и др.). В данном говоре замечены небольшие отличия в произношении согласных. Например, произношение звука «*ч*» как мягкого «*т'*»: лит. *чăваш*, ст.-янаш. *т'ăваш* «чуваш».

В лексике староянашевцев наблюдаются такие отличия: *марта* «улей», *куймак* «блины», *пӳске* «мяч», *пуппул* «подвал, погреб» и т.д.

Фонетический облик дательно-винительного падежа также имеет свои

особенности. Литературному варианту *-сене* соответствует *-се*. Например: лит. *хӗрсене* – ст.-янаш. *хӗрсе*; лит. *ҫынсене* – ст.-янаш. *ҫынсе* и др.

Деревня Алгазино Вурнарского района; д. Видесючи, Азамат, Русская Сорма, Чувашская Сорма Аликовского района относятся к калининско-аликовскому говору верхового диалекта чувашского языка. Но тут встречаются свои особенности: в д. Алгазино Вурнарского района; в д. Видесючи, Азамат Аликовского района Чувашской Республики характерная черта верхового диалекта – оканье – слабо выражена или отсутствует. Вместо *пор* «есть», *ҫок* «нет», *воннӑ* «десять» и др. в данном говоре распространено практически совпадающее с нормами литературного языка произношение *пур, ҫук, вуннӑ* и т.д. По мнению Л.П. Сергеева, уканье тут является вторичным явлением, переход оканья в уканье произошёл вследствие интенсивных междиалектных контактов.

В д. Видесючи Аликовского района в значении «здоровый» зафиксировано использование лексемы *таза*. Данное слово в литературном языке имеет значение «чистый». Слово *таса* «здоровый» наиболее часто встречается в этикетном выражении *Таса пул!* «Будь здоров!», произносимом в адрес чихающего человека.

В интервокальной позиции в данном говоре происходит процесс удлинения согласных (в других диалектах в данной позиции глухие согласные озвончаются): *туттӑр*/*моттӑр* «платок», *куккӑль*/*коккӑль* «пирог», *коккӑр* «кривой», *шӑппӑр* «метла» и др.

В ходе исследования говора д. Яманаки Красноармейского района нами были зафиксированы лексемы, характерные для многих говоров верхового диалекта (*мажак* «дедушка по отцу»), *мамак* «бабушка по отцу»), *поскил* «сосед», *мӑнажи* «гром», *хӑбар* «подниматься, взбираться», *ҫӑва* «кладбище» и т.д. Но встретились и такие особенности, как *к'ирлӑ* «нужный», вместо лит. *кирлӗ* «id.», а также *мамок* «бабушка по отцу» вместо стандартного верхового *мамак*, лит. *асанне* «id.».

Приведенные примеры показывают, что разделение на диалекты в зависимости от единиц административно-территориального деления территории Чувашской Республики – не совсем удачный метод, хотя и удобный. К примеру, турмышский и яншихово-норвашский говоры содержат характерные черты говора чувашей Козловского, Урмарского районов. Населенные пункты, расположенные севернее и восточнее с. Турмыши, можно включить в состав урмарского говора средненизового диалекта, а говоры населенных пунктов, расположенных на юго-востоке от с. Турмыши, – в состав низового диалекта чувашского языка, но для этого необходимо провести тщательное исследование говоров всех населенных пунктов района.

Исследование говоров чувашей в населенных пунктах, где чувашское население составляет как минимум 99 %, показало, что в настоящее время идет не столько нивелирование диалектных особенностей, а вытеснение чувашских лексем, словосочетаний, широкоупотребительных оборотов речи русскими эквивалентами. Подобное явление широко распространено в

речи представителей молодого поколения практически во всех населенных пунктах, исследованных нами. Расшифровка диктофонных записей показала, что количество ненужных, неуместных русских вкраплений в чувашскую речь может доходить до 40–50 %. Редким исключением в данном случае была д. Старое Янашево Яльчикского района, где подобных вкраплений наблюдалось значительно меньше (возможно, из-за преимущественного общения с представителями старшего поколения мы обращали мало внимания на речь молодых носителей данного говора).

Встречаются такие предложения: ***Фундамента*** *часрах* ***копать*** *туса пӗтерсе* ***заливать*** *тумалла та* ***магазина подарок*** *илме каймалла, паян* ***дядя*** *Сергейӑн* ***день рождени, поздравить*** *тумалла* (Янтиковский р-н, с. Турмыши) «Надо поскорее выкопать яму под фундамент и сходить в магазин за подарком, а то сегодня у дяди Сергея день рождения, надо поздравить». В приведенном предложении девятнадцать слов, из них девять взяты без изменений из русского языка. Данное предложение еще в 1960–1980-х гг. могло звучать следующим образом: *Никӗс часрах хывса пӗтермелле те лавккана парне илме каймалла, паян Сергей пиччин ҫуралнӑ кун, саламламалла.*

Кроме приведенных примеров, часто звучат обороты типа: *потому что паян не могу* «потому что сегодня не могу»; *вӑл каларӗ, что килмест* «он сказал, что не придет»; *эс ыран звонить ту* «ты завтра позвони»; *первое полене ыраш сеять тунӑ* «на первое поле посеяли рожь» и т.д.

Таким образом, в результате исследования удалось прийти к следующим выводам:

1. В Марпосадском районе (а позже и в других районах) пришлось не раз столкнуться с тем, что анкетирование и опрос относительно отдельных фонетических и морфологических особенностей лексем не всегда дают адекватные сведения. Нередко лишь запись на аудио- или видеокассету длительной беседы на отвлеченные темы позволяет определить те или иные черты.

2. Нередко диалектологи янтиковский говор полностью включают в состав низового диалекта, но данные экспедиции показывают, что в селах Турмыши и Яншихово-Норваши ярко выражены особенности урмарского говора чувашского языка. Возможно, в других населенных пунктах распространены те же черты урмарского говора;

3. Данные по Марпосадскому и Янтиковскому районам показывают, что у северо-восточных чувашей несколько фонетических вариантов аффикса множественного числа: *-сӑм, -сӗм*, и в речи некоторых участников опроса отчетливо слышны *-сӑ^{o}м* и *-сӗ^{o}м* и т.д.

4. Несмотря на то, что еще в 50–60-х гг. XX в. диалектологи утверждали, что происходит нивелировка диалектов, отличительные черты всех основных диалектов в обследованных нами четырнадцати населенных пунктах Марпосадского, Красноармейского, Янтиковского, Яльчикского, Вурнарского и Аликовского районов все еще сохраняются.

5. Кроме нивелирования диалектов, под влиянием литературного языка происходят более опасные для сохранения чувашского языка явления: вытеснение широкоупотребительных чувашских слов и оборотов речи русскими эквивалентами. Данное явление происходит из-за того, что даже в сельской местности нет погружения в чувашский язык, с младенчества до старости практически круглосуточно чуваши погружены в русский язык (радио, телевидение, Интернет, красочные и привлекательные газеты и журналы в основном русскоязычные).

Литература и примечания

[1] Языки мира: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 609.

[2] *Schlözer A.L.* Probe Russischer Annalen. Bremen und Göttingen. 1768. S. 105–106. Цит. по: *Сергеев Л.П.* Чăваш диалектологийĕ. II. Хрестомати. Шупашкар: И.Я. Яковлев ячĕллĕ Чăваш патшалăх педагогика университечĕ, 2002. С. 5.

[3] Предания чуваш // Казанские губернские ведомости. 1852. № 24, 25, 28 (часть неофициальная).

[4] Разговор анатры, то есть низового чувашина, с вireялем, то есть верховым чувашином // *Михайлов С.М.* Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853. С. 3–9.

[5] *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. С. I–XXXI.

[6] *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 27, вып. 5. Казань, 1911. С. 311–432.

[7] *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. С. IV.

[8] *Комиссаров Г.И.* Указ. соч.

[9] Анатри диалект, унăн вырăнти калаçăвĕсем // *Сергеев Л.П.* Чăваш чĕлхин вырăнти калаçăвĕсем. Шупашкар, 1969. С. 41–47.

[10] *Канюкова А.С.* Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары, 1960. С. 80–122.

[11] *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов // Там же. С. 8–64.

A.V. Kuznetsov

THE CURRENT STATE OF THE CHUVASH LANGUAGE DIALECTS (ON THE MATERIALS OF THE SOCIOLINGUISTIC EXPEDITION OF 2004)

In 2004, the Chuvash state institute of the humanities together with the Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences held a sociolinguistic expedition in six districts of the Chuvash Republic. Mainly, they gathered the material on the use of the Chuvash language in various spheres, the transfer of the Chuvash language from one generation to another, preferences in the choice of newspapers, magazines, TV and radio broadcastings, books in one or another language, etc. On the occasion, dialectal peculiarities of speakers of different idioms have been fixed. Based on these facts, there was an attempt to describe the phenomena taking place in various dialects and idioms of the Chuvash language.

Keywords: the Chuvash language, dialects, idioms, upland dialect, mid-lowland dialect, lowland dialect.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОПИСАНИЯ ЧУВАШСКОГО КРАЯ, СОСТАВЛЕННЫЕ В 1802 ГОДУ ПО АНКЕТЕ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ЧГВ, 2015 г., № 10
© Ю.В. Гусаров

В статье рассказывается об организации и результатах работы по сбору сведений о состоянии сельского хозяйства уездов и отдельных местностей Казанской губернии по анкете Вольного экономического общества, проведенной в 1802 г. Авторами описаний выступили уездные предводители дворянства, опытные помещики, управляющие помещичьими имениями, фабриканты, купцы. Собранные материалы хранятся в фонде казанского губернатора в Национальном архиве Республики Татарстан. Публикуются три ответа на анкету, составленные уездными предводителями дворянства и владельцем имения. Они служат важными источниками по аграрной истории Чувашии XVIII – начала XIX в. и этнографии народов Поволжья.

Ключевые слова: Вольное экономическое общество, сельскохозяйственная анкета 1802 г., Казанская губерния, история Чувашии, этнография народов Поволжья.

В 1765 г. по инициативе императрицы Екатерины II была создана первая общественная научная организация России – Вольное экономическое общество (ВЭО), функционировавшее до 1919 г. (восстановлено в 1992 г.). Его первоначальной задачей являлось «распространение в народе полезных и нужных к земледелию и домостроительству знаний»[1]. Со временем сфера деятельности общества распространилась на промышленность, народное образование, здравоохранение, благотворительность и многое другое[2].

За полтораста лет разносторонней и долговременной деятельности ВЭО накопило богатую историю отношений с регионами страны, в том числе с Казанской губернией. В 1828 г. в г. Казани по ходатайству инспектора Казанской врачебной управы была учреждена оспопрививальня, на содержание которой ВЭО назначило пособие в размере 750 руб. в год[3]. В 1839 г.

Юрий Владимирович Гусаров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gsr63@yandex.ru.

с подачи председателя ВЭО Н.С. Мордвинова было учреждено Казанское экономическое общество. В 1839 и 1840 гг. ВЭО выделило ему пособие по 4 тыс. руб., а в 1853 г. – в размере 500 руб. на издание периодического органа и учреждение в Казани депо (фонд) семян и земледельческих орудий и машин[4]. В 1837–1843 гг. ВЭО заведовало оброчными статьями Казанской губернии (пашни, рыбные угодья, луга, огороды, речные перевозы и др.). В 1840–1843 гг. поверенным Общества по управлению ими являлся чебоксарский помещик, надворный советник М.С. Кушников (ок. 1788–1851), который при назначении на должность был принят в его члены[5].

Руководители ВЭО справедливо полагали, что разработка мер по стимулированию экономики невозможна без глубокого изучения состояния сельского хозяйства, учёта всех его сильных и слабых сторон. С этой целью Общество проводило анкетные обследования и снаряжало научные экспедиции. В 1802 г. по его запросу были составлены анкетные сельскохозяйственные описания уездов и отдельных местностей Казанской губернии, систематизировать которые было поручено руководству Казанской гимназии (исполнено не было). Ныне описания хранятся в фонде казанского губернатора в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ) в составе дела, озаглавленного «Предложение Петербургского Вольного экономического общества о представлении сведений о местном земледелии и сельском хозяйстве для составления общего для России труда о земледелии и сельском хозяйстве и сочинения, представленные на эту тему предводителями дворянства Казанской губернии (10 апреля 1802 г. – 25 апреля 1803 г.)».

Материалы архивного дела частично использовались историками Татарстана[6], но остаются неизвестными для чувашских исследователей. Учитывая данное обстоятельство, а также то, что описания представляют комплексный исторический и этнологический источник, нами были отобраны к публикации три из них, относящиеся к территории современной Чувашии.

ВЭО приступило к анкетным исследованиям уже в начале своей истории. В 1765 г. оно составило, а в следующем году опубликовало и разослало губернаторам, экономическим директорам (управляющим крупными земельными владениями, в том числе частными) и частным лицам анкету из 65 вопросов. Программа анкеты включала общее описание территории губерний (суша, вода, климат), характеристику полезных ископаемых края, экономическую этнографию, сведения о городском и сельском экономическом быте и торговле[7]. В 1784–1788 гг. ВЭО вело переписку с директорами экономий губерний и провинций на предмет присылки сведений о состоянии местных экономик; в 1790 г. объявило конкурс на составление хозяйственных описаний губерний, учредив для отличившихся участников три золотые медали. В 1792 г. разослало на имя генерал-губернаторов и губернаторов таблицы растений, полезных для развития сельского хозяйства и промышленности, с просьбой поручить сведущим лицам доставить сведения о состоянии местного хозяйства[8].

Как правило, администрации регионов игнорировали призывы к сотрудничеству[9], поэтому в начале 1802 г.[10] ВЭО обратилось к Александру I с просьбой оказать содействие в сборе сведений для обобщающего труда о состоянии сельского хозяйства страны («подробное описание Российскому государству по части земледелия и сельского хозяйства»). Общество проинформировало императора о своём намерении подготовить перечень вопросов и разослать их по губерниям с тем, чтобы губернаторы оказали содействие «в скором и подробнейшем доставлении» материалов и назначили «пристойные» награды отличившимся корреспондентам (как видно из материалов упомянутого дела, анкета была подготовлена к маю 1802 г.). 10 апреля 1802 г. император подписал указ на имя губернаторов, в котором поручил «всеми возможными мерами» содействовать осуществлению «полезного» проекта ВЭО, отмечая, что будет рассматривать их практические действия в этом направлении как доказательство «истинного просвещения и любви к отечественным пользам»[11].

Анкета носит комплексный характер, состоит из 7 тематических блоков, охватывающих программные для ВЭО области земледелия и сельского хозяйства. Имена составителей анкеты неизвестны. Судя по содержанию, при её разработке был учтён опыт Общества в этой области. В частности, в ряде вопросов она перекликается с анкетой 1765 г. и программой хозяйственного описания наместничеств 1790 г.

Как оказалось, даже покровительство императора не гарантировало успех. Когда в 1805 г. Александр I поинтересовался у руководителей Общества, удалось ли им собрать истребованные сведения и насколько их уровень отвечает запросам ВЭО, оказалось, что описания были получены только из шести губерний и лишь половина из них признана приемлемой по качеству[12]. В 1809 г. ВЭО напомнило губернаторам о необходимости присылки описаний, что вновь по большей части было проигнорировано. В 1813 г. в отчёте ВЭО министру МВД указывалось, что хозяйственные описания были получены из 8 губерний – Ярославской, Московской, Астраханской, Кавказской, Волынской, Пермской, Курляндской и Тульской, а также из некоторых уездов – Костромской и Черниговской. Часть этих описаний была опубликована в изданиях ВЭО, другая осела в его архиве[13]. Неудача со сбором материалов не позволила учёным ВЭО создать задуманный труд.

Как отмечается, значительная часть долгосрочных проектов ВЭО «не была реализована в полной мере»[14]. Более успешными оказались научные экспедиции, которые ВЭО снаряжало, в том числе в кооперации с другими научными обществами.

Что касается руководителей Казанской губернии, то они проигнорировали все приглашения ВЭО к научному сотрудничеству, сделанные во второй половине XVIII – начале XIX в. (например, в 1790 г. директор экономии Казанского наместничества Н.А. Овцын не ответил на просьбу Общества о предоставлении сведений о производстве мыла в г. Казань, инициированную в рамках изучения поставленного Екатериной II вопроса о картофель-

ном мыле[15]). В Казанской губернии был частично осуществлен лишь анкетный проект ВЭО 1802 г.

Обстоятельства дела таковы. 23 апреля 1802 г. в канцелярию казанского гражданского губернатора А.А. Аплечеева поступил упомянутый выше указ Александра I. Уже 28 апреля был отправлен ответ, в котором губернатор докладывал о «счастии» получить императорский рескрипт и заверял, что приложит все усилия для реализации «столь полезного для земледелия и сельского хозяйства предприятия»[16].

Рассудив, что, поскольку для дворян сельское хозяйство служит источником материального благополучия, 12–19 мая губернатор разослал уездным предводителям дворянства (в том числе чебоксарскому и козьмодемьянскому – 12-го мая, цивильскому и ядринскому – 15-го) ордер, в котором предписал организовать сбор подробных сведений через помещиков, «которые занимаются с преимущественным успехом, усердием и прилежностию в усовершенствовании земледелия и сельского хозяйства», а также «опытных в земледелии и хозяйстве» государственных крестьян[17].

В ордере был приведён вопросник ВЭО с краткой инструкцией по его заполнению. В частности, указывалось, что следует отвечать на каждый вопрос: «по сорту его перечнем, дабы один с другим, к нему не принадлежащим, не был смешан и ничего нужного не было бы упущено в... своём месте со всеми необходимыми к тому принадлежностями». Например, при ответе на вопросы о земледелии не писать о фабриках, и наоборот. Было предписано присылать описания «сколь можно в скорости», а также объявить респондентам, чтобы все, кто в будущем решит дополнить свои описания или «что новое… изобретет к усовершенствованию земледелия и хозяйства», сообщали дополнительную информацию уездным предводителям для передачи губернатору. В заключение выражалась уверенность, что уездные предводители и дворяне окажут содействие заботам императора «о пользе своих верноподданных» и «совершеннейшему успеху» предприятия ВЭО, доказав тем самым свое «усердие и любовь к общественному благу»[18].

20 июня 1802 г. А.А. Аплечеев проинформировал казанского губернского предводителя дворянства В.И. Чемесова о своём указе, поручив ему руководить сбором материалов. После этого последний распоряжением на имя уездных предводителей продублировал приказ губернатора[19].

22 июля 1802 г. на имя А.А. Аплечеева поступило письмо из ВЭО от 4 июля того же года, подписанное руководителями Общества: президентом А.А. Нартовым[20], секретарями Н.И. Фусом[21] и Ф.Ф. Рогенбуке – с просьбой о содействии исполнению именного императорского указа[22]. К письму было приложено 14 экз. анкет «по части земледелия и сельского хозяйства» с просьбой раздать их исполнителям и по готовности представить собранные материалы в Общество. Поскольку к этому времени вопросы анкеты были доведены до всех заинтересованных лиц, все экземпляры остались в канцелярии губернатора[23].

Составление описаний заняло немного времени. Уже 25 сентября 1802 г. В.И. Чемесов отчитался о выполнении поручения перед председателем Казанской палаты уголовного суда С.Я. Веденяпиным, который после смерти А.А. Аплечеева (умер 10 августа 1802 г.) исполнял должность губернатора. К рапорту он приложил три тетрадки с хозяйственными описаниями на 52 листах и сообщил, что в скором времени ожидает присылки материалов от предводителя дворянства Спасского уезда и некоторых знакомых просвещённых дворян. Действительно, 3 октября В.И. Чемесов представил С.Я. Веденяпину описание, составленное предводителем дворянства Спасского уезда, титулярным советником Ф.З. Иглиным[24]. 16 октября им же на имя нового временного губернатора, вице-губернатора Н.И. Ивановского были представлены описания, полученные Ф.З. Иглиным от дворян Спасского уезда – титулярного советника Мячкова, поручика С.А. Языкова и прапорщика, князя Н.И. Болховского[25].

Отрывочную информацию о дальнейшей работе по хозяйственному описанию Казанской губернии содержит опись документов, собранных в ходе переписки по исполнению указа Александра I, сохранившаяся в указанном деле (л. 2–4). Отметим, что в деле отсутствуют многие упомянутые в описи документы, а некоторые, судя по названиям, включены в опись ошибочно. Из описи видно, что 27 февраля 1803 г. новый казанский губернатор Н.И. Кацарев через губернского предводителя дворянства П.И. Вешнякова поручил руководству Казанской императорской гимназии составить хозяйственное описание губернии для ВЭО на основе ранее собранных материалов[26]. На следующий день контора гимназии издала постановление «О плане сочинения общего России описания по земледелью и сельскому хозяйству и о приглашении на будущее собрание опытных особ»[27]. Из пометы на обложке дела видно, что к составлению описания был привлечён учитель математики и физики Казанской гимназии В.И. Запольский, которому был выдан экземпляр анкеты ВЭО (ещё один отослан с письмом П.И. Вешнякову).

24 марта 1803 г. гимназия направила в ВЭО информативное письмо о сделанном сведущим лицам приглашении к сочинению описания и задала вопрос об источниках средств для оплаты труда технических работников – секретаря и писцов (26 мая 1803 г. Общество отказало гимназии в денежном пособии на эти цели). 31 марта появилось постановление конторы гимназии о создании условий («лучших способов») для составления описания и «по возможности содействия» ему со стороны конторских работников, а также о «положении (назначении? – *Ю.Г.*) секретаря и писцов для собрания сведений и расходе суммы» на эти цели[28].

Вероятно, по примеру других губерний планировалось снабдить описание географическими картами, статистическими и хозяйственными таблицами[29]. Так, 24 марта 1803 г. инспектор гимназии И.Ф. Яковкин составил требование о доставке чертежей Казанской губернии и её уездов, сделанных в ходе Генерального межевания, которое 28 марта было направлено в Ка-

занскую межевую контору[30]. 3 апреля межевая контора направила гражданскому губернатору Н.И. Кацареву рапорт с отказом в присылке чертежей, а 13 апреля информация об этом была внесена в журнал конторы гимназии. 21 апреля 1803 г. межевая контора пригласила И.Ф. Яковкина явиться для «отбирания нужных сведений» из своих фондов (возможно, после вмешательства губернских властей), а 23 апреля проинформировала Н.И. Кацарева о сделанном ею предписании директору чертежей «о вышеписанном предмете»[31].

В описи указаны документы, происхождение которых, как видно, не имеет отношения к составлению описания. Так, в апреле 1803 г. с помощью межевой конторы директор гимназии И.Ф. Яковкин собирал сведения о численности купцов и людей «прочего звания» в Казани и уездных городах для некоего Черневского. В июне того же года рассматривалось предложение городского головы Казани, именитого гражданина О.С. Петрова[32], о сборе «нужных сведений» по программе из девяти пунктов. Тогда же были сделаны выписки «из законов» в количестве 10 пунктов[33].

Материалы дела не дают ответа на вопрос, что помешало завершить начатую работу. Среди возможных причин – недостаточная квалификация исполнителей, отсутствие финансирования или организационные недоработки. Вскоре забыли и о собранных материалах. В ноябре 1811 г. они были случайно найдены конторскими служащими гимназии в залежах старых бумаг. Поскольку документы не числились в описях дел конторы и не относились к сфере её деятельности, было решено передать их по принадлежности литературному Обществу любителей отечественной словесности (КОЛОС), созданному при той же гимназии в 1806 г. Тогда же секретарь конторы гимназии О. Юферов под расписку передал документы адъюнкту университета, секретарю КОЛОС П.С. Кондыреву[34].

Более века дело пролежало под спудом. После Октября 1917 г. оно поступило в Казанский губернский архив, который в 1921 г. был преобразован в Центральный архив Татарской АССР (ныне – Национальный архив Республики Татарстан – НА РТ). Согласно записи в книге поступлений архива, сделанной 10 ноября 1931 г., фонд казанского губернатора, в составе которого находится это дело, был принят на хранение 21 февраля 1919 г. За долгую историю документ не избежал утрат: если на момент передачи в КОЛОС он имел 111 листов, то ныне – 91 (из них 12 – чистые).

В деле подшиты хозяйственные описания всех 12 уездов, а также отдельных местностей Казанской губернии (всего 30), полученные канцелярией губернатора, как сказано ранее, в три приёма. Авторами восьми описаний являются уездные предводители дворянства: Н.Е. Рылеев (Цивильский и Ядринский уезды), С.Г. Григорович (Чебоксарский и Козьмодемьянский), В.А. Безобразов (Казанский и Царевококшайский), К.И. Далакин (Свияжский и Тетюшский), П.А. Манассеин (Лаишевский), П.Н. Аристов (Чистопольский), Ф.З. Иглин (Спасский), Д.Н. Каиров (Мамадышский), двадцати двух – частные лица (помещики или правители их имений, фабриканты, куп-

цы и др.). Среди последних – владелец стеклянной фабрики в Царевококшайском уезде, казанский купец 1-й гильдии И.С. Жарков, служилый торговый татарин и фабрикант С. Юсупов, помещики Казанского уезда – подпоручик И.Г. Тверитинов и коллежский асессор В.Г. Тверитинов, отставной майор артиллерии, помещик с. Покровское Тагашево тож Казанского уезда П.И. Вешняков, помещик д. Русское Исенево Чебоксарского уезда, надворный советник А.И. Апехтин, управляющий винокуренными заводами графини К.П. Шуваловой в Алатском и Казанском уездах Ф. Семёнов, надворный советник И.Ф. Еремеев и др.

Публикуемые описания содержат сведения о местных почвах, возделываемых сельскохозяйственных культурах, агротехнике и орудиях труда, садоводстве, огородничестве и животноводстве, лесах, частных предприятиях по переработке сельскохозяйственного и растительного сырья. Рассказывается как о помещичьем, так и крестьянском хозяйстве. Особо отметим наблюдения о различиях в агротехнике и орудиях труда у русских, чувашских, марийских и татарских крестьян. Например, о том, что применявшаяся чувашскими крестьянами сушка хлеба в шишах не позволяла хорошо просушивать зерно, что сказывалось на коротком сроке хранения изготовленной из него муки. Заслуживает внимания указание о картофеле как огородной культуре (к середине XIX в. он стал главной огородной культурой чувашских, марийских и татарских крестьян и «мало-помалу» стал высаживаться на полях[35]).

Авторы описаний отмечали, что в хозяйствах помещиков доминирует пшеница из-за её высокой доходности, что землевладельцы не занимаются лесовосстановительными работами и др. Материал описаний свидетельствует о формирующихся связях помещичьих хозяйств Чувашского края со всероссийским рынком.

Определённый интерес для истории и этнологии Чувашии имеет информация об урожайности, нормах посева семян, сроках посадки и уборки разных сельскохозяйственных культур (напомним, что в XIX в. юлианский календарь отставал от григорианского на 12 дней), ценах на сельхозпродукты и продукцию её переработки, устройстве мест послеуборочной обработки урожая, агротехнических приемах обработки земли и уборки растений, доходности земледелия и переработки сельхозпродукции и др.

Описания дополняют и уточняют наши знания об аграрной экономике дореволюционной Чувашии. Они подтверждают положения о том, что основой сельского хозяйства являлось земледелие, а животноводство, огородничество и садоводство играли вспомогательную роль и служили для удовлетворения домашних потребностей, что развитие скотоводства сдерживали малоземелье и нехватка пастбищ, а это, в свою очередь, не позволяло в достаточной степени унавоживать поля.

Рукопись была переписана валовым порядком на голубоватой бумаге без водяных знаков, размером 22 х 34,5 см, скреплена по листам подписью губернского предводителя дворянства В.И. Чемесова. Из его рапортов вид-

но, что описания отправлялись в канцелярию губернатора в копиях, лишь некоторые – в оригинале[36]. Скажем, подлинником является описание, составленное помещиком сц. Шмелевки Спасского уезда, титулярным советником П. Аплечеевым. Его текст разделён на два столбца – с вопросами в левой части и с ответами в правой; документ имеет подпись автора.

Судя по особенностям почерка, копии выполнены разными писцами. Каждое описание снабжено заголовком с данными об авторе (должность, звание, фамилия, имя, отчество и др.). Видимо, переписке обязаны происхождением характерные для документа смешение старых и новых грамматических форм русского языка и случаи нарушения порядка слов. Описания имеют отличия по оформлению. Скажем, тексты документов № 2 и 3 не разделены на абзацы, в документе № 4 ответы не пронумерованы.

Авторы публикуемых описаний оставили след в истории Чувашии. Сила Григорьевич Григорович (ок. 1750 – не ранее 1816), подобно большинству дворян, начал карьеру с военной службы и дослужился до секунд-майора. На гражданской службе получил чин коллежского советника. В 1781 г. при открытии Казанского наместничества (губернии) по предложению генерал-прокурора князя А.А. Вяземского Сенат провёл назначения на четыре прокурорские должности (губернии, верхнего земского суда, губернского магистрата, верхней расправы), утвердив С.Г. Григоровича прокурором Казанского губернского магистрата[37]. В этой должности он прослужил до 1786 г. В 1787–1796 гг. являлся прокурором Казанского верхнего земского суда, в 1800–1803 гг. – предводителем дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов, в 1804–1816 гг. – судьёй Казанского совестного суда[38].

С.Г. Григорович имел собственный дом в Казани, расположенный в приходе Вознесенской церкви[39]. В Чебоксарах в 1800 г. квартировал в одном из домов в приходе Благовещенской церкви, в 1802 г. – в доме дворян Кушниковых в приходе Михаило-Архангельской церкви[40].

С.Г. Григорович являлся помещиком д. Новая Родионов Починок тож (Новородионовка) Чебоксарского уезда, находившейся в общем владении его с женой Екатериной Андреевной и вдовы, капитанши М.П. Наумовой. В 1794 г. здесь за Григоровичами числилось 13 дворов с 77 крестьянами обоего пола (42 муж., 35 жен.).

Умер С.Г. Григорович, вероятно, в 1816 г. По крайней мере, в документах за этот год помещицей д. Новородионовка указана его жена Е.А. Григорович (5 крестьянских дворов, 28 муж., 33 жен.)[41].

Николай Егорович Рылеев (ок. 1741 – не ранее 1821) происходил из дворян Тульской губернии. На военной службе дослужился до чина секунд-майора, на гражданской – статского советника. Выйдя в отставку, занимал разные должности в г. Цивильске: уездного воеводы (1780–1781), городничего (1782–1798), предводителя дворянства Цивильского и Ядринского уездов (1802–1809). Являлся среднепоместным помещиком Казанской (деревни Староселка, Улешево, Исламово Цивильского уезда, с. Кушниково, д. Шульгино – Чебоксарского, с. Никифорово – Тетюшского) и Симбирской губерний (всего 237 крестьян обоего пола)[42].

Андрей Иванович Апехтин (ок. 1762 – до 1821) происходил из известного с конца XVII в. рода приказных служителей, удостоенного дворянства в 1793 г.[43] А.И. Апехтин одним из первых в роду поступил на военную службу, во второй половине 1770–1780-х гг. служил адъютантом в Селенгинском пехотном полку, расквартированном в Чебоксарах, Цивильске и их уездах. Вышел в отставку в чине секунд-майора. В 1791–1792 гг. служил заседателем Казанского верхнего земского суда, в 1793–1796 гг. – городничим г. Казани. В 1797–1800, 1803–1806 гг. избирался предводителем дворянства Чебоксарского и Ядринского уездов. Дослужился до надворного советника. В 1812 г. вступил в Казанское ополчение на должность командира пехотного полка и принял участие в Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.

А.И. Апехтин являлся помещиком Чебоксарского (деревни Кочаково, Русское Исенево, Аникеева Слободка), Цивильского (с. Буртасы), Царевококшайского (д. Кужеры), Казанского (д. Глухово) уездов Казанской губернии (всего 369 крестьян обоего пола)[44]. Пользовался репутацией просвещённого человека, имел личную библиотеку[45], дал хорошее образование старшей дочери А.А. Фукс (ок. 1792–1853), которая прославилась как писатель и знаток этнографии народов Поволжья. По косвенным данным, А.И. Апехтин проявлял заботу о просвещении крепостных крестьян. Известно, что в 1783 г. его крестьянин, 15-летний Яким Васильев обучался в Чебоксарах российской грамоте[46].

В соответствии с рекомендацией губернатора предводители дворянства собирали информацию через местных дворян. Например, С.Г. Григорович указал, что «по ненахождению» в уезде помещиков – владельцев пильной мельницы и винокуренного завода – данных об их производительности и количестве рабочих получить не удалось. Содержание публикуемых описаний убеждает, что их авторы обладали хорошими познаниями в сельском хозяйстве. Наличие данных об урожайности, ценах, агрономическом календаре и др., которые сложно удержать в памяти, говорит об использовании ими хозяйственных записей или отчётной документации.

Из труда С.Г. Григоровича узнаём, что дворяне Чувашского края читали литературу по домашнему хозяйству, в частности пользовались рекомендациями популярной книги секретаря ВЭО В.А. Левшина «Всеобщее и полное домоводство» (СПб., 1795. 12 т.). Назовем некоторых из них. По отзывам, «глубокой опытностью по части сельского хозяйства» обладал помещик с. Рындино Цивильского уезда П.Т. Завадский (1767–1824). Из его дневника видно, что он контролировал ход полевых работ, принимал личное участие в огородных работах. По косвенным данным, в хозяйстве П.Т. Завадского применялись механические сельскохозяйственные орудия[47]. Его сын С.П. Завадский (1806–1870) опубликовал статью об опыте борьбы с картофельной гнилью[48].

В библиотеке цивильского помещика, историка Н.С. Арцыбышева (1773–1841) имелась книга по ветеринарии, принадлежавшая кому-то из его предков[49]. Самому историку было хорошо известно первое русское руковод-

ство по сельскохозяйственным машинам и орудиям учёного и агронома И.М. Комова «О земледельных орудиях» (СПб., 1785)[50]. При его потомках имение в д. Мамино Цивильского уезда получило славу образцового помещичьего хозяйства; в 1919 г. на его основе был организован один из первых животноводческих совхозов Чувашии[51].

Анкета ВЭО и сельскохозяйственные описания территории Чувашского края публикуются в соответствии с правилами издания исторических документов. Квадратными скобками обозначены очевидные пропуски и описки. Публикация снабжена комментариями и примечаниями.

Литература, источники и примечания

[1] *Ходнев А.И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. 617.

[2] *Соколов Н.П.* Вольное экономическое общество (ВЭО) // Отечественная история: энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 449–450.

[3] *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 302.

[4] Там же. С. 361–363.

[5] Там же. С. 555, 558; *Гусаров Ю.В.* Кушниковы // Чувашская энциклопедия. Т. 2. Чебоксары, 2008. С. 412.

[6] *Асрутдинова Р.А.* К истории картофелеводства в Татарстане. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-443014.html?page=36 (дата обращения: 1.09.2015).

[7] *Веселова А.Я.* Вопросы «земледелия и домостроительства» в деятельности Императорского Вольного экономического общества // Отечественные записки. 2004. № 1.URL: http://vif2ne.ru:2009/nvz/forum/archive/102/102367.htm (дата обращения: 1.09.2015).

[8] *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 46–50, 71.

[9] Там же. С. 49, 71.

[10] В научной литературе указывается другая дата – 1801 г. Мы исправили её на основании архивных материалов.

[11] *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 72–73; Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 6–6 об.

[12] *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 74.

[13] Там же. С. 76.

[14] *Веселова А.Я.* Вопросы «земледелия и домостроительства» в деятельности Императорского Вольного экономического общества.

[15] *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 352.

[16] НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 8.

[17] Там же. Л. 9 об.

[18] Там же. Л. 9 об. – 10 об.

[19] Там же. Л. 15.

[20] Нартов Андрей Андреевич (1737–1813) – писатель и переводчик. Один из организаторов ВЭО, его первый секретарь (1765–1778, 1787–1797), с 1797 г. – президент.

[21] Фус Николай Иванович (1755–1829) – ординарный академик (1783) и непременный секретарь Санкт-Петербургской академии наук (1800–1825), секретарь ВЭО.

[22] Рогенбуке Фёдор Фёдорович – агроном, переводчик с немецкого, автор трудов по сельскому хозяйству. Активный член ВЭО.

[23] НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 14, 75.

[24] Там же. Л. 2 об., 15, 63.

[25] Там же. Л. 66.

[26] Там же. Л. 14, 75.

[27] Там же. Л. 3.

[28] Там же. Л. 3 об., 4.

[29] *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 74.

[30] НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 3.

[31] Там же. Л. 3 об.

[32] Арский православный некрополь. URL: http://www.hram-klad.narod.ru/i.html (дата обращения: 15.05.2015).

[33] НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 3 об. – 4.

[34] Там же. Л. 1.

[35] *Пелль П.* Промышленность. Хозяйственные заметки о Казанской губернии // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1845. 13 октября. Стб. 396.

[36] Там же. Л. 63, 66.

[37] Документы, касающиеся открытия Казанского наместничества (1780–1783 гг.) // ИОАИЭ. 1908. Т. 18, вып. 4–6. С. 21, 26.

[38] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1804. СПб.: Имп. Академия наук, [1804]. С. 86; Месяцеслов… 1816. СПб., [1816]. С. 295.

[39] НА РТ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 96. Л. 31 об.

[40] Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 225. Оп. 7. Д. 23. Л. не нум.; Д. 21. Л. 3.

[41] *Клементьев В.Н.* Козловка: исторический очерк. Чебоксары, 1997. С. 225–226.

[42] *Гусаров Ю.В.* Рылеевы // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 600.

[43] ГИА ЧР. Ф. 90. Оп. 1. Д. 978. Л. 25–25 об.

[44] *Гусаров Ю.В.* Из истории дворянского рода Апехтиных // В.Л. Кузьмин и вопросы археографии, историографии и истории Чувашии: Материалы региональной научно-практической конференции (Чебоксары, 4 марта 2014 г.). Чебоксары, 2014. С. 40–42.

[45] Культурные традиции рода Апехтиных прослеживаются на протяжении нескольких поколений. Скажем, отец А.И. Апехтина И.В. Апехтин в бытность секретарем Чебоксарской воеводской канцелярии выписывал газету «Московские ведомости» с прибавлениями к ним (ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 35. Л. 408).

[46] *Гусаров Ю.В.* Из истории дворянского рода Апехтиных. С. 46.

[47] *Гусаров Ю.В.* Дневник провинциального чиновника первой четверти XIX века // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1997. С. 68.

[48] *Завадский С.П.* Излечение картофеля от гнили // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1847. № 18. 27 апреля. Стб. 236–241.

[49] Собрание разных наилучших наставлений и предохранительных средств от скотского падежа, изданное в пользу деревенским жителям. СПб.: [Тип. Академии наук], 1763 // Отдел рукописей и редкой книги Научной библиотеки Казанского федерального университета. Шифр: С. 2595. XV/141 (в составе конволюта).

[50] *Толмачев А.Л.* Переписка А.Т. Болотова и Н.С. Арцыбышева // Вестник архивиста: информационный бюллетень. 2002. № 2. С. 177.

[51] *Гусаров Ю.В.* Цивильский затворник: Очерк жизни и творческой деятельности Н.С. Арцыбышева. Чебоксары, 2000. С. 70.

Материалы сельскохозяйственных описаний чувашских уездов Казанской губернии по анкете Вольного экономического общества (ВЭО) 1802 г.

1. 1802 г. мая, 12. – Выписка из распоряжения гражданского губернатора Казанской губернии А.А. Аплечеева уездным предводителям дворянства с вопросами анкеты Вольного экономического общества для составления описания сельского хозяйства России

[Л. 9 об.:] 1-е. Какой грунт земли вообще состоит употребляемой под земледелие? Какой удобнее к тому признается, различив свойства грунтов и пользу каждаго. Для какого именно произрастения, то есть для какого рода хлеба, для коноплей и прочаго, что только в хозяйство входит, какая земля требуется?

2-е. На какое количество земли, разумея [Л. 10:] оной качество и доброту, сколько семян, смотря по сорту хлеба и других произрастений употребляется? Каким образом и чем, какого свойства земля удобряется и под посеяние для каждаго роду семян, каким же образом и в какое время приготовляется или распахивается, какие при которых случаях берутся меры, средствы и способы? Когда чему именно бывает, и быть должен сев или посажение, какими орудиями и как производится снятие нив, сена, конопли и прочих произрастений, до сельскаго хозяйства и экономии[1] относящихся?

3-е. Каким образом и где сберегается хлеб немолоченной и разныя произрастении? Какия в рассуждении всего онаго принимаются предосторожности?

4-е. Где обмолачивается хлеб? В каких местах сохраняется обмолоченной хлеб? Какое делается употребление из соломы, мякин и прочаго, сообразно сему и о прочих продуктах объяснить.

5-е. Держась местных сведений дать понятие, где какие *[1]есть[1]* леса, как оные сберегаются, рассаживаются ли вновь на место вырубленных и каким образом сие происходит? Какое делается и с какого роду лесов употребление, польза и выгоды?

6-е. В чем именно ограничивается[2] сельское хозяйство, объясня в подробности все онаго предметы, как-то: заводы лошадиные, коровьи, овечьи и другие? Также винокуренные, мыловаренные, поташные и других родов, равномерно фабрики суконные, полотняные и какие где есть мельницы мукомольные и пильные? Каким образом всякая часть из сих заведений устрояется, [Л. 10 об.:] что к тому требуется? Сколько людей, на что употребляется собственных своих и нанятых? Какие станы[3] или пособии на что именно потребны? Что стоить может хозяину каждое во особенности заведение?

[1-1] *Написано над строкой.*

И 7-е. Какие от всего вышеписаннаго, то есть, от земледелия и хозяйства проистекают пользы и употребления, изобилие и источники к приобретениям?

На первом листе помета: № 1713. Мая 12-го ч[исла] 1802 года.

НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 9 об. – 10 об. Копия.

2. 1802 г., [не ранее 15 мая – не позднее 25 сентября].[*1] **– Ответы на сельскохозяйственную анкету Вольного экономического общества, составленные предводителем дворянства Цивильского и Ядринского уездов Н.Е. Рылеевым по распоряжению казанского гражданского губернатора А.А. Аплечеева**

[Л. 21 об.:] Цивильской и Ядринской округ[4] предводитель дворянства господин коллежской советник Николай Егорович Рылеев

на 1-е

В Цивильской и Ядринской округах вообще земля большею частию чёрная, а отчасти есть глинистая и песчаная, из них черная удобна для посеву ржи, овса, полбы, ячменя, коноплей, глинистая – к посеву гороха и гречи, песчаная, со удобрением навоза – для пшеницы, а вновь поднятая земля черная из залога[5] – для посеву льнянаго[*2] семя, проса и огурцов, из лесу вычищенная удобна под репу.

на 2-е

На десятину[6] длинником[7] восемьдесят, поперешником[8] – тридцать сажен[9], на черную землю выходит семян: ржи одна четверть[10] [и] четыре четверика[11], овса – две четверти [и] четыре четверика, полбы и ячменя – по две четверти и по два четверика, коноплей – две четверти; на глинистой: гороху – четверть [и] четыре четверика, гречи – две четверти; на песчаной, со удобрением навоза, пшеницы – четверть [и] четыре четверика, а на вновь поднятую из залога десятину льнянаго семя – шесть четвериков, проса – два четверика, огурешнаго семя – тридцать фунтов[12], из лесу вычищенной репнаго семя – осьмнадцать фунтов.

[Л. 22:] Удобряется земля толокою[13] скота и навозом. Вывозится навоз на пар в начале июня месяца, а под конопли перегорелой навоз, кой уже претворится в землю, и вывозят пред посевом в начале мая месяца. Под гречу не унавоживается, ибо после гречи земля от неё сдабривается, а когда унавоживать, то греча по нежности может свалиться.

В распашку приготовляется земля сохами, косулями[14] и плугами. Ежели сохами, то два раза пашут и боронят: первой раз парят[15], а другой раз посеевши, запахивают и заборанивают. А косулями и плугами один раз пашут

[*1] Документы №№ 2–4 датированы по: НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 2–2 об., 10 об.

[*2] *В документе встречаются другие варианты написания слова:* альлянаго, льлянаго.

и один раз заборанивают. В сохе и бороне ходит одна лошадь, в косуле – две, а в плуге – четыре и шесть, смотря по доброте[16] лошадей.

Под яровой хлеб земля в пашню приготовляется в апреле месяце, а сеять начинают: горох в половине апреля и позже, по времени смотря, овёс, ячмень и полбу – в конце апреля, пшеницу – в первых числах мая, лен, просо, гречу, конопли и репу – во второй половине маия, а огурцы должно сеять в мае под полн. месяца[*1], ибо тот сев лучшей и замечается, что в посеве таком при солении будут огурцы туги[е] и не ноз[д]ристыя.

Пар приготовляют под посев ржи июня в половине, сеют рожь в начале августа.

Огородные продукты на приготовленных заступами[17] и лопатами грядах сажают руками; овощь: горох, бобы, морковь, свеклу, брюкву[18], редьку – с начала мая; огурцы, капусту – во второй половине мая. Траву начинают косить литовками[19] июля с 9-го. Сено с[о]бирают и кладут в стога и омёты смотря по количеству копен. Потом начнут в полях чинить снятие нив, вопервых, ржи в половине июля и кладут по сту снопов в копну, потом яровой хлеб и кладут в скирды[20]. Из яроваго ж прежде всех начнут жать ячмень, ибо он скорее другаго хлеба поспевает, а потом один хлеб за другим снимают, затем лен, конопли, огурцы, репу, хмель и после огородные продукты и всё оное кончат в сентябре месяце, а при худом хозяйстве к октября до половины проведут уборкою всего онаго.

[Л. 22 об.:] на 3-е

Сберегается хлеб немолоченной на гумнах, в отдаленных от жила[21] местах, и кладут в клади и копны колосом внутрь. Кладь подобна сенному омету[22], а копна кладется наподобие опрокинутой корчаги[23]. Вокруг клади и копны обтыкают деревянными спицами, чтоб покрытая вместо крыши солома не спалзывала, и, накрыв густо соломою и положа сверх соломы ветреницы из хворосту или из соломы ж свитую верёвку, прижимают, чтоб солому ветром не поднимало, и тем самым сохраняется хлеб от мокреди, которой может без вреда несколько лет стоять. А огородные продукты кладутся в тёплые погреба, чтоб от морозов сохранены были.

на 4-е

В обеих округах, Цивильской и Ядринской, молотят у помещиков на покрытом току[24], а у крестьян – татар, чуваш и у русских – на открытом.

Овины у русских с крышею и подлазом, а в верхнем жиле снопы садят на овин по четыреста и по пятисот снопов. Татары и чуваши без крыши на шишах[25] хлеб садят тож снопов до четырёх- и пятисот. Под шишом сделана яма, выкладенная камнем, где кладут огонь, а вверху наподобие заслонки вставливают лубки[26], чтоб от огня искры в хлеб не летали.

Обмолоченной хлеб кладут в обыкновенные житницы[27], кои ставятся при самом жиле.

[*1] *Так в документе. То есть:* под растущую луну.

Солому употребляют скоту в пищу и на подстилку, также на крыши и на запрудку мельниц; ухвосье[28], колос, мякину[29] – скоту и птицам в пищу, а излишнюю продают.

на 5-е

Леса во владельческих [30] дачах сберегаются присмотром и делают вновь рощи, рассаживают березник. На место ж срубленных дерев по изобилию лесов вновь не рассаживают, а только от корня срубленнаго дерева бывают побеги. У коронных поселян[31] за присмотром форштмейстеров[32] [Л. 23:] и волостных правлениев лес сберегается.

Из лесов же владельческих употребляют сосновой, елевой, липовой и осиновой в строение домов, дубовой – в корабельное строение, негодной – в полозье, катки, бочки и на прочие столярные поделки, а прочий лес: тальник[33], березник, ольха – в дрова. Но большею частию владельцы в сих округах лесом не изобильны, а имеют кустарники, из коих с нуждою употребляют в дрова.

на 6-е

Как в Цивильской и Ядринской округах у владельцов земли не в довольном количестве, то и заводов конских, коровьих и овечьих нет, а содержут самое малое число [скота] для домоваго только расходу. И по малости скотскаго корму, а особливо во время поднятия паровой земли при соблюдении к накормлению коров нужно употреблять крапиву, изрубя, обдав оную кипятком, посыпав мукою, коя в пище должна быть здорова, да и молока может корова дать больше.

Винокуренных и мыловаренных заводов, фабрик суконных, полотняных и пильных[34] мельниц не имеется, а есть поташные[35] заводы, также и мукомольные мельницы на четыре, на три, на два и на один постав[36].

При выстройке мельниц выходят разные суммы, смотря по числу поставов. Когда на четыре постава, то становится рублей в тысячу, а чем меньше, тем дешевле. Но за всеми расходами приносит владельцу каждой постав в год доходу по сту рублей и более.

От поташных заводов от каждаго котла имеет владелец в год доходу рублей по двести и более.

На заведение и устроение мельниц и поташных заводов употребляются в работу по временам свои крестьяне и наемные с заплатою по тридцати, а иногда и по двадцати по пяти копеек в день человеку.

Земледельческое произведение приносит прибытку смотря по урожаю. Рожь родится сама-четверта и сама-третья, яровой хлеб, как-то: овес, ячмень, полба, горох, греча, [Л. 23 об.:] проса – сам-пять и сам-четверть, а иногда и сам-третей приходит, а посему вернаго годоваго дохода положить не можно, но при всем том лучшее хозяйственное заведение в хлебопашестве, кое приносит каждогодно питомство[37] и доход.

на 7-е

От земледелия польза: во-первых, питаются все люди трудящияся в земледелии, а при них и птенцы их[38], также скот и птицы, а остаток продают.

Владелец же хорошаго хозяйства, ежели имеет сто тягол[39], коими засевает сто десятин ржаным и сто – яровым хлебом, то может за употреблением домоваго расхода продать хлеба по дешёвой цене: ржи на 500, ярового – на 500, всего на 1000, а по дорогой цене и на 2000 рублей.

По Цивильской округе поташных заводов на владельческих землях шесть: 1-й при селе Воскресенском Андырчи тож, губернскаго регистратора Андрея Александрова[40] – на 2 котла, 2-й при селе Новопетровском Каргали тож, коллежскаго секретаря Андрея Терскаго[41] – на три котла, 3-й при селе Никольском Паново тож, гвардии прапорщика Фёдора Лакреева-Панова[42] – на восемь котлов, 4-й близ села Другаго Сундыря Кресниково тож[43], секретаря Василья Кайсарова[44] – на два котла, 5-й при селе Никольском Панов Починок тож, надворной советницы Леонтьевой[45] – на три котла, 6-й при деревне Починке Кичкееве, коллежскаго советника Александр[а] Булыгина[46] дочери девицы Варвары Александровны[47] – на девять котлов[48].

Поташу в год выделывается от каждаго котла по 150 пуд[49], а дров употребляется на варку онаго поташа для каждаго котла до 125 сажен и более. Лес на дрова рубят из своих дач своими крестьянами, а в случае и наемными, платя за каждую сажень [Л. 24:] на месте своим и наёмным по рублю, а временем и дороже. Золу жгут из своих лесов, а иногда привозят крестьяне из соседственных владельческих дач и продают четверть золы по рублю по пятидесят[и] копеек и дороже.

Подпись по листам: Губернский предводитель [дворянства] Василей Чемесов.

НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 21 об. – 24. Заверенная копия.

3. 1802 г., [не ранее 12 мая – не позднее 25 сентября]. – Ответы на сельскохозяйственную анкету Вольного экономического общества, составленные предводителем дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов С.Г. Григоровичем по распоряжению казанского гражданского губернатора А.А. Аплечеева

Чебоксарской и Козьмодемьянской[*1] округ предводитель дворянства, господин коллежской советник Сила Григорьевич Григорович

на 1-е

[Л. 24:] Грунт земли, под земледелие употребляемой, представляет вид красной, глинистой и иловатой серой. Первой, когда будет хотя несколько удобрен, предпочитается последнему. На обоих вырастает рожь, но для пшеницы способен глинистой грунт, а особливо когда лето незасушливо. На иловатой растет горох, овес, ячмень и лен.

[*1] *В документе название уезда дано в написании:* Козмодемьянской.

Сеют на новораспаханных землях, по необходимости же – и на старых, но для онаго избираются земли лучшаго качества.

Других родов семян сеять нет обыкновения, да и не нужно, потому что выгоднее прочаго хлеба пшеница, которая по большей части все яровые поля занимает. Конопля, гречи, проса и полбы самое малое делает исключение, и все сии четыре рода, особливо же три первые, растут посредственно, почему и сеются редко. Картофель садят только в огородах. Довольно родится хмелю, под которой земля требуется чёрная, весьма хорошо удобренная.

на 2-е

Количество семян употребляется равное на всякой грунт земли, ибо разность оных в сем отношении не делает приметного различия, вообще высевается на десятину [Л. 24 об.:] осьмидесяти сажен длины и тридцати широты, ржи – одна четверть, пшеницы – одна четверть два четверика, ячменю – одна четверть шесть четвериков, овса – две четверти, льняного семя – одна четверть четыре четверика. Несколько менее сеют обыкновеннаго на новоудобренной земле, а еще менее – на новораспаханной, потому что излишек рассеянных семян производит мелкой колос.

Обрабатывание, посев и съем хлеба происходит следующим образом: начиная земледельческие работы с пароваго поля, которое было прошедшаго года под яровым хлебом, с весны до конца мая употребляется под пас[т]ьбу скота.

По окончании яроваго посева начинают вывозить навоз на сие поле, ибо всякой грунт старой земли требует удобрения. Удобрение земли не в обыкновении, инакова как только одним навозом, полагая на каждые две квадратные сажени по тележному возу.

Земля для удобрения назначается не столько по годовому порядку, сколько по нужде, происходящей от ея положения, ибо со скатистой поверхности удобренной слой сносится водой, следовательно, земля в иных местах родит без удабривания около двадцати лет, а в других требует удобрения даже и чрез три года. При большом удобрении земля принесёт, конечно, больше плода, но неудобность держать много скота делает недостаток в навозе, а других удобрительных веществ нет, кроме сгнившей соломы, которая в малом количестве гноится в кучах. По унавожении каждой десятины разравнивается навоз и вспахивается земля, дабы парами не выходил сок.

Для всех возовых работ употребляются лошади, для орания[50] земли – сохи и бороны, прочие хлебопашественные орудии не в обыкновении.

По окончании возки навоза, с последних чисел июня, начинается вспахание пароваго поля, потом оное тогда же забораниваются. Главное при сем намерение [Л. 25:] состоит в том, чтоб сделать землю мягкою и рыхлою и истребить всю выросшую с весны траву. Много требуется труда разбить комья земляные на глинистой земле, которые не рассыпаются под бороной, хотя бы оная имела железныя зубья, однако по большей части разбиваются ручными колотушками, что малолетние мальчики и девочки охотно исправ-

ляют. Приготовивши сим образом паровую землю до посеву ржи, принимаются за сенокос и жнитво.

Ржаной сев происходит по уборке ржи с поля, с половины августа, и даже до сентября, но, несмотря на здешние обыкновения, лучше бы сеять хотя несколько ранее, ибо очевидно: поздний сев всегда производит худую озимь.

Сев бывает таким образом: вышед на поле для посеву, начинают рассыпать семена, навеся на шею лукошко и бросая из него рукою. Засеяв полосу, имея при том уже готовую лошадь с сохою, тотчас запахивают оную, а потом заборанивают. Из поселян же чуваша и черемиса сеют рожь, вспахавши наперед в сие самое время землю, а по посеянии только заборанивают семена, однако лучше сеять под соху, нежели под борону.

Для яроваго посеву, как скоро сойдет снег и земля несколько обсохнет, начинают пахать поле, которое прошедшаго лета было под рожью. Вспахав, заборанивают, потом, когда придет время, сеют, а некоторые (если не препятствуют другия домовыя работы), вспахивают ржаное поле в сентябре месяце и, не заборанивая, оставляют под зиму. В сем состоянии земля лучше напаяется плодородною снежною водою, и травные коренья морозом истребляются. Весною поступают с ней точно таким же образом, как бы она была и не пахана.

Яровой сев начинается по нагорной стороне Волги[51] не прежде 10-го мая. Сеют горох, которой растёт в небольшом количестве, потом овёс, наконец, с 15-го числа и даже до 25-го, ячмень, пшеницу. [Л. 25 об.:] Лён и конопли сеют между 20-го и 25-го числа. Делают опыты над пшеницею по предписанию в книге «Всеобщее и полное домоводство»[52], [вы]мочив её пред посевом сутки в навозной воде. Но сей опыт не удаётся. Хотя мочёная пшеница всходит скорей немочёной, но вырастает не лучше последней, может быть, потому, что по посеве не бывает иногда долго дождя и немочёная удобнее стерпит засуху.

Образ сеяния яровых семян один и тот же, как для ржи, овса и прочаго. Надлежит только яровые семена прежде сеяния пропустить сквозь решето, дабы непоспелые тощие зерна, куколь[53], торика[*1] и всякой сор отделился.

В продолжение июня, когда пшеница, ячмень и овёс еще не колосились, один или два раза выпалывают из них траву, что обыкновенно делается чрез крестьянок. Оне же наиболее стараются и об очищении льна от всех других ему вредных растений.

Хмель, единожды осенью насажденной кореньями в хорошую землю, растет многие годы без посадки и требует только, чтоб оный на зиму прикрываем был соломою, дабы не вызяб. Солома уже не убирается с места, а тут сгнивает, и земля тем вновь удобряется.

[*1] *Правильно:* торица. Торица – род травянистых растений семейства гвоздичных.

Весною коль скоро покажутся хмелевые ветвины, ставят между их высокия тычины[54] и в продолжение первых недель заправляют ветвины, чтоб оные обвивались вокруг тычин, приноравливая, дабы на одной тычине не было больше двух или трёх хмелин, по тому числу и ставят столько тычин. В августе, когда хмельные шишки созреют, роняют тычины на землю и шишки щиплют руками. Потом оные рассыпают под крышкой[*1] и просушивают. Сухия готовы бывают для употребления.

Начало ржаной жатвы случается между первыми днями июля и 6-го августа, а яроваго – между 10-го августа и первых чисел сентября. Рожь, пшеницу, ячмень, овес и просо жнут серпами [Л. 26:] мужчины и женщины, отрезывая колос с соломою от земли в полуаршине[55] или как высота нивы позволяет. Нажавши, сноп связывают тою же соломою, а при окончании дня снопы становят в копны и так до будущаго в гумно[56] своза для просушки в поле покидают.

Гречу и горох подкашивают косами и, просушив в рядах, свозят в гумно. Конопли и лен вырывают женщины с корнем и, связавши в снопы, оставляют для просушки. Из коноплей одного рода бывает посконь[57], которая никаких семян не производит и собирается несколько прежде, оставляя конопли на корню для созре[ва]ния семян.

Сенокос начинается всегда почти вместе с ржаною жатвою, хотя оной можно иногда несколько отсрочить ради уборки ржи, но переспелая трава не будет столько питательна, как молодая, для чего и отправляются мужчины на сенокос, а женщины – на жниву.

Косы употребляются литовки, а у чуваш и черемис горбуши[58] на коротких рукоятках наподобие ж кос. По подкошении трава на земле должна просохнуть, для чего оную чрез сутки или дни чрез два переворачивают. Напоследок, когда сделается совершенно суха, призывают на помощь женщин и общими силами сено сгребают деревянными граблями в копны, и свозя оные на лошадях, сметывают вилами в стога. В сем состоянии сено остается безвредно до того времени, когда понадобится для употребления, и часто целой год на том месте простаивает. Портится малое количество сверху и лежавшее на самой земле. Продолжение сенокоса зависит от погоды: в сухое время оканчивается безостановочно и довольно скоро, а когда случающияся дожди мешают сохнуть траве, останавливается, и нередко подкошенная трава совсем сгнивает.

на 3-е

По окончании жатвы свозят снопы в гумна и складывают в скирды, которые сверху прикрывают [Л. 26 об.:] соломою. В таком состоянии хлеб немолоченной сохраняется в гумнах иногда не по одному году. А у черемис и чуваш – на подмостках [с] врытыми столбами, и на них кладут жерди, сохраняя хлеб от мышей.

[*1] *Правильно:* под крышей.

на 4-е

Вымолачивается хлеб посредством овинов[59], который составляет деревянной четвероугольной сруб, крытой соломою. В него насаживаются снопы стоймя, колосом вместе, в два ряда, числом от четырёх[сот] до шестисот и от жжения в вырытой под полом онаго яме дров просушиваются. Сколь скоро оный довольно просохнет, тогда принимаются молотить, вытаскивая снопы на ток, которой образует пред отверстием овина сделанную на земле площадку, расчищенную и углаженную, длиною около десяти или более [сажен], широтою трёх сажен, где кладутся снопы поперёк тока в два ряда колосьями вместе, и, уклавши сим порядком, бьют мужчины и женщины молотилами, потом снимают солому, колос очищают метлами, а зерно и мякину, собрав в кучи, вывевают лопатами. И так [хлеб] сделается готов к сносу в анбар, где оной обыкновенно хранится. Людей для обмолочения одного овина потребно шесть человек.

А у чуваш и черемис вместо овинов употребляют шиши, которые образуют конус из поставленных на землю жердей, вверху связанных. Сии жерди обкладывают снопами, а внутри жгут дрова. Но по худой просушке смолотой в муку тот хлеб не способен к долгому лежанию.

Колос, мякина и солома исходят почти все на корм рогатаго скота, исключая соломы, которой часть употребляется на покрышку дворов и обращения в навоз.

Обработанием льна и коноплей занимаются одне женщины. По просушении оных в снопах, выключая[60] овинов, вымолачивают семена [Л. 27:] таким же порядком, как и хлеб. А после лён и посконь вывозят на луг и расстилают мелкими горстями, оставляя лежать в дождливую и тёплую погоду на три недели, а в сухую или холодную – на месяц и более. Потом, собрав с земли опять в снопы, просушивают в избах или овинах, мнут в ручных мялках, затем остающуюся костригу[61] сбивают трепалом[62] и таким образом делают способным к пряже.

Конопли кладут в воду на две недели, когда она тепла, а когда холодна, требует времени более. Потом также просушивают и мнут.

Урожай хлеба, по сложности[63], ржи одна четверть доставляет прибыли от шести до девяти [четвертей], пшеницы – от трёх до четырёх четвертей, ячмень – в три и четыре раза, овёс – от трёх до пяти раз против количества семян, льнянаго и конопляного семени одна четверть даёт от двух до четырёх четвертей.

на 5-е

Лес по нагорной стороне преимущественнее дубовой, отчасти осиновой и липовой, а по другую сторону реки Волги – сосновой и еловой. Делаются из дуба в большом количестве оси, сани, колеса для собственнаго продовольствия вообще жителей, а у помещиков и продаются торгующим для отвоза по Волге в низовые города и другие места, протчей употребляется на необходимое строение.

К соблюдению лесов предприемлются средства отводом от форштмейстеров на продовольствие жителям указных частей. Сеяния ж и рассад-

ки лесам не бывает (кроме заповедным рощам[64], кои состоят в особливом ведомстве форштмейстеров) по причине, что леса большею частию дикорослые и в довольном количестве.

[Л. 27 об.:] на 6-е

Хозяйство заключается частию в садоводстве и скотоводстве для собственнаго содержания, но главное в хлебопашестве. А по сему случаю в означенных уездах находится в довольном количестве двоякаго роду мукомольных мельниц, из коих преимущественнее[65] наливные, сделанные посредством утвержденных на реках больших плотин, содержащих в одном анбаре, по количеству воды, от одного до четырех поставов. А другие гораздо менее, называемые колотовки, посредством вделанных в деревянной стоячей вал нескольких плиц[66], в кои наливается вода и производит на стоящее действие в небольшом амбаре, не более как на один постав. На устроение оных мельниц по давнишнему их заведению употребляется количество людей, соразмерно случающемуся иногда от наводнения к повреждению, от десяти до двадцати человек, а для поспешности и более. Для управления мельницею [требуется] один мельник и один засыпка[67]. Да в числе оных в Козьмодемьянском уезде у помещика Попова[68] находится пильная мельница, да в Чебоксарском у помещика Есипова[69] – винокуренный завод, коих о заведении и действии равномерно и употреблении на оных людей, по ненахождению помещиков, сведения не доставлены. Других же заводов мыловаренных, поташных, равномерно фабрик суконных и полотняных не имеется[70].

на 7-е

Происходящее от земледелия и хозяйства изобилии доставляют жителям годовое содержание и оплачивается к приобретению пользы довольным количеством, а поселянам без малейшей нужды на платеж всякаго рода государственных податей, исправление домостроительства и умножение скотоводства.

Подпись по листам: Губернский предводитель [дворянства] Василей Чемесов.

НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 24 – 27 об. Заверенная копия.

4. 1802 г., [не ранее 12 мая – не позднее 25 сентября]. – Ответы на сельскохозяйственную анкету Вольного экономического общества, составленные помещиком д. Русское Исенево Чебоксарского уезда Казанской губернии А.И. Апехтиным по распоряжению казанского гражданского губернатора А.А. Аплечеева

Господин надворной советник Андрей Иванович Апехтин

[Л. 48:] [на 1-е]

Грунт земли при деревне Исеневой[71], состоящей в уезде Чебоксарском, серой, с частию суглинка[72].

[на 2-е]

Удабривается более [Л. 48 об.:] всякой год навозом, которой и начинают на поля вывозить по посеве яроваго хлеба недели чрез две подесятинно. Десятина ж составляет восемьдесят сажен длиннику, сорок – поперешнику.

С половины июня месяца начинают парить землю сохами, разметавши из куч вывезенной навоз и дав ей выгореть пред посевом за неделю.

Боронится деревянными боронами, разбивая как можно мельче комья.

Начинают рожь сеять августа с 1-го числа, которой высевается на десятину удобренной земли по двенадцати, на средней – по четырнадцати четвериков и продолжают сев до 10-го числа августа. Урожай бывает сам-десять и [сам-]восемь.

Горох сеют по растаянии снега по двенадцати четвериков на десятину. Урожай бывает не всякой год, а иногда родится сам-восемь и [сам-]семь.

Овёс сеется с перваго мая, и когда весна бывает ранее – то и в апреле месяце. Семян же высевается двадцать четыре четверика на десятину. Урожай бывает сам-девять и [сам-]восемь.

Пшенице сев происходит маия с 5-го. Ежели весна раннее – то и прежде. Сеется семян по двенадцати четвериков на десятину. Земля приготовляется для посеву пшенице с осени: унавоживается и потом [ра]спахивается и оставляется в зиму, а весною таким же порядком приготовляется, как и прочему хлебу. Урожай бывает сам-шесть и сам-пять.

Ячменю и полбе сев начинается с 8-го мая, иногда и ранее, и продолжается до 14-го числа. Ячменю сеется на десятину двенадцать, а полбы – четырнадцать четвериков. Урожай бывает сам-семь и [сам-]шесть.

Лён сеется с 21-го мая, на земле, вновь расчищенной или хорошо удобренной. Высевается семян двенадцать четвериков на десятину. Урожай бывает семян вчетверо, льну наминается пудов до двадцати.

Конопли сеются с 7-го числа мая на земле, хорошо удобренной. Семян высевают по двенадцати четвериков на десятину. Урожай бывает семян сам-пять. Поскони и коноплей с десятины наминается пудов до пятнадцати.

Греча сеется мая с 17-го числа на земле, изо всего поля худшей, ибо посев гречи землю сдабривает и корень травной выводит. Высевается семян по десяти четвериков на десятину. Урожай бывает годом сам-десять и [сам-] восемь. Снятия нив жнут серпами, горох и гречу косят косами.

[Л. 49:] Сена начинают косить косами июня с 28-го числа. По просушке онаго переворачивают и после гребут в валы, потом делают копны и по счёту копен мечут в стога, полагая во всякой стог тридцать копен.

Хмель садится на удобренной хорошей земле. Первое – землю [в]спахать, потом боронить и назначить борозды глубже, и во оные борозды кладутся хмелевые коренья, потом засыпаются землею. Всякую весну по растаянии снега покрываются соломой для сбережения от морозов и удабривания земли. По всходе онаго становится к каждому отраску[*1] тычина, ме-

[*1] *Правильно:* отростку.

рою сажени в полторы и более. Урожай, когда бывает хороший, берется со ста тычин тридцать пять фунтов, а иногда и пуд чистаго хмелю.

Посконь и конопли выбираются руками и связываются в снопы.

[на 3-е]

По снятии нивы перевозится хлеб в гумно, отдаляя от овинов на приуготовленныя на столбиках постели, кладётся в клади и тем сохраняется от мышей и от сырости земли.

[на 4-е]

Хлеб молотится ржаной[*1] и яровой, суша на овинах, потом из оных выбирается и кладётся в два ряда в один сноп в ригу[73], где молотится молотилами. По обмолоте вывевается на току, потом мерою[74] насыпается в мешки, и отвозют в приуготовленныя, особо поставленные на столбиках анбары, и внутри оных разгораживается досками, наподобие ларей, высыпаются во оные.

Солома ржаная употребляется скотине и [для] рубления в месиво сечки[75]. Колос ржаной месится лошадям и коровам, мякина выходит для месива свиньям и птицам. Месится на горячей воде с мукою, а для птиц оная мякина просевается и таким же образом употребляется. Яровая солома употребляется для скотины вместо сена, а особливо грешневая и овсяная.

[на 5-е]

Лесов в дачах ево, кроме дубоваго и мелкаго дровянаго, не имеется. Произрастение имеет сам собою. Употребляется лес для топления печей, на отведенном месте из мелкаго лесу и из валежнику, а годной дуб сберегается.

[на 6-е]

Заводов лошадиных, коровьих, овечьих, винокуренных, мыловаренных, поташных да и никаких фабрик в особенности не имеет.

Мельницу имеет устроенную при деревне Исеневой на речке Анише на два постава, и при оной находится мельник, и другой из стариков засыпкою. [Л. 49 об.:] Когда в вешнее время [речка] прудится, то требуется людей для починки плотины и запрудки вершников и прочих мелочных поделков не менее двадцати человек. Оная мельница не всегда бывает в действии на оба постава по причине малой воды, а особливо в зимнее время всегда мелет на один постав.

[на 7-е]

И сие заведение по счёту приносит доходу в год до трёхсот рублей.

Подпись по листам: Губернский предводитель [дворянства] Василей Чемесов.

НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 302. Л. 48 – 49 об. Заверенная копия.

[*1] *В документе использовано просторечное:* аржаной.

Примечания

[1] Экономия – домашнее хозяйство, наука о хозяйстве.

[2] Здесь: каковы границы сельского хозяйства как отрасли народного хозяйства?

[3] Стан – приспособление, сооружение (обычно деревянное) для каких-либо работ.

[4] Округ – уезд.

[5] Залог – в сельском хозяйстве – залежь.

[6] Десятина – мера измерения земли, составляла 2400 кв. саженей (1, 0925 га).

[7] Длинник – размер в длину.

[8] Поперечник – размер в ширину.

[9] Сажень – единица измерения расстояния, употреблявшаяся до введения метрической системы мер. Равнялась 213, 36 см.

[10] Четверть – единица объёма сыпучих тел, равная 209, 912 л.

[11] Четверик – единица объёма сыпучих тел, равная восьмой части четверти, или 26, 24 л.

[12] Фунт – старинная русская единица веса, равная 409, 5 г.

[13] Толока – выгон для скота, общее пастбище.

[14] Косуля – соха, отваливающая пласт земли только на одну сторону.

[15] Пар – вспаханное поле, оставляемое на одно лето незасеянным. Здесь: вспахивают поле под пар.

[16] Здесь в значении: от выносливости лошади.

[17] За́ступ – устаревшее название мотыги.

[18] Брюква – двухлетнее растение рода капусты, семейства крестоцветных, гибрид репы и капусты.

[19] Литовка – большая русская коса, которой косят, не нагибаясь.

[20] Скирда – хлеб в снопах, плотно уложенный для хранения под открытым небом. Форма скирды – продолговатая, с вершиной в виде двускатной крыши.

[21] Жило – обитаемое место, жильё.

[22] Омёт – большая куча плотно уложенной соломы.

[23] Корчага – большой глиняный горшок.

[24] Ток – площадка для предварительного хранения и первичной обработки зерна.

[25] Шиш – конусообразный шатер из жердей для сушки снопов.

[26] Лубок – пласт или лоскут свежего слоя древесной коры (луба).

[27] Житница – зернохранилище.

[28] Охвостье – отходы при веянии зерна, состоящие из неполновесных зерен, мелких колосьев, семян сорняков и т. п.

[29] Мяки́на (полова) – отбросы, образующиеся при молотьбе сельскохозяйственных растений. Состоят из мелких, легкоопадающих частей колосовых и бобовых растений, вроде обломков колосьев, цветочных и кроющих пленок колосков, стручьев, обрывков, стеблей и проч.

[30] Владельческий – свойственный владению. Здесь: леса, принадлежащие помещикам.

[31] Коронные поселяне – государственные крестьяне.

[32] Правильно: форстмейстер – лесничий.

[33] Тальник – заросли кустарниковой ивы.

[34] Пильная, то есть лесопильная, мельница.

[35] Поташ – карбонат калия, щелочная соль, которую получали путём водной экстракции из растительной золы с дальнейшей очисткой до необходимого уровня.

[36] Постав – пара мельничных жерновов или вальцов, один из которых неподвижен, а другой вращается на нем, размалывая зерно в муку.

[37] Здесь: плоды, урожай.

[38] Здесь: дети.

[39] Тягло – определенное количество трудоспособных лиц в крепостной крестьянской семье как единица при разверстке барщины, оброка и государственного обложения.

[40] Губернский регистратор Андрей Александрович Александров в 1793–1796 гг. служил секретарём Свияжского уездного суда (Казанское дворянство, 1785–1917. Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001. С. 49).

[41] Андрей Фёдорович Терский (Терсков) в 1801 г. владел 78 крестьянами муж. пола в с. Троицкое Курланга тож Цивильского уезда (ГИА ЧР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 180. Л. 3 об.).

[42] Чебоксарский и цивильский помещик, отставной прапорщик Фёдор Сергеевич Лакреев-Панов (? – после 1811) в 1801 г. владел в с. Николаевское Паново тож Чебоксарского уезда 74 крестьянами муж. пола (ГИА ЧР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 180. Л. 3 об.).

[43] Село Крестниково Цивильского уезда в 1976 г. слилось с д. Александровка. Ныне – д. Александровка Комсомольского района Чувашской Республики.

[44] Василий Семёнович Кайсаров (1751–1820) в 1795–1801 гг. служил секретарём Казанской межевой конторы, в 1801–1809 гг. – цивильским уездным стряпчим. В 1801 г. в с. Крестниково Цивильского уезда ему принадлежало 19 крестьян муж. пола, его жене Анне Андреевне – один (*Симулин А.М.* Кайсаров В.С. // Чувашская энциклопедия. Т. 2. С. 188; ГИА ЧР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 180. Л. 3 об.).

[45] Помещица Вера Ивановна Леонтьева (ок. 1749 – ?) в 1801 г. владела 30 крестьянами муж. пола в с. Никольское и 10-ю – в д. Кулабердино Цивильского уезда (ГИА ЧР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 180. Л. 3 об.).

[46] Александр Петрович Булыгин (ок. 1730–1803) служил по ведомству Главной дворцовой конторы, проживал в г. Казани. Владел 6 крестьянами муж. пола и 14 дворовыми людьми обоего пола (Казанское дворянство, 1785–1917. С. 11; *Агафонов Н.Я.* Казань и казанцы. Ч. 1. Казань, 1906. С. 63).

[47] В 1801 г. помещице В.А. Булыгиной в д. Кичкеево Алексеев Починок тож Цивильского уезда принадлежало 174 крестьян муж. пола (ГИА ЧР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 180. Л. 3 об.).

[48] Ср.: по сведениям Цивильского уездного земского суда, в 1800 г. в уезде имелось шесть поташных помещичьих заводов: в с. Паново два – гвардии прапорщика Федора Лакреева-Панова и надворной советницы Веры Леонтьевой, в сельце Сундырь Крестниково тож – губернского секретаря Василия Кайсарова, в с. Троицкий Починок Можаров тож – коллежского секретаря Андрея Терского, в сц. Александровка – два – секретаря Андрея Александрова (ГИА ЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1473. Л. 241 об. – 242). В конце XVIII в. в Цивильском уезде имелось три поташных завода общей производительностью 1900 пудов поташа в год, в Ядринском – два общей производительностью 750 пудов (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 531. Л. 334).

[49] Пуд – мера веса, равная 16,38 кг.

[50] Орать, устар. – пахать землю.

[51] Нагорная сторона – правобережье Волги.

[52] Книга по домашнему хозяйству секретаря ВЭО В.А. Левшина «Всеобщее и полное домоводство» (СПб., 1795. 12 т.).

[53] Куколь – сорняк с темно-розовыми цветами и ядовитыми семенами, растущий среди злаков.

[54] Тычина – жердь, воткнутая в землю.

[55] Аршин – старорусская единица измерения длины, равная 0,7112 м. Половина аршина – 0,3556 м.

[56] Гумно – огороженный участок земли, предназначенный для хранения, молотьбы и другой обработки собранного хлеба.

[57] Посконь – мужское растение конопли.

[58] Горбуша – древний и примитивный вид косы. Имела слегка изогнутое лезвие и короткую рукоять с округлым естественным выгибом. Косой-горбушей косили в согнутом положении по обе стороны от себя на лесных или неровных, кочковатых местах.

[59] Овин – хозяйственная постройка для сушки снопов.

[60] Выключая – кроме.

[61] Кострига – жёсткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания и чесания.

[62] Трепало – орудие для трепания волокна льна, пеньки, конопли ручным способом.

[63] По сложности – по сложении, в сумме.

[64] Заповедные рощи – государственные охраняемые леса.

[65] Преимущество – дополнительные выгоды или возможности субъекта по сравнению с другими.

[66] Плица – полка мельничного колеса, в которую бьёт вода, приводя колесо в движение.

[67] Засыпка – работник на мельнице, ссыпающий зерно в помол.

[68] Надворный советник Филипп Степанович Попов (ок. 1753–1825) в 1806–1807 гг. служил предводителем дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов. В конце XVIII в. Ф.С. Попов владел 316 крестьянами обоего пола в д. Руткинская Грива Козьмодемьянского уезда. Здесь же на р. Рутка располагались принадлежащие ему мукомольная мельница на два постава и пильная – на 6 рам, производительностью до 24 тыс. штук тёса в год (Казанское дворянство, 1785–1917. С. 450; *Агафонов Н.Я.* Казань и казанцы. Ч. 1. С. 95; Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. II. Ед. хр. 205. Л. 42–43).

[69] П.П. Есипов (ок. 1768–1814) – помещик Чебоксарского (с. Беловолжское, деревни Комаровка, Козловка) и Свияжского (д. Юматово) уездов. До 1803 г. владел винокуренным заводом в д. Комаровка Чебоксарского уезда. Известен как антрепренер крепостного театра в Казани (*Гусаров Ю.В.* Есиповы // Чувашская энциклопедия. Т. 1. Чебоксары, 2006. С. 572).

[70] Ср.: в конце XVIII в. в Чебоксарском уезде действовало два винокуренных завода общей производительностью 12150 вёдер вина в год, в Козьмодемьянском – 1 поташный завод производительностью 400 пудов поташа в год и 1 купоросный, производивший 150 пудов чёрного купороса в год и 300 пудов мумии (краска) (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 531. Л. 334).

[71] Деревня Русское Исенево Чебоксарского уезда. Исключена из списка населенных пунктов Чувашской АССР в 1969 г.

[72] Суглинок – рыхлая песчано-глинистая осадочная горная порода, содержащая 10–30 процентов (по массе) глинистых частиц.

[73] Рига – большой сарай для сушки снопов хлеба с местом для обмолота.

[74] Мера – ёмкость для измерения сыпучих тел.

[75] Сечка – мелко нарубленная солома с отрубями, идущая на корм скоту.

Yu.V. Gusarov

AGRICULTURAL DESCRIPTIONS OF THE CHUVASH TERRITORY, COMPILED ACCORDING TO THE QUESTIONNAIRE OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF 1802

The article deals with the organization and results of the work over collection of information about the state of agriculture in districts and particular localities in Kazan province as per the questionnaire of the Free economic society conducted in 1802. District leaders of the noble class, experienced landowners, stewards of landowners' estates, manufacturers, and merchants have been the authors of the descriptions. The collected materials are kept in the Kazan governor's fund of the National archives of the Republic of Tatarstan. There are answers to the questionnaire compiled by the district leaders and owners of estates. They are important sources on agricultural history of Chuvashia of the 18th – beginning of the 19th centuries and ethnography of the Volga region peoples.

Keywords: Free economic society, agricultural form of 1802, Kazan province, history of Chuvashia, ethnography of the Volga region peoples.

ЧГВ, 2015 г., № 10

© **Э.Е. Лебедев**. Аннотация на статью: **Emine Yılmaz. Karşılaştırmalı türk dilbilimi çalışmalarında Çuvaşçanın yeri. II. Biçimbilgisi** // Bengü Belak. Ahmet Bican Ercilasun Armağanı / ed. Bülent Gül; Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü. – Ankara. 2013. – S. 483–490 [**Йылмаз Эмине. Место чувашского языка в исследованиях по сравнительному тюркскому языкознанию. Ч. 2. Морфология** // Бенгю Белак. Труды в честь Ахмета Биджана Эрджиласуна / ред. Бюлент Гюль; Ин-т исследований тюркской культуры. – Анкара, 2013. – С. 483–490].

Настоящая статья Эмине Йылмаз представляет собой вторую часть исследования, посвященного месту и значению фактического материала чувашского языка, в сравнительно-историческом изучении тюркских языков. И если в первой части[1] рассматривались вопросы фонетики, то во второй речь идет о морфологических показателях.

Во введении автор вполне справедливо пишет, что многие проблемы сравнительно-исторической фонетики и морфологии тюркских, шире – алтайских, языков невозможно решить без использования данных чувашского языка. Какие именно факты чувашского языка помогают в разрешении проблем исторической морфологии и какую роль они сыграли в понимании процесса развития грамматических форм в пратюркском языке – эти вопросы стали темой второй части.

Йылмаз подчеркивает, что еще Рамстедт и Поппе указывали на параллельное или отличное от других тюркских языков развитие морфологических показателей в чувашском языке. И в своей статье она останавливается непосредственно на тех грамматических формах, которые помогли разрешить некоторые спорные вопросы в сравнительно-исторической тюркологии.

Основная часть статьи состоит из трех параграфов: 1. Звук *d* в начале аффиксов; 2. Употребление аффикса *-dok* в функции сказуемого; 3. Аффиксы принадлежности (2 и 3 лицо).

В первом параграфе Йылмаз рассматривает общетюркские аффиксы, начинающиеся на звук *d*. Это – аффиксы местного и исходного падежа (*-da, -dan*) и аффиксы прошедшего времени *-di*. В чувашском языке начальным звуком этих аффиксов могут быть согласные *р, т* и *ч* (в последнем случае в сочетании со звуком *н-*). Выбор звука, как известно, зависит от того,

---

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

на какой согласный или гласный звук оканчивается корень слова. Йылмаз утверждает, что звук *p*, с которого начинаются указанные выше аффиксы, проливает свет на качество звука *d* в пратюркском и общетюркском языках. Как известно, звук *d*, который в древнетюркском языке располагался в середине или в конце слова, либо сохранился, либо перешел в звуки *t, z, y* практически во всех тюркских языках, кроме чувашского (в других тюркских языках *adak, ayak, azak* «нога», но в чув. *упа*). Но это изменение в чувашском языке коснулось не только инлаута и ауслаута, но и распространилось на анлаут (начало аффикса). Кстати, переход из *d* в *r* наблюдается в некоторых случаях и в дунайскоболгарском языке. Правда, он касается только формы *-dogi* > *-rogi*, которая в современном чувашском языке отсутствует: *tag-rogi* из *tag-dogi* «надел». Фактически здесь происходит тот же самый процесс, что и в древнетюркском языке: после сонорного звука *r* происходит оглушение звука (*d* → *t*), а после звонких согласных звонкость первого звука аффикса сохраняется. Это подтверждают и данные волжскобулгарского языка: *velti* из *êldi* (чув. *вилчĕ* «умер»). На основании этого Йылмаз делает следующий вывод: если оценивать ситуацию в чувашском языке с учетом данных сравнительно-исторического исследования, то становится ясно, что в пратюркском и прачувашском языках в начале соответствующих аффиксов существовали только два алломорфа – **-u*d-*, и можно с полной уверенностью утверждать, что звук *t-* в начале аффиксов отсутствовал. Впоследствии в западнотюркском языке звук **u* перешел в *r*, а звук **d* перешел в *t*. А в восточнотюркском языке, начиная с орхоно-тюркского языка, эти звуки смешались с *d* и *t*. Кстати, наличие в орхоно-тюркском языке отдельных графем *ld* и *nd* являлось как бы особым знаком для их различения.

Во втором параграфе исследуется употребление формы с аффиксом *-dok* в функции сказуемого. Данный аффикс вызывает особый интерес в связи с тем, что начиная с древнетюркского языка, у этой формы, наряду с функцией причастия и сказуемого придаточного предложения, в некоторых случаях имелась и функция сказуемого главного предложения. Об этом, в частности, писала еще Габен в 1941 г. Йылмаз отмечает, что по поводу этой функции аффикса *-dok* среди турецких авторов возник спор. Так, на мнение Ш. Текин о том, что этот аффикс не может иметь функцию сказуемого главного предложения, а представляет собой сказуемое придаточного предложения, Т. Текин высказал возражения в статье, посвященной подробному анализу функций и этимологии рассматриваемого аффикса[3].

Интересно, что употребление аффикса *-dok* в качестве финитной формы мы встречаем и у Махмуда Кашгарского, который в разделе о формах прошедшего времени глаголов в тюркских языках пишет, что этот аффикс встречается у сувар, кыпчаков и огузов. Другие доказательства о его финитном употреблении, по мнению Йылмаз, можем встретить у дунайских и волжских булгар. При этом автор делает ссылки на работы Т. Текина, М. Палло и Л.С. Левитской[4].

В современном чувашском языке этот аффикс не сохранился. Йылмаз же считает, что данные якутского языка – еще одного языка, сохранившего в своей грамматике, так же как и чувашский, многие древние черты – доказывают наличие функции сказуемого главного предложения у формы с аффиксом *-dok*. В современном якутском языке он употребляется только в отрицательной форме: *ba-tah, be-teh* и др. На основании вышеизложенного автор делает вывод о том, что употребление формы с аффиксом *-dok* в функции сказуемого главного предложения среди языков восточно-тюркской группы встречается только у якутского. Даже если современный чувашский язык не сохранил эту форму, мы можем говорить о ее употреблении в этой функции в языках западнотюркской группы на основании данных дунайскобулгарского и волжскобулгарского языков, то есть тех языков, которые принадлежали к тому же типу, что и современный чувашский, вплоть до XIV в.

Третий параграф посвящен анализу форм принадлежности 2 и 3 лица в чувашском языке. Йылмаз утверждает, что эти формы проливают свет на два спорных вопроса в истории тюркских языков.

Аффиксы 2 лица единственного и множественного числа в чувашском языке отличаются от соответствующих аффиксов в других тюркских языках и имеют форму *-y*/*-ӳ* и *-ăp*/*-ĕp*/*-p*. По мнению автора, можно достаточно легко восстановить исходные формы этих аффиксов. Они выглядят следующим образом: *-*ġ*/*-*g* и *-*ġır*/*-*igir*. Наиболее распространен-

ные формы этих аффиксов в древнетюркском и так называемом общетюркском языке – это формы с *ŋ* и *z*. Но в древнетюркском языке встречаются также алломорфы *-ġ/-g*. Йылмаз пишет, в памятниках древнетюркского письма эти формы представляют собой чередование, в чувашском языке наблюдаем системное развитие *-ġ/-g* вместо варианта аффикса с *ŋ*. Кстати чередование *ŋ* ~ *g* имеется, например, в татарском языке, где оно проявляется при оппозиции единственного и множественного числа 2 лица. В отношении такого чередования Олмез в своей работе 2010 г. приходит к выводу, что эти звуки не являлись в древнетюркском и староуйгурском языках отдельными фонемами, они были только аллофонами[5]. Кроме этого, существует мнение, что подобное чередование присутствовало лишь в некоторых диалектах древнетюркского языка.

На основании этих и других данных можно сделать вывод, что развитие подобных форм в чувашском языке отличалось от других тюркских языков. Если в них мы наблюдаем переход *ŋ* в *n* или в *g*, то в чувашском языке такого перехода нет. Также важным является наличие в форме множественного числа звука *r*, который, как известно, соответствует звуку *z* в других тюркских языках. К тому же, по распространенному мнению, он более древний. Древние черты чувашского языка относятся даже не к древнетюркскому, а к пратюркскому языку. Вышеуказанная реконструкция автором форм принадлежности 2 лица в чувашском языке – *-*ɪġɪr/-*igir* указывает на то, что непостоянство между звуками *ŋ* и *g* возникло гораздо раньше создания памятников древнетюркской письменности и, возможно, звук *g* первичен по отношению к звуку *ŋ*.

Второй спорный вопрос в истории развития тюркских языков, по мнению Йылмаз, связан с формой принадлежности 3 лица. Как известно, в языках общетюркской группы эта форма образуется при помощи аффиксов *-ɪ/-i* и *-sɪ/-si* (в некоторых языках к ним добавляются и алломорфы с лабиальными гласными). Выбор варианта аффикса зависит, как это обычно происходит практически во всех тюркских языках, от фонетического окружения.

В чувашском языке форма принадлежности 3 лица сохранила первичную особенность. Здесь используются только два варианта аффикса – *-ĕ* и *-u*. Йылмаз дает некоторые парадигмы с участием этих аффиксов.

Заслуживает внимания мнение Н. Поппе, приведенное в аннотируемой статье[6]. Поппе утверждал, что аффикс принадлежности 3 лица в чувашском языке представляет собой остаток древнего личного местоимения, который из-за частого использования постепенно терял свою самостоятельность, например, в турецком языке превратился в полноценный аффикс. На то, что в чувашском языке он до сих пор сохраняет некоторую самостоятельность, указывает его неподчинение закону гармонии гласных звуков. Данный факт косвенно подтверждается и материалом монгольского и тунгусо-маньчжурских языков. Аффикс *-u*, который, как вслед за Поппе считает Йылмаз, происходит от личного местоимения 3 лица, присутствует в чувашском языке также в форме 3 лица прошедшего категорического времени. Происхождение данного аффикса от личного местоимения, по мнению автора, доказывает и материал якутского языка.

Йылмаз делает вывод, что формы принадлежности и прошедшего категорического времени 3 лица в чувашском языке проливают свет на то, каким был первоначальный фонетический облик этой формы, и на то, как правильно ее произносить при чтении текстов древнетюркской рунической письменности.

Литература

[1] *Лебедев Э.Е.* Рец. на статью Э. Йылмаз «Karşılaştırmalı türk dilbilimi çalışmalarında Çuvaşçanın yeri I. Sesbilgisi // Чувашский гуманитарный вестник. №6. Чебоксары, 2011. С. 226–229.

[2] *Gabain A.* von. Alttürkische Grammatik. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1941.

[3] *Tekin T.* On the Old Turkic Verbal Noun Suffix {-dOk}, E.Yılmaz, N.Demir (Haz.) Makaleler II. Tarihi Türk Yazı Dilleri, Ankara, 2004.

[4] *Tekin T.* Tuna Bulgarları ve Dilleri, Ankara: TDK, 1987; *Pallo M.* Hungaro-Tschuwaschica I, UAJb 31, 1959, S. 239–258; *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.

[5] *Ölmez M.* Eski Türk Yazıtlarının Yeni Bir Yayımı Nasıl Olmalıdır? Afyonkarahisar, 2010.

[6] *Poppe N.* Türkisch-tschuwaschische vergleichende Studien. Islamica I., 1924–25, S. 409–427.

ЧГВ, 2015 г., № 10

© **В.Н. Клементьев.** Рец. на: **Щербаков С.В. Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект** / С.В. Щербаков. – Чебоксары: Новое время, 2013. – 176 с.

Историками Чувашии проделана большая работа в области изучения национально-государственного строительства и национального движения чувашей. Вместе с тем продолжают сохраняться вопросы, требующие научно обоснованного решения. В центре исследования С.В. Щербакова – малоизученный аспект темы – роль и место в процессе национального самоопределения чувашского народа национально-культурной автономии. Впервые в чувашской историографии она стала предметом самостоятельного научного анализа. Напомним, что прежде историки региона в изучении этнического движения народа в первую очередь руководствовались парадигмой национально-территориальной автономии. И в этом, безусловно, состоит новаторство и оригинальность рецензируемой монографии. К ее достоинствам также следует отнести синтез историко-социологических и культурологических подходов, анализ поставленной темы в широких хронологических рамках.

Исследователь дает собственное определение «культурной автономии» – «невмешательство государства в духовную (культурную) сферу какой-либо этносоциальной группы с самобытными культурными традициями, а также сохранение в экономической и социальных сферах условий для поддержания воспроизводства и дальнейшего развития его культуры» (с. 18). На наш взгляд, определение не совсем удачное. Приходится гадать, с чем согласуется и к чему относится словосочетание «и дальнейшего развития его культуры»: если к слову «сфера», но оно женского рода; если к «культурным традициям» и «условиям», но они даны во множественном числе; если к «государству», то получается – оно носитель культурной автономии!

С.В. Щербаков стремится анализировать национальное движение чувашей в начале XX в. в сравнении с национальными движениями других народов, в частности поляков, украинцев, белорусов, армян, евреев и т. д. Однако незнание многих фактов из истории этих этносов приводит автора к ошибкам и искажениям. Так, на с. 43 он пишет, что «финская аристократия и духовенство сохраняли свой прежний социальный и правовой статус». Но в действительности никакой финской аристократии не было, а были представители главным образом шведского дворянства в Финляндии. Наиболее известная фигура – национальный герой стра-

Владимир Николаевич Клементьев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: ds26263@yandex.ru.

ны барон Маннергейм. Основной и непосредственной причиной появления так называемого «Валуевского циркуляра», который в советской историографии традиционно представлялся как яркий пример политики великорусского шовинизма, – данную позицию разделяет автор – стал крайне неудачный перевод Библии на украинский язык, когда, например, фраза «Израиль уповает на Господа» была переведена как «Сруль блюе на Пана». «Армянский опыт», – отмечает исследователь, – «особенно интересен для настоящего исследования», «когда российское и османское правительства в начале 1860-х гг. фактически признали культурную автономию армянского народа экстерриториального характера, где их национальным центром являлся константинопольский армяно-григорианский патриарх – «глава армянской нации» Матеос» (с. 50). В действительности таковым центром являлся и остается Эчмиадзин – местонахождение католикоса всех армян «всемирного духовного вождя нации». Юрисдикция, или, выражаясь церковным языком, духовное окормление, патриарха армян Константинополя распространялась лишь на турецких армян.

Изучение «еврейского» опыта, как подчеркивает автор, важно для исследования чувашского национального вопроса, так как эти два народа были очень заинтересованы в реализации культурной автономии экстерриториального характера. С его точки зрения, причины особой приверженности евреев к национально-культурной автономии заключались в политике антисемитизма, проводимой царизмом, и социально-экономических факторах: чрезвычайной скученности населения, отсутствии для широких масс возможностей повышения материального и культурного уровня (с. 50, 51). Однако исследователь не знает главного: любое явление национальной жизни евреев нужно рассматривать и осмысливать прежде всего сквозь призму религии, согласно формуле «Наш народ без Торы не может быть народом». В соответствии с религиозным предписанием, новообразованное государство Израиль должно возникнуть вследствие прихода Мессии, а не в результате «человеческого фактора» (деятельности политиков, социальных групп). Поэтому не все евреи признают современное государство Израиль. К примеру, сатмарские евреи, смыкаясь с арабскими радикалами, вообще отрицают право на его существование. Не случайно идея национально-культурной экстерриториальной автономии евреев культивировалась среди выходцев из наименее секуляризированной, наиболее консервативной, традиционалистской части ашкеназов – восточноевропейских, проживавших на территории Российской империи. Лозунг же создания еврейского государства был выдвинут представителями эмансипированных евреев Европы, но не в 1905 г., а в 1896 г. – Теодором Герцлем в его книге «Еврейское государство: Опыт современного решения еврейского вопроса».

В монографии С.В. Щербакова представлено множество сюжетных линий. В силу ограничений, накладываемых жанром рецензии, мы выделим для анализа лишь наиболее спорные, на наш взгляд, ее моменты. Рассматривая предпосылки возникновения идеи национально-культурной автономии чувашского народа, исследователь находит ее атрибуты в периодах существования Казанского ханства, Московского царства и Российской империи XVIII в. В качестве яркого примера ее реализации он приводит деятельность О. Томеева (первая половина XVIII в.), представляя его в «качестве общенационального чувашского лидера», думавшего о «создании чувашского этнокультурного центра, который бы восполнил сложившийся национально-представительный пробел» (с. 71). На наш взгляд, такая оценка является надуманной и исторически недостоверной. Содержание документа, найденного и проанализированного профессором В.Д. Димитриевым, со всей очевидностью свидетельствует, что «челобитная Томеева» выражала требования и адресовалась от имени локальной части чувашского населения Чебоксарского уезда. Констатация, что вполне «правомерно было бы предположить, что О. Томеев, пройдя первичный этап легализации своего проекта в рамках одного уезда, в дальнейшем поставил бы вопрос о духовном руководстве чувашами и в других уездах» (с. 71) есть не что иное, как домысел С.В. Щербакова, не имеющий под собой никакой доказательной базы в виде исторических фактов.

Точно так же нельзя признать научными вывод и оценку автора, когда речь идет о «Кружке деятелей по образованию чуваш», созданном в начале августа 1906 г. на нелегальном съезде вблизи г. Симбирск. Автор, не располагая ни единым фактом и не приведя ни одного документального свидетельства, пишет, что основной задачей собравшихся 50 представителей чувашской интеллигенции Казанской, Симбирской и Самарской губерний стало «создание пер-

вичного национального представительного органа всех чувашей экстерриториального характера» (с. 84). Обосновал свое заключение только тем, что организация была «подпольной» и якобы поэтому указанная цель не была отображена в уставе «Кружка» (с. 100).

Значительное место в монографии занял анализ вопроса о роли экстерриториальной национально-культурной автономии (НКА) чувашей в процессе реализации проектов областной автономии народов Поволжья и Приуралья и Чувашской трудовой коммуны. Характеризуя планы создания Волжско-Уральской республики, Татаро-Башкирской советской республики и отношение к ним чувашских национальных организаций, исследователь подчеркивает, что чувашские лидеры последовательно придерживались принципа национально-культурной автономии для чувашей. С этим нельзя не согласиться. Однако необходимо отметить, что «зацикленность» на лозунге НКА, инертная реакция на кардинальное изменение ситуации в национальном вопросе в послеоктябрьский период – провозглашение советским правительством права на территориальное самоопределение народов – привели к тому, что чувашские вожди оказались в «хвосте» событий. Если до Октября 1917 г. чувашские деятели и организации занимали лидирующие позиции в этническом движении немусульманских народов Урало-Поволжья, которое развивалось независимо и параллельно с мусульманским и было вполне самодостаточным и самостоятельным потоком, то с конца 1917 г. именно в силу того, что татаро-башкирские деятели выдвинули план территориальной автономии региона, инициатива оказалась в их руках. Именно они заняли лидирующие позиции, а чувашские национальные организации и их руководители стали ведомыми в национально-политических процессах в Урало-Поволжье.

Давая характеристику проекту Чувашской трудовой коммуны (ЧТК), автор в угоду выстраиваемой им концепции и игнорируя очевидные документальные свидетельства, пытается придать ЧТК экстерриториальный характер. В докладной записке Чувашского отдела при Наркомнаце в Наркомат по делам национальностей по вопросу образования *отдельной Чувашской административной единицы* (3 января 1920 г.) черным по белому написано, что ЧТК создается на правах *губернии*. С перечислением, какие конкретно территории предусматривается включить в ее состав и из каких административно-территориальных единиц (районов) она должна состоять. Единственным аргументом, выдвигаемым С.В. Щербаковым и не имеющим никаких документальных подтверждений, является фраза – «предназначена была работникам Административной комиссии при ВЦИК». Она голословна и неубедительна. На территориальный характер проекта ЧТК указывают решения всех официальных чувашских органов. Так, в резолюции по докладу о деятельности Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей, в тезисах к докладу об образовании Чувашской автономии, в Положении об организации Чувашской трудовой коммуны, принятых Первым Всероссийским съездом чувашских коммунистических секций, ячеек РКП(б) и активных работников, коммунистов-чувашей (4–8 февраля 1920 г.), четко и однозначно прописано о выделении чувашей в отдельную административную единицу.

Абсолютизируя концепт национально-культурной автономии, исследователь замалчивает, что национально-территориальный компонент также был представлен в этническом движении чувашского народа. Укажем на его зачаточные проявления в челобитной чувашей Чебоксарского уезда, поданной О. Томеевым; известные суждения И.Я. Яковлева, что не следует фантазировать на «тему об автономии для чуваш», «мечты о самостоятельном ходе чувашской цивилизации»; высказывания Ивана Юркина о создании чувашского государства; мысли поэта Гаврила Кореньков об образовании «нового, чисто чувашского града на Волге»; идеи чувашского эсера Т.Н. Николаева (Хури) о необходимости территориальной автономии для чувашей (за что получил прозвище в партийных кругах «президент Чувашской Республики»), прозвучавшие и высказанные еще в годы Первой русской революции.

В заключение хотелось бы обратить внимание и на формальные характеристики рецензируемой публикации. Текст книги плохо структурирован: часто нарушена логика изложения, имеет место и нагромождение рассуждений и умозаключений. Из-за всего этого даже подготовленному и сведущему читателю трудно уловить ход авторских мыслей и понять смысл написанного им текста.

ЧГВ, 2015 г. № 10
© **П.П. Великий.** Рец. на: **Ильин И.Е. Современное российское село: реформы и повседневность** / И.Е. Ильин. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – 270 с.

Появление новой книги о проблемах отечественного села является событием прежде всего для сельских социологов, которые пытаются понять крестьянство, этого таинственного незнакомца, как назвали его еще накануне аграрной реформы известные исследователи Т. Шанин, П. Симуш и В. Виноградский. Таинственность его, на мой взгляд, заключается в том, что оно терпеливо проходит свой жизненный путь и выполняет предопределенную ему роль – кормить страну, будучи раз за разом поставлено государством в экстремальные условия.

Работа И.Е. Ильина – очередная попытка разобраться в проблемах жизни села, в повседневности сельской реальности постсоветского времени. Она обобщает многие предыдущие изыскания исследователя, в которых и раньше подвергались глубокому анализу многие стороны жизнедеятельности сельского населения в региональном и общероссийском масштабе. Одна из особенностей взгляда И.Е. Ильина на сельскую реальность – это удачное сочетание синхронного и диахронного подходов. Отмечу, что хотя этот подход сближает социологов с историками, но социологи, анализируя современность сугубо своими методами (синхронность), в определенной степени заходят в прошлое, берут те факты (не претендуя на то, чтобы тоже считаться историками), без которых понять нынешние реалии невозможно (диахронность).

Данный подход удачно реализован автором рассматриваемой работы. Хотя для реализации своей цели он в основном опирается на работы аграрных социологов и историков, исследовавших российское село в период с середины 1980-х гг. до настоящего времени, для выявления устойчивых черт крестьянского менталитета привлечены более ранние работы российских и зарубежных авторов, освещающих разные стороны бытия этого класса начиная с середины XIX в.

На примере работы И.Е. Ильина хочется обратиться к проблеме методологии исследования деревни, которая сложилась в аграрной социологии. Начнем с простого вопроса: включая те или иные направления, стороны сельской реальности в свое осмысление, чего желает автор для деревни? При кажущейся очевидности ответа на него, тем не менее, разные авторы подходят к нему с позиций, между которыми намечается некий водораздел. Во многом это связано с субъективным моментом – степенью приверженности авторов идеологемам и мифологемам, господствующим в тот или иной период. В отношении советской и российской деревни нам есть что вспомнить: стирание границ между городом и ею, восхваление крупного производства и перспективных сел в средне- и позднесоветское время, отрицание коллективных форм хозяйствования и ориентация на частное (фермерство) – во имя реализации идей либерализма в недавнем прошлом. Отголоски (а то и прямое перенесение в новое время) этих идей или факторов, влияющих на согласованность сельской жизни, встречаются в аграрной социологии до последнего времени. Причем дело доходит иной раз до обоснования абсурдных прожектов типа: согласиться с вымиранием мелких и средних деревень и переселением всех жителей в райцентры, где будет сосредоточена вся материально-техническая база, или вообще поддерживать лишь те регионы, где еще осталась устойчивая обстановка в сельскохозяйственном производстве, а остальные пусть останутся опустыненными. Эти идеи не только озвучиваются на разных конференциях, но и появились в печати[1].

Автор рассматриваемой работы исходит из позиции, что заселенные сельские территории – это место реализации своего жизненного предназначения миллионов людей и источник процветания (или, наоборот, понижения успешности) государства. В силу разных причин: природных, политических, экономических – селу нелегко было выполнять эту и другую функ-

Петр Панфилович Великий – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем Российской академии наук (г. Саратов); e-mail: iagpran@mail.ru.

цию. Чаще всего (с чем нельзя не согласиться) это было обусловлено внешними обстоятельствами: человек может самостоятельно (без принуждения сверху) достичь согласия в отношениях с природой и сообществом, но в цивилизованном обществе не обойтись ему без производственной и социальной инфраструктуры, без институционально предусмотренной вертикальной мобильности, квалифицированной помощи в сохранении здоровья и т.д. И в этом должно помочь ему государство, по определению заинтересованное в сохранении устойчивости и надежности всех составляющих его элементов.

Отсюда и сельский житель, не претендуя на то, чего никогда не будет в деревне, тем не менее вправе рассчитывать на некий уровень благополучия, который создается созидательным трудом самих сельских жителей. Данное положение, взятое автором как аксиоматическое допущение, организует структуру и логику рассматриваемой книги. Вполне обоснованным можно считать то внимание, которое уделено рассмотрению понятий реформы, выделению ее обязательных компонентов, таких, как целевая установка, концепции преобразований, объект реформирования, механизм реализации. Автор показывает, что достичь подлинной согласованности между данными компонентами, как свидетельствуют исторические факты, редко удается, чему способствуют внешние и внутренние условия. Это хорошо видно и на ходе последней аграрной реформы неолиберальной направленности. Из анализа ее результатов, проведенных автором, нельзя не сделать заключения, что между компонентами реформы изначально были заложены не стыкующиеся между собой потенции. Провозгласили ведущей фигурой фермера, но не поддержали его материально (хотя опыт поддержки уже был, стоило только обратиться к Столыпинской реформе). Ликвидировали колхозы, но не создали механизма обеспечения сельских жителей рабочими местами, освободили хозяйственные организации от обязанности поддерживать социальную инфраструктуру и заложили основу для ее развала и т.д.

Большую научную и практическую ценность имеет обращение автора к жизнедеятельности населения малых и средних сел. В Чувашии из 1709 населенных пунктов 938 имеют людность до 200 чел., хотя территория заселена довольно плотно, но в каждой из таких деревень трудоспособных людей мало. И самое главное, в них не осталось никакой производственной базы от прежних колхозов, а в последние годы федеральные органы инициировали ликвидацию в таких поселениях школ и фельдшерско-акушерских пунктов. На мой взгляд, самоликвидация сельской поселенческой структуры заложена именно в жизненном пространстве малых и средних деревень, в которых аграрной реформой не предусмотрено никакой общественной организации труда. Выживание за счет неоархаики – личных подсобных хозяйств – еще приемлемо для старшего поколения, которое уходит, завершая свой жизненный путь, а у молодежи другие ценности и жизненные проекты.

Монография И.Е. Ильина отличается богатым фактологическим оснащением. Знакомясь с любым сюжетом, читатель найдет конкретные цифры статистики или оценок населением тех или иных сторон жизни села. Стиль автора – глубоко заинтересованное, граждански ответственное освещение проблем села. Я не вижу необходимости проводить «вторичный» анализ тех показателей, которые приводит автор: могу только указать, что тенденции, выявленные в агросфере Чувашской Республики, характерны для большинства регионов России. Этому, безусловно, поспособствовало масштабирование проблем, постоянный выход автора на социальные «просторы» Поволжского экономического региона и страны в целом.

Заключая, можно утверждать, что рассматриваемая монография И.Е. Ильина – это солидная исследовательская работа, которая по ряду направлений вводит в аграрную социологию новые факты, давая глубокий научный их анализ, демонстрирует высокий профессиональный класс автора в постановке, обосновании и решении задач осмысления актуальной, целенаправленной государственной политики в сохранении российского села.

Литература

[1] *Бледных В.В.* Социально-экономические проблемы модернизации АПК России (на примере Челябинской области) // Сельское хозяйство России: состояние, проблемы и перспективы развития: Доклады к IX съезду ПАНИ. СПб.: ПАНИ, 2014. С. 16–19.

ЧГВ, 2015 г. № 10

В.П. Иванов. Рец. на: **Охотникова С.В. «Ясачные чуваши»: некоторые итоги и задачи исследования** / В.П. Иванов; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2014. – 36 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 16).

Вопрос о так называемых «ясачных чувашах» левобережья Волги все годы исследований проблем формирования чувашского этноса оставался вне особого внимания чувашских историков. Думается, применительно к данной теме как нельзя уместен афоризм Оноре де Бальзака: «Ключом ко всякой науке является вопросительный знак». Таким ключом – знаком вопросительным – и задалась в своем научном докладе С.В. Охотникова. По своему личному опыту знаю, что в проблематике приказанско-заказанских чувашей XVI–XVII вв. разбирается очень узкий круг чувашских историков, да и, пожалуй, кроме В.Д. Димитриева, мало кто ею специально интересовался.

В данном вопросе мы и сегодня все еще «ходим в потемках». Выступая в 2013 г. в Казани на одной из научных конференций, кстати, частично рассмотревшей и вопрос о «ясачных чувашах», я прямо заявил татарским коллегам, что данная тема не беспокоила особо чувашских историков, а больше, наверное, она обостренно актуальной воспринимается казанскими исследователями. Для чувашских историков смысл термина «ясачная чуваша» оставался и остается однозначным – «чуваши они есть чуваши и никакие другие». Между тем доказательно опровергать в научном плане сомнительную позицию тех, кто считал и продолжает считать «ясачных чувашей» не этнонимом, а соционимом (проще говоря, социальной группой казанских же татар), приходится, приложив немалые дополнительные усилия.

Острота проблематики «ясачных чувашей» в том, что, как совершенно резонно подчеркивает автор доклада С.В. Охотникова, она тесно связана с вопросами этногенеза чувашей и татар, тем более завершающийся этап формирования чувашской народности протекал в рамках Казанского ханства (с. 3).

Как известно, «родоначальниками» концепции **«ясачные чуваши есть ясачные татары»** являются Е.И. Чернышев и И.П. Ермолаев, которые пришли к такому выводу на основании изучения писцовых книг 1565–1568 гг. и 1602–1603 гг. Казанского уезда, а также писцовых книг 1565–1567 гг. Свияжского уезда[1].

Е.И. Чернышев в своей статье ссылается на исследование Ш.Ф. Мухамедьярова «Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг.», где особо отмечено, что «очень часто упоминаются чуваши», причем указаны 802 двора чувашей в 73 селениях Казанского уезда. «Получается, – пишет он, – что татары были только служилые, а чуваши только ясачные. Хотя такое деление заведомо сомнительно, но это мало смущало исследователей, причем один из них, П.В. Денисов, считает, что жившие в Казанском уезде чуваши в XVI и XVII вв. были ассимилированы татарами и омусульманились.<...> Так примитивно П.В. Денисов объясняет, – продолжает Е.И. Чернышев, – отатаривание чувашей Казанского уезда»[2].

В последующем идея о том, что писцы под термином «чюваш» никак не могли понимать название народа, что это социальный, а не этнический термин вообще в жизни в конце XVI – начале XVII в., получила поддержку и развитие в трудах Д.М. Исхакова[3]. В последние годы в Казани проблематикой ясачных чувашей серьёзно занимается Р.Г. Галлям. По его мнению, «если хотите, “чюваш” – это соционим». В данном случае мы видим трансформацию этнического понятия в этносоциальное. В том числе в него входили все этнические чуваши. В документах термин «чюваш» необходимо рассматривать как этносоциальное понятие. Оно применялось по отношению к федерально-зависимому населению. Социальное значение нивелируется в конце XVII – начале XVIII в., когда начались реформы Петра I[4].

Большие усилия по аргументации положения, что «ясачные чуваши» являлись этническими же чувашами, ведущими свое происхождение от булгарского населения края, и по опровержению тезиса, что «ясачные чуваши» есть этнические татары, приложил в ряде публи-

---

Виталий Петрович Иванов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: arsen-coop@mail.ru.

каций В.Д. Димитриев. («Здесь ни один мотив не соответствует действительности», – так кратко и жестко выразился он в своей последней книге[5].) И все же справедливости ради надо отметить, что даже у него на эту тему не было ни одной специальной работы.

Мы, в свою очередь, считаем[6], что более обоснованна точка зрения Г.Ф. Саттарова: «ясачными чувашами» в Казанском уезде в XVI – середине XVII в. назывались те группы булгарского населения, в языке которых кыпчакские элементы не одержали окончательной победы, и «булгары с родным булгарским языком (чувашского типа) не должны были исчезнуть и потерять свой родной язык в период между XIII и XVI вв.»[7]. Об этом, продолжает исследователь, может свидетельствовать расшифровка названий многих деревень центральной части Казанского уезда – Заказанья, которые, как подтвердило исследование известного чувашского лингвиста и лексикографа М.И. Скворцова, этимологизируются на основе чувашского языка[8].

Таким образом, с учетом крайней научной сложности данной проблемы и, главное, в связи с сохранением концептуальных противоречий в публикациях на эту тему, обращение С.В. Охотниковой к данному вопросу представляется актуальным и научно востребованным. Цель доклада сформулирована четко – рассмотреть основные результаты многолетних трудов исследователей дореволюционного и советского периодов по различным аспектам проблемы «ясачных чувашей», осветить современное состояние разработанности данной темы и выявить перспективы ее дальнейшего изучения.

Забегая вперед, должен отметить, что доклад С.В. Охотниковой получился добротным научным исследованием, от знакомства с которым нельзя не испытать чувство удовлетворения. Прежде всего потому, что автор, изначально продуманно и логично поставив цели и задачи, до самого конца умудрилась не съехать с заданной колеи, а целеустремленно вела научную дискуссию по конкретно расставленным направлениям рассматриваемой проблемы. Полагаю, что именно стремление автора доклада изначально всю тему разложить, что называется, «по полочкам», а потом произвести строго последовательный анализ основных ее аспектов, как раз и обеспечило успех молодого исследователя.

Доклад состоит из двух разделов. Первый – «“Ясачные чуваши”: историография проблемы» – посвящен обзору публикаций на эту тему. Что важно отметить, автор анализирует материал жестко по конкретным аспектам проблемы. Отдельно рассматривается смысл дискуссий по вопросу этнической идентификации, сословной и конфессиональной принадлежности «ясачных чувашей». Примечательно, что автор специально останавливается на освещении, пусть и кратком, языкового и демографического аспектов темы.

Особо хотел бы отметить, что С.В. Охотниковой удалось охватить в целом основной наличный корпус публикаций по рассматриваемой проблеме. При этом достойно представлены работы не только чувашских и татарских авторов, что должно быть естественно, но и труды башкирских и удмуртских ученых. Я приятно удивлен и тем фактом, что С.В. Охотникова знает совершенно свежие работы башкирских авторов. Имею в виду II том «Истории башкирских родов. Гирей» (Уфа, 2014). Правда, на мой взгляд, доводы авторов данного издания о чувашах хотя и интересные и местами ласкают слух, но, как мне представляется, не всегда однозначно научные. Здесь С.В. Охотниковой нужно было чуть основательнее остановиться на работах Р.Г. Галляма. Между прочим, как отметил В.Д. Димитриев, Р.Г. Галляму «удалось восстановить правильную картину территорий даруг ханства с их точными названиями. Большую работу он провел по выяснению по документам названной территории чувашских даруг» (имеются в виду Чувашская верхняя, Чувашская средняя, Чувашская нижняя даруги)[9].

В докладе упоминаются работы и дореволюционных авторов, которые как бы вскользь, но все же обращали внимание на «ясачных чувашей», по крайней мере, выражали удивление, прежде всего тем, что в Казанском уезде, согласно Писцовой книге 1602–1603 гг., насчитывалось 802 двора ясачных чувашей и 228 – служилых татар, и каждый по своему разумению искал этому объяснение.

Во втором разделе доклада – «Аргументы на чашах весов» – опять-таки «по полочкам» (никак не могу подобрать другого выражения, ибо так и есть) разложены основные положения различных концепций о природе феномена «ясачных чувашей», таких, согласно которым: 1) ясачные чуваши есть этноним, 2) ясачные чуваши – соционим, 3) ясачные чуваши – конфессионим (с. 18–19).

В этом же разделе дается немногословная, но достаточно содержательная оценка аргументов и доводов сторон. Надо отметить, что С.В. Охотникова в своих оценках до самого, как говорится, конца старалась выдержать нейтралитет и, представьте, ей это удалось.

Тем не менее конфессиональный аспект требовал, на мой взгляд, более расширенного обсуждения. Кем же были «ясачные чуваши» по религии – мусульманами, язычниками или православными? Согласно тезису о «ясачных чувашах» как этнических татарах, они были только мусульманами, никак не язычниками и тем более православными. Логично спросить: а «ясачные марийцы» или «ясачные удмурты» тоже были мусульманами? Возникает закономерный вопрос: как могли татары-мусульмане своих единоверцев называть «чувашами», заведомо зная, что чуваши есть язычники? Можно ли представить, чтобы русские помещики называли русское же тягловое население, допустим, башкирами, вотяками и т.д.?

Как известно, наука в принципе не должна знать ни симпатий, ни антипатий, так как единственная ее цель – истина. Так вот С.В. Охотникова до конца своей работы эту интригу держала, но так и не раскрыла своей симпатии и антипатии в отношении сторонников тех или иных концепций о ясачных чувашах. Конечно, читатель доклада так или иначе настроен узнать, сторонником какой концепции является автор, но увы!

Разочаровываться не стоит. Надеюсь, что у автора все впереди и в следующей работе по «ясачным чувашам» узнаем истинное лицо молодого исследователя. Собственно говоря, установка, какую сам себе задал автор доклада, и не предполагала изложения ее аргументации. Впрочем, С.В. Охотникова в начале же работы заявила, что придерживается кредо, что для современного ученого столь необходимым качеством является сохранение объективного «взгляда со стороны», абстрагированного от идеологии, групповых и национальных интересов (с. 2).

Что бы еще хотел отметить? В данном случае, как на первом этапе любого исследовательского проекта, автор беспристрастно рассмотрел историю проблемы, аргументы и доводы сторонников различных концепций. И это уже здорово, ибо кому-то так или иначе этот этап надо пройти. Судить о том, права или не права С.В. Охотникова в трактовке тех или иных аспектов вопроса «ясачных чувашей», не приходится, да и не стоит. Она обрисовала контуры проблемы, и это для науки очень важно. Обрисовала не в стиле «картина маслом», а в строгом научном формате, как говорится, без лирических отступлений.

И еще. Особо хочу подчеркнуть тот факт, что в заключительной части С.В. Охотникова изложила свое видение того, как, в каких направлениях желательно вести исследование рассматриваемой проблемы. Причем опять-таки изложены они попунктно, в строго конструктивном ключе. Полагаю, это дорогого стоит, особенно если иметь в виду, что автор окунулся в проблему чуть ли не «из огня да в полымя».

Говоря о перспективах дальнейшего изучения проблемы «ясачных чувашей», следует исходить из того, что практически все исследователи (за исключением единиц) продолжают «крутиться» почти только вокруг материалов писцовых книг. Надо признать: это более чем ясно подтверждается содержанием рассматриваемого доклада. Между тем очень важные и ценные для корректировки сложившихся концепций материалы можно обнаружить и в других источниках (дозорные книги и др.). Кстати, многие из них были опубликованы в свое время в двух частях I тома «Документов и материалов по истории Мордовской АССР»[10]. Судя по его содержанию, речь идет именно об этнических чувашах, а выходит, если судить по ряду рассматриваемых в докладе публикаций, они все татары?!

По сути, постановкой вопроса о «ясачных чувашах» как об этнических татарах некоторые авторы «воленс-ноленс» делают попытку отнять у чувашей не только булгарский этап истории, но и базисную сословную группу соответствующего периода их этносоциальной истории и приплюсовать ее к татарскому этносу. В итоге – со временем это и случилось – немалая часть заказанско-приказанских «чювашей», приняв ислам, отатарилась.

Исходя из палитры представленных в докладе С.В. Охотниковой всевозможных научных и околонаучных мнений по поводу феномена «ясачных чувашей», логично предположить, что в ходе дальнейшего углубления изучения данной проблемы вполне возможно появление все новых и новых концепций, причем даже весьма неожиданных и оригинальных трактовок. Нам же остается только пожелать С.В. Охотниковой плотно включиться в этот поисковый процесс, тем более ею уже сделан довольно успешный задел.

Литература

[1] *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XV и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 174–176; *Ермолаев И.П.* Писцовая книга Ивана Болотина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста / сост. Р.Н. Степанов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 5–31.

[2] *Чернышев Е.И.* Указ. соч. С. 173.

[3] Напр.: *Исхаков Д.М.* Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. 1998. Вып. 5. С. 140–146; *Его же*. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 80–102; и др.

[4] *Галлям Р.Г.* Выступление // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. Казань, 2014. Вып. 4. С. 207.

[5] *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары, 2014. С. 37.

[6] См.: *Иванов В.П.* Проблема «ясачных чувашей» как отражение многовекторности булгаро-чувашской этногенетической преемственности // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Казань, 2014. Вып. 4. С. 222.

[7] *Саттаров Г.Ф.* Этнонимы Татарии // Советская тюркология. 1980. № 1. С. 32.

[8] *Скворцов М.И.* Чувашский языковой материал в «Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 годов» // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. С. 89–101.

[9] См.: *Димитриев В.Д.* Указ. соч. С. 39.

[10] Документы и материалы по истории Мордовской АССР: Социально-экономические отношения в Казанском крае, Саранском и Темниковском уездах в XVII в. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1950. Т. 1, ч. 2. 581 с.

ЧГВ, 2015 г., № 10

© **Г.А. Никитина.** Рец. на: **Ильин И.Е. Модернизация российского села на рубеже XX–XXI веков: исторический опыт и уроки реализации** / И.Е. Ильин; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 40 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып.17).

Доклад И.Е. Ильина посвящен анализу исторического опыта и уроков модернизации российского села на рубеже XX–XXI веков. В основу исследования легли материалы по АПК Чувашской Республики, целью которого является выявление на основе сравнительного анализа основных тенденций, отражающих результаты и последствия социально-экономических реформ в российском селе в обозначенных хронологических рамках. Во «Введении» доклада, кроме обозначенной цели, автором также обоснована научная и практическая значимость, раскрыты историографическая и источниковедческая базы исследования. Не скрою, разнообразие привлеченных источников впечатляет. Среди них – фонды четырех государственных архивов РФ (правда, в докладе ссылки встречаются только на ГАРФ), несколько архивов ЧР (ГИА ЧР, ГАСИ ЧР, текущий архив Министерства сельского хозяйства ЧР), материалы Всероссийской переписи населения 2010 г., статданные по Чувашии, полученные из статистических сборников, подготовленных Федеральной службой государст-

Галина Аркадьевна Никитина – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории языка и литературы Уральского отделения РАН; e-mail: nikitina@udnii.ru.

венной статистики по ЧР, сборники нормативных и правовых актов и документов, постановления общегосударственного и республиканского уровня. И наконец – материалы социологических исследований, в ходе которых автор доклада возглавлял коллектив, являлся руководителем полевых этапов и региональной сети интервьюеров.

Опора на столь представительный объем источников, междисциплинарный подход к анализу полученного материала позволили объективно оценить происходящие события и явления как в чувашской, так и в целом в российской деревне.

И одним из непредвзятых итогов работы, который просится сразу после ознакомления с ней, заключается, на мой взгляд, в следующем: история российского села едва ли знает случаи масштабных реформ, в которых земледелец выступил бы в качестве **субъекта**, инициатора социального эксперимента. Практически во все времена ему уготована роль **объекта** реформирования, влияния чужой воли, навязывания проектов бытия и труда, родившихся наверху, внедрив которые, сельский труженик, по замыслу авторов, должен не только максимально удовлетворять собственные нужды, но и предельно эффективно выполнять обязательства по отношению к обладателям политической и экономической власти. Только с 1930-х гг., с периодичностью примерно раз в десять лет, проводился новый курс в отношении села.

Сегодня мы являемся очевидцами очередных новшеств в аграрном секторе страны: осуществлена деколлективизация, выразившаяся в отказе государственных органов от привычных колхозов и совхозов, оставлении земледельцев один на один с напористыми и бесцеремонными рыночными механизмами, приведении селян к серьезным испытаниям, продолжающимся уже более 20 лет. Таким образом, получается, что, когда большевики создавали колхозы, крестьянина не спросили, желает ли он быть колхозником, разрушили колхозы и совхозы – тоже забыли спросить его мнение, вступили в ВТО – то же самое. Список можно продолжить…

Следующий раздел после «Введения» называется «Социально-экономическое развитие российского села в 1990-х гг.: проблемы и противоречия».

На мой взгляд, в самом начале раздела «провисает» обращение автора к уточнению понятий «реформа» и «революция», так как в дальнейших рассуждениях он не раскрывает как своего мнения, так и того, как селяне воспринимают произошедшее в аграрной сфере страны – как реформу или как революцию.

Куда более уместны рассуждения о модернизации во «Введении». Действительно, «если по истечении двадцати лет реформ модернизация снова ставится в повестку дня, это может означать только одно: в этот период российское общество либо стояло на месте… либо деградировало до состояния, когда ему снова необходим модернизационный рывок». И далее со ссылкой следует продолжение: «Вторая точка зрения становится все более популярной среди российских и зарубежных авторов» (с. 4–5).

Очень к месту обращение автора к понятию «крестьянство», в том числе и его содержательная интерпретация (с. 7). В свою очередь могу добавить, что именно в «лихие 90-е» происходит «окрестьянивание» даже сельской интеллигенции – учителей, работников культуры, здравоохранения: все они увеличивали поголовье домашнего скота и птицы, расширяли земельные наделы в личных подворьях. За счет продажи мяса, яиц, картофеля и других овощей одевали, обучали детей. «Окрестьянивание» это, как показала жизнь, было вынужденным, временным, с улучшением положения в сельском хозяйстве «бюджетники» стали постепенно отказываться от самоэксплуатации в ЛПХ и больше заниматься адекватным их образованию делом.

Как известно, идеологи социальных трансформаций большие надежды связывали с организацией фермерских хозяйств, не случайно в 1990-х гг. широкое хождение имело выражение «фермеры накормят страну». Судя по материалам автора, чувашские земледельцы не спешили становиться фермерами: в 1990 г. в республике было создано всего 7 фермерских хозяйств, да и руководители хозяйств препятствовали выделению им земли. Об этом свидетельствуют и данные за 1992 г. по региону: вклад в валовую продукцию сельского хозяйства КФХ составил всего 2,7 млн руб. Куда больше внимания селяне уделяли обустройству личных подсобных хозяйств. Медленно шли и процессы перевода колхозов и совхозов на рыночные отношения.

Не вызывает сомнений вывод автора по разделу: «Разгосударствление агропромышленного производства не дало ожидаемого социально-экономического эффекта. …Реорганизация производства сопровождалась колоссальным нарастанием диспаритета цен на сельскохозяйственную продукцию и средства производства, используемые в отрасли, а также уменьшением государственной поддержки отрасли. Одновременно происходило интенсивное вытеснение отечественного производителя с внутреннего рынка» (с. 11).

В двух последующих разделах доклада автор более подробно анализирует два уклада: «Фермеры («неокрестьяне») как результат модернизации российского аграрного производства» и «Личные подсобные хозяйства сельского населения – ресурс возрождения и развития села». Если оглавление про фермерские хозяйства не вызывает вопросов, то второе все-таки вызывает их. Все дело в том, что ЛПХ селян будут поддерживать жизнь в деревне и даже способствовать ее развитию ровно до тех пор, пока в ней будет существовать развитая социально-культурная и инженерная инфраструктура. Если же в селении не будет медпункта, школы, детского сада и клуба, газа или водопровода, рано или поздно оно вымрет, опустеет. Вся логика опустевших сельских поселений наталкивает на такое мнение. Практика также показывает, что без постоянной помощи «крупхозов» экономика личных хозяйств не может существовать долго. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в случае исчезновения в деревне хозяйствующего субъекта сокращаются и масштабы трудовой деятельности в подворьях населения, так как они лишаются не только бесплатных или приобретенных по льготным ценам кормов, но и технической помощи, каналов сбыта продукции. Спусковым механизмом деградации таких населенных пунктов обычно становится локальная миграция наиболее трудоспособных жителей села в поисках работы, после чего на селе остаются пенсионеры либо маргиналы, неспособные к самостоятельному хозяйствованию.

Логика функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств Чувашии в целом не выходит за «общеизвестные» рамки: проблемы и трудности, с которыми они сталкивались на первых порах или до сих пор испытывают их, похожи на таковые же, к примеру, удмуртских или других фермеров: выделение не самых лучших или дальних участков земли, отсутствие добротной материально-технической базы и др. Так же как к чувашским фермерам, отношение меняется в лучшую сторону, появляется уважение и доверие и к удмуртским фермерам, особенно к тем, кто помогает местной школе, пенсионерам или местному муниципальному образованию, скажем, в уборке дорог.

Прав автор, считая, что ЛПХ «в условиях кризиса, вызванного аграрной реформой 1990-х гг., стал ведущей сферой приложения трудовых ресурсов жителей деревни и средством адаптации к изменившимся условиям жизни, обеспечивающим сельские семьи продуктами питания и денежными средствами, необходимыми для выживания» (с. 15).

Модели семейных практик адаптации варьируют в достаточно широком диапазоне. Работа в местном хозяйстве и личном подворье, занятие фермерством или предпринимательством вне сферы сельского хозяйства; разовая, сезонная, маятниковая/вахтовая работа, совмещение, самозанятость, мобилизация сетевых ресурсов, эпизодические «фейды» в рыночную экономику, нелегитимные формы добычи средств существования, в том числе кражи, сбор даров природы – это далеко не исчерпывающий перечень видов деятельности, демонстрируемых современными селянами. Совокупность всех видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчиненных государственному регулированию, не подкрепленных формальными контрактами и не фиксируемых статистическим и налоговым учетом, в науке принято считать неформальной экономикой, то есть экономикой, не регулируемой непосредственно государственными правилами и законами[1].

Достаточно любопытным сегментом неформальной экономики является реципрокное взаимодействие, причем «чем враждебнее государство, тем масштабнее межсемейная кооперация как объединение усилий в целях выживания. И наоборот, взятие государством на себя ряда важных социальных функций ведет к ослаблению неформальной кооперации, низведению ее на уровень культурно-духовной и психологической поддержки»[2].

Надо иметь в виду, что взаимообмен дарами между членами горизонтальной сети представляет собой особый тип социальной интеграции, где бесплатность услуг (вещами, трудом, продуктами и др.) условна, так как «в ответ ожидается встречная помощь, по крайней мере,

появляется моральное право на ее ожидание»[3]. Не существует семей только доноров или только получателей помощи. Особенность сельской жизни такова, что каждая семья в той или иной ситуации становится донором или реципиентом услуги, при этом подразумевается, что получатель в свое время окажет ответную помощь, но ее вид и сроки «оплаты» заранее не оговариваются.

Ярким примером реципрокной экономики является едва ли не ежегодная помощь родственников-горожан в выполнении самых трудоемких сезонных работ (подготовка почвы к посадке/посеву, посадка и уборка овощей, закладка урожая на зиму и др.). Отдариваются селяне частью урожая, хотя те же горожане взамен часто привозят лекарства, одежду, обувь.

В современной деревне нехватка рабочих мест, предопределяющая труд на личном подворье как обязательное условие существования, сильнее всего бьет по молодым, экономически не окрепшим семьям. В силу этого родители часто вынуждены «тянуть на себе» хозяйства детей. Более того, характер межпоколенной взаимопомощи приобрел новые черты: родители-пенсионеры стали источником не только продовольственных, но и денежных поступлений. Денежные ссуды от родителей чаще всего возвращаются в виде услуг: взрослые дети отдариваются работой на родительском огороде, заготовкой дров, кормов для скота и т.д. Обо всем этом автор в своем докладе пишет достаточно развернуто, не забывая при этом о воспитательной роли коллективного семейного труда в личных подворьях, а также о семьях, которые не смогли адаптироваться на базе личного хозяйства в силу возраста, недостатка рабочих рук и т.д.

Вывод по проблеме адаптации селян к изменившейся социальной среде благодаря ЛПХ принимаю, так как он обоснован и убедителен.

Далее автор переходит к анализу земельного вопроса в практике проведения аграрной реформы. Прав автор, утверждая, что первые годы аграрных преобразований реально продемонстрировали, что вопрос о земле и формах хозяйствования на ней – наиболее острый и актуальный. В 1994 г. Правительство РФ постановило одобрить разработанную и используемую в Нижегородской области программу приватизации земли и реорганизации сельхозпредприятий, но нашлись не только сторонники, но и противники реализации этой модели. Так, в 1995 г. отделение экономики Россельхозакадемии постановило считать распространение данной модели реформирования на другие регионы РФ преждевременным, перечислив ее недостатки. Члены комиссии подчеркнули, что эта программа «ведет фактически к полной дезинтеграции агропромышленного комплекса страны» (с. 22).

В Чувашии земельную реформу, по словам автора, «намеревались проводить эволюционным путем, с учетом опыта в стране, соседей, исторических традиций» (с. 22), хотя буквально на предыдущей странице он же писал, что «в Чувашии было предусмотрено проведение земельной реформы, где за основу взята программа ЗеРНО (Земельная реформа в Нижегородской области). Автор, не уточнив, по какой модели была проведена земельная реформа, внес тем самым в свой текст определенную двусмысленность. Что же касается земледельцев региона, большинство из них было за коллективное владение землей, коллективные формы хозяйствования, государственную поддержку села, против частной собственности и «дикой» приватизации (с. 23).

Два историко-социологических анализа, основной задачей которых было выяснение причин конфликтов 1996–1997 гг. на почве землепользования, прошли в том числе и в Чувашии. Один из анализов был проведен в 1998 г. Центром социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова в 72 субъектах РФ (в Чувашской Республике было опрошено 698 представителей республиканской законодательной и исполнительной власти). Второй прошел в 1999 г.: его осуществил автор доклада в виде интервью с 12 представителями высшей законодательной и исполнительной власти ЧР.

Результаты обоих опросов привели к одному выводу: «…появление на волне популизма руководителей, лидеров, носителей духа “дикого капитализма”, для многих из которых характерны некомпетентность, низкий профессионализм, политический и культурный провинциализм» (с. 25). По мнению автора доклада, «особенно опасен для крестьянской общности свойственный этим людям статус временщика, осознающего случайность возвышения и стремящегося к корыстному использованию своего положения – поспешному получению пре-

стижной и доходной должности, высокого оклада, материальной выгоды и т. п.» (с. 25). С этим мнением трудно не согласиться.

Последний раздел доклада посвящен анализу динамики реформирования села и аграрных преобразований в 2000-х гг. Надо признать, что результаты этого анализа не внушают особого оптимизма относительно судеб российской деревни (будь она чувашская, удмуртская, марийская или любая другая) и сельского хозяйства. Автор, констатируя факт появления в сельском хозяйстве многоукладной экономики в лице корпоративных субъектов – СПК, ООО, ЗАО, ОАО и др., крестьянских (фермерских) хозяйств и личных подсобных хозяйств селян, далее на конкретных цифрах показывает снижение расходов, выделяемых на поддержку АПК страны, резкое падение производства, разрушение материально-технической базы сельского хозяйства, сокращение посевных площадей, поголовья крупного рогатого скота и свиней, деградацию сельского социума. Подобные же процессы, судя по данным автора, происходят и в сельскохозяйственном секторе ЧР (с. 28–31).

К числу позитивных результатов аграрного реформирования автор относит только ренессанс крестьянского уклада, к которому «подтолкнула массы селян суровая необходимость выживания в новых общественно-экономических условиях» (с. 31).

В ходе исследований, проведенных автором и его коллегами в Чувашии, 52,5% земледельцев в 2000 г. и 49,6% в 2009 г. указали негативное влияние реорганизации колхозов и совхозов на экономику сельхозпредприятий региона. В 2000 г. колхозы были названы наиболее эффективными формами хозяйствования 29,5 % селянами, а в 2009 г. – 20,3 %. За 9 лет выросло доверие к КФХ: с 6,25 % в 2000 г. до 15,1 % – в 2009 г. (с. 33).

Вывод автора по разделу также пессимистичен: «Аграрные преобразования не принесли экономического оживления в чувашской деревне, наоборот, они сопровождаются спадом объемов и эффективности сельскохозяйственного производства. Существенно снижается уровень жизни сельского населения, усиливается социально-имущественная дифференциация (расслоение) сельского социума, уменьшается доля экономически активных и профессионально подготовленных специалистов в агропромышленном производстве, понижается социальный статус хозяина земли – крестьянина» (с. 34). Нельзя не верить выводу автора, который подкреплен статистическими данными: видимо, не случайно 32,7 % из числа опрошенных в 2002 г. и 21,9 % в 2009 г. ответили, что никогда у большинства населения Чувашии жизнь не улучшится.

В «Заключении» автор подводит краткие выводы и предлагает несколько своих предложений. По его мнению, «современной деревне нужны руководители, способные организовать дело в соответствии с изменившимися условиями и поставленными перед АПК страны задачами. …В этом направлении необходимо объединить усилия государственных органов, бизнеса, сельского сообщества, создать комфортные условия для производственной деятельности и проживания в сельской местности» (с. 36).

Завершая рецензию на доклад И.Е. Ильина, могу сказать, что я с удовольствием познакомилась с его рукописью. Автором проделана большая и самостоятельная работа, вылившаяся в серьезное научное сочинение, отличающееся добротной базой оригинальных источников, хорошим стилем изложения, очень емкими и вытекающими из анализа материала выводами. Занимаясь анализом ресурсов и опыта адаптации преимущественно удмуртских земледельцев, я много интересного почерпнула из доклада для себя.

И все же в конце своей рецензии не могу не задать автору вопрос: почему, охарактеризовав крестьянские (фермерские) и личные подсобные хозяйства Чувашии, он проигнорировал так называемые «крупхозы» (по Т. Шанину), в первую очередь – сельскохозяйственные производственные кооперативы, т.е. СПК. Я бы их в любом случае не стала ставить в один ряд с ООО, ОАО и ЗАО.

Литература

[1] *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 31.

[2] *Барсукова С.Ю.* Реципрокные взаимодействия: сущность, функции, специфика // Социс. 2004. № 9. С. 20.

[3] Там же. С. 23–24.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© В.В. Орлов. Рец. на: **Ильин И.Е. Модернизация российского села на рубеже XX–XXI веков: исторический опыт и уроки реализации** / И.Е. Ильин; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 40 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып.17).

Российское село переживает не лучшие времена, налицо спад объемов и снижение эффективности сельскохозяйственного производства, резкое ухудшение условий жизни сельских жителей, что в основном обусловлено форсированным переходом к рыночным отношениям. Творческое осмысление и извлечение уроков из потрясавших страну разрушительных аграрных реформ позволяют понять проблемы и противоречия, возникающие при возрождении российского села, сделать научно обоснованные выводы и рекомендации, а также попытаться найти ответы на вечные для России вопросы. Действительно, в чем причина разительного несоответствия между богатейшими природно-экономическими возможностями страны и низким уровнем и качеством жизни населения, прежде всего сельского? Обречен ли российский, в том числе и чувашский, народ на извечную бедность? Почему России не везет с аграрными реформами и является ли сельское хозяйство «черной дырой»? И наконец, кто виноват и что делать?

Именно с этих позиций следует рассматривать и оценивать научный доклад И.Е. Ильина, посвященный выявлению основных тенденций, результатов и последствий социально-экономических реформ в российском селе на рубеже XX–XXI вв. Выбор автором объекта и предмета исследований вполне оправдан, а актуальность изучения комплекса проблем, связанных с реформированием российского села на примере Чувашской Республики, не вызывает сомнений.

Проблема, ставшая предметом анализа И.Е. Ильина, отличается сложностью и дискуссионностью. Примечательно, что автор не избегает спорных тем, сосредоточивая свое внимание на таких слабо изученных вопросах, как возникновение «двух экономик: для богатых и для бедных», влияние нарастающего диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию как легальной формы перекачки средств из села, «многоканальная модель» выживания сельской семьи, появление на селе руководителей, носителей духа «дикого капитализма», «окрестьянивание» сельского населения, происходящее под прессом экономического принуждения и угрозы голода. Более того, сама постановка и попытка анализа указанных аспектов темы усиливают новизну доклада. Концептуальный и междисциплинарный подходы автора к исследуемой проблеме отличаются взвешенностью, выдержанностью, отсутствием крайностей, стремлением к объективности.

Источниковая основа доклада является репрезентативной, позволяющей раскрыть тему в полном объеме. И.Е. Ильин ввел в научный оборот многочисленные, не использованные ранее, разнообразного характера и содержания документы, усиливающие новизну доклада. Основное место среди них занимают неопубликованные документы, извлеченные из центральных и республиканских архивов, что необходимо для аргументированных выводов и выхода на новый уровень обобщений. Объективный анализ происходивших событий на базе солидного архивного, статистического и социологического материалов позволил автору по-новому осмыслить ход и результаты рыночных преобразований в аграрной сфере, вскрыть глубинные причины неудач и ошибок властей, оценить реальные шансы и перспективы возрождения социально-экономического потенциала российского села.

Автор, несомненно, прав, утверждая важность критического позитивного пересмотра современной аграрной политики, поскольку разрушительные последствия форсированного перехода к рыночным отношениям негативно сказались прежде всего и больше всего на селе. В условиях Чувашии либеральные реформы, направленные на ликвидацию колхозов и совхо-

---

Виталий Владимирович Орлов – доктор исторических наук, профессор кафедры экономики Чебоксарского политехнического института (филиала) Московского государственного машиностроительного университета; e-mail: orl-56@mail.ru.

зов, приватизацию земли, выкачивание средств из села за счет «ножниц цен», сокращение государственных расходов на поддержку села неизбежно привели к кризису экономики деревни, превращению ее в приют для пенсионеров и беднейших слоев населения.

Вполне обоснован вывод автора о том, что личные подсобные хозяйства (ЛПХ), став ведущей формой приложения трудовых ресурсов жителей российского села, обеспечивают сельские семьи продуктами питания и денежными средствами, необходимыми лишь для выживания. Многоукладная аграрная экономика позволила деревне выстоять и оказать сопротивление разорительным реформам сверху. Дальнейшее функционирование аграрного производства, развитие ЛПХ, сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств связано с особенностями российских крестьян, их жизнестойкостью и терпением, отмечаемыми в ходе социологических обследований.

В плане совершенствования текста доклада можно высказать ряд пожеланий, которые носят рекомендательный характер и нисколько не снижают высокого уровня исследования.

Во-первых, в докладе не уточнено, что понимается под «модернизацией российского села». Автор ограничился констатацией, что модернизация – это трансформация традиционного общества в современное (с. 4). Как известно, модернизация – это переход от аграрного общества к индустриальному и городскому, который в России состоялся в 1950-х гг., а в Чувашии – в 1980-х гг. Фактически в докладе речь идет о развитии российского села в условиях рыночной экономики. Исходя из содержания доклада, скорее можно говорить о квазимодернизации или антимодернизации, поскольку реформы последних лет привели к кризису аграрного сектора экономики. Для обозначения процессов, изучаемых автором, подходит и термин «оптимизация», введенный власть предержащими. Оптимизация сопровождается ликвидацией учреждений образования, культуры и здравоохранения, сокращением рабочих мест в бюджетной сфере, что явно наблюдается и на селе. К тому же дискурс «модернизация» давно не используется зарубежными, а в последние годы и отечественными учеными. В общем, автору следует подумать над названием доклада («об уроках» в докладе ни слова) и о его соответствии содержанию. Кстати, вполне приемлемое и приличное название доклада приведено на с. 6.

Следующее. В вводной части доклада желательно указать о диаметрально противоположных оценках состояния и тенденций, происходящих в аграрном секторе экономики Чувашии и в чувашском селе, федеральным (РФ) и республиканским (ЧР) министерствами сельского хозяйства. Это, как известно, не раз стало поводом публичных обсуждений на страницах периодической печати. Причем каждая оценка подкреплена фактическими данными и подтверждена статистическими показателями. Автор вполне мог бы выступить в качестве научного «арбитра» в важном споре, разобраться в этих разноречивых суждениях о состоянии и перспективах чувашского села, базируясь на объективном анализе развития сельского хозяйства в регионе.

Далее. Среди отечественных исследователей истории аграрного строя, российской деревни автор почему-то приводит А.С. Сенявского, который всю свою творческую жизнь занимался проблемами рабочего класса и урбанизации (докторская диссертация).

В-четвертых, в докладе выделяются и анализируются фермерские хозяйства (с. 12–15) и личные подсобные хозяйства (с. 15–20). В то же время отдельно не исследуются сельскохозяйственные организации, информация о них разбросана по всему тексту, что не способствует цельному восприятию этих сюжетов. Предпочтительно подать сведения о производственной деятельности СХО в концентрированном виде.

В-пятых, в работе четко определено: «цель – на основе сравнительного анализа выявить основные тенденции…». Фактически в докладе основной материал касается социально-экономических процессов, происходящих в аграрном секторе экономики Чувашской Республики и в чувашском селе на рубеже XX–XXI вв. Автору, безусловно, известно, что в регионологии и региональной экономике среди основных типов регионов выделяются не только субъекты Российской Федерации, но и экономические районы и федеральные округа. Приведение сравнительных материалов по реформированию сельского хозяйства в 5 субъектах Волго-Вятского экономического района, а с 2001 г. по 14 субъектам Приволжского федерального округа намного повысило бы научный «вес» и содержание доклада. В ежегодно публикуемом Чувашским управлением Росстата статистическом сборнике «Чувашская Республика и субъ-

екты Приволжского федерального округа в цифрах» только в разделе «Сельское и лесное хозяйство» содержится 25 показателей, а всего в сборнике не менее 35–40 индикаторов, позволяющих получить сравнительный материал по развитию села не только в Чувашии, но и в субъектах ПФО (Чебоксары, 2014).

Кстати, проведение такого сравнительного анализа весьма важно и поучительно, поскольку Чувашия относится к числу депрессивных, Республика Марий Эл – отсталых, а Республика Татарстан, Республика Башкортостан и Нижегородская область – успешных регионов в ПФО.

Наконец, вся новая и полезная информация представлена в пяти таблицах, что способствует лучшему восприятию текста. В то же время в таблицах 1, 4 и 5 сведения ограничиваются 2010-м г., когда основные социально-экономические показатели аграрного сектора экономики Чувашии оказались низкими из-за засухи. Опубликованные статистические сборники позволяют получить соответствующую пролонгированную информацию вплоть до 2014 г. включительно. Кстати, автор вполне может использовать методику земских статистиков, которые при определении среднегодовых показателей сельскохозяйственного производства исключали из подсчета год самого высокого и год самого низкого урожая.

В целом, научный доклад И.Е. Ильина посвящен актуальной теме, носит завершённый характер, имеет глубокое содержание и оригинальную авторскую позицию. Солидный фактический материал, в большинстве своём впервые введённый в научный оборот, позволяет объективно исследовать основные тенденции и выявить противоречия в социально-экономическом развитии российского села на рубеже XX–XXI вв.

ЧГВ, 2015 г. № 10

© И.М. Нуриева. Рец. на: **Кондратьев М.Г. «Чувашский след» в фольклоре завятских удмуртов** / М.Г. Кондратьев; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 48 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 18).

Проблема чувашско-удмуртских этномузыковедческих связей в науке мало разработана. Единственный исследователь, специально обращающийся к этой теме, – М.Г. Кондратьев, перу которого принадлежат отдельные статьи по чувашско-удмуртским параллелям. Представленный доклад продолжает эту линию компаративистики, но уже ставит более конкретную задачу исследования чувашского субстрата в отдельной локальной группе удмуртов, а именно в южной части завятской песенной традиции, которую представляют потомки рода воршуда Уча.

Материалом для анализа послужила достаточно солидная источниковая база – опубликованные записи 1989 и 1995 гг.[1] Доклад состоит из нескольких разделов. В преамбуле автор, исследуя историю изучения удмуртско-тюркских взаимосвязей, справедливо ставит вопрос: почему удмуртские ученые-языковеды, стратифицируя тюркский пласт в удмуртском языке на булгарский и татарский, отказываются от изучения более поздних удмуртско-чувашских связей? Получается, что последующая линия исторических связей между удмуртами и потомками булгар – чувашами прерывается.

М.Г. Кондратьев на музыкально-песенном материале доказывает обратное, а именно реальность «чувашского» следа в Заказанье вплоть до XVIII в. В качестве аргументов ученый приводит музыкально-песенный материал удмуртских деревень Старая Уча и Важашур, которые, согласно историческим данным, образовались путем отделения от д. Люга, еще в XVII в. считавшейся чувашской. Разумеется, этими населенными пунктами автор не ограничивается.

Ирина Муртазовна Нуриева – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук; e-mail: nurieva-59@mail.ru.

Анализируя музыкально-песенный фольклор, он последовательно расширяет круг вначале до родовой группы Уча и кукморской локальной традиции, в которую эта группа входит, затем исследует фольклор кукморских удмуртов в южноудмуртском контексте.

Рассматривая поэтические особенности (сюжетосложение, отдельные общие поэтические образы), жанровую структуру, музыкальную стилистику (ладозвукорядные структуры, ритмическую организацию, композицию) песен завятских удмуртов, автор находит точные, иногда абсолютные параллели и в современном чувашском музыкальном языке, доказывая таким образом наличие «чувашского» следа на территории нижнего правобережья Вятки. В выводах к докладу М.Г. Кондратьев расширяет эту область этнокультурных параллелей «как результат контактного влияния культуры чувашского населения Заказанья XV–XVII вв. на культуру всей этнической общности южных удмуртов» (с. 38–39). Последний постулат, на наш взгляд, еще нуждается в более полном доказательстве с привлечением сравнительного материала по другим этническим культурам, а также более глубоких исторических данных.

Исследуя музыкально-песенную культуру завятских удмуртов и непрерывно наблюдая ее в динамике, хотелось бы высказать свою точку зрения на проблему, поднятую в докладе М.Г. Кондратьева.

В качестве одного из доводов тесных связей между чувашами и удмуртами рода Уча автор приводит общие моменты в ладозвукорядных структурах. Именно таковым является ладозвукоряд трихорд в кварте, преобладающий в учинском кусте. На наш взгляд, этот аргумент можно усилить. Во-первых, отметим, что данный звукоряд встречается исключительно в напевах с булгарским названием Акашка. Все остальные обрядовые напевы (свадебные, гостевые, рекрутские) основаны на большетерцовом звукоряде, типичнейшем для всего удмуртского обрядового пласта, при этом их интонационная природа, по замечанию М.Г. Кондратьева, «принципиально отличается от чувашских аналогов» (с. 24).

Звукоряд трихорд в кварте воплощается в напевах Акашка по-разному. В дд. Старый, Новый Канисар напевы основаны всего на трех звуках, в других – на расширенных вариантах (см. таблицу сборника «Песни завятских удмуртов»). Этих фактов вполне достаточно, чтобы говорить о булгарском субстрате в завятской традиции, но автор отдельно останавливается на староучинском напеве Акашка и приводит абсолютно аналогичный пример из чувашского песенного фольклора. Удмуртский напев, как показал сделанный в свое время его анализ, выпадает из местной стилистики, прежде всего благодаря выявляемой в заключительном кадансе главной опоре, которая звучит не по-удмуртски, появляется неожиданно[2]. Из всех напевов обряда Акашка, распространенных на территории кукморской традиции, подобными чертами наделен еще один – напев д. Лельвиж, расположенной на противоположном стороне района. Все шесть пунктов характеристик, приведенных автором доклада на с. 26, также относятся и к этому примеру.

Возникает вопрос: почему именно этот жанр оказался на пересечении двух музыкально-ритмических систем, тем более что удмуртские этномузыковеды относят их к воршудно-родовым напевам, что уже, казалось бы, автоматически возводит их в ранг сугубо этнических (удмуртских), очень древних по музыкальному языку детерминант?

Удмуртский лингвист М.Г. Атаманов, исследуя воршудно-родовую структуру Кукморского района, выделил два родовых гнезда – Зумъя и Уча. Основываясь на топонимических картах, сделанных удмуртским ученым, мы в свою очередь картографировали родовые напевы, что привело к следующим результатам.

Картографирование напевов на территории воршудного поселения Уча выявило компактно расположенную группу-ядро из шести деревень с одним и тем же напевом (в этот куст входит и д. Важашур) и периферийные напевы. Удивительно, что напевы всех трех населенных пунктов с родовым названием *Уча* (Старая Уча, Новая Уча и Нижняя Уча) вошли в периферию, при этом они не связаны ни с напевом-ядром, ни между собой. Каждый из них представляет самостоятельный напев с довольно развитым мелодическим объемом. Периферийные напевы (не только рода Уча, но и Зумъя) стали загадкой, которая постепенно отгадывается, как, например, случилось с напевом Акашка д. Студеный Ключ (напев был «привезен» с новой родины из д. Булай Увинского района). В напеве Акашка дд. Верхний и Нижний Кузмес угадываются связи с соседней шошминской традицией (бакхическая ритмоформула), что уже

опровергает мысль о древности (автохтонности) родовых напевов. Для деревенской общины главное – акустически идентифицировать свой круг, свой социум, отделить его от других. Родовые напевы, как выясняется, достаточно мобильны, далеко не все несут печать глубокой древности. В случае же со староучинским и лельвижским напевами, вероятно, срабатывает «родовая память», благодаря которой в самом сокровенном (родовом) срезе всплывают интонации предшествующего населения.

Разумеется, делать глубокие выводы пока преждевременно, необходимы исторические документы и дополнительные этнографические сведения, что требует совместных усилий ученых разных специальностей. Настоящий доклад «“Чувашский след” в фольклоре завятских удмуртов» вносит достойный вклад в исследование проблем исторических взаимосвязей двух этносов.

Литература

[1] *Vikár L., Bereczki G.* Votyak Folksongs / L. Vikár, G. Bereczki. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1989; *Нуриева И.М.* Песни завятских удмуртов. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1995. Вып. 1. 232 с. (Удмуртский фольклор).

[2] См. анализ: *Нуриева И.М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов : проблемы культурного контекста и традиционного мышления : [монография]. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 186–187.

ЧГВ, 2015 г., № 10

© А.В. Данилов. Рец. на: **Викторов Ю.В. Чувашская станковая живопись XX в.: основные этапы и итоги развития** / Ю.В. Викторов; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 44 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 19).

Актуальность исследования, посвященного становлению и развитию чувашской станковой живописи XX в., обусловлена назревшей необходимостью изучения, сохранения и дальнейшего развития национального изобразительного искусства. Чувашское искусствоведение изучало проблему становления и развития векового изобразительного искусства Чувашии не в полном объеме, охватывая некоторые этапы развития живописи и творчество отдельных представителей национального искусства. До конца XX в. еще не было полного специального исследования по заявленной теме, где освещались бы проблемы национальной художественной школы с ее истоками и традициями, а также влияние традиций русского и советского изобразительного искусства на развитие станковой живописи.

Автор доклада, понимая фундаментальность и масштаб исследуемой проблемы, рассматривает только живопись, не затрагивая другие виды искусства. Объектом исследования в данном докладе являются истоки зарождения, основные этапы и итоги развития чувашской станковой живописи. Предмет исследования – чувашская станковая живопись как вид искусства. Цель исследования – становление и развитие чувашской станковой живописи в XX в. В соответствии с целью и предметом исследования автор доклада определил следующие задачи:

– создать целостную картину становления и развития чувашской станковой живописи в XX в.;

– предложить новый вариант периодизации развития чувашской станковой живописи;

– показать эволюцию развития основных жанров станковой живописи Чувашии: исторического, бытового, портретного, пейзажного и натюрмортного;

Анатолий Васильевич Данилов – кандидат педагогических наук, профессор Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева; e-mail: danilovart@mail.ru.

– анализировать наиболее значимые, этапные произведения чувашской станковой живописи;

– рассмотреть особенности творчества художников с ярким индивидуальным почерком, показывающим национальные особенности чувашской станковой живописи;

– отметить значение русской и советской художественной школы на развитие чувашского изобразительного искусства.

Ю.В. Викторов, определяя границы исследования, четко ограничил его хронологические рамки. Основными методами исследования докладчик выбрал историографический, искусствоведческий, описательный и сравнительный. Источниками исследования явились произведения станковой живописи, музейные фонды, монографии, каталоги выставок, журнальная и газетная периодика, письма.

Научная новизна доклада состоит в том, что впервые создана целостная картина становления и развития чувашской станковой живописи в XX в., предложен новый вариант вековой периодизации развития чувашской станковой живописи, показана эволюция основных жанров станковой живописи, проанализированы особенности творчества ведущих художников с ярким индивидуальным почерком и отмечено влияние русской и советской художественных школ на развитие чувашского изобразительного искусства.

В историческом экскурсе, исследуя истоки чувашского изобразительного искусства, автор в краткой форме приводит конкретные факты, называя имена тех, кто стоял в начале зарождения национального искусства. При этом он особый акцент делает на Симбирской чувашской учительской школе, основанной И.Я. Яковлевым в 1868 г., благодаря которой чуваши, как и многие «инородцы» в царской России, получили возможность отстаивать право на создание национального изобразительного искусства.

Докладчик персонифицированно выделяет будущих корифеев чувашской станковой живописи, выпускников Казанского, Пензенского художественных училищ и Академии художеств, которые прошли профессиональную русскую школу живописи и заложили основы чувашской станковой живописи. Оценивая значение первого поколения чувашских художников, привнесших на свою родину традиции русской художественной школы, он утверждает, что благодаря своей мудрости и дальновидности они все знания и опыт, усвоенные традиции и принципы русской художественной школы положили в основу создания и развития национальной школы живописи. Русская и советская художественные школы, ассимилируясь с чувашской национальной культурой, позволили обрести черты самобытности, неповторимости и профессиональности чувашской станковой живописи.

Описывая развитие художественного и педагогического образования, исследователь обозначил второе и последующие поколения художников, получивших высшее художественное образование в Ленинграде, Москве, Харькове и других городах СССР. Они не только привнесли сильные традиции реалистической русской школы XIX и первой половины XX в., но и сами активно участвовали в сфере художественной педагогики, развивая их в Чебоксарском художественном училище и на вновь созданном художественно-графическом факультете в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева.

Ю.В. Викторов в своем исследовании, достоверно обосновывая, особый акцент делает на значимости деятельности М.С. Спиридонова как организатора и художника, создавшего условия для развития профессионального изобразительного искусства.

Развитие чувашской станковой живописи в 1930–1945 гг., согласно периодизации Ю.В. Викторова, происходило в условиях серьезных реорганизаций, проводимых во всей стране в духе постановления партии «О перестройке литературно-художественных организаций». В подтверждение этому докладчик отмечает выставки в г. Чебоксары, а затем в г. Горький (г. Нижний Новгород), показавшие возросший потенциал художников Чувашии. Открытие художественной галереи в Чебоксарах, рост числа профессиональных живописцев и развитие передвижной художественно-выставочной деятельности укрепляют тезис успешного развития изобразительного искусства Чувашии. Описывая этап искусства военного времени, докладчик указывает на патриотическое звучание произведений чувашской живописи, а также анализирует творчество эвакуированных художников, работавших и выставлявшихся вместе с чувашскими художниками.

В советском искусствоведении долгие годы был незыблемым принцип «социалистического реализма», который не мог быть подвергнут в то время ревизии. Правильно подчеркнуто, что этот партийный принцип сдерживал развитие искусства. Но талантливые живописцы и в эту эпоху, подчеркивает он, сумели создать достойные произведения.

Послевоенный этап жизни Союза художников автор описывает как заметный в развитии чувашской станковой живописи. Она поднялась на новый уровень с приездом в г. Чебоксары новых творческих личностей – выпускников вузов Москвы и Ленинграда. В докладе отмечено, что это обстоятельство придало новое дыхание художественной педагогике, благодаря которой сумели подготовить целую плеяду замечательных живописцев. В творческой деятельности они обогатили чувашскую станковую живопись новыми тематическими картинами о трудовой жизни Чувашии и истории страны. Ведущие жанры живописи пополнились портретной галереей выдающихся творческих личностей, часто созданных в историко-революционном жанре, а пейзажная живопись обрела черты картинности, жанр натюрморта пополнился новыми произведениями и новыми именами живописцев. Подтверждение этому Ю.В. Викторов видит в демонстрации достижений чувашской станковой живописи на масштабных выставках художников Поволжья.

Особую страницу развития чувашского изобразительного искусства открывает новое учебное заведение – художественно-графический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, где работали известные выпускники художественных вузов страны. Ю.В. Викторов, первый выпускник с красным дипломом, во многих своих публикациях подробно описывает становление развития худграфа и его значимость для чувашского изобразительного искусства.

В живописи 1960–1980 гг. автор анализирует творчество художников, которые искали новые изобразительно-выразительные средства, соответствующие особенностям национального мировосприятия. К числу неординарных творческих личностей, внесших в чувашскую станковую живопись новые приемы и техники, образно-живописную систему и особое национальное видение, он по праву относит А.И. Миттова, творчество которого остается неподражаемо уникальным своей всеобъемлющей «чувашскостью». Другим уникальным художником, показывающим страницы древней истории, Ю.В. Викторов считает В.И. Агеева, создавшего «свой неповторимо оригинальный, глубоко национальный “агеевский” стиль».

В области национального колорита и пластического языка в чувашской живописи создавали настоящие шедевры ставшие корифеями Ю.А. Зайцев, М.С. Спиридонов, Н.К. Сверчков. Ю.В. Викторов особо выделяет творчество Н.В. Овчинникова, привнесшего традиции русской и советской реалистических школ на чувашскую землю, создавшего в духе времени «развитого социализма» значительные тематические произведения, портреты деятелей культуры и искусства.

«Суровый стиль» как новое направление в советском искусстве затронул и чувашских художников. В своем исследовании Ю.В. Викторов выявил ярких представителей чувашской живописи этого направления.

Творчество Р.Ф. Федорова автор рассматривает как художника, ищущего в многообразии тем новую образную систему, композиционный строй, цветовую палитру и экспрессивную манеру письма. Яркого представителя третьего поколения чувашских художников Н.П. Карачарскова он представляет живописцем, который «своих героев... находит в самой действительности и пишет их с натуры такими, какие они есть в конкретной ситуации и в определенной среде». В творчестве П.В. Павлова он отмечает строго выверенную живопись с композиционно продуманным строем.

Рассматривая чувашскую станковую живопись 1960–1970-х гг., докладчик выделяет новое поколение художников, работающих в разных жанрах, с многообразием творческих почерков и исканий.

В своем докладе Ю.В. Викторов не обошел такой значительный факт в чувашском искусстве, как создание творческих бригад, представивших немало замечательных сюжетно-тематических, художественно образных полотен, портретов-картин в высоком профессиональном исполнении.

В искусстве 1980-х гг. – в творчестве нового поколения художников – Ю.В. Викторов отмечает манеру, тематическое и стилистическое разнообразие. Как он подчеркивает, все произведения, созданные художниками в эти десятилетия, были широко представлены во многих выставках, проводимых в республике и за ее пределами. Показательной в этом контексте является Шестая зональная тематическая художественная выставка «Большая Волга», состоявшаяся в 1985 г.

Ю.В. Викторов рассматривает искусство живописцев Чувашии во взаимосвязи с происходящими социально-историческими изменениями, которые не могли не повлиять на перспективу развития искусства в целом. Наступило время свободы творчества, возможности удовлетворять любые эстетические запросы ценителей и любителей изобразительного искусства в эпоху рынка и время коммерческих выставок.

Естественно, однозначно оценить уровень и значимость чувашской станковой живописи последнего десятилетия непросто. История вынесет свой вердикт этому этапу развития искусства.

В последние десятилетия XX в. все большую актуальность приобретает в чувашском искусстве национальная тема. Ю.В. Викторов отмечает, что, несмотря на трудности переходного времени в стране, когда во многом меняется сама система культурных ценностей, в творчестве ведущих художников второго и третьего поколений не пропал интерес к истории своего народа. На фоне всеобщей тенденции к утверждению национальной самобытности, народ Чувашии также сделал выбор в пользу серьезного осмысления своего исторического пути. Значительный вклад в этой области вносит и современное изобразительное искусство, показывая своеобразие и уникальность чувашской культуры. Наступило время осмысления, как считает автор доклада, всего, что происходит в общественной и культурной жизни этноса, время поиска новых форм, средств и приемов для развития национальной живописи, развивавшейся на принципах преемственности традиций русской демократической живописи, с чем трудно не согласиться. Изучение духовного наследия собственного народа и взгляд на него сквозь призму сегодняшнего дня даст изобразительному искусству новый импульс для движения вперед.

В заключение, обобщая представленный доклад Ю.В. Викторова, можно утверждать, что он, используя различные методы в своем искусствоведческом исследовании, создал целостную картину становления и развития чувашской станковой живописи, предложил новую периодизацию чувашского искусства XX в.

Высоко оценивая значимость проведенного исследования, хотелось бы в качестве предложения отметить некоторые аспекты развития станковой живописи Чувашии для рассмотрения их в последующих исследованиях более полно. В частности:

– особенности национального мировосприятия и его интерпретация в художественные образы в станковой живописи, не только в творчестве отдельных художников, а применительно ко всей станковой живописи Чувашии;

– специфику национального колорита чувашской станковой живописи в сравнении с образно-цветовым строем произведений живописи художников соседних республик и областей Поволжья;

– характер синтеза традиций русской и советской школ живописи в произведениях чувашских художников;

– влияние процессов ассимиляции культур и изобразительного искусства народов Поволжья на самобытные неповторимые черты чувашской станковой живописи;

– влияние современных процессов глобализации на самобытность искусства малых народов, в частности чувашского изобразительного искусства;

– приобретение достойных произведений чувашской живописи крупными музеями России и зарубежья;

– значение художественных музеев и картинных галерей в Чувашии в системе популяризации изобразительного искусства и формирования интереса к изобразительному искусству как способа приобщения чувашского народа к достижениям станковой живописи в республике.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© **И.К. Загидуллин.** Рец. на: **Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): сборник материалов и документов** / сост., авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исхаков, Г.А. Николаев. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2014. – 316 с.

«Табу», наложенное Коммунистической партией СССР на изучение места и роли религии в духовной и социальной жизни народов страны, самым пагубным образом отразилось на становлении и развитии этнографической науки о крещеных татарах. Стало нормой игнорирование ценнейшего пласта источников – материалов современников, которые являлись не только свидетелями, но и активными участниками конструирования и наполнения реальным содержанием и символами новой этноконфессиональной общности крещеных татар – миссионеров, учителей братских школ, церковнослужителей. Если при описании жизни и быта мусульман конфессиональный фактор в целом усиливал субъективное отношение автора-миссионера и они оценивались как «чужие», то в текстах священнослужителей коренные народы Среднего Поволжья, принявшие православие, описывались как «свои». Широкое использование накопленных знаний о народах региона в учебном процессе, в стенах различных православных духовных образовательных учреждений, в миссионерской деятельности, в разработке методических пособий обусловили их стремление к сбору достоверной и подробной информации.

Приметой современных научных изысканий по культуре крещеных татар дооктябрьского периода стало обращение ученых именно к этим пластам источников – к публикациям православных миссионеров, приходских священников и архивным материалам на русском языке, активное введение их в научный оборот.

В этой связи явлением в научной жизни Татарстана стал итог совместного проекта двух научных центров – Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) и Института истории им. Ш. Марджани АН РТ – сборник материалов и документов «Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.)».

О существовании уникальных материалов по этнографии крещеных татар сообщил заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН Геннадий Алексеевич Николаев. Талантливый организатор науки и известный ученый-аграрник сумел за короткий срок проложить мост сотрудничества между историками Татарстана и Чувашской Республики. Именно он стал автором идеи, главным вдохновителем и одним из участников данного проекта. Г.А. Николаев, специалист по истории полиэтнической деревни Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX в., основательно изучил материалы фонда Н.В. Никольского в ходе подготовки 2-го тома четырехтомника избранных трудов известного чувашского просветителя, посвященного вопросам истории христианизации и христианского просвещения чувашей[1]. Во время Межрегионального научного семинара «Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие» (г. Чебоксары, 13 апреля 2011 г.), также организованного по его инициативе, в архиве института он ознакомил меня с фондом Н.В. Никольского.

Со стороны Института истории им. Ш. Марджани к реализации проекта был привлечен молодой историк Р.Р. Исхаков, успешно защитивший в 2008 г. кандидатскую диссертацию по теме «Миссионерская деятельность Русской православной церкви в отношении мусульман Среднего Поволжья в XIX – начале XX в. (1800–1917 гг.)».

По своему научному оформлению книга претендует на академическое издание сборника материалов и документов. Составители сборника трепетно обращаются с источниками, которые сопровождаются подробными и многочисленными научными комментариями к за-

---

Ильдус Котдусович Загидуллин – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: zagik63@mail.ru.

фиксированным в тексте событиям, понятиям, а также уточнениями, переводами татарских слов, терминов и т.д. Отдельно представлены анкетные сведения о 63 из 64 слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума), авторов курсовых сочинений.

Именной и географический указатели, список сокращений существенно облегчают работу с источниками. В конце книги размещены фотографии крещеных татар начала XX в., извлеченные из фонда Н.В. Никольского.

Издание открывается содержательным «Предисловием», которое состоит из нескольких частей: экскурс в историю изучения этнографии крещеных татар, краткий анализ творческого пути и научно-педагогической деятельности специалиста по истории народов Среднего Поволжья и их христианизации Н.В. Никольского (1878–1961) и языковеда-тюрколога С.Е. Малова (1880–1957), из фондов которых извлечены публикуемые материалы. (До отъезда в конце 1922 г. в Петроградский университет С.Е. Малов преподавал в Казанском кряшенском техникуме татарский язык и собирал образцы народного творчества кряшен. Его фонд находится в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.) Представленная характеристика публикуемых источников и пояснительная записка о принципах оформления текстов в издании выполняют функцию подготовки читателя к чтению сборника.

Нужно сказать, что в научный оборот вводятся первичные материалы, собранные представителем казанской миссионерской школы Николаем Васильевичем Никольским, выпускником Чебоксарского духовного училища (1893), Казанской духовной семинарии (1899) и Казанской духовной академии (1903). Он в имперский период преподавал на миссионерских курсах при Казанской духовной академии (1903–1917) и в Казанской духовной семинарии (1906–1910).

Курсовые сочинения, исходя из излагаемых сюжетов, разделены составителями на шесть тематических разделов, что, безусловно, облегчает поиск необходимой информации. Разделы эти следующие: «Религиозно-мифологические представления и бытовая культура», «Устное народное творчество», «Хозяйственные занятия и материальная культура», «Семья, община и обычное право», «История и этнография поселений», «Детство и социализация личности».

В 135 публикуемых документах – текстах курсовых сочинений по учебной дисциплине «История и этнография народов Среднего Поволжья», которую разработал и вел в стенах Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) в 1921–1922 гг. Н.В. Никольский (сам же составил план написания таких квалификационных работ), отражаются практически все аспекты производственной и духовной жизни и социального поведения крещеных татар: народные знания, мифологические представления, религиозные верования и суеверия, церковные ритуалы, устное народное творчество, историческая география поселений, крестьянское хозяйство, жилище, пища и утварь, повседневная и праздничная культура, общинные традиции и нормы обычного права, экстримы деревенской жизни, семейные и имущественные, межэтнические и межконфессиональные отношения и т.д.

Среди публикуемых материалов большую ценность представляют тексты на татарском языке, прежде всего образцы устного народного творчества. Как справедливо отмечают составители, они «являются не только важными историко-этнографическими источниками, но и ценными источниками письменного народного творчества кряшен начала XX в., дают представление об особенностях их языка, знакомят с их фольклором, богатым культурным достоянием» (с. 13).

Тексты представителей интеллигенции татар-кряшен зафиксировали тот срез переходного периода в национальной деревне, когда на основании знаменитого декрета «О земле» 1917 г. их родители – крестьяне – получили землю, жили с надеждой на светлое будущее и сытную жизнь, пользовались огромными полномочиями, делегированными советской властью сельской общине, автономно решающей многие административно-судебные вопросы местного значения. Хотя курсовые сочинения написаны в голодном 1921 г., это трагическое событие в текстах почти не прослеживается.

Ценность источников заключается в том, что авторами курсовых сочинений являются лица, воспитанные в миссионерских школах, выросшие в бикультурной религиозной ситуа-

ции, в которой институты Русской православной церкви играли важную роль и стали неотъемлемой частью общественной и семейной жизни крещеных татар. В этнокультурном плане они являются продуктом миссионерской системы обучения и религиозного воспитания, разработанной Н.И. Ильминским и принятой имперской властью в 1870 г. в качестве официальной идеологии, и внутриполитического курса самодержавия в сфере школьного образования в отношении этноконфессиональных меньшинств, исповедующих православие.

Авторами записок являются представители третьего поколения крещеных татар, подвергнувшиеся христианскому просвещению по системе Н.И. Ильминского. Привлекает внимание их высокая грамотность по-русски, правильное построение предложений, что следует признать великим достижением кряшенской национальной школы начала XX в. При освещении межэтнических и межконфессиональных отношений с соседними народами авторы отмечают отсутствие браков и контактов с татарами и тенденцию формирования межэтнических браков с русскими. Тексты передают чувство самодостаточности при оценке места кряшен в межкультурном пространстве местности, гордость за своих односельчан.

Курсовые сочинения иллюстрируют процесс основательного проникновения в семейный быт и мировоззрение населения православных ценностей. Такой вывод можно сделать на основании сообщений о посещении служб в храме и прилежном выполнении предписаний церкви женщинами – хранительницами домашнего очага и воспитателями своих детей в духе религиозно-нравственных традиций. Все это свидетельствует о торжестве системы Н.И. Ильминского в начале 1920-х гг. Видимо, в общественном сознании последующих поколений жителей крещенотатарских селений, выросших в условиях советского атеистического общества, стали доминировать традиционные верования, над искоренением которых из религиозной практики крещеных татар ранее трудилась Русская православная церковь.

В этой связи курсовые сочинения являются бесценным источником по этноконфессиональной идентификации кряшенской молодежи в первые годы советской власти. На этот аспект обратили внимание составители сборника. Основополагающий вывод, который сделали авторы «Предисловия», заключается в том, что «в анкетах и сочинениях свою национальную принадлежность они обозначили как кряшены, соответственно язык общения – как “кряшенский”, подчеркивая тем самым, что они имеют отличительную от татар-мусульман этническую идентичность» (с.14).

Записи слушателей курсов зафиксировали контуры трансформации взглядов нового поколения татар-кряшен. В рассматриваемый период школа была выведена из ведения Русской православной церкви и служила инструментом формирования новой, советской идентичности. Некоторые авторы квалификационных работ выражают обеспокоенность усилением русификации, другие называют церковные ритуалы и традиционные верования элементом отсталости. Авторы еще не знают, что очень скоро под воздействием политики воинствующего атеизма конца 1920-х гг. религиозная ситуация в кряшенских селениях кардинально изменится, священнослужители станут изгоями советского общества, церкви будут использоваться под хозяйственные нужды, а сами они, представители советской сельской интеллигенции, будут служить претворению в жизнь новой идеологии Страны Советов. Нельзя исключить, что некоторые из них, пройдя тяжелые и суровые испытания, выпавшие на долю этого поколения (коллективизация, военное и послевоенное лихолетье и т.д.), и дожив до брежневской эпохи, уже как сторожилы деревни могли выступать в 1970-х гг. в качестве респондентов этнографов, интересовавшихся культурой и народными обычаями кряшен.

Составители сборника материалов и документов предупреждают о необходимости критического отношения к публикуемым источникам, авторы которых выполняли письменную работу для получения искомого документа об окончании курсов (техникума) и могли допускать легковесные заключения и спорные обобщения. В этом плане на абсолютную подлинность претендуют образцы народного творчества – если слушатели и сочинили сами некоторые четырехстишья, то своим творчеством лишь дополнили фольклорный материал.

В то же время имеется пожелание относительно текста «Предисловия» сборника. В части освещения истории изучения этнографии крящен он получился немного абстрактным, не привязанным к публикуемым материалам, односторонним, неполным: он не учитывает вклад отдельных исследователей отечественной академической науки в изучение быта и повседнев-

ной культуры крещеных татар. У читателя может сложиться мнение, что исключительно представителям казанской миссионерской школы и Н.В. Никольскому принадлежит заслуга изучения ранее указанных тем и сюжетов.

Между тем Н.В. Никольский, помимо разработанного им самим «плана» курсовой квалификационной работы, раздавал слушателям курсов для заполнения готовые разработки, относящиеся к имперскому периоду, а именно:

– анкету, составленную секретарем отдела этнографии при Императорском Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, известным этнографом М.Н. Харузиным (СПб., 1887) и содержащую более 200 пунктов о границах применения норм обычного права, семейных и имущественных отношениях, взаимоотношениях между членами крестьянской поземельной общины, принципах использования общественных земель (пастбищ, сенокосов, лесных угодий) и т.д.

– «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины» совместного издания Императорского Вольного экономического общества и Русского географического общества (СПб., 1880);

– «Программы для собирания народных юридических обычаев (издание комиссии собирания народных юридических обычаев, состоящей при отделении этнографии Русского географического общества (СПб., 1889).

По сути, 4-й раздел издания «Семья, община и обычное право» состоит главным образом из ответов слушателей (студентов) на вышеназванные анкеты (документы под № 56, 57, 58, 59, 60, 63, 64), информация о них в сборнике ограничивается приведением в примечаниях сведений выходных данных.

Анкетные разработки этнографов позволили Н.В. Никольскому собрать уникальный материал о производственных, имущественных отношениях в сельском обществе. Краткая информация об этих анкетах и их составителях позволила бы приоткрыть завесу творческой лаборатории Н.В. Никольского, который, безусловно, учел, с одной стороны, накопленный опыт в области сбора информации путем заполнения письменных анкет, с другой – возрастные особенности и интеллектуальные возможности авторов курсовых сочинений, с третьей – свои научные интересы. Примечательно, что эти анкеты Н.В. Никольский раздавал некоторым своим подопечным в первый учебный год преподавания курса, в 1921 г. полученные ответы чем-то не устроили Н.В. Никольского или он посчитал достаточным собранный материал. В результате во второй учебный год ученый ограничился своими разработками.

В целом, сборник презентует современным историкам, этнографам, языковедам, исследователям устного народного творчества новый, неизвестный пласт источников и является важным шагом на пути возвращения наследия крупнейшего чувашского ученого Николая Васильевича Никольского.

Литература

[1] *Никольский Н.В.* Избранные труды. Т. 2. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей / сост., авт. предисл. и примеч. Г.А. Николаев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 447 с.

ЧГВ, 2015 г., № 10
© **Г.А. Ермакова.** Рец. на: **История чувашской литературы XX века, 1900–1955 годы:** коллективная монография. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 431 с.

Монографическое издание «История чувашской литературы XX века (1900–1955 годы)» являет собой логическое продолжение таких работ, как «Краткий очерк истории чувашской литературы» (Н. Васильев-Шубоссинни) (М., 1930), «Очерк дореволюционной чувашской литературы» (Чебоксары, 1948), «Очерк истории чувашской советской литературы» (М.Я. Сироткин) (Чебоксары, 1956), «Чувашский роман» (Чебоксары, 1966), «Современная чувашская литература» (Г.А. Хлебников) (Чебоксары, 1971), «История чувашской литературы 1917–1960 гг.» (Чебоксары, 1972). Но оно отличается от них тем, что чувашский литературный процесс анализируется не только в контексте общественно-политических, литературно-эстетических процессов, но и в свете религиозно-философского сознания народа. В нем чувашская литература сопоставляется с литературными феноменами народов Урало-Поволжья. С учётом того, что в настоящее время в литературоведении должное внимание уделяется особенностям развития национальных литератур, проблеме становления их жанровой системы, эта работа весьма актуальна и перспективна. Особенность издания в том, что оно выстроено по своей особой логике – в каждой главе сначала описывается особенность литературных периодов в разные отрезки времени, а затем дается литературный портрет наиболее яркого художника слова.

Подход авторов к исследованию развития литературного процесса чувашской литературы на основе идеи «великого синтеза» вполне оправдан и, на наш взгляд, заслуживает поддержки. Хронологические рамки монографического исследования охватывают первую половину XX в., при этом авторский коллектив, представив несколько литературных портретов (К. Иванова, С. Эльгера, П. Осипова, И. Мучи, М. Сеспеля, П. Хузангая, В. Митта), смог обеспечить композиционное единство всей монографии. Разделы, составившие проблемный стержень книги, стали скрепляющим материалом всей монографии. Благодаря комплексному подходу – анализу социально-политического, религиозно-философского, литературно-эстетического процессов, авторскому коллективу удалось избежать опасного сведения анализа объемного литературного материала к поверхностному толкованию. Авторы, освещая процесс развития чувашской литературы, не только представляют анализ творчества того или иного поэта и писателя, но и делают интересные наблюдения динамики развития отдельных мотивов, реально оценивают литературные явления, социально-политические взгляды художников слова. Центральное место в монографии занимают разделы, предваряющие анализ творчества поэтов и писателей. В них проанализирована и представлена весьма полно особенность того или иного периода. Так, в разделе «Чувашская литература 1900–1908 годов» В.Г. Родионов вполне справедливо делает акцент на обращение творческой интеллигенции к народной песне. Подобное обращение он объясняет философскими исканиями и выработкой нравственно-эстетических убеждений у поэтов и писателей того периода. Он приходит к выводу, что «идея гармонической связи всех явлений природной и человеческой жизни весьма близка чувашской народной философии» (с. 13). Выводы В.Г. Родионова о том, что письменная проза второй половины XIX в. «выражала идею отрицания дохристианских народных традиций» (с. 16), а поэзия утверждала народные традиции, думаем, верна. Н.Г. Ефремова-Ильина, представляя литературный портрет К.В. Иванова, доказывает на основе дискурсов произведений поэтов, что их истоками является мировидение чувашского этноса.

Во втором разделе – «Чувашская литература 1909–1917 годов. Становление новой эстетики и теории словесности» – говорится о возникновении новых жанров. И.В. Софронова, представляя творческий путь Н. Шубоссинни, констатирует, что данный художник слова обогатил чувашскую литературу «новыми жанрами и формами» (с. 138). Автор указанного разде-

Галина Алексеевна Ермакова – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: ermakil@yandex.ru.

ла считает, что в начале XX в. «происходит интенсивное формирование новой эстетики» (с. 83). Тезис не бесспорный, ибо эстетика чувашского этноса к этому времени сформировалась и была представлена в песнях, вышивках и устном народном творчестве. Значит, в 1909–1917 гг. происходило не «интенсивное формирование новой эстетики», а шло представление эстетики чувашского этноса в новых жанрах и формах, что и нашло отражение в творчестве Н. Шубоссинни, о чем и замечает И.В. Софронова.

В разделе «Чувашская литература 1917–1922 годов» оправданно упоминается о переходе чувашской нации «к следующей фазе своего эволюционирования – этнополитической нации» (с. 146). Замечено, что в «1917–1918 гг. чувашская критико-литературоведческая мысль сосредоточивалась прежде всего вокруг проблемы истории литературы и создания образов знаковых фигур, символов профессионально-словесного творчества» (с. 149). Опираясь на эти выводы, В.В. Никифорова представляет творческий путь М. Сеспеля, создавшего новые формы и глубочайшие символы.

Раздел «Чувашская литература 1923–1929 годов» репрезентирует литературно-эстетические, религиозно-философские мысли указанного периода. Его автор приходит к выводу, что «профессиональная художественная культура должна воплощать душу народа, его национальные черты» (с. 244). И.Ю. Кириллова и В.В. Никифорова, анализируя творчество С. Эльгера и П. Осипова, пришли к заключению, что указанным художникам слова удалось представить душу народа, его национальные черты.

В разделе «Чувашская литература конца 1920–1930-х годов» А.Ф. Мышкина показывает, что, хотя этот отрезок времени была «эпохой канонизированного соцреализма», тем не менее литература данного периода истории развивалась как «в плане выработки новых жанров, стилей, национальной эстетики, так и в плане широкого охвата социальных тем, этических проблем, панорамного изображения жизни» (с. 301). Опираясь на это положение, В.В. Никифорова представляет творческий путь Ивана Мучи и правомерно замечает, что в его художественном мире наперекор Времени репрезентирована национальная эстетика.

В разделе «Чувашская литература периода Великой Отечественной войны (1940–1945 гг.)» Г.И. Федоров доказывает, что искусство слова периода военного лихолетия стало феноменом «панорамно-планетарного восприятия жизни… средоточием глобальных проблем в области осмысления онтологии жизнедеятельности человека» (с. 341). Эта позиция раскрывается Э.В. Родионовой на примере произведений П. Хузангая, в частности поэмы «Таня». Вывод, к которому приходит автор, – «вся творческая энергия и воля П. Хузангая были направлены на создание этноцентрического поэтического мира, на развитие богатых устных и письменных традиций предшествующих эпох, на диалог с культурами Востока и Запада» (с. 381) – как нам думается, вполне правомерен.

Раздел «Чувашская литература первого послевоенного десятилетия (1946–1955)», написанный А.Ф. Мышкиной, репрезентирует главную тему литературных произведений тех лет – «ощущения и переживания личности в условиях войны и других социальных потрясений, ответственность каждого человека за судьбу страны и мира в целом» (с. 384). Рассматривая творческий путь Васлея Митта, она замечает, что Мастер смог сохранить чистоту души даже тогда, когда пребывал в невыносимых человеческих условиях. Печать данного обстоятельства, думает она, отразилась и в его лирике.

Методологической основой данной работы послужили общетеоретические работы отечественных литературоведов. Обзорные статьи написаны докторами филологических наук В.Г. Родионовым, Г.И. Федоровым, А.Ф. Мышкиной, литературные портреты – кандидатами филологических наук И.Ю. Кирилловой, И.В. Софроновой, В.В. Никифоровой, Н.Г. Ефремовой-Ильиной, младшим научным сотрудником Э.В. Родионовой.

Главной целью своей работы авторы определили показ особенностей развития чувашской литературы первой половины XX в., для этого был, как нам кажется, оправданно решен ряд задач: выявлены, исследованы, представлены чувашская национальная идея, национально-культурная и социально-политическая среда, стилевые и творческие поиски указанного периода, осуществлена систематизация материала, раскрыты новые формы, жанровые особенности, образное содержание; показано, чем жила художественная литература того периода, что ее волновало, какие изменения происходили в ее пространстве. Архитектоника издания хоро-

шо продумана: книга состоит из двух глав, в каждой главе рассматривается творчество ведущих поэтов и писателей того времени. Данный труд не повторяет положения изданий предыдущих лет, логика изложения истории развития чувашской литературы имеет свою концепцию, основана, как уже было указано, на осмыслении особенностей религиозно-философского, литературно-эстетического сознания чувашского этноса. Чувашский литературный процесс анализируется не изолированно, а в контексте особенностей общественно-политических ситуаций как в целом по стране, так и в регионе. Таким образом, особенность литературного процесса раскрывается комплексно – на стыке истории, этнологии, культуры. Особое внимание уделено литературоведческим аспектам. Во вступительных статьях к тому или иному периоду рассмотрено не одно художественное произведение, а ряд произведений, характерных для этого периода. Выполнено это на достаточном научно-теоретическом уровне, доказано, что представленные произведения являются ценнейшей частью целого литературного процесса, ибо репрезентируют картину мира чувашского этноса, его мировидение, ведущие проблемы человечества: жизни и смерти, добра и зла, счастья и горя. Изложенные с достаточной полнотой материалы позволяют проследить особенности развития чувашской литературы 1900–1955 гг.

Исследование выполнено на основе архивных источников, литературоведческих трудов. Особую информативную ценность придают монографии цитаты из художественных произведений, но следует заметить, что их количество, вероятно, следовало бы увеличить, ибо слово творца само наиболее ярко и полно характеризует создателя. Как видно из рецензируемого издания, авторами скрупулезно изучены как фактический материал, так и большое количество научных трудов в области литературоведения.

К достоинствам работы следует отнести стремление авторского коллектива к объективности при подаче материала в области развития чувашской литературы в первой половине XX в. Литературные произведения ими интерпретируются не произвольно, а в интересах постижения истины в пространстве развития чувашской литературы, на основе принципов историзма и научного подхода. Монография явилась результатом изучения комплекса опубликованных материалов. К достоинствам следует отнести также стремление авторского коллектива воздать должное предшественникам, сказавшим свое слово о своеобразии развития чувашской литературы, внесшим в освещение истории развития чувашской литературы достойный вклад.

При общей положительной оценке монографии, на наш взгляд, все же она не лишена отдельных упущений. Использование нового подхода к изучению чувашского литературного процесса – представление ведущих мотивов, концептов в динамике – весьма удачно, но, к сожалению, он использован лишь при анализе чувашской поэзии начала XX в., далее же, в последующих разделах, прослеживается прежний консервативный подход. Надо отметить и то, что в монографии неправомерно использованы термины «пролетароцентричные писатели», «этноцентричные писатели», «этнопролетароцентричные писатели»; в последней главе их заменяет метод «единого потока», в котором не выделены писатели по их достигшим творческим высотам и идейно-эстетическим установкам. Исходя из этого мы вправе сделать вывод о том, что авторский коллектив по-разному реализует концепцию, предложенную руководителем исследования: одни выявляют динамику изменения мотивов, концептов, тем по периодам, другие используют традиционное описание литературного процесса в форме перечисления авторов или их произведений. Подобный подход, как видно из текста исследования, не привел к единому стилю в изложении чувашского литературного процесса. Следует сказать и о том, что показ литературного процесса лишь в непрерывном поступательном движении недостаточно оправдан, ибо успехи в творчестве писателей и поэтов зачастую сменялись неудачами как в индивидуальном творчестве, так в литературном процессе того или иного периода. Весьма жаль, что о чувашском модернизме сказано лишь в «Заключении» коллективного труда. Думаем, что в последующих главах второго и третьего томов он будет изучен глубже и в контексте литературного процесса региона и страны.

Историографический обзор литературы достаточно традиционен, без углубленного анализа решенных и нерешенных проблем на основе новой парадигмы, то есть нового подхода к анализу литературного процесса, хотя авторы не обошли вниманием ведущую идею чуваш-

ского этноса – идею «великого синтеза». Для глубокого научного анализа желательна была бы оценка достоверности и представительности источников, хотя источниковедческий анализ, проведенный другими литературоведами, имеет место в коллективном труде. Анализ мемуаров, дневников современников событий, эпистолярного наследия, как мы думаем, весьма обогатил бы монографию. Авторами недостаточно глубоко обозначены такие актуальные во все времена проблемы, как проблемы осмысления жизни и смерти, мига и вечности, памяти и беспамятства, хотя о них говорится в материалах анализа, но, на наш взгляд, не столь глубоко, как это характерно для чувашского этноса.

Научное издание выиграло бы, если бы в нем были именной и географический указатели, а также указатель эстетических ориентиров чувашского этноса.

Несмотря на отмеченные недостатки, достаточно полные сведения о социально-политических процессах, религиозно-философских и литературно-эстетических исканиях анализируемого периода делают рецензируемое монографическое исследование полезным для преподавателей филологических факультетов вузов, ученых, занимающихся проблемой осмысления истории развития чувашской литературы. Данная работа, вероятно, займет достойное место в литературоведении, обозначив один из рубежей в осмыслении истории развития чувашской литературы.

ТРОФИМОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(к 80-летию со дня рождения)

29 января 2015 г. исполнилось 80 лет А.А. Трофимову, доктору искусствоведения, главному научному сотруднику Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Алексей Александрович всю свою жизнь посвятил любимой профессии, заслужив признание всероссийского масштаба, о чем свидетельствуют многочисленные его регалии и награды. Фундаментальность, новизна исследуемых проблем и синтез различных направлений науки (археология, этнография и др.) – основные характеристики всех его научных трудов, благодаря которым он стал ведущим специалистом в области чувашской культуры, искусства и истории.

На мировоззрение будущего ученого повлияли детские годы, которые прошли в д. Верхняя Чувашская Киреметь Аксубаевского района Республики Татарстан. Впитав древнюю религию своего народа с молоком матери, он пронес интерес к ней через всю жизнь, сделав эту тему одной из ведущих в своей профессии. Судьба уготовила ему особую миссию – познание чувашского народного творчества, истоками которого является глубокая древность (сохраненная в язычестве, вышивке, культовой скульптуре и т.д.), и знакомство с лучшими образцами мировой художественной культуры. Синтез первого и последнего, как известно, породили современное чувашское профессиональное искусство.

Уже первые профессиональные шаги молодого Алексея Трофимова были связаны с творчеством. После службы в Группе советских войск в Германии он остается там в качестве художника-декоратора при Доме офицеров. В эти годы он часто посещает Дрезденскую галерею. Впервые воочию соприкоснувшись с высоким искусством, выходец из чувашской глубинки испытывает потрясение. Этот же период знаменателен тем, что он познакомился с писателями Анной Зегерс и Филлис Дороти Джеймс.

Затем последовали годы работы учителем в Аксубаевской средней школе и параллельно учебы в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии художеств СССР на факультете теории и истории искусств. Окончив его, А.А. Трофимов в 1969 г. поступает на должность младшего научного сотрудника в отдел искусствоведения Чувашского НИИ. Отныне его судьба навсегда связана с институтом, в нем он работает сорок шестой год. В 1987 г. он становится заведующим отделом, в 1996–2002 гг. возглавляет институт, затем продолжает трудиться в должности главного, затем ведущего научного сотрудника.

Сегодня Алексей Александрович известен как крупный специалист в области чувашского декоративно-прикладного искусства (вышивки, орнамента), национального костюма, куль-

товой скульптуры, рунической письменности, а также современного профессионального изобразительного искусства Чувашии. Поддерживая дружеские отношения со многими мастерами кисти, он находится в авангарде художественной жизни республики, подчас направляя ее в нужное русло. Так, он часто предостерегает художников, ищущих национальную форму, от этнографизма, деликатно критикуя за недостаток философии, масштабности, сюжета в их творчестве. И в то же время его научные изыскания подчас становятся источником вдохновения для живописцев (творчество Праски Витти, Станислава Юхтара, Геннадия Фомирякова и др.). Умение давать емкую характеристику художникам и анализировать их творчество делает его незаменимым гостем на различных светских мероприятиях. Много лет без искусствоведа не обходится ни одно открытие крупной выставки в г. Чебоксары. Занимает искусствоведа и пропаганда чувашского искусства. Широкую известность ему принесли выступления на телевидении и радио, обзорные статьи в периодической печати.

В совершенстве познав теорию искусства, он рассуждает о ее философской стороне. В одной из своих работ ученый пишет: «Искусство и время взаимосвязаны. Направляющими развития выступают общество, его система, идеология. Вместе с тем искусство не всегда находится в подчинении политики правящих кругов. Оно всесильно тогда, когда в него заложены природные законы прекрасного, гуманность, свобода, эстетика философии и борьба за справедливость».

А.А. Трофимов вводит в сферу научных интересов искусствоведов новые темы, направления и проблемы: ему принадлежит обоснование и внедрение в современную науку понятия «ренессанс в чувашской культуре конца XIX – начала XX в.», а также термина «нарспиана».

Он является одним из тех, кто определяет приоритетные направления искусствоведения. Последний его труд «Зороастризм: суваро-булгарская и чувашская народная культура» свидетельствует о том, что исследователь давно вышел за пределы классического подхода к изучению темы.

В 2010 г. за монографию «Зороастризм: суваро-булгарская и чувашская народная культура» Алексей Трофимов удостоен серебряной медали Российской академии художеств. Его награждает лично президент РАХ Церетели Зураб Константинович. Однако признание заслуг чувашского искусствоведа Академией на этом не закончилось. Осенью 2014 г. на заседании Президиума РАХ состоялось вручение регалий почетного члена Российской академии художеств Алексею Александровичу. «Это уважение не столько ко мне, сколько к нашей республике, чувашам и нашему искусству», – говорит он в интервью о данном событии.

Заботясь о преемственности поколений в искусствоведении, А.А. Трофимов проводит большую работу по подготовке молодых научных кадров. Под его руководством защищено несколько кандидатских диссертаций в Москве. Темы для них он выбирал актуальные, сложные, масштабные, вызывая в своих аспирантах интерес к чувашскому искусству в контексте региона и страны. И мне довелось открыть для себя Алексея Александровича. В течение нескольких лет он преподавал студентам дисциплину «Чувашское искусство» и являлся председателем аттестационной комиссии по защите дипломных проектов на художественно-графическом факультете.

Преданность искусствоведению получила признание: он является заслуженным деятелем искусств Чувашской Республики (1984) и Российской Федерации (1995), лауреатом Государственных премий Чувашской Республики в области литературы и искусства (1995) и в области гуманитарных наук (2002), награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2004), орденом «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2010), серебряной медалью Российской академии художеств (2010), золотой медалью «Духовность. Традиции. Мастерство» Союза художников России (2012). В 2014 г. получил звание почетного члена Российской академии художеств.

Научные открытия А.А. Трофимова изменили облик чувашского искусствоведения, подняли его на новый уровень. Благодаря ему история и теория чувашского искусства и культуры привлекают внимание крупных специалистов страны и зарубежья, устанавливаются интернациональные связи. Его статьи переведены на болгарский, венгерский и немецкий языки. Алексей Александрович поддерживает тесные дружеские и профессиональные связи с

крупными учеными страны. Крупный болгарский ученый, исследователь этногенеза болгар и праболгарской культуры Р.Н. Сефтерски посвятил ему большой материал, опубликованный в «Энциклопедии изобразительных искусств в Болгарии» в 2006 г.

Особо стоит отметить творческую составляющую многогранной деятельности Алексея Александровича. В годы пребывания в Германии он оформлял Ленинскую комнату в Доме офицеров и делал копию известной картины Ю.М. Непринцева «Отдых после боя». Не каждый художник взялся бы за такую работу – это сложное многофигурное полотно, написанное в тонком, почти монохромном колорите. В более зрелые годы Трофимов раскрывает свой талант в скульптуре. Он является автором памятника павшим воинам Великой Отечественной войны в селе Аксубаево (1965); знака-монумента, посвященного абашевской археологической культуре и ее первооткрывателю В.Ф. Смолину (совместно с В.П. Нагорновым, 2003); соавтором-консультантом монумента Матери на Чебоксарском заливе (2003). Также в соавторстве с Л.Я. Тихоновым он создал памятник Н.Я. Бичурину, который установлен перед Чувашским государственным институтом гуманитарных наук (2000).

Искусствовед, автор множества научных трудов и монографий, художник, скульптор, экспедитор, руководитель, организатор, преподаватель, мыслитель, новатор – профессиональный авторитет Трофимова Алексея Александровича строился годами на этих гранях его личности. В своем деле он проявляет себя как последователь великого патриарха И.Я. Яковлева, который в духовном завещании писал: «…Помните, что долг работать над просвещением чуваш лежит прежде всего на вас, на людях, которые вышли из их среды». Работая для родного народа и во имя народа, А.А. Трофимов через искусствоведение продолжает поднимать национальное самосознание чувашей, знакомить их с его историческим прошлым, намечать ориентиры будущего.

Основные научные труды

О чувашском орнаменте // Искусствоведение. Чебоксары, 1967. С. 117–124. (Ученые записки / ЧНИИ).

Коллекции чувашской вышивки (Краеведческий музей Чувашской АССР) // Искусствоведение. Чебоксары, 1970. С. 126–151. (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 50).

Поиски истоков чувашской вышивки // Чувашское искусство: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 68–106.

Знаки чувашской вышивки, аналогичные руническим письменам // Чувашское искусство: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 107–121.

Несӗлсен тӗрӗри çырулăхӗ çинчен [Узоры-письмена] // 100 лет новой чувашской письменности: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. С. 35–46.

К вопросу о художественном образе в чувашской вышивке // Чувашское искусство: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 124–141.

Композиция узоров чувашской вышивки // Чувашское искусство: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 71–98.

Цвет в чувашской вышивке // Чувашское искусство: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 99–126.

Некоторые вопросы чувашского монументально-декоративного искусства // Чувашское искусство. Чебоксары, 1975. С. 121–126. (Труды / ЧНИИ; вып. 57).

Коллекция чувашской вышивки. Музей антропологии и этнографии АН СССР // Чувашское искусство. Чебоксары, 1975. С. 179–204. (Труды / ЧНИИ; вып. 57).

Искусство пурнăçĕ [Жизнь искусства] (Обзор чувашского изобразительного искусства за 1974 год) // Чувашское искусство. Чебоксары, 1975. С. 222–236. (Труды / ЧНИИ; вып. 57).

Вопросы изучения чувашской народной вышивки // Чувашское искусство: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 4. С. 155–189.

Коллекции чувашской вышивки (Куйбышевский областной музей краеведения; Башкирский краеведческий музей) // Чувашское искусство: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 4. С. 190–202.

Космогонические представления древних чуваш и отражение их в орнаменте вышивки // Чувашское искусство. Чебоксары, 1976. С. 3–52. (Труды / ЧНИИ; вып. 70).

Искусство пурнăçĕ [Жизнь искусства] (Обзор чувашского изобразительного искусства за 1975 год) // Чувашское искусство. Чебоксары, 1976. С. 125–135. (Труды / ЧНИИ; вып. 70).

К вопросу о возникновении чувашской вышивки // Сообщения Государственного русского музея. XI: Изобразительное искусство. М., 1976.

Орнамент чувашской народной вышивки: вопросы теории и истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 112 с.

О чувашской вышивке XVIII века // О чувашском искусстве. Чебоксары, 1977. С. 38–53. (Труды / ЧНИИ; вып. 75).

Поиски выразительных средств в чувашском изобразительном искусстве // О чувашском искусстве. Чебоксары, 1977. С. 93–109. (Труды / ЧНИИ; вып. 75).

Искусство пурнăçĕ [Жизнь искусства] (Обзор чувашского изобразительного искусства за 1976 год) // Чувашское искусство. Чебоксары, 1977. С. 130–145. (Труды / ЧНИИ; вып. 75).

Антропоморфизация модели мира и народный женский костюм чувашей // Актуальные вопросы истории и теории чувашского искусства. Чебоксары, 1979. С. 3–44. (Труды / ЧНИИ; вып. 90).

Български и чувашски нагръдни шевици // Българска етнография. Год. IV. Кн. 3–4 / Българска академия на науките. София, 1979.

Изобразительное искусство Советской Чувашии: альбом / сост. Н.В. Воронов, А.А. Трофимов. М. : Советский художник, 1980. 222 с. : ил.

Художественные приемы в современном чувашском изобразительном искусстве // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Чебоксары, 1981. С. 3–26. (Труды / ЧНИИ).

Современное чувашское монументально-декоративное искусство // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Чебоксары, 1981. С. 104–127. (Труды / ЧНИИ).

О художественном мастерстве А.А. Кокеля // Вопросы мастерства о современном чувашском искусстве. Чебоксары, 1981. С. 145–152. (Труды / ЧНИИ).

Чувашское народное искусство. Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1981. 248 с. : ил.

Художественные приемы в современном чувашском изобразительном искусстве // Чувашское искусство (поиски и решения): сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 3–34.

Современность и чувашское изобразительное искусство // Современность и чувашское искусство: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 24–45.

Проблемы народного искусства Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 112 с.

Древний язык чувашского орнамента // Чувашское народное творчество: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 3–18.

Чувашская народная скульптура малой формы и ее истоки (Опыт сопоставления с данными археологии) // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 32–52.

Народное и самодеятельное декоративно-прикладное искусство // Культура и быт низовых чувашей: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 48–73.

Чувашская народная каменная скульптура // Исследования по древней и современной культуре чувашей: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 5–20.

Развитие монументально-декоративного искусства Чувашии // Вопросы истории чувашского искусства: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 35–50.

Чувашская народная деревянная скульптура (монументальная форма) // Традиции и поиски в чувашском искусстве: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 3–42.

Проблемы развития архитектуры Чебоксар (1920–1930 гг.) // Вопросы истории и теории искусств: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 3–24.

Воссоздание алфавита древнечувашской рунической письменности // Проблемы письменности и культуры: Материалы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения чувашского ученого и просветителя Ермея Рожанского: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 15–26.

Книжная графика В.И. Агеева // Национальное и народное в чувашском искусстве: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1993. С. 3–19.

Древнечувашская руническая письменность: памятники, алфавит, дешифровка. Чебоксары: ЧНИИ, 1993. 52 с.

Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 237 с.

Анатолий Данилов: живопись: книга-альбом. Чебоксары, 2004. 176 с.

Мастера народного искусства и художественных промыслов. Предприятия и мастерские, создающие произведения художественных промыслов: каталог-справочник. Чебоксары, 2004. 128 с.

Искусство: избранные труды: сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 604 с.

Владимир Нагорнов: скульптура: каталог произведений. Чебоксары, 2006. 54 с.

Искусство чувашской народной вышивки в музеях России (XVII–XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. 144 с.

Понятие «Ренессанс» и чувашская культура конца XIX – начала XX в. // Ренессанс Поволжья: Конец XIX – начало XX в. – период духовного возрождения народов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 19–39.

Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура: религия, культовая архитектура, скульптура, прикладное искусство, священные знания. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 256 с.

Время и искусство: к проблеме теории о стилевых направлениях и художественных образах в чувашском изобразительном искусстве // Союз художников Чувашии: 75 лет. Чебоксары, 2010.

Архитектор жизни. Чебоксары, 2012. Совместно с П.В. Афанасьевым.

Принципы стилеобразования и пластическая структура в творчестве скульптора-монументалиста А.К. Брындина // Чувашский гуманитарный вестник / ЧГИГН. Чебоксары, 2013. С. 126–147.

Академик Михайлов Леонид Михайлович. Чебоксары: Новое время, 2013. 255 с. Совместно с Л.П. Петровым.

И.В. Тургай.

БУШУЕВА ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА

(к 50-летию со дня рождения)

1 апреля 2015 г. исполнилось 50 лет известному музыковеду и педагогу Любови Ивановне Бушуевой.

Л.И. Бушуева (Журавлева) родилась в г. Чебоксары. Училась в средней школе № 16, Чебоксарской детской музыкальной школе № 1, средней специальной музыкальной школе при Казанской государственной консерватории. В 1980 г. поступила на теоретическое отделение Чебоксарского музыкального училища (ЧМУ) им. Ф.П. Павлова, где занималась у В.А. Ходяшева, О.А. Сухановой, М.Г. Кондратьева, С.И. Макаровой, А.Н. Шелеповой, Ю.Е. Першунина, Л.В. Половиной, М.З. Хазанзуна. Получив диплом с отличием, продолжила учебу на теоретико-композиторском факультете Казанской государственной консерватории (1984–1989). Здесь ее наставниками были видные представители казанской музыковедческой школы О.К. Егорова, Г.Я. Касаткина, Ю.Н. Исанбет, Л.В. Бражник, Л.З. Любовский, А.Л. Маклыгин, Е.В. Порфирьева.

Профессиональное становление Л.И. Бушуевой, окончившей консерваторию с красным дипломом, продолжилось в аспирантуре при Ленинградской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. После открытия аспирантуры в Чувашском государственном педагогическом университете (ЧГПУ) им. И.Я. Яковлева по специальности «музыкальное искусство» ее научная работа возобновилась под руководством профессора М.Г. Кондратьева. В 2008 г. в Казанской государственной консерватории она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по теме «Феномен обработки чувашской народной песни в творчестве композиторов: к проблеме композиторского

фольклоризма». В ней впервые предпринята попытка систематизации и типологизации пласта национального композиторского наследия Чувашии – сочинений в жанре обработки.

В биографии Л.И. Бушуевой учеба по избранной специальности постоянно сочеталась с трудовой деятельностью. Начало этому было положено еще в стенах Чебоксарского музыкального училища, где с 1983 г. она работала концертмейстером. Позже добавилась концертмейстерская деятельность в клубе Чебоксарского агрегатного завода. Ее педагогическая деятельность началась с 1984 г. в Новочебоксарской детской школе искусств, с 1985 г. по настоящее время она преподает в Чебоксарской детской музыкальной школе (ЧДМШ) № 5 им. Ф.М. Лукина, где возглавляет теоретический отдел. Одновременно в течение ряда лет читала лекции на музыкально-педагогическом факультете Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева и факультете искусств Чувашского государственного университета (ЧГУ) им. И.Н. Ульянова. С 2012 г. Л.И. Бушуева является доцентом кафедры теории, истории искусств, музыкального образования и исполнительства Чувашского государственного института культуры и искусств (ЧГИКИ).

В 2009 г. Л.И. Бушуева по совместительству стала трудиться и в Чувашском государственном институте гуманитарных наук (ЧГИГН). Основные направления ее научных изысканий здесь связаны с проблемами композиторского фольклоризма в чувашской музыке и изучением творчества композиторов Чувашии. Начиная с 1990-х гг. ею опубликовано более тридцати исследовательских работ в разных научных изданиях. Также подготовлены очерки для книг «Мастера музыкального искусства» и «Мастера театрального искусства» из серии «Библиотека Президента Чувашской Республики». Л.И. Бушуева является автором более ста статей по теории и истории национального музыкального искусства для четырехтомной «Чувашской энциклопедии». Наиболее крупным и значимым научным трудом музыковеда стал биобиблиографический справочник «Композиторы Чувашии», увидевший свет в 2014 г.

В своей многогранной деятельности Л.И. Бушуева активно пропагандирует национальное искусство, расширяя представления о нем среди слушателей и читателей разного возраста. Она ведет в ЧГИКИ авторские курсы «История чувашской музыки», «Изобразительное искусство Чувашии», «Чувашский песенный фольклор». Ею также разработана национальная образовательная программа «Чувашская музыкальная литература», рекомендованная к применению во всех школах дополнительного образования Чувашской Республики и в других регионах России с компактным проживанием чувашей. Она организует и проводит тематические вечера в концертных залах Национальной библиотеки Чувашской Республики и культурно-выставочного центра «Радуга». Записала несколько передач на Чувашском радио. Неоднократно выступала на презентациях новых изданий чувашских композиторов. Выступления Л.И. Бушуевой с научными докладами по проблемам чувашской музыки состоялись на многих научно-практических конференциях: международных, всероссийских, межрегиональных, республиканских. Как признанный специалист в своей области, она систематически оказывает методическую помощь педагогам-музыкантам Чувашии, консультируя их по вопросам национального искусства, редактируя подготовленные ими новые учебно-методические пособия и принимая участие в составе жюри различных конкурсов. Статьи музыковеда научно-просветительского характера печатались в журналах «ЛИК Чувашии», «Ялав», в газетах «Советская Чувашия», «Республика», «Чебоксарские новости», «Сцена Чувашии», «Грани» и т.д.

При содействии Л.И. Бушуевой в ЧДМШ № 5 организовывались встречи с чувашскими композиторами Ф.М. Лукиным, В.А. Ходяшевым, А.Г. Васильевым, музыковедом М.Г. Кондратьевым. Она является автором и организатором долгосрочного творческого проекта – Республиканского фестиваля национальной музыки, поэзии и изобразительного искусства «Тӑван ен», осуществляемого с 2009 г. В его рамках проводятся дистанционная олимпиада по чувашской музыкальной литературе, посвященная юбилейным датам в истории национального искусства, и конкурс работ по изобразительному искусству. Постоянными участниками проекта являются известные деятели художественной культуры республики: музыковед М.Г. Кондратьев, искусствовед Ю.В. Викторов, народный поэт Чувашии Ю.С. Семендер, народный художник Чувашии Н.А. Енилин.

Особо следует сказать об учениках Л.И. Бушуевой, многие из которых продолжили обучение в средних специальных и высших учебных заведениях: ЧМУ им. Ф.П. Павлова, ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, ЧГУ им. И.Н. Ульянова, ЧГИКИ, в Московской и Казанской консерваториях, Российской академии музыки им. Гнесиных. Среди ее воспитанников – композиторы Оксана Кошкина и Антон Шаплин, музыковед Евгения Моисеева, баянист Дмитрий Яркинов, хоровые дирижеры Татьяна Романова и Ксения Алексеева, а также многие преподаватели школ дополнительного образования в городах и районах Чувашии. Питомцы педагога-музыковеда в течение нескольких десятилетий успешно выступают на различных конкурсах, стабильно занимая призовые места.

Достижения Л.И. Бушуевой в педагогической деятельности отмечены дипломом «Учитель года. Чебоксары – 2003» Министерства культуры Чувашии, первыми местами на Городском конкурсе преподавателей детских музыкальных школ и детских школ искусств (2000), Республиканском конкурсе образовательных программ (2007), Городском конкурсе научно-методических работ «Грани профессии» (2010), Всероссийском фестивале-конкурсе педагогического мастерства «Престиж» (2014) и т.д.

Еще одной гранью творческой деятельности Л.И. Бушуевой является создание музыкальных произведений, сочинением которых она увлеклась в музыкальной школе, занимаясь в классах композиции А.М. Токарева и В.А. Ходяшева. В 2004 г. ею написана музыка к художественному короткометражному кинофильму «Посвящение» («Intuition»). Роль главного героя, мальчика-флейтиста исполнил сын Любови Ивановны – Никита Бушуев, роль его мамы – автор музыки. В 2004–2007 гг. этот фильм демонстрировался на двадцати двух международных кинофестивалях в четырнадцати странах мира и был отмечен четырьмя премиями. На современном этапе ею созданы вокальные сочинения «Шурӑ-шурӑ акӑшсем» («Стая белых лебедей»), «Ода Лукину» в соавторстве с народным поэтом Чувашии Ю.С. Семендером и инструментальные миниатюры.

За заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу в 2010 г. Л.И. Бушуева удостоена почетного звания «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики».

Основные научные труды

О фольклорных истоках хоровых произведений А. Васильева // Национальное и народное в чувашском искусстве: сб. науч. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 1993. С. 20–32.

Мгновенья музыки прекрасной // ЛИК Чувашии. Чебоксары, 1995. № 1. С. 8–11.

«Чӑваш кӗвви тӗнче умӗнче пултӑрччӗ» [Пусть звучат пред миром чувашские мелодии] // Ялав. Чебоксары, 1996. № 4. С. 8–11.

Проблема фольклоризма в отечественной музыкально-эстетической мысли // Вестник ЧГПУ. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 1999. № 5. С. 183–186.

Фольклоризм в хоровом творчестве А. Васильева. Метод цитирования // Композитор Александр Васильев: сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 58–74.

Фольклоризм в хоровом творчестве А. Васильева. Опосредованное претворение фольклора // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников и аспирантов. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 1999. Вып. 6. С. 126–131.

Чувашская народная песня в творчестве А.Н. Александрова: (К проблеме аксиологического подхода в композиторском фольклоризме) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. Чебоксары, 2001. № 3. С. 73–81.

Чувашская народная песня в творчестве русских композиторов 30-х годов XX века // Национальные вокальные школы России. Москва; Чебоксары: ЧГИКИ, 2002. Вып. 5. С. 47–50.

Жанр фольклорной обработки в творчестве Г.Я. Хирбю // Композитор Григорий Хирбю и его время: исследования, воспоминания и материалы. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 61–74.

Композитор и фольклор: взгляд на проблему музыковедов Венгрии // Чувашское искусство: вопросы теории и истории: сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. Вып. 5. С. 49–66.

Примерная программа и методические рекомендации по чувашской музыкальной литературе для ДМШ и ДШИ: [учебно-методическое пособие]. Чебоксары, 2003.

«Национальная идея» в музыкальной культуре: венгеро-чувашские параллели начала XX века // Художественная культура Чувашии, 20-е годы XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 81–91.

Композиторский фольклоризм в чувашской музыке: исторический аспект проблемы // Культура Поволжья: традиции и современность: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Чебоксары, 15 марта 2008 года / Чув. гос. ин-т культуры и искусств. Чебоксары, 2008. С. 21–27.

«Возобновить связь с прошлым…»: К проблеме композиторского фольклоризма в венгерском музыкознании // Проблемы музыкальной науки. Уфа, 2008. Вып. 1(2). С. 130–137.

«Новая фольклорная волна» и Чувашия: «Слакбашские песни» Ф. Васильева // Музыковедение. М., 2008. № 6. С. 44–47.

«Хоральный стиль» как явление начального этапа становления чувашской профессиональной музыки // Ренессанс Поволжья: Конец XIX – начало XX в. – период духовного возрождения народов. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 61–72.

Чувашский фольклор в творчестве А.А. Касьянова // Университетское образование: труды факультета искусств. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 66–74.

Феномен обработки чувашской народной песни в творчестве композиторов: к проблеме композиторского фольклоризма: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Чебоксары, 2008.

Талантливость, безграничное тяготение к творческому труду (А.Г. Васильев) // Мастера музыкального искусства. Чебоксары, 2009. С. 63–74. (Библиотека Президента Чувашской Республики; т. 7).

Осуществленная мечта (Ю.В. Васильев) // Там же. С. 87–96.

Эталон валторнового звучания (В.А. Галкин) // Там же. С. 107–166.

Республика ждет появления «Нарспи» на сцене (В.Г. Иванишин) // Там же. С. 132–140.

«Мелодию я слышу в хорошем чувашском тексте» (Н.Н. Казаков) // Там же. С. 152–163.

Песня длиною в жизнь (А.Н. Тогаев) // Там же. С. 281–292.

Певец родного края (Т.И. Фандеев) // Там же. С. 305–318.

Преданность искусству (П.Ф. Филиппов) // Там же. С. 319–330.

Чебоксарская детская музыкальная школа № 5: буклет. Чебоксары: ЧГИГН, 2010.

Фольклоризм и проблема национального в чувашской музыке // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2010. №5. С. 160–169.

«Новая фольклорная волна» и «Слакбашские песни» Федора Васильева // Искусство композиторов Чувашии: история и современность. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 113–130.

Музыкальная жизнь Чувашии сезона 2008/09 года // Там же. С. 187–211.

«Я отдал этому театру всю мою жизнь» (Б.С. Марков) // Мастера театрального искусства. Чебоксары, 2012. С. 217–226. (Библиотека Президента Чувашской Республики; т. 10).

Композиторский фольклоризм и жанр обработки в чувашской музыке // С гармонией по жизни. Казань, 2012. С. 92–107.

Коллеги и ученики о Л.А. Федотовой // Там же. С. 169–170.

«Уяв» Александра Васильева как явление чувашской хоровой культуры // Музыка: искусство, наука, практика. Казань, 2013. № 2 (4). С. 69–75.

Политические репрессии музыкантов Чувашии // Политические преследования и репрессии 1920–1950-х годов в судьбах интеллигенции Чувашии. Чебоксары, 2014. С. 8–21.

Композиторы Чувашии. Чебоксары, 2014. В соавторстве.

С.И. Макарова.

КУГУРАКОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ
(к 60-летию со дня рождения)

15 декабря 2015 г. исполнилось 60 лет Игорю Константиновичу Кугуракову – искусствоведу, педагогу, краеведу, исследователю и пропагандисту искусства и культуры Чувашии.

В 1973 г. И.К. Кугураков поступил на художественно-графический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, который окончил в 1978 г. На выбор темы дипломной работы – «Серия гравюр с видами старых Чебоксар» – оказал влияние активный снос исторической части города в связи со строительством ГЭС. Еще в студенческие годы в нем проявился интерес к краеведению, истории искусств и другим теоретическим дисциплинам.

После службы в рядах Советской армии был принят на работу на родной факультет. С 1982 по 1985 г. учился в очной аспирантуре на кафедре истории искусств Московского государственного педагогического института, по окончании которой вновь вернулся к педагогической работе на художественно-графическом факультете. С этого времени в сферу его научных интересов еще глубже вошли проблемы истории и культуры Чувашии. В поисках необходимых материалов все свободное время он проводит в архивах и музейных собраниях, совершает поездки по регионам Поволжья.

В 1988 г. И.К. Кугураков переходит на работу в Чебоксарское художественное училище, где преподает такие учебные дисциплины, как «история изобразительного и декоративно-прикладного искусства», «культура родного края», «история мировой культуры».

Помимо учебного процесса его накопленные знания обретают выход в средствах массовой информации. Так, работа над серией путеводителей «Памятные места Чебоксар» получила свою дальнейшую реализацию в цикле телефильмов «Мой город. Неизвестное об известном», который в 1997 г. был удостоен диплома Второго межгосударственного телефорума «Содружество» стран СНГ. Затем сотрудничал с филиалом ВГТРК «ГТРК “Чувашия”» над циклом передач: «Городские легенды», «Чебоксарские адреса» и др. Публиковались статьи в республиканских газетах и журналах, были выступления на телевидении и радио.

Особую группу работ И.К. Кугуракова составляют исследования о выдающихся зодчих, чье творчество во многом определило архитектурный облик столицы Чувашии (статьи и выступления на научных конференциях о В.Н. Александрове, М.П. Костромитинове, Ф.С. Сергееве, В.Д. Шатилове). Отдельным изданием вышла книга-альбом «Архитектор Иван Ведянин» (2005).

Педагогическую деятельность в художественном училище Игорь Константинович успешно сочетал с активными научными изысканиями в области чувашской архитектуры и изобразительного искусства, что закономерным образом привело его к сотрудничеству с Чувашским государственным институтом гуманитарных наук. Сначала это были привлечение его к отдельным мероприятиям и выступления на научных сессиях и конференциях, а в 2011 г. он приступил к работе в отделе искусствоведения. Им написаны статьи для многотомной «Чувашской энциклопедии», «Чувашского гуманитарного вестника», сборника «Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья» (2013), очерки о Ф.С. Быкове, Н.К. Сверчкове, А.М. Федосееве для книги «Мастера изобразительного искусства» (2011).

Важной сферой деятельности, издавна увлекавшей И.К. Кугуракова, является научная реконструкция утраченных или сильно искаженных памятников архитектуры. Изначально это шло на уровне методических пособий, тесно связанных с педагогической деятельностью. Желание наиболее наглядно и доходчиво донести до студентов творческий замысел зодчих, очистив его от поздних наслоений, стало одной из побудительных причин взяться за данную работу. На протяжении многих лет ученый кропотливо собирал обширный документальный и в первую очередь изобразительный материал, карты, схемы, рисунки, старые фотографии, обмерные чертежи. Анализируя собранные сведения, он начал создавать отдельные рисунки-реконструкции. В 2007 г. по заказу администрации города Чебоксары им выполнен макет-

реконструкция «Чебоксары и их окрестности во второй половине XVIII столетия» для формирующегося Музея города.

В 2008 г. Игорь Константинович вместе с коллективом энтузиастов из Академии компьютерной графики – учебного центра компании «Autodesk» взялся за создание компьютерной модели старых Чебоксар. Результат работы под названием «Чебоксары времен Екатерины II» был представлен в рамках празднования Дня города в августе 2009 г. Углубление научно-исследовательской составляющей проекта со стороны И.К. Кугуракова и сотрудничество со специалистами в области компьютерного моделирования и музейного дела привели к созданию первой динамичной трехмерной модели города, пригодной для дальнейшего развития и модификации под музейные и учебно-образовательные цели. Ее результат был представлен на Первой Международной конференции «Виртуальная археология 2012», проходившей в Государственном Эрмитаже в г. Санкт-Петербург. Следующий большой мультимедийный проект, в котором участвовал Игорь Константинович, был связан с получением гранта Главы Чувашской Республики. Его официальная презентация состоялась в Чувашском национальном музее в рамках открытия Года культуры 12 февраля 2014 г. под названием «Чебоксары: история в формате 3D (мультимедийный экспозиционный комплекс «Чебоксары XVIII – начала XX века»).

В 2015 г. ученым-исследователем выполнены уникальные серии графических рисунков-реконструкций Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря, Чебоксарского девичьего Никольского монастыря и Алатырского Свято-Троицкого мужского монастыря.

Наряду с научной деятельностью И.К. Кугураков ведет большую общественную работу. Обладая богатым педагогическим опытом, он приглашается в жюри различных детско-юношеских конкурсов. Является членом Градостроительного совета Министерства строительства Чувашии, членом Общественного совета при наместнике Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря, членом редакционного совета православного журнала «Бог и человек: Вестник Чувашской митрополии».

За заслуги в области культуры и многолетний добросовестный труд в 2003 г. И.К. Кугуракову присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики».

Основные научные труды

Словом, пером, кистью и резцом // Искусствовед – педагог – художник Юрий Васильевич Викторов: каталог. Чебоксары, 1992. С. 3–6.

Новые книги Юрия Викторова // Новый ЛИК. Чебоксары, 2002. С. 120–122.

Архитектор Иван Ведянин: книга-альбом. Чебоксары, 2005.

Дом на набережной // Среда: журнал Союза архитекторов Чувашии. Чебоксары, 2006. № 1. С. 21–23.

Владимир Дмитриевич Шатилов // Там же. С. 18–20.

Феофан Сергеевич Сергеев: к столетию большого мастера архитектуры // Там же. 2007. № 1 (03). С. 32–37.

Архитектурная графика Ивана и Тамары Ведяниных // Там же. 2008. № 01–02 (04–05). С. 54–59.

О том, как все начиналось // Арт-листок. 2009, октябрь. № 6.

Чебоксарское художественное училище, 1934–2009: юбилейное издание. Чебоксары, 2009.

Викторов Юрий Васильевич: (к 70-летию со дня рождения) // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2011. № 6. С. 241–246.

Граверных дел мастер (Ф.С. Быков) // Мастера изобразительного искусства: очерки: иллюстрированное издание. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 17–26. (Библиотека Президента Чувашской Республики; т. 9).

В картинах жизнь народа (Н.К. Сверчков) // Там же. С. 291–302.

Классические традиции и современное художественное мышление (А.М. Федосеев) // Там же. С. 363–370.

Агитационное искусство // Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2006. Т. 1. С. 26–27.

Монументальная пропаганда // Там же. Чебоксары, 2009. Т. 3. С. 132.

Чебоксарское художественное училище // Там же. Чебоксары, 2011. Т. 4. С. 474.

Виртуальные Чебоксары XVIII века: тезисы доклада на Первой Международной конференции «Виртуальная археология – 2012», Санкт-Петербург, июнь 2012 г. Совместно с А.А. Григорьевой и В.П. Павловым.

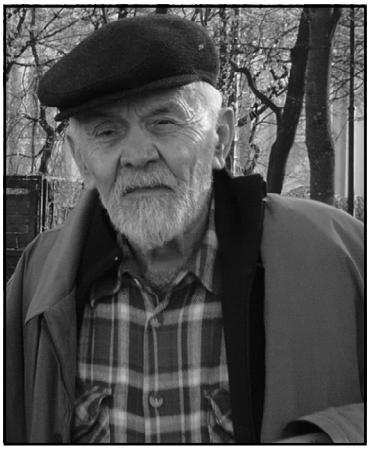
Ранние этапы формирования планировочной структуры города Чебоксары // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 125–146.

Планировка и застройка города Чебоксары: от крепости до первых регулярных планов // Там же. С. 146–156.

Чебоксары: история в формате 3D (из опыта компьютерной реконструкции исторической части города) // Там же. С. 156–159.

«…Идеже благоволит Бог граду бытии на Чебоксарю…» // Бог и человек: Вестник Чувашской митрополии. 2014. № 4 (06). С. 48–55.

Ю.В. Викторов.



ИВАНОВ-ЕХВЕТ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ
1935–2015

25 апреля 2015 г. на 81-м году ушел из жизни культуролог, историк искусств, кандидат исторических наук Алексей Иванович Иванов-Ехвет. Он родился 9 марта 1935 г. в д. Нижние Кибекси Цивильского района Чувашской Республики. Окончил Визикасинскую среднюю школу (1953), Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева (1958), Ленинградский государственный университет (1965), аспирантуру Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (1972).

Трудовую деятельность начал в 1959 г. учителем чувашского языка и литературы школы-интерната с. Чурачики Цивильского района. После завершения Ленинградского университета в 1965–1968 гг. преподавал эстетику в одном из профессионально-технических училищ Ленинграда. Научно-преподавательскую деятельность продолжил ассистентом кафедры истории КПСС в Ленинградском институте текстильной промышленности, в 1973–1990 гг. – в стенах Ленинградской государственной консерватории, где работал заведующим музеем, старшим преподавателем.

В гуманитарной науке интересы Алексея Ивановича распространились на изучение культуры чувашского народа, её истоков и развития, выявления взаимосвязей с русской и другими культурами. Он – автор книг «По следам находок» (Чебоксары, 1977), «Музы ищут приют» (Чебоксары, 1987), более 60 статей, в том числе опубликованных в ведущих российских журналах. В его работах нашли достойное отражение процессы зарождения чувашского профессионального изобразительного искусства, чувашской народной музыки, вклад деятелей русской культуры в развитие музыкальной культуры и музыкального образования в чувашском обществе, роль Симбирской чувашской учительской школы в развитии культуры. Одним из первых А.И. Иванов-Ехвет начал изучение театрально-сценического искусства чувашей, исследовал «географию», как он сам выразился, культуры Чувашского края. Его книги прежде всего были обращены к массовому читателю, но и специалисты могли найти в них много новых сведений как о русской, так и о чувашской культурах. Более 30 лет он собирал материалы по избранной теме в столичных и региональных архивах России, ввел в научный оборот фактический материал, результаты находок представлял на научных форумах разного уровня. На одной из последних конференций, которая состоялась в октябре 2014 г. в Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева и где он принял участие, Алексей Иванович ознакомил с новыми документами о деятельности Н.И. Золотницкого и Н.И. Ильминского.

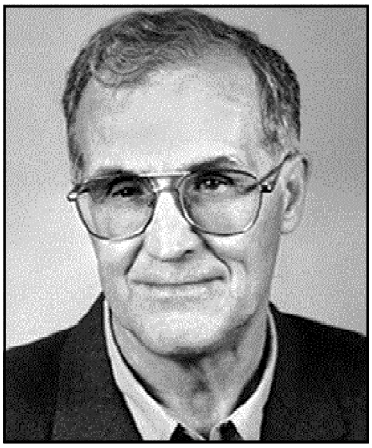
Статьи А.И. Иванова-Ехвета на общественные и исторические темы не раз выходили в республиканских периодических изданиях, в том числе и в газете «Хыпар», они писались на прекрасном чувашском языке.

Алексей Иванович поддерживал многолетние тесные творческие и дружественные связи с деятелями науки и культуры Чувашии. Видный историк и организатор науки В.Д. Димитриев принимал непосредственное участие в трудоустройстве молодого аспиранта в Санкт-Петербурге, известный этнограф П.В. Денисов выступил одним из рецензентов его книги «Музы ищут приют». Книги Алексея Ивановича хранились в личной библиотеке В.Ф. Каховского и многих других исследователей истории и культуры Чувашии. С теплотой и большим уважением вспоминают Алексея Ивановича одноклассники и земляки.

А.И. Иванов-Ехвет занимался и общественной деятельностью, стоял у истоков Чувашского культурного центра, который был создан в начале 1990-х гг. в г. Санкт-Петербург, позже – региональной общественной организации «Санкт-Петербургское чувашское объединение», принимал активное участие в их работе, налаживании ими связей с родной Чувашией.

Светлая память об Алексее Ивановиче Иванове-Ехвете навсегда сохранится в наших сердцах.

В.Г. Харитонова.



ФЕДОРОВ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ
1942–2015

9 декабря 2015 г. на 74-м году ушёл из жизни выдающийся учёный-литературовед, доктор филологических наук Георгий Иосифович Федоров.

Георгий Иосифович родился 10 февраля 1942 г. в д. Питушкино Шумерлинского района Чувашской АССР. Трудовую биографию начал в 1959 г. с должности старшего пионервожатого восьмилетней школы. Затем он окончил Канашское педагогическое училище (1960–1962), Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева (1962–1971).

Начало научной деятельности Г.И. Федорова связано с Научно-исследовательским институтом при Совете министров Чувашской АССР (ныне ЧГИГН) (1971–1974). Вскоре он перешел на преподавательскую работу, выбрав стезю школьного учителя русского языка и литературы. И только в 1989 г. Г.И. Федоров вернулся к научной деятельности, заняв должность сотрудника отдела литературоведения и фольклористики в родном институте. В 1990 г. состоялась защита его диссертации по теме «Проблемы поэтики чувашской психологической прозы» в Башкирском государственном университете на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а в 1994 г. его назначают заведующим отделом литературоведения и фольклористики ЧГИГН.

Начиная с 1988 г. Г.И. Федоров работал по совместительству в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова на кафедре русской, зарубежной и чувашской литератур. Работу со студентами начал в должности ассистента, затем исполнял обязанности профессора. С 1998 по 2002 г. трудился в данном вузе заведующим кафедрой стилистики и библиотековедения. В 1997 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Своеобразие художественного мира чувашской прозы 1950–1990-х годов». Решением диссертационного совета при Казанском государственном университете в 1997 г. ему присвоена ученая степень доктора филологических наук. В 2002 г. он возглавил кафедру культурологии ЧувГУ, приложив много усилий для открытия этой специальности.

Г.И. Федоров – автор более 250 научных трудов, в том числе 8 монографий, 3 сборников статей, 5 учебных пособий, в которых на высоком теоретическом уровне разрабатываются актуальные проблемы истории и теории чувашской и региональной литературы. Он автор учебников и хрестоматий по чувашской литературе для 11-х классов средней школы. Основной круг его научных интересов – это проблема художественного мира литературы, художественное сознание в прозе, национальное своеобразие искусства слова, теоретическая

история литературы и т.д. Научные изыскания Г.И. Федорова получили высокую оценку и широкое признание в учёных кругах – Чувашской Республики и других регионов России.

Направление научных поисков Г.И. Федорова весьма актуально, оно предполагает изучение национальных форм словесности в широком культурно-историческом контексте, через глубинное проникновение в толщи фольклорного мышления, филолого-эстетическое сознание нации, в недра ее языковой картины мира, в особенности этноистории и обрядоведения народа. В своих исследованиях он большое внимание уделял проблемам философии национальных культур региона и народов России, комплексному анализу художественного мира выдающихся мастеров слова в контексте общественно-культурных явлений. Положения, разработанные учёным, используются в учебном процессе многих региональных вузов при подготовке специалистов по национальной филологии и культуре, в деятельности исследовательских институтов, имеют большой научно-образовательный эффект.

Федоров Г.И. являлся членом советов по защите кандидатских и докторских диссертаций при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, руководителем аспирантов и научным консультантом докторантов по специальности «Литература народов Российской Федерации». Под его руководством успешно защищены 15 кандидатских и одна докторская диссертация. До последних дней он трудился профессором кафедры чувашской филологии и культуры факультета русской и чувашской филологии и журналистики ЧГУ.

Профессионализм, редкая работоспособность, порядочность, скромность, отзывчивость, чувство долга, высокая культура и интеллигентность снискали ему большой авторитет и уважение среди коллег, студенчества, научной и культурной общественности, знакомых и друзей. За многолетнюю плодотворную работу и неоценимый вклад в развитие образования и науки Георгий Иосифович был награжден Почетными грамотами Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и Министерства образования Российской Федерации (2004). Он заслуженный деятель науки Чувашской Республики (2007), лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук (2008).

Георгий Иосифович Федоров навсегда останется в памяти коллег и учеников как прекрасный педагог, талантливый ученый и замечательный человек.

А.Ф. Мышкина.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В Чувашском книжном издательстве вышла книга «На стыке двух эпох» (Чебоксары, 2013. 335 с.) – первая в чувашской мемуаристике документально-аналитическая хроника событий XX – начала XXI в., написанная как воспоминания видного партийно-государственного деятеля, бывшего первого секретаря обкома Компартии и председателя Президиума Верховного Совета Чувашской Республики Александра Петровича Петрова, – и вызвала живой интерес многочисленных читателей.

Как-то, отвечая на вопросы редактора газеты «Хыпар» Алексея Леонтьева для журнала «Кил» (2013. №1–2), мне приходилось высказать свое мнение о чувашских мемориях разного вида. Их у нас немало, но такого плана книги еще не было. Поэтому в добавление к тем размышлениям хотелось бы на страницах вашего научного журнала продолжить разговор о мемуарах А.П. Петрова.

Отредактированное талантливым чувашским писателем Николаем Максимовым, полиграфически красочно оформленное, снабженное портретными и сюжетными фотоснимками, это серьезное издание являет собой новый уровень чувашской эпистолярной литературы. На сегодняшний день книга «На стыке двух эпох» – лучший образец биографического краеведения, пример добросовестного, честного и вдумчивого отношения к судьбе республики и народа, к делам и событиям эпохи, взвешенной оценки жизни, прожитой целым поколением.

Не могу сказать, как будет воспринят подарок, детям и внукам своим посвященный, современной молодой порослью, но книга уже стала наиболее объективным учебным пособием по чувашской политической истории целой эпохи. Для людей старшего возраста, переживших вместе со страной описываемые события, ведших беспрерывную борьбу за честь и славу Родины, воспоминание-хроника Александра Петрова захватывающе интересно. В этом нет сомнения.

На любое событие у каждого участника свои взгляды, возражения или дополнения, и они в сравнении с оценкой знакомого партийного лидера отчётливей вырисовываются в памяти читателя и заставляют размышлять о своей роли, о смысле прожитых лет.

Настойчиво рекомендую сверстникам-ровесникам книгу А.П. Петрова и просил бы всех сколько-нибудь да написать свои воспоминания для внуков и историков. А может быть – и для широкого круга читателей. Не зря в «Слове к читателю» приводятся слова А.И. Герцена: «Всякий имеет право писать воспоминания... Для этого достаточно быть просто человеком... Всякая жизнь интересна».

Жизнь «детей войны», Великой Отечественной войны, не была легкой. Неисчислимые трудности и страдания выпали на их долю, много горя и несправедливости видели они, много сил и старания вложили, чтобы выжить и стать пригодными отечеству. «В первый год войны 1 сентября я пошел в первый класс... В зимнюю стужу классы насквозь пронизывал холод... На ушных раковинах навсегда остались рубцы обмороженных мочек... Никогда не удавалось наесться досыта... Мы, 9–10-летние мальчишки, работали возчиками, вывозили навоз из ферм и дворов колхозников, перевозили снопы с полей на ток... Мы в среднюю школу добирались пешком, ежедневно проделывали путь – туда и обратно – длиною около 20 километров...» Юнкор, гармонист, пионер, комсомолец. Все это до незатухающей пронзительной боли знакомо нам, сельским детям труднейших времен.

Личностного в повествовании «На стыке двух эпох» немного, разве что рассказы о семье (глава «Семья – опора моей жизни»), родословной («Истоки»), учебе («Школа жизни») в большей степени наполнены личными воспоминаниями. Отчасти в главе «Возвращение к мечте» (о девятилетней работе в госархиве республики) чувствуется симфония души от любимого труда. А в других главах – «Испытание на зрелость», «Идеология – сфера конкретная», «От имени народа», «Вновь на партийной работе» – значительное место отводится описаниям съездов и слетов, пленумов, выборов и перевыборов, утверждений в инстанциях, бесчисленных мероприятий, поездок, фестивалей, дней культуры, отчетам о проделанной работе, обсуждениям, всевозможным решениям по бесконечным проблемам комсомольского, партийного, хозяйственного, а также законодательного руководства. Здесь много цифр и фами-

лий, много добрых слов в адрес наставников (Н.В. Никольского, С.М. Ислюкова, Н.А. Вороновского, Т.А. Ахазова, И.П. Прокопьева, А.С. Ерлакова, Н.Е. Егорова, В.Н. Якимова), тружеников-коллег, космонавта А.Г. Николаева, руководителей районов, хозяйств, организаций. Их список, помещенный в конце книги, придает изданию академический характер, что еще больше подчеркивает исследовательскую серьезность труда.

Мир государственной и партийной жизни многодонный. Не думайте, что Александр Петрович раскрыл все тайники высшего эшелона власти. Но и то, что освещено в книге в его восприятии, молодому вдумчивому читателю может служить серьезным наставлением, инструкцией поведения в управленческой среде. Щепетильные ситуации, спорные проблемы, «подковерные» течения, придворный этикет и прочее при всех перипетиях эпохи остаются такими же, как при царе Горохе, как во времена «вождя народов» Сталина, «верных ленинцев Хрущева, Брежнева, Горбачева», и даже при полной демократии. Борьба добра и зла, добропорядочности и коварства, чести и подлости нескончаема до конца мира, поэтому твердая жизненная позиция поборника труда, света и добра А.П. Петрова импонирует читателю.

От сельского почтальона до председателя Президиума Верховного Совета республики – путь для крестьянского сына долгий и извилистый, томительно-подневольный внизу и властно-царственный на вершине. Но он подарен ему судьбой, характером, умом, трудолюбием и целеустремленностью, а не каким-нибудь меценатом или «мохнатой рукой». Об этом пути в книге рассказано шаг за шагом, от ступени к ступени. Как сказано в послесловии редактора, этот рассказ откровенный, искренний, без украшений и охорашиваний. «Автор ведет повествование сдержанно, спокойно, как бы даже отстраняясь от всего того, что, в общем-то, происходило с ним самим... Такая беспристрастность покоряет... когда человек не кичится своими заслугами, не выпячивает свое «я»: поневоле веришь, что написанное им – правда». Созвучны им слова известного в Чувашии архивиста Валентины Питерновой: «Уроки Александра Петровича – это уроки порядочности, выдержанности, терпения, доброты, здравого смысла, скромности». Кто-то может возразить, ссылаясь на то, что партийный лидер таким стал после распада СССР и КПСС, после испытания множества предательств, потрясений и безработных дней, и будет неправ. Мне приходилось сидеть в высоком доме у высоких дверей высокого начальника А.П. Петрова в мои черные дни аспирантских лет, и могу во всеуслышание сказать, что Александр Петрович и на вершине обюрократившейся власти оставался отзывчивым, человечным, внимательным к невзгодам маленьких «винтиков».

Многим еще памятны «разгульные» годы ельцинского правления. В 1991 г. КПСС была запрещена, помещения опечатывались. «Руководители партийных и советских органов превратились в изгоев, над ними всячески измывались». Этот трагический период смены развитого социализма на дикий капитализм в работе первого секретаря обкомпарта освещен сжато, фактически точно, психологически верно и довольно философично. Размышления об этом переломном моменте могли бы вылиться в роман-воспоминание.

Александр Петров с открытой душой говорит, что не был политиканом, никогда не гонялся за наградами и почестями. Это на самом деле так, хотя у высшей власти мало людей без славолюбия и карьеризма, людей искренней чести, порядочности и благородства. Горькими словами завершается глава о партийной работе, сдержанное негодование по поводу лицемерных партийцев снова напоминает нам о вечной борьбе добра и зла, о трагической невозможности отстоять правду и справедливость в перевернутом обществе при дурной власти.

В любой катастрофе, хандре и трудностях для чуваша лучшим лекарством и спасителем является самозабвенный труд. Кандидат исторических наук, с юных лет мечтавший стать историком-архивистом, вчерашнее первое лицо республики становится обычным сотрудником Центрального госархива в Чебоксарах и за предпенсионное десятилетие выдаёт на-гора такие замечательные книги, как «Страницы немеркнущей славы» (1995), «Дороги Чувашии» (1998), «Потребительская кооперация Чувашии» (2000), и вот эту книгу воспоминаний – «На стыке двух эпох». «Мое личное участие в подготовке и издании вышеназванных сборников документов, регулярное выступление в республиканской печати и по Чувашскому радио, а также общение с людьми на различных общественных мероприятиях, посещение театров и концертов позволили мне поддерживать свой жизненный тонус» (с. 315). Это ли не пример жизненной стойкости и верности служения доброму делу, семье, народу, родине!

Мир вечен, а мы лишь гости на земле. И остаются после нас не ордена и грамоты, не должности и премии, которыми кичатся энциклопедии и характеристики. Надолго остается доброе имя, закрепленное в памяти современников, земляков и потомков значительными поступками, честью, трудами, книгами, воспоминаниями.

С наступающим девятым десятком, Александр Петрович!

Виталий Станьял, почетный председатель
Союза чувашских краеведов.
13 октября 2013, Чебоксары,
Тел.: 58-65-66; 8-917-650-30-89

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25 % объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 с.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 с.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Использованная литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических источников» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

Березина Н.С. О миграционных процессах в неолите – энеолите Поволжья второй половины IV тысячелетия до н.э. (на примере токского керамического комплекса стоянки Мукшумская V Чувашского Заволжья)..... 3

История

Голден П.Б. Этимология этнонима *SABIR* 15
Мухамадеев А.Р. Особенности наказаний за уголовные преступления в Волжской Болгарии доисламского периода 27
Клементьев В.Н. Национально-языковая политика в советской Чувашии: становление и характерные тенденции (ноябрь 1917 – 1920 г.) 36

Этнология

Петров И.Г. Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX – начало XX в.) 51

Искусствоведение

Мордвинова А.И. Портрет в творчестве А.И. Миттова 88

Филология

Лебедев Э.Е. Формы прошедшего времени в чувашском и турецком языках... 121
Лебедев Э.Е. Словоизменительные категории глагола в чувашском языке 139
Фомин Э.В. Геннадий Айги в истории зарубежной чувашской книги 159
Кузнецов А.В. Современное состояние диалектов чувашского языка (по материалам социолингвистической экспедиции 2004 г.) 165

Исторический архив

Гусаров Ю.В. Сельскохозяйственные описания Чувашского края, составленные в 1802 году по анкете Вольного экономического общества 173

Новая зарубежная литература

Лебедев Э.Е. Аннотация на статью: Emine Yılmaz. Karşılaştırmalı türk dilbilimi çalışmalarında Çuvaşçanın yeri. II. Biçimbilgisi // Bengü Belak. Ahmet Bican Ercilasun Armağanı / ed. Bülent Gül; Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü. – Ankara. 2013. – S. 483–490 [Йылмаз Эмине. Место чувашского языка в исследованиях по срав-

нительному тюркскому языкознанию. Ч. 2. Морфология // Бенгю Белак. Труды в честь Ахмета Биджана Эрджиласуна / ред. Бюлент Гюль; Институт исследований тюркской культуры. Анкара, 2013. – С. 483–490]..... 199

Рецензии

Клементьев В.Н. Рец. на: Щербаков С.В. Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект / С.В. Щербаков. – Чебоксары: Новое время, 2013. – 176 с. 202
Великий П.П. Рец. на Ильин И.Е. Современное российское село: реформы и повседневность. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – 270 с. 205
Иванов В.П. Рец. на: Охотникова С.В. «Ясачные чуваши»: некоторые итоги и задачи исследования / В.П. Иванов; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2014. – 36 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 16)..... 207
Никитина Г.А. Рец. на: Ильин И.Е. Модернизация российского села на рубеже XX–XXI веков: исторический опыт и уроки реализации / И.Е. Ильин; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 40 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып.17)... 210
Орлов В.В. Рец. на: Ильин И.Е. Модернизация российского села на рубеже XX –XXI веков: исторический опыт и уроки реализации / И.Е. Ильин; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 40 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып.17)... 215
Нуриева И.М. Рец. на: Кондратьев М.Г. «Чувашский след» в фольклоре завятских удмуртов / М.Г. Кондратьев; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 48 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 18)..... 217
Данилов А.В. Рец. на: Викторов Ю.В. Чувашская станковая живопись XX в.: основные этапы и итоги развития / Ю.В. Викторов; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 44 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 19)..... 219
Загидуллин И.К. Рец. на.: Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): сборник материалов и документов / сост., авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исхаков, Г.А. Николаев. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2014. – 316 с. 223
Ермакова Г.А. Рец. на.: История чувашской литературы XX века, 1900–1955 годы: коллективная монография. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 431 с. 227

Наши юбиляры

Трофимов Алексей Александрович (к 80-летию со дня рождения)..... 231
Бушуева Любовь Ивановна (к 50-летию со дня рождения)..... 235
Кугураков Игорь Константинович (к 60-летию со дня рождения)..... 239

Памяти коллег

Иванов-Ехвет Алексей Иванович (1935–2015)..... 242
Федоров Георгий Иосифович (1942–2015)..... 244

Письмо в редакцию 246
Правила для авторов 249

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 10. 2015

Научный журнал

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 28.12.2015. Дата выхода в свет 29.12.2015. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 20,63 а.л. Уч.-изд. л. 20,0 а.л. Тираж 100. Заказ № 24.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39825 от 12 мая 2010 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель – БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/I
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05,
e-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 29.12.2015
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1